МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Известия
Юго-Западного государственного университета
Серия: История и право

Научный журнал

Том 15 № 3 / 2025

Proceedings
of the Southwest State University
Series: History and Law

Scientific Journal

Vol. 15 № 3 / 2025

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право (Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo)

Научный рецензируемый журнал

Основан в 2011 г.

Цель издания – публичное представление научной общественности научных результатов фундаментальных, прикладных, проблемно-ориентированных научных исследованиях в таких отраслях, как теория государства и права, история политических и правовых учений, конституционное и муниципальное право, гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право, уголовное право, криминология, уголовного процесса, криминалистики, земельное право, трудовое право, отечественная история, археология, историография, политические институты, процессы и технологии, политическая регионалистика.

В журнале публикуются оригинальные работы, обзорные статьи, рецензии и обсуждения, соответствующие тематике издания.

Публикация статей в журнале для авторов бесплатна.

Целевая аудитория: научные работники, профессорско-преподавательский состав образовательных учреждений, экспертное сообщество, молодые ученые, аспиранты, заинтересованные представители широкой общественности.

Журнал придерживается политики открытого доступа. Полнотекстовые версии статей доступны на сайте журнала, научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

Журнал включен в перечень ведущих научных журналов и изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора наук, кандидата наук по следующим научным специальностям:

Юридические науки: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4.

Политология: 5.5.2; 5.5.3; 5.5.4.

Исторические науки и археология: 5.6.1; 5.6.3; 5.6.5; 5.6.6.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Богдан Варвара Владимировна, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Коровин Владимир Викторович, д-р ист. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Алихаджиева Инна Саламовна, д-р юрид. наук, доцент, Российская криминологическая ассоциация имени Азалии Ивановны Долговой (г. Москва, Россия)

Ананьева Анна Анатольевна, д-р юрид. наук, доцент, Российский государственный университет правосудия (г. Москва, Россия)

Андреев Юрий Николаевич, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Апанасенок Александр Вячеславович, д-р ист. наук, профессор, Институт научной информации по общественным наукам РАН (г. Москва, Россия)

Баумштейн Антон Борисович, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Беляев Валерий Петрович, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Брежнев Олег Викторович, д-р юрид. наук, профессор, Курская академия государственной и муниципальной службы (г. Курск, Россия)

Гаврилов Станислав Олегович, д-р ист. наук, профессор, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, Россия)

Голубцов Валерий Геннадьевич, д-р юрид. наук, профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь, Россия)

Горюшкина Наталья Евгеньевна, д-р ист. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Гриненко Александр Викторович, д-р юрид. наук, профессор**,** Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Гуторова Алла Николаевна, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Дилбандян Самвел Агванович, д-р юрид. наук, профессор, Ереванский государственный университет (г. Ереван, Республика Армения)

Красильникова Екатерина Ивановна, д-р ист. наук, доцент, Новосибирский государственный технический университет (г. Новосибирск, Россия)

Коростелев Станислав Валентинович, д-р полит. наук, доцент, Объединенная комиссия при Межпарламентской Ассамблее государств-участников Содружества Независимых Государств по гармонизации законодательства в сфере безопасности и противодействия новым вызовам и угрозам (г. Санкт-Петербург, Россия)

Коротеева Наталья Николаевна, д-р ист. наук, профессор, зам. Председателя Правления Курского регионального отделения «Российского общества историков-архивистов» (г. Курск, Россия)

Лагутин Игорь Борисович, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Малышева Елена Михайловна, д-р ист. наук, профессор, Адыгейский государственный университет (г. Майкоп, Россия)

Никуленко Андрей Вячеславович, д-р юрид. наук, доцент, Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Санкт-Петербург, Россия)

Новичков Валерий Евгеньевич, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Русскевич Евгений Александрович, д-р юрид. наук, Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя (г. Москва, Россия)

Рябинина Татьяна Кимовна, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Самович Юлия Владимировна, д-р юрид. наук, профессор, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Казань, Россия)

Сафронова Елена Викторовна, д-р юрид. наук, профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (г. Белгород, Россия)

Слатинов Владимир Борисович, д-р полит. наук, профессор, Курский государственный университет (г. Курск, Россия)

Соловых Светлана Жорисовна, д-р юрид. наук, доцент, Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, Россия)

Татьянина Лариса Геннадьевна, д-р юрид. наук, профессор, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия)

Урда Маргарита Николаевна, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Хисамутдинова Равиля Рахимяновна, д-р ист. наук, профессор, Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Россия)

Цыбаков Дмитрий Леонидович, д-р полит. наук, доцент, Академия гражданской защиты МЧС России (г. Москва, Россия)

Шевченко Алевтина Владимировна, д-р полит. наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Шевелева Светлана Викторовна, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Учредитель и издатель:
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»
Адрес учредителя, издателя и редакции:
305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94
Телефон: (4712) 22-25-26,
Факс: (4712) 50-48-00.
E-mail: rio_kursk@mail.ru

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(ПИ №ФС77-80259 от 09.02.2021).

ISSN 2223-1501 (Print)
DOI Prefix: 10.21869

Сайт журнала: https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/

© Юго-Западный государственный университет, 2025

Материалы журнала доступны под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

Типография:
Полиграфический центр Юго-Западного государственного университета, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

16+

Подписка и распространение:
журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс журнала 44296 в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность: один раз в два месяца

Свободная цена.

Оригинал-макет подготовлен Е. Г. Анохиной

Подписано в печать 16.06.2025.
Дата выхода в свет 30.06.2025. Формат 60x84/8.
Бумага офсетная. Усл.печ.л. 34,4.
Тираж 1000 экз. Заказ 21.

Proceedings of the Southwest State University
Series: History and Law

Peer-reviewed scientific journal

Published since 2011

The purpose of the publication – public presentation of scientific results of fundamental, applied, problem-oriented research in such areas as theory of state and law, the history of political and legal doctrines, constitutional and municipal law, civil law, business law, family law, private international law, criminal law, criminal science, criminal procedure, criminology, land law, labor law, domestic history, archeology, historiography, political institutions, processes and technology, political regionalism.

The journal publishes scientific articles, critical reviews, reports and discussions in the above mentioned areas.

All papers are published free of charge.

Target readers are scientists, university professors and teachers, experts, young scholars, graduate and post-graduate students, stakeholders and interested public.

The Editorial Board of the journal pursues open access policy. Complete articles are available at the journal web-site and at eLIBRARY.RU .

The journal is included into the Register of the Top Scientific Journals of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation as a journal recommended for the publication of the findings made by the scientists working on a doctorial or candidate thesis in the following areas:

Juridical Studies: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4.

Political Studies: 5.5.2; 5.5.3; 5.5.4.

Historical Studies and Archaeology: 5.6.1; 5.6.3; 5.6.5; 5.6.6.

EDITOR-IN-CHIEF

Varvara V. Bogdan, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

DEPUTY EDITOR

Vladimir V. Korovin, Doctor of Historical Sciences, Professor Southwest State University (Kursk, Russia)

EDITORIAL BOARD

Inna S. Alihadzhieva, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Russian Criminological Association named after Azalia Ivanovna Dolgova (Moscow, Russia)

Anna A. Ananieva, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Russian State University of Justice (Moscow, Russia)

Yuri N. Andreev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Aleksandr V. Apanasyonok, Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS (Moscow, Russia)

Anton B. Baumstein, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Valeriy P. Belyaev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Oleg V. Breznev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Kursk Academy of State and Municipal Service (Kursk, Russia)

Stanislav O. Gavrilov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kemerovo State University (Kursk, Russia)

Valerij G. Golubcov, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Perm State National Research University (Perm, Russia)

Natalia E. Gorushkina, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Aleksandr V. Grinenko, Doctor of Juridical Sciences, Professor, MGIMO University (Moscow, Russia)

Alla N. Gutorova, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Samvel A. Dilbandyan, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Yerevan State University (Yerevan, Republic of Armenia)

Ekaterina I. Krasilnikova, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia)

Stanislav V. Korostelev, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Joint Commission under the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States on the Harmonization of Legislation in the field of security and countering New Challenges and Threats (St. Petersburg, Russia)

Natalia N. Koroteeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Board of the Kursk regional branch of the Russian society of historians and archivists (Kursk, Russia)

Igor B. Lagutin, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Elena M. Malysheva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Adygea State University (Maykop, Russia)

Andrej V. Nikulenko, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Saint Petersburg, Russia)

Valeriy E. Novichkov, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Evgenij A. Russkevich, Doctor of Juridical Sciences, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russia (Moscow, Russia)

Tatiyana K. Ryabinina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Yuliya V. Samovich, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Kazan Branch of the Russian State University of Justice (Kazan, Russia)

Elena V. Safronova, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Vladimir B. Slatinov, Doctor of Political Sciences, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)

Svetlana Z. Solovyh, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia)

Larisa G. Tatynina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Udmurt State University (Izhevsk, Russia)

Ravilya R. Hisamutdinova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russia)

Margarita N. Urda, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Dmitrij L. Cybakov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia (Moscow, Russia)

Alevtina V. Shevchenko, Doctor of Political Sciences, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia)

Svetlana V. Shevelyova, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Founder and Publisher :
"Southwest State University"
Official address of the Founder, Publisher and Editorial Office:
305040, Russia, Kursk, ul. 50 Let Oktyabrya, 94

Phone: (+74712) 22-25-26,
Fax: (+74712) 50-48-00.
E-mail: rio_kursk@mail.ru

The Journal is officially registered by:
The Federal Supervising Authority in the Field of Communication, Information Technology and Mass media (PI №FS77-80259 of 09.02.2021).

ISSN 2223-1501 (Print)
DOI Prefix: 10.21869

Web-site: https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/

© Southwest State University, 2025

(cc) BY 4.0 Publications are available in accordance with the Creative Commons Attribution 4.0 License

Printing office:
Printing Center
of the Southwest State University,
305040, Russia, Kursk,
ul. 50 Let Oktyabrya, 94

16+

Subscription and distribution:
the journal is distributed by subscription.
Subscription index 44296 in the General Catalogue "Pressa Rossii"

Frequency: once in two months

Free-of-control price.

Original lay-out design: E. G. Anohina

Sent to the printer 16.06.2025.
Release 30.06.2025. Format 60x84/8.
Offset paper. Printer's sheets: 34,4.
Circulation 1000 copies. Order 21.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ 10

Оригинальные статьи

Правовые основы координации в сфере обеспечения национальных интересов 10

Беляев В.П., Бидова Б.Б.

Правовое регулирование института межевания в России по законодательным актам XVI–XVII веков (историко-правовой анализ)..... 20

Зазолина Е.В.

Понятие и существенные признаки нормативных правовых актов: проблемы теории и правоприменения..... 38

Любчик А.А., Минкова О.Г.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ **58**

Оригинальные статьи

Ценности и интересы как фундаментальные категории в сфере национальной безопасности. Часть 2. Национальные интересы..... 58

Позднякова Е.В.

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ **70**

Оригинальные статьи

Преднамеренное банкротство в арбитражном и уголовном процессе: гармонизация подходов к квалификации..... 70

Ткачев В.Н., Гевлич Е.

Конфликт интересов в публичных закупках: выявление и урегулирование 82

Костина К.А.

От традиционных форм денег к цифровым: особенности цифрового рубля как законного средства платежа..... 92

Мякотина Ю.В.

Социально-правовая обусловленность возникновения доверительного управления имуществом, основанном на законе..... 103

Нагалина М.В.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ **113**

Оригинальные статьи

К вопросу об определении содержания «посягательства» применительно к статье 295 Уголовного кодекса Российской Федерации..... 113

Кашежева Б.А.

Опыт аксиологической интерпретации объектов уголовно-правовой охраны 124

Чирков Ф.В.

Общеправовые последствия судимости в решениях Конституционного Суда России 135

Павлов А.С.

Насилие в сфере семейно-бытовых отношений: криминологическое исследование по результатам интернет-опроса пользователей..... 153

Серова Д.В.

ПОЛИТОЛОГИЯ 165

Оригинальные статьи

Концепт Союзного государства России и Белоруссии как альтернатива современным неоимперским проектам…… .....……..165

Ливцов В.А., *Музалевский А.Л.*

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ 177

Оригинальные статьи

Отход и его роль в изменении характера потребления алкоголя крестьянством в пореформенной России (1860–1890-е годы)…… .....……177

Горюшкина Н.Е.

Привилегированные стратегические партнеры: история формирования культурных и дипломатических отношений России и Индии в XVII-XIX веках……..... ….189

Черёмушникова И.К.

Из опыта работы комсомольских паровозов на Курском железнодорожном узле в 1930-1950-е годы.....200

Душкин С.А., Манжосов А.Н.

Вклад приходского духовенства Воронежской епархии в борьбу с голодом 1891–1892 годов.....211

Иконников С.А.

Формирование академического сообщества исследователей статистики в первой половине XIX века.....223

Скрыдлов А.Ю.

Деятельность Ставки Верховного главнокомандующего по взаимодействию войск вооруженных сил Российской империи при подготовке Варшавско-Ивангородской операции 237

Пантелеев П.В.

К вопросу об уровне жизни мещан города Курска в первой половине XIX века 248

Рянский Р.Л., Рянский Л.М., Рянская М.Л.

Оборонительное сражение на юго-западных подступах к Курской области в конце сентября 1941 года: малоизвестные страницы обороны города Сумы…… .....……..257

Никифоров С.А.

Аграрный вопрос как фактор политической борьбы в России в период Гражданской войны: дилемма белого движения…….....……270

Колупаев А.А.

Реформирование органов полиции Таврической губернии в русле общероссийских тенденций (1830–1870-е годы)…….....……..284

Шерстнёв Р.А.

К сведению авторов..... 296

CONTENT

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES……. .. ….10

Original articles

The legal basis for coordination in the field of national interests…….. ……10

Valery P. Belyaev, Bela B. Bidova

Legal regulation of the institute of land surveying in Russia according to legislative acts of the XVI-XVII centuries (historical and legal analysis)…….....…….20

Elena V. Zazolina

The concept and essential features of normative legal acts: Problems of theory and law enforcement……..…..38

Alexander A. Lyubchik, Olga G. Minkova

PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES…….…. ……..58

Original articles

Values and interests as fundamental categories in the sphere of national security. Part 2. National interests…..58

Elena V. Pozdnyakova

PRIVATE (CIVIL) JURISPRUDENCE……. ..... ….70

Original articles

Intentional bankruptcy in arbitration and criminal proceedings: Harmonization of approaches to qualification…..70

Valentin N. Tkachev, Ekaterina Hevlich

Conflict of interest in public procurement: Identification and resolution ….. .82

Kristina A. Kostina

From traditional currency to digital forms: Peculiarities of the digital ruble as a legal tender……..... .92

Iuliia V. Miakotina

Social and legal conditionality of the emergence of trust management of property based on the law……...…...103

Marina V. Nagalina

CRIMINAL LEGAL SCIENCES…….……..113

Original articles

On the issue of defining the content of “encroachment” within the meaning of article 295 of the Criminal code of the Russian federation…….....…..113

Bella A. Kashezheva

Experience of axiological interpretation of objects of criminal-legal protection…….... .124

Philip V. Chirkov

General legal consequences of a criminal record in decisions of the Constitutional Court of Russia…..…...135

Alexander S. Pavlov

Violence in the sphere of family and domestic relations: A criminological study based on the results of an online user survey……..…..153

Diana V. Serova

POLITICAL SCIENCE…….. .165

Original articles

The concept of the Union State of Russia and Belarus as an alternative to modern neo-Imperial projects… ..…165

Victor A. Livtsov, Alexander L. Muzalevsky

HISTORICAL SCIENCES……. ……..177

Original articles

Waste and its role in changing the nature of alcohol consumption by the peasantry in post-reform Russia (1860–1890s)…….. …….177

Natalia E. Goryushkina

Privileged strategic partners: The history of the establishment of cultural and diplomatic relations between Russia and India in XVII-XIX century……..... ….189

Irina K. Cheremushnikova

From the experience of komsomol steam locomotives at the Kursk railway junction in the 1930-1950s…..... …200

Sergey A. Dushkin, Alexander N. Manzhosov

Parish clergy of Voronezh diocese in the fight against famine of 1891–1892…….. …211

Sergey A. Ikonnikov

Formation of the academic community of statistics researchers in the first half of the 19th century…….....223

Andrei Yu. Skrydlov

Activities of the Supreme Commander-in-Chief's Headquarters for the interaction of the armed forces of the Russian empire in preparation for the Warsaw-Ivangorod operation…….. .....…….237

Pyotr V. Panteleev

On the question of the standard of living of the bourgeoisie of Kursk in the first half of the 19th century…..... ….248

Roman L. Ryansky, Leonid M. Ryansky, Maria L. Ryanskaya

The defensive battle on the southwestern approaches to the Kursk region at the end of september 1941: Little-known pages of the defense of Sumy……257

Sergey A. Nikiforov

The agrarian question as a factor of political struggle in Russia during the civil war: The dilemma of the white movement…….. .....…….270

Andrei A. Kolupaev

Reforming the Tauride provincial police in line with all-russian trends (1830-1870)……..... …….284

Ruslan A. Sherstnev

For avtors…… ……..296

Оригинальная статья / Original article

УДК 340.1

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-10-19

CC BY 4.0

Правовые основы координации в сфере обеспечения национальных интересов

В.П. Беляев[1], Б.Б. Бидова[2]✉

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

[2] Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова
ул. Чернышевского, д. 173, г. Нальчик 360004, Российская Федерация

✉e-mail: belvp46@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Современные вызовы в сфере национальной безопасности требуют усиления координационной деятельности между органами государственной власти и иными субъектами права. В условиях усложняющейся политико-правовой среды координация приобретает статус системообразующего механизма в обеспечении национальных интересов. Необходимость научного осмысления правовых основ координации обусловлена как практической значимостью, так и недостаточной проработанностью концептуального и нормативного аспекта этого явления.*

Цель – *определение сущности координационной деятельности в правовом измерении и обоснование её ключевой роли в системе правового обеспечения национальных интересов.*

Задачи: *раскрыть содержание понятий «координация» и «взаимодействие»; определить специфику правового обеспечения координации; выявить и проанализировать нормативные акты, в которых выражена координационная функция в контексте национальной безопасности.*

Методология. *Методологическую базу исследования составили как общенаучные методы (анализ, синтез, дедукция, индукция), так и специальные юридические методы: формально-юридический метод (анализ норм права), сравнительно-правовой (сопоставление норм, регулирующих координационную деятельность), системный подход (выявление взаимосвязей между правовыми механизмами в сфере обеспечения национальных интересов), а также интерпретационный метод (толкование нормативных положений).*

Результаты. *Показана взаимосвязь координационной деятельности и национальных интересов через призму нормативно-правового регулирования. Установлено, что координация в сфере обеспечения национальных интересов опосредована системой правовых средств, закреплённых в Конституции Российской Федерации, указах Президента и отраслевом законодательстве.*

Вывод. *Координационная деятельность представляет собой форму согласованного правового взаимодействия субъектов государственной власти, требующую дальнейшего нормативного оформления и институционального укрепления для повышения эффективности правового обеспечения национальных интересов.*

Ключевые слова: *координация; национальные интересы; национальная безопасность; взаимодействие; эффективность.*

Конфликт интересов*: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Беляев В.П., Бидова Б.Б. Правовые основы координации в сфере обеспечения национальных интересов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 3. С. 10–19. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-10-19.

Поступила в редакцию 03.04.2025 Принята к публикации 24.04.2025 Опубликована 16.06.2025

© Беляев В.П., Бидова Б.Б., 2025

The legal basis for coordination in the field of national interests

Valery P. Belyaev[1], Bela B. Bidova[2] ✉

[1]Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

[2]Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov
173 Chernyshevsky Str., Nalchik 360004, Russian Federation

✉e-mail: belvp46@mail.ru

Abstract

***Relevance**. Modern challenges in the field of national security require increased coordination between government authorities and other legal entities. In an increasingly complex political and legal environment, coordination acquires the status of a system-forming mechanism in ensuring national interests. The need for a scientific understanding of the legal foundations of coordination is due to both the practical significance and the lack of elaboration of the conceptual and normative aspects of this phenomenon.*

***The purpose**. Definition of the essence of coordination activity in the legal dimension and justification of its key role in the system of legal support of national interests.*

***Objectives**. To reveal the content of the concepts of "coordination" and "interaction"; to determine the specifics of the legal provision of coordination; to identify and analyze regulations that express the coordination function in the context of national security.*

*The **methodological basis** of the research consisted of both general scientific methods (analysis, synthesis, deduction, induction) and special legal methods: the formal legal method (analysis of legal norms), comparative legal (comparison of norms governing coordination activities), a systematic approach (identification of interrelations between legal mechanisms in the field of national interests), as well as the interpretative method (interpretation of regulations).*

***Results**. The interrelation of coordination activities and national interests is shown through the prism of regulatory regulation. It has been established that coordination in the field of ensuring national interests is mediated by a system of legal means enshrined in the Constitution of the Russian Federation, presidential decrees and sectoral legislation.*

***Conclusion**. Coordination activity is a form of coordinated legal interaction between subjects of state power, requiring further regulatory formalization and institutional strengthening for effective legal support of national interests. Key words: legal activity, legal (jurisdictional) process; legal (procedural) principle, legal justice; gaps in legislation; normative consolidation.*

***Keywords**: coordination, national interests, national security, interaction, efficiency.*

***Conflict of interest:** The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Belyaev V.P., Bidova B.B. The legal basis for coordination in the field of national interests. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(3):10–19. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-10-19.

Received 03.04.2025 Accepted 24.04.2025 Published 16.06.2025

***

Введение

Правовое обеспечение национальных интересов является одной из ключевых задач современного государства, предполагающей согласованную и целенаправленную деятельность всех звеньев публичной власти. В условиях усложнения международной обстановки, возрастания внутренних вызовов и угроз стабильности особую значимость приобретает координационная деятельность как правовая категория и инструмент управления процессами в сфере безопасности, экономики, политики и социальной сферы.

Координацию в правовом контексте следует рассматривать не только как техническую функцию согласования усилий,

но и как самостоятельный вид юридической деятельности, требующий нормативной регламентации, институционального обеспечения и межведомственного взаимодействия. Особенно остро необходимость эффективной координации проявляется в процессе реализации национальных интересов, включающих интересы личности, общества и государства, которые охватывают широкий спектр приоритетов государства: от суверенитета и территориальной целостности до устойчивого развития и социальной стабильности.

Актуальность рассматриваемой темы определяется потребностью в комплексной научной оценке действующего законодательства, регулирующего координационную деятельность в данной сфере, а также в выявлении правовых и организационных резервов для её совершенствования.

В научной литературе юридическая координация зачастую отождествляется с взаимодействием, однако такие подходы требуют уточнения, особенно при анализе ее роли в механизме правового обеспечения национальных интересов.

Методология

Методологическую базу исследования составили как общенаучные методы (анализ, синтез, дедукция, индукция), так и специальные юридические методы: формально-юридический метод (анализ норм права), сравнительно-правовой (сопоставление норм, регулирующих координационную деятельность), системный подход (выявление взаимосвязей между правовыми механизмами в сфере обеспечения национальных интересов), а также интерпретационный метод (толкование нормативных положений). Использование указанных методов позволило комплексно подойти к изучаемой проблематике, выявить сущностные характеристики правовой координации и обосновать её значение в рамках правового обеспечения реализации национальных интересов.

Результаты и их обсуждение

По свидетельству отдельных авторов, координационная деятельность (далее по тексту будет употребляться и «координация». – *Авт.*) направлена на согласование (взаимодействие) в экономической, политической, социальной и научной жизни общества [1]; координация играет связующую роль с другими видами юридической деятельности [2], обеспечивая должное соотношение между ними [3, с. 31]. Именно феномен координации позволяет решать сложные проблемы, снимать существенные противоречия в деятельности людей [4, с. 8].

Примечательно, что о значимости координации, консолидации, взаимодействия сказал В.В. Путин в ежегодном послании Федеральному Собранию Российской Федерации 29 февраля 2024 г.[1]

Если обратиться к словарному толкованию термина «координация», то координация есть согласованность, координировать значит «согласовать (согласовывать), привести (приводить) в соответствие какие-либо действия, явления» и т.п.[2] Одновременно целесообразно обратиться и к толкованию понятия взаимодействие – это «согласованность действий», а взаимодействовать – значит «действовать согласованно»[3].

Мы не случайно обратились к словарям, поскольку ряд авторов проводят грань, различают понятия согласования и взаимодействия. К примеру, И.В. Погодина считает координацию отличной от

[1] Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России: сайт. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73585 (дата обращения: 25.01.2025).

[2] Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1: А-Й. Изд. 3-е, стер. М.: Русский язык, 1985. С. 162.

[3] Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2: К-О. Изд. 3-е, стер. М.: Русский язык, 1986. Т. 2. 1986. С. 99.

взаимодействия [5, с. 34]. С сожалением отмечая, что на практике координация и взаимодействие необоснованно смешиваются, А.А. Максуров пишет, что координацию следует отличать от взаимодействия [6].

В этом вопросе наша научная позиция заключается в следующем: если говорить чисто о координации, то возможно ограничиться только согласованием, но если речь идет о координации деятельности (одном из видов юридической деятельности в целом. – *Авт.*), то в ее понятие необходимо включать деятельность, что позволяет определить координационную деятельность как согласованное взаимодействие, ибо последнее в своей первооснове предполагает предварительное согласование последующих действий и операций (деятельности). Как точно заметил А.Ф. Малый, взаимодействие – это взаимная деятельность, и в правовом смысле – правоотношение, закрепленное в нормативном источнике, где указаны права и обязанности взаимодействующих сторон [7, с. 64]. Координационную юридическую деятельность как согласованное взаимодействие субъектов права определяет и С.И. Мизиева [8].

На наш взгляд, юридическая координация выполняет интегративную функцию в системе юридической деятельности, обеспечивая необходимое соотношение как внутри отдельных её типов, так и между ними. Ее уникальная природа обусловлена целеполагающим характером, направленным на достижение согласованного, синхронизированного взаимодействия между участниками различных координационных структур – совещаний, советов, комиссий и иных коллегиальных органов. Основное предназначение юридической координации заключается в комплексном повышении качества деятельности всех вовлечённых субъектов, причем ее результаты могут быть востребованы и теми органами или должностными лицами, которые формально не принимали участия в координационном процессе.

Из этого проистекает и особенность объекта юридической координации – координационные правоотношения, возникающие в рамках прочих видов юридической деятельности. В этом аспекте координация как бы поднимается над остальными ее формами, стимулируя их развитие, содействуя повышению эффективности и системности их реализации.

Участники (субъекты) юридической координации также специфичны, поскольку они самостоятельны и независимы, представляют тот или иной вид юридической деятельности, и только в ходе координации один из них либо кто-то другой в силу закона (иного нормативного правового акта) выступает как лидирующий субъект.

В качестве примера сошлемся на Указ Президента РФ от 18 апреля 1996 г. № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью», которым утверждено Положение о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью[1], где в ст. 1 говорится о том, что координация правоохранительных органов осуществляется в целях повышения эффективности борьбы с преступностью путем разработки и реализации этими органами *согласованных* (курсив наш. – *Авт.*) мер по своевременному выявлению, раскрытию, пресечению и предупреждению преступлений, устранению причин и условий, способствующих их совершению. В ст. 2 данного Положения указанную деятельность координи-

[1] О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью : Указ Президента РФ от 18 апр. 1996 г. № 567: (вместе с «Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью») : ред. от 14.06.2024 // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112962/ (дата обращения: 25.01.2025).

рует Генеральный и другого уровня прокуроры, которых можно считать лидирующими субъектами в данной координационной деятельности. Следует подчеркнуть, что в анализируемом Положении закреплены ключевые принципы координационной деятельности, выступающие её нормативной основой. К числу таковых относятся: законность, равноправие и автономия участников, гласность и др. Помимо этого, документ содержит положения, определяющие направления координационной работы, её основные формы, а также компетенцию субъектов, принимающих участие в данной деятельности. В обобщённом виде можно констатировать, что Положение, обладая статусом нормативного правового акта, фиксирует фундаментальные параметры, позволяющие охарактеризовать координационный процесс как особую разновидность юридической деятельности.

Итак, определившись с понятием координационной деятельности, перейдем к рассмотрению отдельных аспектов сущностно-содержательного характера о национальных интересах. Прежде всего, следует сказать о том, что указанные интересы входят в содержание понятия национальной безопасности наряду с угрозами таковой. К примеру, в коллективной монографии о национальной безопасности ее авторы справедливо утверждают, что содержание категории «национальная безопасность» составляют понятия национальных интересов и угроз национальной безопасности [9, с. 88].

В свою очередь, разделяя такую точку зрения о содержании национальной безопасности, в другой монографии сказано, что содержание национальных интересов – это совокупность интересов личности, общества и государства в их причинной обусловленности, взаимосвязи и т.д. [10, с. 88]

В контексте настоящей статьи и в продолжение ее темы остановимся несколько подробнее на вопросе правового обеспечения национальных интересов (о правовой основе координационной деятельности в этом направлении скажем несколько позднее. – *Авт.*).

Так, известные ученые Т.Я. Хабриева и Ю.А. Тихомиров подчеркивают роль права в выражении национальных интересов и одновременно «международный императив правового обеспечения национальных интересов» [11, с. 16].

В ряде научных трудов, посвящённых национальным интересам, под правовым обеспечением национальных интересов понимается правовое опосредование процессов их осознания, формулирования, согласования и реализации, включая защиту и охрану [10, с. 118]. По мнению отдельных исследователей, в Российской Федерации в целом уже сформирована нормативно-правовая база, направленная на обеспечение национальных интересов, однако она нуждается в дальнейшей доработке и совершенствовании [10, с. 180]. В этой связи остаётся актуальной точка зрения М.Ю. Зеленкова, согласно которой действующее правовое регулирование в сфере национальной безопасности (в рамках которой рассматриваются и национальные интересы. – *Авт.*) не в полной мере отражает реальное содержание процессов, происходящих в данной системе [12, с. 55].

А вот как выглядит ситуация с правовой основой (фактически – с правовым обеспечением) координационной деятельности в сфере правового обеспечения национальных интересов, обратимся к этой проблематике непосредственно. Думается, что целесообразно и продуктивно в указанном направлении представить аналитический обзор тех законов, нормативно-правовых и других актов (официальных юридических документов), в которых прописаны те или иные положения, касающиеся темы настоящей статьи. При этом из всего массива указанных источников сосредоточим свое внимание, с нашей точки зрения, на основных, наиболее существенных.

Продолжая анализ в выбранной плоскости, первоочередное внимание следует уделить Конституции Российской Федерации, после чего перейти к рассмотрению иных нормативных правовых источников, включая указы и распоряжения Президента РФ, акты Правительства, а также документы федерального и регионального уровней. Так, согласно ч. 2 ст. 80 Конституции РФ, Президент Российской Федерации обеспечивает согласованную деятельность и взаимодействие органов публичной власти, что фактически указывает на его координирующую функцию. Учитывая, что элементами механизма реализации национальных интересов выступают государственные органы, наделённые соответствующими полномочиями, становится очевидной связь между Конституцией как основополагающим актом и системой правового обеспечения национальных интересов. Аналогично, иные законы и подзаконные акты также выполняют координационную роль в данной сфере. В качестве примера можно сослаться на Федеральный закон «О безопасности»[1], ст. 6 которого закрепляет положение о «координации деятельности по обеспечению безопасности», либо на Федеральный конституционный закон «О чрезвычайном положении»[2], содержащий норму о «координации сил и средств, обеспечивающих режим чрезвычайного положения» (ст. 19).

Наряду со сказанным, вопросам координации относительно правового обеспечения национальных интересов уделено внимание в Указе Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности»[3], где неоднократно идет речь о «согласованных действиях», «взаимодействии» в целях обеспечения национальной безопасности. В другом Указе Президента РФ, которым утверждено Положение о Совете Безопасности Российской Федерации, прямо указано, что данный Совет «реализует полномочия по вопросам обеспечения национальных интересов и безопасности личности, общества и государства»[4]. Данный Совет А.А. Максуров называет важной координационной структурой и предлагает принять Федеральный закон «О Совете Безопасности Российской Федерации» [13, с. 74]. Тесным образом смыкается с вышеназванным документом и Указ Президента РФ, утвердивший Положение о Национальном антитеррористическом комитете. В нем неоднократно содержатся положения о координации деятельности по противодействию терроризму, по ее согласованию и взаимодействию вплоть до компетенции органов иностранных государств[5].

[1] О безопасности: Федер. закон от 28 дек. 2010 г. № 390-ФЗ : ред. от 10.07.2023 // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (дата обращения: 25.01.2025).

[2] О чрезвычайном положении»: Федер. конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ: ред. от 02.11.2023 // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31866/ (дата обращения: 25.01.2025).

[3] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 27, ч. II, ст. 5351.

[4] О некоторых вопросах Совета Безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 7 марта 2020 г. № 175: (вместе с «Положением о Совете Безопасности Российской Федерации», «Положением об аппарате Совета Безопасности Российской Федерации»): ред. от 27.12.2024 // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347217/ (дата обращения: 25.01.2025).

[5] О мерах по противодействию терроризму: Указ Президента РФ от 15 февр. 2006 г. № 116: (вместе с «Положением о Национальном антитеррористическом комитете»): ред. от 25.11.2019 // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/docu-ment/cons_doc_LAW_118476/ (дата обращения: 25.01.2025).

Поскольку мы коснулись внешнеполитической координации, уместно назвать и Указ Президента РФ «Об усилении координации внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации»[1], название которого не требует дополнительного комментария[2], как и Указ Президента РФ «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью», утвердивший соответствующее Положение[3], а также Указ Президента РФ «О мерах по совершенствованию организации деятельности в области противодействия коррупции», в соответствии с которым образованы комиссии по координации работы по противодействию коррупции в субъектах Российской Федерации, вместе с Типовым положением соответствующего толка[4].

Безусловно, ряд постановлений Правительства Российской Федерации в той или иной степени затрагивают вопросы координации, направленной на реализацию национальных интересов. В качестве примера можно привести постановление Правительства РФ о координации и совещательных органах, создаваемых Правительством Российской Федерации, а также Постановление о координации деятельности органов исполнительной власти в области обеспечения безопасности дорожного движения. Особого внимания заслуживает постановление Правительства РФ «О Координационном центре Правительства Российской Федерации», которым утверждено соответствующее Положение. Указанный центр создан в целях обеспечения оперативного взаимодействия и согласованных действий федеральных и региональных органов исполнительной власти[5].

Вышеупомянутые субъекты Российской Федерации тоже принимают документы официального характера по вопросам координационной деятельности, имеющие непосредственное отношение к обеспечению национальных интересов. К примеру, Указом Президента Кабардино-Балкарской Республики утверждено Положение о Совете по экономической и общественной безопасности КБР, в котором отмечается необходимость соответствующего взаимодействия и координации через осуществление функций ука-

[1] Об усилении координации внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации: Указ Президента РФ от 25 авг. 2023 № 642 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 35, ст. 6637.

[2] Заметим, что по этому вопросу был принят Федеральный закон от 4 января 1999 г. № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» (посл. ред.). См.: КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_118476/ (дата обращения: 25.01.2025).

[3] О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью: Указ Президента РФ от 18 апр. 1996 г. № 567: (вместе с «Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью») : ред. от 14.06.2024 // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112962/ (дата обращения: 25.01.2025).

[4] О мерах по совершенствованию организации деятельности в области противодействия коррупции: Указ Президента РФ от 15 дек. 2015 г. № 364: (вместе с «Типовым положением о комиссии по координации работы по противодействию коррупции в субъекте Российской Федерации», «Типовым положением о подразделении федерального государственного органа по профилактике коррупционных и иных правонарушений», «Типовым положением об органе субъекта Российской Федерации по профилактике коррупционных и иных правонарушений»): ред. от 26.06.2023 // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182823/ (дата обращения: 25.01.2025).

[5] О Координационном центре Правительства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 12 февр. 2021 г. № 171: (вместе с «Положением о Координационном центре Правительства Российской Федерации») // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 9, ст. 1485.

занного Совета[1]. О взаимодействии идет речь и в Положении о комиссии по оказанию содействия в адаптации к мирной жизни лицам, решившим прекратить террористическую и экстремистскую деятельность. В свою очередь, постановлением Правительства КБР принято Положение о Межведомственной комиссии по профилактике правонарушений, где основной задачей определена соответствующая координация и ее формы[2].

Вышесказанное свидетельствует о том, что к настоящему времени в нашей стране создана основательная нормативно-правовая база для осуществления эффективной координации в целях успешной реализации национальных интересов [14].

Вместе с тем полагаем, что решению многоцелевых задач, стоящих перед нашим государством в настоящее время (возьмем, к примеру, национальные интересы), во многом будет способствовать совершенствование законодательства конкретно о координационной деятельности, по существу являющейся юридической. В этом направлении следовало бы провести соответствующий мониторинг, по результатам которого принять специальный закон федерального уровня, а также создать на базе существующих центров, комиссий специализированный федеральный координационно-контрольный орган, о чем пишут отдельные авторы. Так, в результате основательного изучения проблематики коррупции А.А. Максуровым предлагается проект федерального закона о координации [15, с. 246-257]. В свою очередь, предлагается создать централизованный федерального уровня орган контроля, осуществляющий в том числе и координационную деятельность [3, с. 230-243].

Вывод

Координационная деятельность в сфере обеспечения национальных интересов является самостоятельным видом юридической деятельности, предполагающей согласованное взаимодействие субъектов государственной власти, направленное на достижение приоритетных целей национальной безопасности. Понятийное разграничение координации и взаимодействия имеет важное методологическое значение: координация охватывает более широкий спектр организационно-правовых механизмов, включая как согласование, так и управление процессами в межведомственном и многоуровневом формате.

Национальные интересы следует рассматривать как базовый элемент содержания национальной безопасности, правовое обеспечение которых возможно только при условии наличия законодательно установленной и чётко регламентированной системы координации между всеми уровнями публичной власти.

Эффективное правовое обеспечение национальных интересов возможно при условии усиления координационной деятельности, для чего необходимо разработать и принять специализированный федеральный закон о координации, а также создать централизованный координационно-контрольный орган на федеральном уровне. Совершенствование законодательства в указанной сфере должно осуществляться на основе мониторинга правоприменительной практики, с учётом комплексного и междисциплинарного подхода, а также в соответствии с вызовами и угрозами, стоящими перед Российской Федерацией.

[1] О Совете по экономической и общественной безопасности Кабардино-Балкарской Республики: Указ Президента КБР от 17 нояб. 2006 г. № 144-УП: (вместе с «Положением о Совете по экономической и общественной безопасности Кабардино-Балкарской Республики») // Кабардино-Балкарская правда. 2006. 18 нояб.

[2] О Межведомственной комиссии по профилактике правонарушений в Кабардино-Балкарской Республике при Правительстве Кабардино-Балкарской Республики : постановление Правительства КБР от 6 февр. 2015 г. № 16-ПП // Официальная Кабардино-Балкария. 2015. 20 февр.

Список литературы

1. Карташов В.Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность / под ред. Н.И. Матузова. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1989. 218 с.

2. Шагиев Б.В. Юридическая деятельность и ее система: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 192 с.

3. Беляев В.П. Контроль и надзор в Российском государстве: монография. М.: Проспект, 2005. 272 с.

4. Максуров А.А., Макаров И.И. Координация в праве: монография. Ярославль: ЯФ МФЮА, 2012. 320 с.

5. Погодина И.В. Управление в юридической практике правоохранительных органов / Владимир. гос. пед. ун-т. Владимир, 2003. 73 с.

6. Максуров А.А. Координация и взаимодействие в праве: взаимосвязи и взаимодействия // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 4. С. 41-43.

7. Малый А.Ф. Взаимодействие как организационно-правовая форма сотрудничества субъектов // Право и государство: теория и практика. 2023. № 1 (71). С. 62-66.

8. Мизиева С.И. Координационная деятельность в общетеоретическом подходе: постановка проблемы // Право и государство: теория и практика. 2024. № 4 (232). С. 65-67.

9. Беляев В.П., Чапчиков С.Ю. Национальная безопасность и механизм ее обеспечения: общетеоретический ракурс. М.: Юстицинформ, 2018. 257 с.

10. Беляев В.П. Национальные интересы России: теория, методология, правовое обеспечение: монография / В.П. Беляев, Б.Б. Бидова, Г.С. Беляева. М.: Юрлитинформ, 2023. 294 с.

11. Тихомиров Ю.А., Хабриева Т.Я. Право и интересы // Журнал российского права. 2005. № 12(108). С. 16-17.

12. Зеленков М.Ю. Правовые коллизии категориального аппарата национальной безопасности Российской Федерации // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2016. № 4(14). С. 50-56.

13. Максуров А.А. Координационные полномочия Президента России и его взаимодействие с другими органами власти: монография. М.: Русайнс, 2025. 110 с.

14. Беляева Г.С. К вопросу о механизме обеспечения реализации национальных интересов // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2020. Т. 38, № 2. С. 138-143.

15. Максуров А.А. Координационная деятельность субъектов права в условиях кризиса: монография. М.: Инфра-М, 2022. 260 с.

References

1. Kartashov V.N. Legal activity: concept, structure, value. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta; 1989. 218 p. (In Russ.)

2. Shagiev B.V. Legal activity and its system. Moscow: Yurlitinform; 2014. 192 p. (In Russ.)

3. Belyaev V.P. Control and supervision in the Russian State. Moscow: Prospekt; 2005. 272 p. (In Russ.)

4. Maksurov A.A., Makarov I.I. Coordination in law. Yaroslavl: YaF MFYUA; 2012. 320 p. (In Russ.)

5. Pogodina I.V. Management in the legal practice of law enforcement agencies. Vladimir: Vladimir. gos. ped. un-t; 2003. 73 p. (In Russ.)

6. Maksurov A.A. Coordination and interaction in law: interrelations and interactions. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk = Current problems of the humanities and natural sciences*. 2015;(4):41-43. (In Russ.)

7. Malyi A.F. Interaction as an organizational and legal form of cooperation of subjects. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and the state: theory and practice*. 2023;(1):62-66. (In Russ.)

8. Mizieva S.I. Coordination activity in the general theoretical approach: problem statement. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and the State: theory and practice.* 2024;(4):65-67. (In Russ.)

9. Belyaev V.P., Chapchikov S.Yu. National security and its enforcement mechanism: a general theoretical perspective. Moscow: Yustitsinform; 2018. 257 p. (In Russ.)

10. Belyaev V.P., Bidova B.B., Belyaeva G.S. National interests of Russia: theory, methodology, legal support. Moscow: Yurlitinform; 2023. 294 p. (In Russ.)

11. Tikhomirov Yu.A., Khabrieva T.Ya. Law and interests. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law.* 2005;(12):16-17. (In Russ.)

12. Zelenkov M.Yu. Legal conflicts of the categorical apparatus of the national security of the Russian Federation. *Rassledovanie prestupleniy: problemy i puti ikh resheniya = Investigation of crimes: problems and solutions.* 2016;(4):50-56. (In Russ.)

13. Maksurov A.A. The coordinating powers of the President of Russia and his interaction with other authorities. Moscow: Rusains; 2025. 110 p. (In Russ.)

14. Belyaeva G.S. On the issue of the mechanism for ensuring the realization of national interests. *Vestnik Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.A. Kadyrova = Bulletin of Kadyrov Chechen State University*. 2020;38(2):138-143. (In Russ.)

15. Maksurov A.A. Coordination of legal entities in a crisis. Moscow: Infra-M; 2022. 260 p. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Беляев Валерий Петрович, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: belvp46@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-2666-9047

Valery P. Belyaev, Doctor of Sciences (Juridical), Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: belvp46@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-2666-9047

Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, г. Белгород, Российская Федерации,
e-mail: bela_007@bk.ru,
ORCID: 0000-0001-6396-8877

Bela B. Bidova, Doctor of Sciences (Juridical), Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russian Federation,
e-mail: bela_007@bk.ru,
ORCID: 0000-0001-6396-8877

Оригинальная статья / Original article

УДК 34

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-20-37

CC BY 4.0

Правовое регулирование института межевания в России по законодательным актам XVI–XVII веков (историко-правовой анализ)

Е.В. Зазолина[1]✉

[1]Государственный «Университет «Дубна»
ул. Университетская, д. 19, г. Дубна 141980, Российская Федерация

✉e-mail: elena_zazolina@mail.ru

Резюме

Актуальность. *В представленной статье исследуются законодательные акты, регламентирующие межевание и межевой процесс на Руси в XVI–XVII веках. В указанный период происходило проникновение земельно-распорядительных отношений в военную, социальную и экономическую сферы деятельности государства. Актуальность настоящего исследования заключается в комплексном рассмотрении института межевания на Руси времен XVI–XVII веков во взаимосвязи с земельно-распорядительными отношениями, а также с учетом социально-экономических факторов и политических условий в контексте исторических фактов и событий того времени.*

Целью *настоящего исследования является установление круга основных законодательных актов в области правового регулирования института межевания, а также выявление на их основе особенностей развития института межевания как неотъемлемой части земельных отношений в Русском государстве в XVI–XVII веках.*

Задачи: *проанализировать законодательные акты в области правового регулирования межевания; определить место института межевания и межевого процесса в сфере земельно-распорядительных отношений Русского государства XVI–XVII веков; выявить особенности нормативного закрепления межевых узаконений в указанный период.*

Методология. *Методологическая основа исследования представлена общенаучными методами познания, а также методами правовой науки: историко-правовым методом, формально-юридическим и сравнительно-правовым методами.*

Результаты *научного исследования свидетельствуют о том, что действовавшая система межевых узаконений XVI–XVII веков представлена значительным количеством нормативных актов, центральное место из которых занимают Соборное уложение 1649 года, а также писцовые наказы 1681, 1683 и 1684 годов, содержащие основной массив норм земельно-распорядительного и межевого характера.*

Выводы. *В целом можно сделать вывод, что на протяжении XVI–XVII веков имеет место эволюционный характер развития института межевания с учетом конкретных исторических условий, а также социально-экономических и политических факторов. Земельное законодательство XVI–XVII веков формировалось в контексте развития межевого законодательства.*

Ключевые слова*: межевание; межевой процесс; писцовые наказы; межевое законодательство; земельные отношения.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Зазолина Е.В. Правовое регулирование института межевания в России по законодательным актам XVI–XVII веков (историко-правовой анализ) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 3. С. 20–37. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-20-37.

Поступила в редакцию 15.03.2025 Принята к публикации 24.04.2025 Опубликована 16.06.2025

© Зазолина Е.В., 2025

Legal regulation of the institute of land surveying in Russia according to legislative acts of the XVI-XVII centuries (historical and legal analysis)

Elena V. Zazolina[1] ✉

[1]Dubna State University
19 Universitetskaya Str., Dubna 141980, Russian Federation

✉e-mail: elena_zazolina@mail.ru

Abstract

Relevance. *The presented article examines the legislative acts regulating land surveying and the land surveying process in Russia in the XVI-XVII centuries. During this period, the penetration of land management relations into the military, social and economic spheres of state activity occurs. The relevance of this study lies in the comprehensive consideration of the institute of land surveying in Russia during the XVI-XVII centuries in relation to land management relations, as well as taking into account socio-economic factors and political conditions in the context of historical facts and events of that time.*

The purpose *of this study is to establish a range of basic legislative acts in the field of legal regulation of the institute of land surveying, as well as to identify on their basis the features of the development of the institute of land surveying as an integral part of land relations in the Russian state in the XVI-XVII centuries.*

Objectives: *to analyze legislative acts in the field of legal regulation of land surveying; to determine the place of the institution of land surveying and the boundary process in the field of land management relations of the Russian state of the XVI-XVII centuries; to identify the features of the normative consolidation of boundary laws in the specified period.*

Methodology. *The methodological basis of the research is represented by general scientific methods of cognition, as well as methods of legal science – the historical-legal method, formal-legal and comparative-legal methods.*

The results *of scientific research indicate that the current system of boundary laws of the XVI-XVII centuries is represented by a significant number of normative acts, the central place of which is occupied by the Cathedral Code of 1649, as well as the Scribal Orders of 1681, 1683, 1684, containing the main body of land administrative and boundary regulations.*

Conclusions. *In general, it can be concluded that during the XVI-XVII century. there was an evolutionary nature of the development of the institute of surveying, taking into account specific historical conditions, as well as socio-economic and political factors. The land legislation of the XVI -XVII centuries was formed in the context of the development of boundary legislation.*

Keywords*: land surveying; boundary process; scribal orders; boundary legislation; land relations.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Zazolina E.V. Legal regulation of the institute of land surveying in Russia according to legislative acts of the XVI-XVII centuries (historical and legal analysis). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(3):20–37. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-20-37.

Received 15.03.2025 Accepted 24.04.2025 Published 16.06.2025

***

Введение

На рубеже XV–XVI вв. в России берет свое начало новый этап в формировании отношений поземельной собственности. Постепенное ослабление власти монгольских ханов и ее переход в русским князьям, завершение процессов присоединения ранее независимых государств-княжеств к Московскому государству и как итог – централизация земель и объединение их в Московское царство предопределили качественно новое направление развития земельной политики государства и задали новый «вектор» в пра-

вовом регулировании земельных отношений. В Московском государстве появляется новый вид землевладения – «поместье», и как следствие, начинает активно развиваться поместная система землевладения, просуществовавшая вплоть до 1714 г. В.О. Ключевский определял новую систему землевладения как «порядок служилого, то есть обязанного ратной службой, землевладения, установившийся в Московском государстве XV–XVI вв.» [1, с. 238].

Окончательно сложившаяся поместная система к концу XV в. сформировала новое представление о понимании земельной собственности – земля становится своеобразным регулятором социальных отношений. С.П. Кавелин отмечал, что поместная система, сложившаяся при Иване III «…который, смешав характер правительственный с владельческим, распространяет эту систему на черные земли и усиленно начинает их раздавать; чтобы увеличить штат служилого сословия Иван III не стеснялся в выборе его состава, раздавая земли даже холопам…, которые, получив поместье, становятся свободными людьми» [2, с. 25].

Параллельно с новой системой служилого землевладения существовало наследственное земельное право – вотчинное землевладение (его можно сравнить с «родовой собственностью»), которое сформировалось на Руси в период государственной централизации (XII–XV вв.), как результат распределения земель по наследству внутри одного княжеского рода.

Таким образом, к началу XVI в. с завершением объединения независимых государств-княжеств сложилась картина, отражающая вполне четкий порядок землевладения уже в централизованном государстве Московском. На этом историческом этапе землевладение представлено двумя формами: поместья и вотчины. Произошедшие изменения, связанные с установлением вотчинной и поместной систем землевладения, требовали официального узаконения и пересмотра уже действующих норм, регулирующих земельно-распорядительные отношения.

Методология

Методологическая основа исследования представлена общенаучными методами познания, а также методами правовой науки – историко-правовым методом, формально-юридическим и сравнительно-правовым методами. Использование общенаучных методов и специальных методов правовой науки обеспечило возможность всесторонне исследовать проблематику правового регулирования института межевания в России XVI–XVII вв.

Применение формально-юридического и сравнительно-правового методов при проведении настоящего исследования позволило рассмотреть и обобщить законодательные акты института межевания XVI–XVII вв., провести их анализ и выявить особенности развития института межевания.

Результаты и их обсуждение

Вплоть до конца XV в. на Руси действовали нормы первого законодательного сборника славян Русской Правды [3, с. 39–41], не предусматривающие частную собственность на землю. Исследователями в области земельных отношений отмечалось, что «…в период Русской Правды личное владение видно не достигло еще до сознания о личном праве собственности на землю потому, что Русская Правда не касается вопроса о наследстве в земле. Как старинные захваты землею, так и раздача князьями своим дружинам земли, повели к созданию понятия владения землею на праве вотчинном, с правом передачи вотчины по наследству или другими способами, зависимыми от воли владельца» [4, с. 7].

Вступление России в XVI в. ознаменовано не только двумя сложившимися и действующими формами землевладения, но и обновлением законодательной базы,

в том числе в области землепользования, появлением первых законодательных актов, содержащих нормы и правила отвода и межевания земель и разрешения спорных земельных ситуаций. Судебник 1497 г. [5, с. 54–62] закрепил юридические основы поместной системы, регламентацию правил установления меж между владениями (ст. 61), ответственность за нарушение межевых знаков (ст. 62), а также им устанавливается исковая давность: для вотчин – три года, для государственной земли – шесть лет (ст. 63). В научном сообществе преобладает точка зрения о том, что Судебник 1497 г. «очень краток и беден по содержанию даже по сравнению с Русской Правдой, не говоря уже о Псковской и Новгородской судных грамотах» [6, с. 222]. В отношении поземельной собственности Судебник 1497 г. особое внимание уделяет правилам установления границ владений, что служит прообразом межевых норм права: «а промежи сел и деревень городити изгороды по половинам; а чьею огородою учиниться потрава, ино тому платити, чья огорода. А где отхожие пожни от сел или деревень, ино поженному государю не городится, городит тот всю огороду, чья земля оранаа пашня к пожни» [5, с. 65–66]. Изложенная норма (ст. 61 Судебника 1497 г.) устанавливала правило отделения (разграничения) земель административно-территориальных единиц (сел, деревень) между собой посредством установки изгородей.

Впоследствии Судебник 1550 г. [5, с. 97–129], явившийся следствием продолжения ранее начатой кодификации законодательства, как отмечал О.И. Чистяков, «развил основные идеи своего предшественника» [7, с. 57]. Последнее в равной степени следует отнести к вопросам поземельной собственности. Так, Судебник 1550 г. «усилил» правовое регулирование земельных отношений – более детально регламентированы понятия вотчинной земли и поместий, закреплялись нормы о мошеннических действиях с вотчинными и поместными землями (ст. 85). Положения об установлении границ землевладений, изложенные в ст. 86, 87 Судебника 1550 г., дословно повторяли ранее закрепленные межевые нормы Судебника 1497 г., главная идея которых, как писал А.Г. Анисимов, «приведение в известность земель, попавших в зону влияния московского князя» [8, с. 25].

На рубеже XV–XVI вв. политические воззрения московских князей главным образом были сосредоточены на процессах объединения русских земель, укрепления государственных основ и сохранения целостности государства, что требовало юридического закрепления статуса вновь присоединенных земель и уже имеющихся территорий государства. В целом XVI в. можно обозначить как время роста крупного землевладения и проведения масштабных государственных реформ военной, социальной экономической направленности.

Ключевые направления внутренней политики Ивана IV, имеющие своей целью укрепление самодержавной власти, тесно взаимодействуют с решением «земельного вопроса»: военная реформа, в результате которой российская армия стала формироваться исключительно на профессиональной основе, а служба вознаграждалась предоставлением землевладения; аграрная реформа как следствие военной реформы и ее экономическая составляющая – создается и функционирует поместная система, предусматривающая перераспределение земель между вотчинниками-боярами и служилыми людьми; реформа в области государственного административного управления – создание приказной модели управления государством; налоговая реформа – введение прямого налога на землю.

Происходит проникновение земельно-распорядительных отношений в военную, социальную и экономическую сферы деятельности государства, что предполагает реконструкцию существующего земельного строя как части политической

системы государства, а также сложившегося порядка землепользования и межевания земель. Действующая система земельно-распорядительных отношений, сложившаяся к середине XVI в., не могла в полной мере решить социально-экономические задачи государства – требовала пересмотра и законодательного закрепления. Учет земель и проведение мероприятий по их межеванию стали определяющими факторами в формировании земельной политики России XVI–XVII вв.

Для реализации государственных реформ требовалось установление целостной картины о существующем землепользовании, о количественном и качественном составе земель государства, о номенклатуре земель, а также о присоединенных территориях. И.Е. Германом в очерке об истории русского межевания отмечалось, что до начала XVI в. «законы межевые по-прежнему оставались бедны и по численности, и по содержанию» [9, с. 291]. Межевание земель стало признаваться необходимой составляющей компонентой системы земельно-распорядительных отношений, заложенных в основу государственной поместной системы. Приведение в известность земель и их «межевое» описание положили начало появлению межевых норм права, формированию межевого законодательства, тесно увязанного с земельной политикой государства.

Первые упоминания о разграничении земель и установлении меж, содержащиеся в статьях рассмотренных выше судебников, очень кратки и скупы на «информативность». И.Е. Герман следующим образом характеризовал сложившийся порядок в определении границ землевладений: «Что касается порядков, существовавших в то время в самом производстве юридических и финансовых межеваний, то ни в первом, ни во втором Судебниках мы не встречаем на этот предмет никаких правил… Правила межевания, очевидно, еще нуждались тогда в законодательном определении и не могли быть выражены в форме общих законов Судебников» [10, с. 28].

Так, изначально в Московском государстве было широко распространено писцовое описание земель[1] (в историографических трудах описание земель обозначалось еще как хозяйственное или кадастровое), производимое, по оценке С.П. Кавелина, «как во-1-х для расписания людей по сохам для равномерного обложения сох данью. Так во-2-х, для отвода новых и поверки уже розданных поместий служилым людям» [2, с. 26–27]. Хозяйственное описание земель, характерное для XVI в., имело ряд особенностей, которые существенным образом отличали его от межевания земель в классическом значении и понимании этого термина по действующему российскому законодательству, в соответствии с которым под межеванием земель понимают «комплекс работ по установлению, восстановлению и закреплению на местности границ земельного участка, определению его местоположения и площади»[2].

Во-первых, в трудах историков права дореволюционного периода России сформирован особый подход к представлению о понятии межевания, рассматривающий межевание как эволюционный процесс во взаимоувязке с социально-экономическим развитием государства. Ф.Л. Малиновский в работе, посвященной истории межевания в России до 1765 г., определял межевание как «постановление и утверждение границ между различными владениями» [11]. Ученым подчеркивалась значимость межевых работ, определяя межевание как «действие государственное», и выделялись три фазы в

[1] В историографических трудах описание земель еще обозначалось как хозяйственное или кадастровое (см., например: [2; 4]).

[2] Данное понятие закреплено в Инструкции по межеванию земель: (утв. Роскомземом 08.04.1996) // Гарант: сайт. URL: https://www.base.garant.ru/2157289/ (дата обращения: 25.01.2025).

развитии межевания: «первоначально ограничивалось только постановлением меж, исчислением владения по четвертям высеваемой ржи, по копнам сена, описаниями земель и числа дворов; потом употребляло действительное измерение земель в натуре без съемки и наконец пользовались схемкою, и нанесением оной на план» [11].

Писцовые описания далеки от «идеала» межевания в современном понимании, т. к. описания земель проводились, как отмечают исследователи «при непременном участии “тутошних людей”, по сказкам (показаниям) владельцев, подтвержденным представленными документами; обмер и межевание на месте производилось в редких случаях спора о границах, или когда сказка, поданная владельцем, опорачивалась при опросе местного населения» [2, с. 27].

Во-вторых, писцовые описания охватывали лишь избранные территории: «…хозяйственному описанию в Московскую эпоху подвергались лишь земли населенные, находившиеся в податном окладе, и совершенно не описывались огромные пространства черного и дворцоваго лесов» [2, с. 27]. Сложившийся порядок в описании земель замедлял проведение «инвентаризации» земельного фонда страны, что усложняло земельно-распорядительные отношения и отводы новых земель.

В-третьих, мероприятия по ведению писцового описания земель возлагались на особое учреждение – Поместную избу, позже в результате административных реформ XVI в. преобразованную в Поместный приказ [12, с. 79–86]. Описания земель имели субъективный характер, т. к. зависели от личного восприятия самого писца, то как он «увидел» исследуемый объект, что ставило под вопрос достоверность итогов писцовых книг. И.Е. Герман отмечал: «…писцы и мерщики того времени не были исключительными межевыми чиновниками… вырабатывалась у писцов в должном направлении и самые правила описания и межевания земель» [10, с. 27]. Как уже отмечалось выше, законодательная база в отношении правил межевания отсутствовала. В большинстве случаев в каждом конкретном деле межевые правила «определялись обычаем, целями межевания, обстоятельствами дела, частными указами о делах о поземельных владениях и писцовыми наказами, даваемыми писцам при отправлении их на межевание» [10, с. 28]. В научной литературе вопрос о достоверности документов писцового делопроизводства является дискуссионным, в связи с этим писцовые описания требуют критического отношения и анализа к их результатам [13, с. 77].

В начале царствования Ивана IV межевание земель оставалось неразвитым, что косвенно подтверждается его Судебником, в котором нормы о межевании (ст. 86, 87) остались практически нетронутыми и дублировали положения Судебника 1497 г. Сложившаяся система писцовых описаний земель XV–XVI вв. не обеспечивала полной картины состояния поземельной собственности и сдерживала развитие земельно-распорядительных отношений, складывающихся при поместной системе землевладения, предусматривающей постоянный характер описаний и измерений земель, и как следствие, к середине XVI в. земельные отношения, осложненные отсутствием четкого порядка учета и межевания землевладений, становятся сильно запутанными. Политика порядка служилого землевладения, продолженная и усиленная Иваном IV, не достигала своей цели, причиной тому, как указывал П.И. Иванов, стало то, что «бояре и другие служащие лица, под предлогом оной большую часть земель присвоили себе не неся таких служебных обязанностей, с коими сопряжено владение этого рода землями» [14, с. 18–20].

Вследствие сложившейся ситуации на законодательном уровне принимаются два важнейших документа, регулирующих межевание земель – Писцовый наказ

1556 г.[1] и Уложение о службе от 20 сентября 1556 г.[2] Доподлинно остается неизвестным, какой из указанных документов появился ранее – Писцовый наказ 1556 г. или Уложение о службе от 20 сентября 1556 г. Вопрос о дате издания Писцового наказа не ясен, как остается до конца не установленным содержание данного исторического документа. Так, А.Г. Анисимов [8, с. 26] указывает на 1555 гг., ряд других исследователей (П.И. Иванов [14], А.Э. Каримов [15]) в этом вопросе, основываясь на свидетельствах В.Н. Татищева, датируют год издания 1556 г. П.И. Иванов прямо указывает, что вследствие издания Уложения о службе от 20 сентября 1556 г. «издан им в том году Писцовый Наказ и, как уверяет Г. Татищев, имевший его у себя, что оный сочинен знающим Геометрию, при коем приложены были правила к исчислению плоскостей» [14, с. 20]. А.Э. Каримов характеризует Писцовый наказ 1556 г. как один из первых документов, «который имел характер общей инструкции по проведению общегосударственной переписи, адресованной сразу ко всем группам писцов, задействованных в ней… Особый характер этого наказа допускает наличие описанных В.Н. Татищевым картографических новаций 1556 г. с «приложением земельных начертаний» [15, с. 16–17]. Отличительной чертой Писцового наказа 1556 г. является его нормативность, в отличие от предыдущих наказов, которые имели «локальный» характер – действовали в отношении определенных писцов или их групп и были выданы на выполнение работ в отношении конкретной территории. Писцовый наказ 1556 г. положил начало правового регулирования межевания земель России по единым правилам и требованиям.

Уложение о службе от 20 сентября 1556 г., имеющее своей первоочередной целью изменение порядка несения воинской службы (ввело принцип обязательности воинской службы с земельного надела), также следует считать одним из первых юридических документов, положившим начало межевания и инвентаризации земель. Уложение 1556 г. постановляло «рассмотреть, которые вельможы и всякие воины многими землями завладели, службою оскудали, не против государева жалования своих вотчин в службах, государь же им уровнение творяще в поместьях землемерие учини им, комуждо что достойно, так устроил, преизлишки же роздели неимущим»[2]. Наряду с материальными нормами права, закреплявшими нормы отвода землевладений «со ста четвертей добрые угожей земли человек на коне и в доспехе полном, а в дальний поход о двух коней», установление платы (компенсации) за пользование землей в случае, если владелец не мог предоставить необходимое количество воинов «а хто землю держит, а службы с нее не платит на тех на самех имати денги за люди», в Уложении о службе 1556 г. присутствуют процессуальные нормы, регулирующие порядок проведения обмера земель («в поместьях землемерие учини им»), порядок выявления и перераспределения излишек земель («преизлишки же роздели неимущим»).

Таким образом, начиная с 1556 г. происходит ужесточение поместной системы землевладения, вводятся единые для всего государства нормы отвода земель, правила межевания. Правовое регулирование земельных отношений «сконцентрировано» на вопросах земельно-распорядительной политики, проводимой в рамках поместной системы. Земля окончательно «утвердилась» в качестве эффективного регулятора социальных отношений, правовым обеспечением которого стал институт межевания. Ме-

[1] Писцовый Наказ 1556 г. не дошел до XIX в. и известен только со слов В.Н. Татищева.

[2] Уложение о службе от 20 сентября 1556 г. // Полное собрание русских летописей. Т. XIII: Патриаршая или Никоновская летопись. Изд. 2-е. М.: Наука, 1965. С. 268-269.

жевание земель становится неотъемлемой частью земельных отношений, происходит зарождение института межевания в рамках сложившейся системы земельных отношений.

В дальнейшем, в царствование преемников Ивана IV (Федора Ивановича (1584–1598 гг.) и Бориса Годунова (1598–1605 гг.)), проведение размежевания земель регулировалось по законодательным актам, принятым во времена правления Ивана IV, и как отмечал П.И. Иванов, «мы не находим особенных каких-либо Наказов к описанию земель, кроме продолжения, по прежде изданным правилам» [14, с. 21]. Свидетельства о проводившихся в то время мероприятиях по размежеванию земель содержатся в дошедших до нашего времени исторических документах. Так, в памятнике провинциального летописания «Двинской летописец», датированного концом второй половины XVII в., зафиксированы сведения об описании Двинских земель: «…в 95-м году приехал писать Двины князь Василий Андреевич Звенигородской»[1]. Н.М. Карамзиным приводятся упоминания о межевании земель в Костромской области и Угличе: «…в разрядной кн. 1594 г., где сказано, что в Костромскую область за Волгу тогда были посланы писцы К. Федор Кривоборский и А. Зиновьев, по сю сторону Волги Василий Вельяминов и Пант Усов, а на Углич князь Дмитрий Бельский» [16, с. 426].

Начало первой половины XVII в. (известное в истории как Смутное время (1604–1618 гг.)) можно охарактеризовать как период застоя в развитии земельно-распорядительных отношений и межевых процессов. Правовое регулирование земельно-распорядительных отношений в указанный период сошло на нет. В.Н. Седашев характеризовал сложившуюся ситуацию с землевладениями следующим образом: «…служилые люди изнемогают от тяжести военной службы… В этих челобитьях разоренных служилых людей, что они не о поместьях думают и не о вотчинах просят, а говорят лишь о денежном государевом жаловании… челобитчики 1617 года совершенно чужды земельной жажды и просят только денег – как единственного средства оправиться прокормиться и не умереть с голоду» [17, с. 2].

Смута внесла свои «коррективы» в порядок землевладения: в большей части это коснулось дворцовых земель, которые подверглись расхищению со стороны служилых людей или дельцов, присваивавших себе так называемые «воровские дачи», по отметкам историков «некоторые дворяне усердной службой Тушинскому вору успевали собрать в своих руках значительные земельные пространства» [17, с. 5].

К моменту воцарения Михаила Федоровича Романова (1613–1654 гг.) на трон положение дел земельной собственности (как поместной, так и вотчинной) находилось в «расшатанном» состоянии – количество «розданных» земель в вотчинное и поместное владение за время Смуты увеличилось, при этом, учитывая неопределенность с документами на эти землевладения, все это привело к неизбежности земельных споров и конфликтов, разрешение которых предполагало установление на местности фактических границ земельных владений. Основные направления земельной политики первых десяти лет правления Михаила Федоровича Романова были сконцентрированы на установлении справедливых норм землевладений, с целью ликвидации «воровских дач», а также на решении следующих задач: за счет каких земель следует осуществлять вознаграждение за службу и проведение ревизии земель государства для получения полной картины о реальном состоянии земельного фонда.

Для этих целей в 1622 г. указом Михаила Федоровича от 23 февраля [18] ор-

[1] Полное собрание русских летописей. Т. XXXIII. Холмогорская летопись. Двинской летописец. Изд. 1-е. М.; Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1977. С. 151.

ганизуется большой земельный сыск с целью приведения в соответствие и упорядочивания системы поместного землевладения и пресечения земельных самозахватов как результата земельной политики времен Смуты. Законность землевладения устанавливалась сверкой с документами писцового делопроизводства, а при их отсутствии, по свидетельским показаниям, «сыскивать про то, что мочно сыскати по книгам, и поместьям столпами и десятнями, а чего сыскать не имеет и по то сыскивать им окольными и всякими людьми». В продолжении политики «большого земельного сыска» в 1622 г. был принят ряд важных узаконений, во многом определивших основные направления поземельной политики государства на будущие 40–50 лет. Началось время ренессанса в правовом регулировании земельно-распорядительных отношений и дальнейшего развития института межевания или, как отмечалось историками права, «начало той решительной борьбы с произволом и анархией в служилом землевладении, которая выразилась в непрестанных посылках валовых писцов для межевания всего государства» [17, с. 9].

В августе 1622 г. были изданы царские указы, регулирующие изъятие земель у владельцев утаенной земли или превышающей оклад земли – указ от 10 августа 1622 г. [19, с. 146] и указ об отобрании земли, превышающей их «дачи» по старым писцовым книгам, и взимание платы за владение лишними землями [19, с. 147]. К одному из ключевых юридических документов в области регулирования земельно-распорядительных отношений и межевого процесса времен правления Михаила Федоровича следует отнести Писцовый наказ 1622 г. (Валовый наказ писцам 1622 г.) [20]. В.Н. Седашев о важности данного документа писал: «…для правильного понимания валового наказа… нужно иметь в виду, что ни одно из известных нам постановлений, состоявшихся по вопросам служилого землевладения после 1622 года, не вошло в состав писцовых инструкций времен Михаила Федоровича и Алексея Михайловича» [17, с. 21].

Писцовый наказ 1622 г. включал 75 статей, впоследствии был «дополнен после пожара 1626 г. незначительным постановлением о дозорных выписях» [17, с. 23]. Постановление о дозорных выписях следует отнести к «дополнительному» писцовому наказу 1627 г., про который И.Е. Герман отмечал: «До нас дошло несколько выдержек из Писцового наказа 1627 г., данного писцам при отправлении их на валовое межевание, после бывшего в Москве пожара, когда погорело множество писцовых книг и когда явилась необходимость вновь создать эти книги путем межевания» [10, с. 30]. Упоминание о Писцовом наказе 1627 г. также встречается уже в более позднем документе – Писцовом наказе 1684 г.[1]

Анализ статей Писцового наказа 1622 г. позволяет судить о том, что данный документ представлял не только руководство для «технического описания» земель, а в большей части юридический акт, направленный на ликвидацию «воровских дач» и незаконных самозахватов земель, межевание спорных земель, дабы исключить возможные спорные земельные ситуации. В статьях Наказа закреплялись как материальные нормы права (например, ст. 3 Наказа содержит норму о таксации земель на «добрая или средняя или худая» с целью определения доходности земли), так и нормы, регулирующие процессуальную сферу межевых отношений (межевой процесс), в частности предусматривающие наделение писцов обязанностями разрешения межевых споров и проведения межевания земель. Так в ст. 54 Наказа говорилось, что писцы «судити и обыскиваете тутошними и сторонними людьми и всякими сысками накрепко, чьи те земди и угодья, да по суду да по обыску управу им в землях и в

[1] Писцовый наказ 1684 г. // Полн. собр. законов Рос. Империи. Собр. 1. Т. II, № 1074.

угодьях чинити и те опорные места размежевать». Писцовым наказом 1622 г. был утвержден механизм проведения: межевого процесса, включавший изучение различного рода «крепостей» на землю; опросы местных людей; техническую сторону самого процесса – межевые работы по обмеру владений и официальное утверждение результатов – «составление писцовых книг и перечней, с которыми ехать к Государю».

Положения, закрепленные в Писцовом наказе 1622 г., оставались неизменными на протяжении следующих десятилетий и стали определяющими направлениями в осуществлении валового описания земель государства. В период царствования Алексея Михайловича Романова (1645–1676 гг.) о производстве межевания сохранилось мало сведений. В научной литературе этот период был отмечен снижением активности в производстве межевых работ, межевание в середине XVII в. имело несистемный характер и осуществлялось «точечно», по конкретным случаям в большей части по разрешению земельных споров [8, с. 36].

Центральным событием времен правления Алексея Михайловича Романова, повлиявшем на развитие земельного и межевого законодательства, явилось принятие Соборного уложения 1649 г.[1] Этот документ стал квинтэссенцией русской юридической мысли и законодательной деятельности предыдущих веков, включивший в себя в том числе законодательные положения, относящиеся к регулированию земельных отношений и межевания земель [8, с. 34].

В Уложении 1649 г. систематизированы все ранее изданные узаконения о земельно-распорядительных отношениях. В ранее принятых судебниках статьи, содержащие нормы, регулирующие земельные отношения и межевой процесс, были немногочисленными и малоинформативными. Уложение 1649 г. в этом плане представляется более разработанным документом с точки зрения юридической техники и имеющим форму закона, что свидетельствует о единообразии применения норм Уложения на всей территории государства.

Практические вопросы, возникавшие при межевании и регулировавшиеся ранее обычным правом, а также положения, относящиеся к земельным отношениям и межеванию, содержащиеся в статьях судебников и в актах, принятых в качестве дополнения к судебникам, были развиты и конкретизированы в статьях Уложения 1649 г. Обозначим основные положения Уложения 1649 г., относящиеся к земельным отношениям и межевому процессу.

Уложением были снова подтверждены основные виды земельных владений – поместья и вотчины (гл. 16 «О поместных землях», гл. 17 «О вотчинах»). Устанавливался имущественный ценз для лиц, получавших землю за службу. Как указывал И.Д. Беляев: «…здесь прежде всего определяется, по скольку давать поместий в Московском уезде каждому чину» [23, с. 668].

Уложением достаточно подробно был регламентирован процесс «оборота земель» – покупка, продажа, мена землевладений. Также предусматривался обязательный порядок регистрации сделок с земельными владениями, внесение соответствующих записей в учетную документацию, ведение которой осуществлялось Поместным приказом.

В гл. 17 «О вотчинах» Уложения закреплен порядок установления границ при межевании участков с обязательным присутствием окольных людей и старожил. Привлечение окольных людей, т. е. правообладателей смежных и соседних участков в процесс межевания, было продиктовано стремлением государства снизить количество земельных споров и конфликтов в вопросах землевладения. При наличии спорных моментов в межевании земли Уложением предусматривался вариант разрешения возникшего

[1] Соборное Уложение 1649 г. // Полн. собр. законов Рос. Империи. Собр. 1. Т. I, № 1.

спора «учинить образное хождение и велеть идти за жребием»[1].

Уложением вводится ответственность для лиц, производивших межевые работы, при установлении и выявлении фактов проявления корысти и личной заинтересованности при обмере земли: в случае «развода земли не по правде» «учинить жесткое наказание, велеть его бить кнутом по торгом». «Чтобы впредь чтобы спору не было» межевание земли передавали другому межевщику. А.Г. Анисимовым подчеркивалось, что фразу «чтобы впредь чтобы спору не было» можно считать лейтмотивом «земельных» статей Соборного уложения. Главной целью было устранение социальной напряженности, возникавшей при решении земельных споров [8, с. 35].

К недостаткам, или скорее к недоработкам, Уложения 1649 г. следует отнести отсутствие правовой регламентации технической стороны процесса межевания. Уложение содержало только общие руководящие наставления, например о том, что надо мерить землю «саженями в три аршина» или границы землевладений должны быть означаемы столбами, ямами, гранями с последующим занесением записей о них в писцовые книги. К одной из причин такого «недостатка» Уложения 1649 г. можно отнести, что эти вопросы законодателем были отданы на откуп сложившейся практике и действовавшим правилам межевания, не закрепленным на законодательном уровне.

Таким образом, в сфере регулирования земельных отношений и межевого процесса в Уложении 1649 г. прослеживается стремление законодателя не в создании новых правовых норм, а в стремлении их подвести под «старые» правила и в систематизации ранее изданных узаконений. Так, закрепив общие начала правового регулирования земельных отношений и правовые основы института межевания, разработка межевых законов Уложением 1649 г. оставлена на будущий опыт.

В начале семидесятых годов XVII века в результате изменившейся политической обстановки на юге России интенсивность межевых работ стала увеличиваться: издан ряд нормативных актов, регламентирующих предоставление земель помещикам: указ от 21 июня 1672 г. о раздаче земель в Заоцких городах[2], указ от 2 мая 1673 г. о даче земель в Украинских городах из диких земель[3], указ от 18 июля 1673 г. о размежевании земель Епифанского уезда[4].

Если в начале XVII в. в большей части проводилось описание в отношении уездных земель, то в конце XVII в. особое внимание государства было обращено к правовому регулированию межевания и описания городских земель. Так, например, издан царский указ от 29 марта 1678 г.[5], устанавливающий предельные значения по отводу землевладений для служилых лиц в Москве за Земляным городом. Впоследствии Московский уезд стал «пилотным проектом» в проведении повсеместного (сплошного) межевания земель, реализуемого в период царство-

[1] «Образное хождение» здесь надо понимать как хождение с иконой по земле, расценивалось как символический акт, подтверждавший законность владения и правильность установления границ.

[2] Статьи о раздаче земель в Заоцких городах: именной указ от 21 июня 1672 г. // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 1. Т. I, № 522.

[3] О даче земли в Украинских городах из диких полей Патриарху, митрополитам, архиепископам, епископам и архимандритам: именной указ от 2 мая 1673 г. // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 1. Т. I, № 549.

[4] О размежевании земель Епифанского уезда: именной указ от 18 июля 1673 г. // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 1. Т.I, № 554.

[5] О пространстве земли, какое следует давать под строение дворов в Москве за Земляным городом: именной указ от 29 марта 1678 г. // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 1. Т. II, № 722.

вания Федора Алексеевича Романова (1676–1682 гг.).

Необходимость в проведении повсеместного (сплошного) межевания земель возникла в 1679 г., когда встал вопрос об отводе пустых земель, которые в документах писцового делопроизводства указаны «за пустотою прописаны, потому что сказать про те земли писцам было не кому», а по факту, как писал И.Е. Герман, «земли, не попавшие в писцовую книгу, зачастую могут быть раздаваемы просителям таких земель, которые в действительности уже принадлежат комунибудь» [10, с. 105]. В результате был принят указ от 12 декабря 1679 г.[1] о посылке в Московский уезд и во все города межевщиков на валовое межевание и этим же указом устанавливался запрет на раздачу пустых земель, не занесенных в писцовые книги: «…а покамест межевщики поместным и вотчинным землям межевых книг в Поместный приказ не подадут: и до того числа порозжих обводных земель, которых в писцовых книгах не написано, челобитчикам в поместье не давать и в вотчину не продавать».

Сплошное межевание было начато с земель Московского уезда на основании указа от 25 августа 1680 г.[2] В последующие годы была принята «серия» писцовых наказов, наибольшую «известность» из них имеют писцовые наказы 1681, 1683 и 1684 гг.

Самое большое количество наказов отмечается в 1681 г., среди которых, кроме отдельных указов исключительно межевого характера, был издан подробный, систематизированный акт, вобравший в себя содержание всех предыдущих наказов, а именно указ от 26 августа 1681 г.[3] Писцовый наказ 1681 г. устанавливал проведение сплошного обязательного межевания, при этом межеванию подвергались как земли, находившиеся в собственности, так и все пустующие земли. Обязательность сплошного межевания по Наказу 1681 г., обусловленная стремлением государства более правильно и точно определить границы землевладений, следует рассматривать как вынужденную меру, направленную на пресечение потенциальных земельных споров в будущем.

Писцовые наказы 1683 и 1684 гг. были приняты уже в период царствования Ивана V и Петра Алексеевича (1682–1696 гг.). В контексте исторических событий 1682 г. (кончины Федора Алексеевича Романова и стрелецкого бунта 1682 г.), вопросы правового регулирования земельных отношений и проведения валовых межеваний на короткое время «ушли» из поля зрения государства, несмотря на то, что потребность в продолжении ранее начатых работ по валовому межеванию земель давала о себе знать, что подтверждается историческим фактом – направлением доклада от 2 июня 1682 г. из Поместного приказа на имя Ивана V и Петра Алексеевича о том «в каком порядке прикажут они производить текущие дела по межеванию – через посылку валовых писцовых, или через местных воевод, которым с этой целью следует необходимо послать грамоты или наказы» [22].

Продолжение работ по межеванию земель возобновилось в 1683 г. с принятием указа от 20 мая 1683 г.[4], в котором, как отмечал А.Г. Анисимов, «идея о ва-

[1] О посылке в Московский уезд и во все города межевщиков для межевания поместных и вотчинных земель: именной указ от 12 дек. 1679 г. // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 1. Т. II, № 785.

[2] О межевании земель в Московском уезде: именной указ от 25 авг. 1680 г. // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 1. Т. II, №832.

[3] О межевании поместных и вотчинных земель: Выписка из наказа писцам от 26 авг. 1681 г. // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 1. Т.II, № 890.

[4] Писцовый наказ межевщикам, посланным из города для межевания спорных земель, от 20 мая 1683 г. // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 1. Т. II, №1013.

ловом межевании получила новое развитие» [8, с. 39]. В сравнении с предшественником Писцовый наказ 1683 г. во многом является более систематичным и подробным документом, включившим в себя ранее не утвержденные положения о межевании и межевом процессе. Основным принципом, кардинально отличавшим Наказ 1683 г., стал заявительный принцип осуществления процедуры межевания, т. е. по челобитью заказчика работ. И.Е. Герман отмечал: «В наказе 1683 г. уже не встречается стеснительного для владельцев и трудно принимаемого на деле закона об обязательном межевании чрезполосных и общих владений… а дает только право каждому владельцу просить приехавших в стан межевщиков о размежевании земель от всех смежных владений…» [10, с. 147]. Принцип межевания только земель челобитчиков, закрепленный в Писцовом наказе 1683 г., вредил «правильному течению поместных и вотчинных дел» и привел к сокрытию самовольно занятых владений, некорректному и неточному учету землевладений и тем самым к искажению сведений о состоянии поземельной собственности. В конечном итоге все это отрицательно сказывалось на финансовой составляющей деятельности государства – государственная казна недополучала налоговые поступления за пользование землей.

В апреле 1684 г. был издан новый Писцовый наказ[1], принятый, как представляется, вследствие «доработки» Наказа 1683 г. и более правильного поземельного устройства государства. Исследователями эпохи XIX–XX вв. Писцовый наказ 1684 г. оценивается как важный юридический документ «оказавший вместе с тем сильное влияние на все последующие межевые законы» [10, с. 149]. Писцовый наказ 1684 г. «возвратил» обязательность проведения сплошного межевания, предусматривающего мерить и описывать все земли подряд без исключения. Наказом 1684 г. декларировалось главное основание для проведения межевых работ – проверка прав каждого владельца на землю. В качестве основных доказательств прав на землю Наказом 1684 г. признавались письменные документы, такие как жалованные грамоты, выписи из писцовых книг, крепости и др., в случае отсутствия письменных документов «вотчины описывать в книгах также о собой статьей, и взяв о них сказки в том, по какому указу кто им владел, писать о них Государям в Москву». В противном случае, при непредоставлении письменных доказательств «вотчины и поместья, оказавшиеся по сказкам вымороченными чужих родов, отписывать на Государей в земли порожние».

Таким образом, Писцовый наказ 1684 г. существенно отличался от своих «предшественников», закрепив юридическое разграничение землевладений на основании «официальных» документов, что свидетельствует о придании процессу межевания «юридического» характера. Вместе с тем прослеживается административный характер этого документа: наказ включает большое количество статей, содержащих нормы, регулирующие порядок поместного землеустройства: достаточно подробно закрепляется порядок раздачи и отвода пожалованных земель, а также порядок выявления свободных (пустых) земель и отнесение их в собственность государства. Например, в ст. 43 описывался процесс раздачи земель в диком поле «челобитчиков от одного числа и на одно и то же урочище в диком поле удовлетворять по жребию. Кто жребий не вынет, тому давать указанное число четвертей в другом месте, где он сам приищет. Кто к раздаче диких полей не явится и никого от себя не пришлет, тому ничего не мерить».

Впоследствии положения Писцового наказа 1684 г. дополнялись отдельными узаконениями. Так, например, в августе

[1] Писцовый наказ 1684 г. // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 1. Т. II, № 1074.

1684 г. был принят указ[1], который ставил под запрет отвод и раздачу поместий из состава порожних обводных земель, не записанных в писцовых книгах[2], в результате чего статьи Писцового наказа 1684 г., закреплявшие правила отвода и обмера пустых порожних земель, стали недействующими.

В результате начавшихся активных работ по межеванию мордовских, черемисских и чувашских земель, присоединенных к Русскому государству, в 1685 г. было принято еще одно дополнительное узаконение к Наказу 1684 г. – указ от 9 марта 1685 г.[3], которым регулировались правила описания и обмера земель иногородцев и их отграничения от земель русских. Историками времен XIX–XX вв. содержание это указа расценивалось как особая забота Русского государства об ограждении иногородческих земель от их захвата русскими.

В первой половине 1686 г. валовые межевания земель продолжились, но в правила, установленные Писцовым наказом 1684 г., указом от 16 марта 1686 г.[4] вновь были внесены поправки, вызванные жалобами со стороны землевладельцев на неправомерные действия писцов при проведении обмера земель. Содержание новых узаконений главным образом сводилось на исключение личного субъективного подхода писцов при разрешении возникающих спорных вопросов межевания, по большей части тех моментов, которые не были урегулированы статьями Писцового наказа 1684 г.

В августе 1686 г. работы по валовому межеванию были приостановлены вследствие внешних обстоятельств – по случаю «сбора» помещиков и вотчинников в Крымский поход. В дальнейшем, в 1688 г. со стороны правительства были предприняты попытки к возобновлению валового межевания – издается указ[5] о посылке в Московский уезд и другие города валовых писцов, но вскоре этот указ, вследствие того, что многие служилые люди и писцы «ныне на их Государевой службе, и без их межевать некому», был отменен новым распоряжением от конца марта 1688 г.[6] Согласно этому распоряжению в указ от 12 марта 1688 г. вносились поправки о межевании нарочными межевщиками, воеводами и губными старостами. В августе 1688 г. был принят последний из межевых законов XVII в. – указ, устанавливающий право помещиков и вотчинников заявлять самоотвод межевщикам[7].

Таким образом, активные работы по валовому межеванию второй половины XVII в. продолжались в период с 1680 по 1686 г. в соответствии с принятыми узаконениями писцовыми наказами 1681, 1683 и 1684 гг. Писцовое валовое межевание на этом прекратилось и больше в российской истории не повторялось. Последние межевые узаконения 1688 г., закрепившие новый порядок возбуждения

[1] О не отдаче просителям в Московском уезде и прочих городах, обводных земель до Указа: именной указ от 7 авг. 1684 г. // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 1. Т. II, № 1086.

[2] Данный указ повторял положения указа Федора Алексеевича от 12 декабря 1679 г. о запрете на раздачу пустых земель.

[3] О размежевании земель Мордовских, Черемисских, и Чувашских: статьи, данные писцам, от 9 марта 1685 г. // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 1. Т. II, № 1111.

[4] Дополнительные статьи к Писцовому Наказу 7192 года // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 1. Т. II, № 1178.

[5] О посылке в Московский уезд и в города валовых писцов по-прежнему: именной указ от 12 марта 1688 г. // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 1. Т. II, № 1284.

[6] О межевании земель по просьбам помещиков и вотчинников, тем же межевщикам, которые отправлены для межевания в ближайшие места от их просителей: именной указ от 30 марта 1688 г. // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 1. Т. II, № 1292.

[7] О принятии подозрения на межевщиков в том только случае, когда оно подано будет до начатия межевания: именной указ от 31 авг. 1688 г. // Полн. собр. законов Рос. империи. 1. Т. II, № 1312.

и производства межевых дел, заложили начала принципа частной инициативы в производстве межевания. Таким образом, начиная с конца XVII в. и до начала Елизаветинских межеваний сплошные межевания проводились только в общегосударственных целях и нуждах.

В результате проведения валовых межеваний земель Русского государства образовался огромнейший пласт поземельной документации и межевых документов (писцовые книги, дозорные книги, переписные книги, даточные книги, жалованные грамоты, межевые книги и др.), которые закрепляли поземельные права землевладельцев; устанавливали границы их владений, что позволило на долгое время устранить земельные споры. Поземельная документация, полученная в результате валовых межеваний 1680–1686 гг., стала эффективным инструментом «в руках государства» для приведения в порядок общего поземельного устройства страны и реализации поместной системы землевладения, а также заложила фундамент для реализации Екатериной II во второй половине XVIII в. реформы генерального размежевания земель России [23].

Выводы

На основании проведенного историко-правового исследования правового регулирования института межевания в России XVI–XVII вв. выделим основные положения.

1. Для земельных правоотношений XVI–XVII вв. присущ земельно-распорядительный характер, проявлявшийся в основных направлениях деятельности государственного аппарата Русского государства в сфере управления поместными и вотчинными землями, а также поземельного устройства страны. Начиная со второй половины XVI по XVII в. ключевым направлением земельной политики в условиях развития системы служилого землевладения является юридическое оформление отношений, складывающихся в процессе отвода и перераспределения землевладений и проведения учета земельной собственности.

2. Развитие института межевания и его дальнейшее законодательное оформление является следствием развития земельно-распорядительных отношений, сложившихся на рубеже XV–XVI вв. и лежащих в основе поместной системы землевладения, а также проведения реформ Ивана IV – военной, налоговой и аграрной реформ XVI в.

3. На основании проведенного анализа норм, регулирующих межевой процесс в контексте исторических событий, а также социальной и политической обстановки, можно заключить, что межевым отношениям и в целом институту межевания присущ эволюционный характер. Анализ законодательных актов в области межевания и межевого процесса, принятых в конце XVII в. (писцовые наказы 1681, 1683 и 1684 гг.), свидетельствует об использовании законодателем накопленного предыдущего опыта, полученного вследствие принятия узаконений в области размежевания земель. Сложившаяся система межевых узаконений к концу XVII в. базировалась на положениях ранее принятых законодательных актов, содержащих нормы, регулировавшие земельно-распорядительные отношения и межевой процесс (судебники 1497 и 1550 гг., Соборное уложение 1649 г., писцовые наказы 1556 и 1622 гг.).

4. На основании проведенного анализа развития института межевания в XVI–XVII вв. можно выделить основные этапы в развитии системы межевого законодательства Русского государства в указанный период. В качестве основополагающего критерия проведения периодизации предлагается рассматривать законодательные акты, содержащие нормы, регулирующие земельно-распорядительные отношения и межевой процесс.

Первый период охватывает временной промежуток с момента появления первых писцовых описаний по дату при-

нятия первой «межевой инструкции» Писцового наказа 1556 г. На данном этапе происходит появление первых писцовых описаний земель, которые являются прообразами межевых документов, происходит зарождение института межевания.

Второй период (с 1556 по 1649 г.) характеризуется началом становления системы межевого законодательства. В этот период принимаются первые «межевые инструкции» – писцовые наказы 1556 и 1622 г.

Третий период (с 1649 по 1684 г.) характеризуется совершенствованием системы межевого законодательства. На этом этапе принимается Соборное уложение 1649 г., вобравшее в себя все ранее изданные нормы, регулировавшие земельные отношения и межевой процесс, принимается «серия» писцовых наказов 1681, 1683 и 1684 гг.

5. Сложившаяся к концу XVII в. система межевых узаконений была представлена обширным кругом законодательных актов, что позволяет сделать вывод о децентрализации норм, регулировавших межевание и межевой процесс. Для межевых узаконений второй половины XVI в. – конца XVII в. характерно содержание как материальных норм права, так и процессуальных норм права. При этом в межевых законах наряду с «исключительно чистыми» межевыми нормами соседствовали и нормы земельного права, регулировавшие правила отвода и предоставления землевладений, правила отнесения земель к государственной собственности, признание земель выморочными. Последнее позволяет сделать вывод, что земельное законодательство XVI–XVII вв. развивалось в контексте развития межевого законодательства.

Список литературы

1. Ключевский В.О. Русская история. М.: Эксмо, 2005. 912 с.

2. Кавелин С.П. Межевание и землеустройство: теоретическое и практическое руководство. М.: Правоведение И.К. Голубева, 1914. 348 с.

3. Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1984. 432 с.

4. Мордухай-Болтовский В.П. Межевые законы с изложением и объяснением: 1) историко-юридических сведений о межевании в России, 2) ныне существующего порядка судебно-межевого разбирательства, 3) судебных доказательств по межевым делам и 4) порядка отграничения и обмена крестьянских земель, а также возобновления межевых знаков. СПб.: Паровая скоропеч. П.О. Яблонского, 1893. 188 с.

5. Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Т.2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1985. 520 с.

6. Осадчук Е.И. Судебник 1497 года как памятник русского феодального права. Общая характеристика // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 8. С. 218–222.

7. Отечественное законодательство XI-XX веков. Часть I (XI-XX вв.) / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юрист, 1999. 464 с.

8. История землеустройства и инвентаризации в России научно-популярные очерки / А.Г. Анисимов, С.В. Гришачев, А.Н. Медведь, С.В. Покровская. М.: Деловые консультации, 2009. 208 с.

9. Герман И.Е. История русского межевания. М.: Тип. И. Рихтера, 1994. 291 с.

10. Герман И.Е. История межевого законодательства от Уложения до Генерального межевания (1649-1765). М.: Тип. И.Я. Полякова, 1893. 380 с.

11. Малиновский Ф.Л. Исторический взгляд на межевание в России до 1765 года. СПб.: Тип. А. Сычева, 1844. 137 с.

12. Зазолина Е.В. Поместный приказ как один из ведущих органов государственного управления в Московском государстве: историко-правовой аспект // Вестник Саратовский государственной юридической академии. 2023. №1 (150). С. 79-86. https://doi.org/ 10.24412/2227-7315-2023-1-79-88.

13. Водарский Я.Е. Дворянское землевладение в России в XVII – первой половине XIX в. М.: Наука, 1988. 308 с.

14. Иванов П.И. Опыт исторического исследования о межевании земель в России. М.: Тип. С. Селивановского, 1846. 151 с.

15. Каримов А.Э. Докуда топор и соха ходили: Очерки истории земельного и лесного кадастра в России XVI – начала XX в. М.: Наука, 2007. 237 с.

16. Карамзин Н.М. История Государства Российского: в 12-ти т. Т. 10. СПб.: В тип. Н. Греча: иждивением братьев Слениных, 1824. 291.

17. Седашев В.Н. Очерки и материалы по истории землевладения Московской Руси в XVII веке. М.: Типо-лит. В. Рихтер, 1912. 225 с.

18. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 394. Оп. 1. Д. 326. Л. 402–405 об.

19. Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века / под ред. Н.Е. Носов, В.М. Панеях. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. 262 с.

20. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. 2. Д. 5052/28. Л. 1-39.

21. Беляев Д.И. Лекции по истории русского законодательства. М.: Типолитогр. С.А. Петровского и Н.П. Панина, 1879. 730 с.

22. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. 2. Д. 5069/43. Л. 13-16 об.

23. Михайлова Н.В., Зазолина Е.В. Государственная политика в сфере земельных отношений в Российской империи во второй половине XVIII века: историко-правовой аспект // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 1. С. 189–195. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-1-189-195.

References

1. Klyuchevskii V.O. Russian History. Moscow: Eksmo; 2005. 912 p. (In Russ.)

2. Kavelin S.P. Surveying and land management: a theoretical and practical guide. Moscow: Pravovedenie I.K. Golubeva; 1914. 348 p. (In Russ.)

3. Chistyakova O.I. (ed.) Russian legislation of the X-XX centuries. Vol. 1. Legislation of Ancient Russia. Moscow: Yurid. lit.; 1984. 432 p. (In Russ.)

4. Mordukhai-Boltovskii V.P. Boundary laws with presentation and explanation: 1) historical and legal information about land surveying in Russia, 2) the current procedure for judicial boundary proceedings, 3) judicial evidence in boundary cases, and 4) the procedure for delimiting and exchanging peasant lands, as well as the renewal of boundary markers. St. Petersburg: Parovaya skoropech. P.O. Yablonskogo; 1893. 188 p. (In Russ.)

5. Chistyakova O.I. Russian legislation of the X-XX centuries. Vol. 2. Legislation of the period of formation and strengthening of the Russian centralized state. Moscow: Yurid. lit.; 1985. 520 p. (In Russ.)

6. Osadchuk E.I. The Judicial Code of 1497 as a monument of Russian feudal law. General characteristics. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk = Current problems of the humanities and natural sciences*. 2013;(8):218-222. (In Russ.)

7. Chistyakova O.I. Russian legislation of the XI-XX centuries. Part I (XI-XX centuries). Moscow: Yurist; 1999. 464 p. (In Russ.)

8. Anisimov A.G., Grishachev S.V., Medved' A.N., Pokrovskaya S.V. History of land management and inventory in Russia popular science essays. Moscow: Delovye konsul'tatsii; 2009. 208 p. (In Russ.)

9. German I.E. The history of Russian land surveying. Moscow: Tip. I. Rikhtera; 1994. 291 p. (In Russ.)

10. German I.E. The history of boundary legislation from the Code to the General Survey (1649-1765). Moscow: Tip. I.Ya. Polyakova; 1893. 380 p. (In Russ.)

11. Malinovskii F.L. A historical look at land surveying in Russia before 1765. St. Petersburg: Tip. A. Sycheva; 1844. 137 p. (In Russ.)

12. Zazolina E.V. The Local Order as one of the leading public administration bodies in the Moscow State: historical and legal aspect. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Saratov State Law Academy Bulletin*. 2023;(1):79-86. (In Russ.) https://doi.org/10.24412/ 2227-7315-2023-1-79-88.

13. Vodarskii Ya.E. Noble land ownership in Russia in the XVII – the first half of the XIX century. Moscow: Nauka; 1988. 308 p. (In Russ.)

14. Ivanov P.I. The experience of historical research on land surveying in Russia. Moscow: Tip. S. Selivanovskogo; 1846. 151 p. (In Russ.)

15. Karimov A.E. As far as the axe and the plough went: Essays on the history of the land and forest cadastre in Russia of the XVI – early XX century. Moscow: Nauka; 2007. 237 p. (In Russ.)

16. Karamzin N.M. The History of the Russian State: in 12 volumes, vol. 10. St. Petersburg: V tip. N. Grecha: izhdiveniem brat'ev Sleninykh; 1824. 291 p. (In Russ.)

17. Sedashev V.N. Essays and materials on the history of land ownership of Muscovy in the 17th century. Moscow: Tipo-lit. V. Rikhter; 1912. 225 p. (In Russ.)

18. RGADA (Russian State Archive of Ancient Acts). F. 394. Op. 1. D. 326. L. 402–405 ob. (In Russ.)

19. Nosov N.E., Paneyakh V.M. Legislative acts of the Russian state of the second half of the XVI – first half of the XVII century. Leningrad: Nauka, Leningrad. otd-nie; 1987. 262 p. (In Russ.)

20. RGADA F. 1209. Op. 4. Ch. 2. D.5052/28. L.1-39. (In Russ.)

21. Belyaev D.I. Lectures on the history of Russian legislation. M. Tipolitogr. S.A. Petrovskogo i N.P. Panina; 1879. 730 p. (In Russ.)

22. RGADA. F. 1209. Op. 4. Ch. 2 D. 5069/43. L.13-16 ob. (In Russ.)

23. Mikhailova N.V., Zazolina E.V. State Policy in the field of land relations in the Russian Empire in the Second Half of the 18th Century: historical and legal aspect. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022;(1):189-195. (In Russ.) https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-1-189-195.

Информация об авторе / Information about the Author

Зазолина Елена Викторовна, старший преподаватель кафедры юриспруденции факультета социальных и гуманитарных наук, Государственный университет «Дубна»,
г. Дубна, Российская Федерация,
e-mail: elena_zazolina@mail.ru,
ORCID: 0009-0000-6032-4064

Elena V. Zazolina, Senior Lecturer at the Department of Jurisprudence, Faculty of Social Sciences and Humanities, Dubna State University, Dubna, Russian Federation,
e-mail: elena_zazolina@mail.ru,
ORCID: 0009-0000-6032-4064

Оригинальная статья / Original article

УДК 34.028

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-38-57

(cc) BY 4.0

Понятие и существенные признаки нормативных правовых актов: проблемы теории и правоприменения

А.А. Любчик[1]✉, О.Г. Минкова[1]

[1]Мелитопольский государственный университет
пр. Б. Хмельницкого, д.18, г. Мелитополь 283049, Российская Федерация

✉e-mail: lyubchikaa@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Большая законопроектная работа, проводимая научно-исследовательскими учреждениями на протяжении не одного десятка лет, усилия научного сообщества, федеральных государственных органов, высших судебных инстанций, к сожалению, до сих пор не привели к созданию чёткой и единообразной дефиниции нормативных правовых актов. Закрепившие это понятие в региональном законодательстве субъекты Российской Федерации также не смогли его унифицировать. Обширная судебная практика по оспариванию нормативных правовых актов и продолжающаяся научная дискуссия о их сущности и содержании предопределили необходимость проведения данного исследования.*

Цель исследования – *разработать дефиницию нормативно-правового акта, которая охватывала бы всевозможные их виды и уровни.*

Задачи: *проанализировать варианты дефиниций нормативных правовых актов, предложенные научным сообществом, федеральными и региональными органами государственной власти, странами постсоветского пространства для выявления и обобщения их существенных признаков.*

Методология. *При написании работы были использованы историко-правовой, формально-логический, системно-структурный, лингвистический методы, а также метод экспертных оценок, методы синтеза и анализа.*

Результаты. *В ходе исследования были выявлены существенные признаки нормативного правового акта и сформулирована его дефиниция, которая охватывает все виды этого источника (формы) права.*

Вывод. *Для обеспечения эффективного правового регулирования общественных отношений и обеспечения научной дискуссии, основанной на понятных и однозначных терминах, целесообразно законодательно закрепить дефиницию нормативных правовых актов, что существенно облегчит их систематизацию, процесс их создания и применения, а также разграничение с актами, имеющими некоторые их признаки.*

Ключевые слова*: нормативные правовые акты; существенные признаки; дефиниция; эффективность законодательства; проблемы правоприменения.*

Конфликт интересов*: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Любчик А.А., Минкова О.Г. Понятие и существенные признаки нормативных правовых актов: проблемы теории и правоприменения // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 3. С. 38–57. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-38-57.

Поступила в редакцию 30.04.2025 Принята к публикации 12.05.2025 Опубликована 16.06.2025

© Любчик А.А., Минкова О.Г., 2025

The concept and essential features of normative legal acts: problems of theory and law enforcement

Alexander A. Lyubchik[1]✉, Olga G. Minkova[1]

[1]Melitopol State University
18 B. Khmelnitsky Ave., Melitopol 283049, Russian Federation.

✉ e-mail: lyubchikaa@mail.ru

Abstract

***Relevance**. A great deal of legislative work carried out by scientific and research institutions for more than a dozen years, the efforts of the scientific community, federal government agencies, the highest courts, unfortunately, have not yet led to the creation of a clear and uniform definition of normative legal acts. The constituent entities of the Russian Federation, which have enshrined this concept in regional legislation, have also failed to unify it. The extensive judicial practice of challenging normative legal acts and the ongoing scientific discussion about their essence and content predetermined the need for this study.*

***The purpose** of the study is to develop a definition of a normative legal act, which would cover all their various types and levels.*

***Objectives**: to analyze the variants of definitions of normative legal acts proposed by the scientific community, federal and regional public authorities, post-Soviet countries to identify and summarize their essential features.*

***Methodology**. When writing the work were used historical-legal, formal-logical, systemic-structural, linguistic methods, method of expert evaluations, as well as methods of synthesis and analysis.*

***Results**. In the course of the study the essential features of a normative legal act were identified and its definition was formulated, which covers all types of this source (form) of law.*

***Conclusion**. To ensure effective legal regulation of public relations and to ensure scientific discussion based on clear and unambiguous terms, it is advisable to legislatively fix the definition of normative legal acts, which will significantly facilitate their systematization, the process of their creation and application, as well as differentiation from acts having some of their signs.*

***Keywords**: normative legal acts; essential signs; definition; effectiveness of legislation; problems of law enforcement.*

***Conflict of interest:** The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Lyubchik A.A., Minkova O.G. The concept and essential features of normative legal acts: Problems of theory and law enforcement. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(3):38–57. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-38-57.

Received 30.04.2025 Accepted 12.05.2025 Published 16.06.2025

***

Введение

Основной формой (источником) правового регулирования общественных отношений всегда был и остаётся нормативный правовой акт. Однако до сих пор его дефиниция отсутствует не только в законодательстве Российской Федерации, но и в теории права нет единого подхода к пониманию этого важного инструмента правового регулирования. На фоне теоретического плюрализма и законодательного пробела в формулировании этого понятия всё чаще в научных изданиях встречаются теории, которые обосновывают существование таких «правовых феноменов», как: «нетипичные нормативные правовые акты»; «нетрадиционные формы права», «нестандартные правовые предписания», «атипичные формы права», «квазиправотворческие акты». Также в 2016 г. в законодательстве Российской Федерации появился новый юридический термин «акт федерального

органа исполнительной власти, содержащий разъяснения законодательства». Такой акт *не является нормативным правовым* (*формально), но фактически обладает нормативными свойствами*[1]. Поэтому для обеспечения основного принципа правового регулирования, заключающегося в чётком, однозначном, системном и предсказуемом изложении нормативных предписаний, целесообразно закрепить в законодательстве правовую дефиницию нормативного правового акта, в идеале принять закон о нормативных правовых актах, аналоги которого приняты и действуют в большинстве государств на территории постсоветского пространства.

Методология

При написании работы были использованы методы анализа и синтеза. Историко-правовой, формально-логический, системно-структурный и лингвистический методы позволили сформулировать авторскую дефиницию нормативного правового акта. Метод экспертных оценок позволил получить оценку сегодняшнего состояния теории нормативного правового акта и проанализировать существующие векторы в подходах к его интерпретации.

Результаты и их обсуждение

Необходимость законодательного закрепления понятия нормативного правового акта была очевидной ещё в начале 1990-х гг. и непосредственно решением этой задачи интенсивно занимался Институт законодательства и сравнительного правоведения (ИЗиСП). Результатом проделанной работы стал Инициативный проект закона «О нормативных правовых актах» [1].

Впоследствии на основании наработок учёных этого института, были приняты подобные законы в большинстве стран постсоветского пространства, а также рекомендательный законодательный акт «О нормативных правовых актах государств – участников СНГ» от 13 мая 1995 г.[2] В самой России такой закон был принят в первом чтении в 1996 г. Однако в 1998 г. во втором чтении законопроект был отклонён. С.В. Липень отмечает парадоксальность ситуации, усилиями сотрудников ИЗиСП были разработаны основные положения правового регулирования правотворческой деятельности. Результаты этой работы были использованы в законодательстве государств постсоветского пространства о нормативных правовых актах (далее – НПА), при этом в период 1990–2010 гг. ИЗиСП продолжал разрабатывать проекты о НПА Российской Федерации [2, с. 160]. Так известны законопроекты 1989, 1992, 2000, 2006, 2012, 2014 (проект подготовлен Министерством юстиции РФ)[3], 2019 г. [3] Также были разработаны ИЗиСП инициативные проекты закона в 2013 и 2021 гг.

Если была проведена такая колоссальная работа, а результата в виде принятия закона или, по крайней мере, законодательного закрепления дефиниции

[1] О внесении изменений в статью 434 Федерального конституционного закона «Об арбитражных судах в Российской Федерации и статью 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации»: Федер. конституционный закон от 15 февр. 2016 г. № 2-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 7, ст. 896.

[2] Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств о рекомендательном законодательном акте «О нормативных правовых актах государств – участников СНГ» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: сайт. URL: https://docs.cntd.ru/document/8310968 (дата обращения: 25.02.2025).

[3] Проект федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации»: (подготовлен Минюстом России) // КонсультантПлюс: сайт. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=127365#064737 35518250754 (дата обращения: 25.02.2025).

нормативного правового акта не произошло, значит есть серьёзные на то теоретические причины, которые не позволяют принять предложенные в проектах закона формулировки. Рассмотрим предложенные в наиболее известных проектах закона формулировки. Говоря о правовой дефиниции, можно полностью согласиться с Э.Ф. Мамедовым, который под данным термином понимает определение понятия, которое сформулировано кратко и сжато, но отражает качественные признаки правового явления [4, с. 373].

Анализ дефиниции НПА в законопроектной работе по принятию федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации»

В Проекте федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» (инициативный законопроект) 2013 г.[1] (далее – Законопроект 2013) НПА – это *официальный письменный документ, который издаётся компетентным субъектом правотворчества в определенной форме, направлен на установление или изменение, введение в действие или отмену норм права как общеобязательных предписаний, адресованных неопределенному кругу лиц, постоянного или временного характера, который рассчитан на многократное применение*. Попробуем критически проанализировать данную формулировку по частям.

Во-первых, понятие «официальный документ» нормативно не закреплено [5, с. 12]. Однако, как указывают авторы, существуют отдельные международные акты и внутренние законодательные акты, в которых даются такие формулировки термина «официальный документ», которые охватывают только отдельные виды документов.

Например, в Конвенции, отменяющей требование легализации иностранных официальных документов, которая была принята в 1961 г.[2], официальными документами считаются: нотариальные акты; отметки о регистрации, визы, подтверждающие определенную дату, заверение подписи на документе, не засвидетельствованном у нотариуса (официальные пометки); исходящие от органа или должностного лица, включая такие документы, которые исходят от прокуратуры или секретаря суда, а также судебного исполнителя; административные документы. К указанным документам не относятся: административные документы о коммерческих или таможенных операциях; документы, которые составлены дипломатическими либо консульскими агентами (ст. 1).

В Федеральном законе от 28 ноября 2015 г. № 330-ФЗ «О проставлении апостиля на российских официальных документах, подлежащих вывозу за пределы территории Российской Федерации»[3] в ч. 1 ст. 5 указывается узкий круг документов, которые нельзя применить к документам, не перевозимым через границу.

В постановлении Правительства РФ «Об утверждении Правил делопроизводства в федеральных органах исполнительной власти»[4], закреплён термин «до-

[1] Проект федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» (инициативный законопроект). М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2013. 70 с.

[2] Конвенция, отменяющая требование легализации иностранных официальных документов: (заключена в г. Гааге 5 октября 1961 г., вступила в силу для Российской Федерации 31 мая 1992 г.) // Бюллетень Международных договоров. 1993. № 6.

[3] О проставлении апостиля на российских официальных документах, подлежащих вывозу за пределы территории Российской Федерации: Федер. закон от 28 нояб. 2015 г. № 330-ФЗ // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189517/ (дата обращения: 25.02.2025).

[4] Об утверждении Правил делопроизводства в федеральных органах исполнительной власти: постановление Правитель-

кумент», под которым понимается такой официальный документ, который создан государственным органом либо органом местного самоуправления, а также юридическим или физическим лицом. Такой документ оформляется в установленном порядке, включается в документооборот федерального органа исполнительной власти. Данное понятие, хотя и не раскрывает содержания понятия «официальный документ», однако ясно даёт представление о широком круге субъектов, которые могут их издавать, включая физических лиц.

В Национальном стандарте РФ ГОСТ Р 7.0.8-2013[1] в подп. 8 п. 3.1 указано: «Официальный документ – это документ, который создаётся организацией или должностным лицом, а также гражданином и оформляется в утверждённом порядке». Данный стандарт используется только в области делопроизводства и архивного дела, при этом в приказе, которым он утверждается, указывается, что такой стандарт рассчитан для добровольного применения.

Таким образом, единой дефиниции «официальный документ», включающей в себя признаки всех видов официальных документов, нормативно не закреплено.

Во-вторых, формулировка: «*…изданный в определенной форме компетентным субъектом правотворчества*» для правоприменителя или для пользователя НПА может вызывать вопросы. В определённой кем и где форме? Компетентен ли орган, издавший, утвердивший НПА?

Так, например, постановлением Правительства РФ от 13 августа 1997 г. № 1009 были утверждены Правила подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации»[2], в которых закреплено, что НПА может издаваться несколькими федеральными органами исполнительной власти или одним органом по согласованию с другими (п. 3). У каждого из таких органов обязательно должны присутствовать соответствующие полномочия на издание или согласование НПА. Этот же пункт закрепляет необходимость согласования проекта НПА, если оно прямо предписано законодательством или проект содержит положения межотраслевого значения, а также предусматривает совместную деятельность федеральных органов исполнительной власти.

Другими словами, правоприменитель или тем более пользователь документа на основе данного в Проекте 2013 определения никогда не смогут точно определить, является ли данный документ НПА или нет, без серьёзного анализа действующего законодательства и такого же анализа самой процедуры принятия документа, который необходимо идентифицировать как НПА.

В-третьих, оставшаяся часть дефиниции: *«…и направленный на установление, изменение, введение в действие или отмену правовых норм как общеобязательных предписаний постоянного или временного характера, адресованных неопределенному кругу лиц и рассчитанных*

ства РФ от 15 июня 2009 г. № 477: ред. от 01.02.2020 // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189517/ (дата обращения: 25.02.2025).

[1] ГОСТ Р 7.0.8-2013. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения: (утв. приказом Росстандарта от 17.10.2013 N 1185-ст) // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации: сайт. URL: https://legalacts.ru/doc/gost-r-708-2013-natsionalnyi-standart-rossiiskoi-federatsii/ (дата обращения: 25.02.2025).

[2] Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации: постановление Правительства РФ от 13 авг. 1997 г. № 1009: ред. от 15.11.2024 // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189517/ (дата обращения: 25.02.2025).

на многократное применение», преимущественно раскрывает функциональные признаки документа, которые характеризуют особенности его применения. В этой части дефиниции вполне достаточно указать на то, что НПА содержит нормы права. Не так важно, какие именно эти нормы (правоустанавливающие, правоизменяющие или правопрекращающие, а также постоянные или временные). Если пользователь (правоприменитель) убеждается в наличии в документе норм права, то их *адресация неопределенному кругу лиц и то, что они рассчитаны на многократное применение, уже логично вытекает из свойств самих норм права и не обязательно это дополнительно указывать в дефиниции НПА.*

Правовая дефиниция должна содержать описание только признаков важнейших элементов описываемого правового явления, которые сделают возможным его идентификацию («опознание») среди других похожих правовых явлений. Таким образом, в структуру дефиниции НПА не должны входить его функциональные признаки, которые проявляются позже, когда, например, пользователь (или правоприменитель) уже опознал в определённом документе НПА, вот тогда он нуждается в функциональных признаках, которые входят не в дефиницию, а в понятие НПА. Другими словами, понятие любого правового явления – это его дефиниция плюс признаки, которые дополнительно его характеризуют (сфера применения, период действия, особенности применения в определённых ситуациях и др.).

В итоге указанная дефиниция при критическом подходе вполне могла вызвать вопросы, на которые в ней не было ответов. Также достаточно дискуссионной является дефиниция «локальный нормативный правовой акт» (далее – ЛНПА), закреплённая во второй статье Проекта 2013. Признаками такого акта являются: правовой акт; распространение внутри организации; принимается уполномоченным субъектом организации в рамках закреплённой компетенции; используется для регулирования отношений между её участниками, а также деятельности самой организации (к ним относятся: нормативные правовые акты госкорпораций, стандарты, акты саморегулируемых организаций, корпоративные акты и др.)

По поводу признаков, включённых в дефиницию ЛНПА, можно отметить следующее:

Формулировка ЛНПА через термин «правовой акт» не является удачной. В итоге выходит, что ЛНПА – это правовой акт, который принимается уполномоченным субъектом и действует внутри организации. Какое его содержание, присутствуют ли в нём нормы права? Какой именно организации? Нужен ли ей статус юридического лица или такового не требуется?

Если учесть, что ст. 2 Проекта 2013 формулирует дефиницию правового акта как официальный письменный документ, который направлен на регулирование общественных отношений, имеет обязательную силу для субъектов, на которых распространяется, принят управомоченным субъектом, порождает правовые последствия, то, как говорится, «найдите разницу» между ЛНПА и правовым актом. Правовой акт вполне может действовать на территории организации и приниматься для регулирования отношений между её участниками. (Например, принятие приказа о назначении начальника цеха, изменяет права и обязанности вновь назначенного и всех участников (работников) организации по отношению к нему).

В ст. 2 Проекта Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» 2014 г.[1] (далее –

[1] Проект федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» по состоянию на 26.12.2014 г. // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www. consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base

Проект 2014), который разработал Минюст РФ, дефиниция НПА осталась такой же, как в Проекте 2013, с добавлением направленности НПА на разъяснение и приостановление действия норм права. В статье также закреплено, что *не является нормативным правовым актом такой правовой акт, который принят в порядке выполнения контрольных или надзорных функций и изменяет НПА, прекращает его действие.*

Можно задать следующие риторические вопросы по поводу таких изменений. Существуют ли примеры внесения изменений в НПА правовым (не нормативным) актом? Один из принципов правотворчества, согласно которому изменять действие НПА может только другой НПА с равной или большей юридической силой изменяемому, уже не актуален?

Л.И. Антонова, исследуя Проект 2014, справедливо отмечает, что если в указанном проекте под разъяснением норм права имеются в виду аутентическое толкование, то да – это может быть НПА, если другие органы – не всегда. Также автор указывает, что Конституционный Суд РФ и суды общей юрисдикции могут признать акт неконституционным, однако эти органы не являются ни контрольными, ни надзорными. Это органы правосудия. Другие органы не наделены правом ненормативными, а просто правовыми (правоприменительными) актами отменять или изменять НПА [6, с. 12].

Важно добавить, Конституционный Суд, согласно п. 4 ст. 125 Конституции РФ, просто проверяет, соответствует ли тот или иной НПА Конституции РФ, и принимает соответствующее решение: соответствует или нет. Он его не отменяет, не прекращает его действие, эти вопросы регулируются п. 6 Конституции РФ, в которой указывается, что акты, признанные неконституционными, утрачивают силу и не применяются, при условии признания Конституционным Судом РФ НПА неконституционным, Конституцией РФ закрепляется следствие – прекращение и не применение этого НПА. Законодатель преднамеренно развёл полномочия Конституционного суда и прямое действие Конституции в разные пункты ст. 125.

Достаточно дискуссионные формулировки были допущены в Проекте 2014. В свою очередь, инициативный проект Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» 2019 г.[1] в ст. 2 указывает, что НПА представляет собой такой *официальный письменный документ, который издаётся компетентным субъектом правотворчества в определенной форме, устанавливает, изменяет, вводит в действие и отменяет нормы права.*

Мы видим, что дефиниция от проекта к проекту становится короче, уже отсутствует действие НПА на неопределённый круг лиц, неоднократное применение. Уже нет направленности НПА на приостановление норм права и разъяснение (толкование) их сущности. Отсутствует также дефиниция ЛНПА как отдельного понятия. Однако отсутствие прямого указания на то, что в НПА находятся нормы права, на наш взгляд, не оправдано, особенно в свете ранее указанного в Проекте 2014 правила о том, что вносить изменения в НПА или прекращать его действие может ненормативный правовой акт. Другими словами, указанная в Проекте 2019 дефиниция также может охватывать и ненормативные правовые акты.

Проект 2019 (ст. 2) также содержит дефиницию электронного НПА как до-

=PRJ&n=127365&dst=#1oirAiUkpHn9Yn88 (дата обращения: 25.02.2025).

[1] О нормативных правовых актах в Российской Федерации (инициативный проект федерального закона) / рук. авт. коллектива Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2019. 88 с.

кумента, который дублирует уже принятый и опубликованный НПА с помощью электронных технологий в рамках компетенции правотворческого органа (должностного лица), его принимающего.

На наш взгляд, отдельной дефиниции, как и отдельного электронного НПА, не существует, это просто иная форма выражения того же письменного документа, подписанного, согласованного и заверенного как обычный документ с тем же регистрационным номером. Необходимо лишь указание, на каких именно сайтах этот электронный НПА является легальным, чтобы всегда на них можно было сослаться.

В целом трансформация дефиниции в рассмотренных законопроектах со временем не делает её понятной и универсальной, подходящей для всех видов НПА. Нетрудно понять законодателей, которые уже не одно десятилетие не принимают указанный закон. Дефиниция НПА – это не просто набор слов и словосочетаний, это стратегия правового регулирования, которая непосредственно сказывается и на таких вопросах, как: виды НПА; их система; органы, которые их могут издавать; процедуры, необходимые для их создания. Поэтому «колебания» по столь существенному вопросу, как дефиниция, недопустимы и, на наш взгляд, отсутствие единого подхода к её формулировке является основной причиной невозможности принятия указанного закона.

Доктринальные подходы к дефиниции нормативного правового акта

Свою оценку последствий отсутствия дефиниции НПА ещё в 2009 г. дала С.В. Бошно, которая отмечает, что такая ситуация осложняет работу органов государственной власти, препятствует осуществлению эффективного правосудия, а также создаёт условия для нарушений прав физических лиц, оказывает негативное влияние на систему законодательства [7, с. 23]. С того времени существенных изменений в этом вопросе не произошло. В 2015 г. свою дефиницию НПА указанный автор определил как «*официальный письменный документ, принятый (изданный) государственным органом, органом местного самоуправления (их должностным лицами) в пределах собственной компетенции, который имеет определенную форму и направленный на установление, приостановление, изменение, прекращение, а также введение в действие общеобязательных предписаний, рассчитанных на многократное применение, распространяющихся на неопределенный круг лиц, направленных на урегулирование, изменение или прекращение существующих правоотношений*» [8, с. 11]. Исходя из указанного текста дефиниции, можно сделать вывод о том, что автор не окончательно определился в вопросе направленности НПА (на установление, изменение, приостановление, прекращение общеобязательных предписаний или на урегулирование, изменение, прекращение общественных отношений). При оставлении только первого варианта направленности НПА дефиниция повторяет дефиницию Проекта 2013.

В.П. Уманская, рассматривая современные подходы к понятию НПА, ограничилась перечислением их признаков, к которым отнесены: формальные и содержательные признаки. К первым автор относит: 1) вид и форму НПА; 2) установленную процедуру издания НПА; 3) нормотворческие полномочия у госоргана, который принимает НПА.

Содержательные признаки: 1) нормы права в содержании НПА (автор отмечает, что сложность определения таких норм обосновывается тем, что существуют нормы-принципы, нормы-дефиниции, нормы-задачи (цели), нормы-декларации), которые не содержат границ должного или запрещённого поведения; 2) распространение НПА на неопределенный круг лиц; 3) многократность применения НПА и неопределенный срок действия [9, с. 150–154].

Можно сделать несколько замечаний по поводу указанных признаков. Во-первых, нигде в законодательстве не указано, что такое форма НПА, а что такое вид. Какие формы и виды НПА сегодня существуют? Л.И. Антонова справедливо ставит аналогичные вопросы относительно форм и видов НПА, анализируя Проект 2013 [6, с. 14]. Действительно, какие формы и виды у законов или подзаконных актов?

Во-вторых, нормы: принципы, цели, дефиниции – это такие же правила поведения. Любые правовые принципы – это правила, сформулированные на более высоком уровне обобщения, которыми руководствуются правотворческие органы, правоприменители, правопользователи и т. д., они должны их соблюдать и не могут нарушать. То же касается и норм – целей и дефиниций. Например, легальная дефиниция НПА (когда появится) будет направлена на корректировку всеми участниками правотворчества и правоприменения своих действий, связанных с изданием или особенностями структуры НПА, очерченных в такой дефиниции. В науке проводились исследования, результаты которых свидетельствуют о том, что далеко не все отечественные и зарубежные учёные выделяют такой вид норм, как декларативные [10, с. 215].

В-третьих, почему нормотворческие полномочия должны быть только у государственного органа, издавшего акт?

Другую дефиницию НПА формулирует А.Г. Федорец – это «*официальный письменный документ, принимаемый компетентным субъектом правотворчества, имеющий установленную форму и направленный на установление, приостановление, изменение, а также прекращение действия норм права»* [11, с. 82].

Обобщение трёх рассмотренных выше подходов к содержанию НПА даёт основания для определённых выводов: 1) не полно раскрываются (первые два автора) или вообще не упоминаются (третий автор) виды субъектов правотворчества – это первое, на что обращается внимание при анализе любого документа. Без перечня видов субъектов правотворчества дальнейший анализ дефиниций во многом утрачивает ценность; 2) ни в одной дефиниции (и в признаках НПА) не указано, что НПА может содержать разъяснительные нормы (например, аутентическое или иное легальное толкование, оформленное в форме НПА). В качестве примера можно привести приказ Минюста РФ от 23 апреля 2020 г. № 105 «Об утверждении разъяснений о применении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации»[1]; 3) указание на «определённость формы» никакой информативности не несёт, поэтому в таком виде абсолютно не является признаком НПА; 4) первый и третий авторы не указывают на то, что в содержании НПА находятся номы права.

Таким образом, эти и другие анализированные нами дефиниции имеют в своей структуре различные основные признаки дефиниции НПА, что свидетельствует об отсутствии единого доктринального подхода. Более того, в научных публикациях на фоне отсутствия дефиниции НПА с завидным постоянством звучат предложения считать нормативными правовыми актами постановления Конституционного Суда РФ [12; 13; 14].

Так, например, В.Н. Борков приходит к выводу, что «Конституционный Суд РФ является правотворческим органом» [15, с. 14]. Такого же мнения придерживаются авторы учебника по теории

[1] Об утверждении Разъяснений о применении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации: приказ Министерства юстиции РФ от 23 апр. 2020 г. № 105 // Официальное опубликование правовых актов: сайт. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004270027?index=1 (дата обращения: 25.02.2025).

государства и права, в котором указывается: «Конституционный Суд является *органом* правотворчества в негативном и позитивном смыслах. *Решение Конституционный Суд* является негативным источником права в том смысле, что тот или иной акт, признанный неконституционным, утрачивает юридическую силу и становится не действующим. *Решения Конституционный Суд* являются позитивными источниками права в том смысле, что правовые позиции Суда и толкование Конституции создают новые правоположения и нормы…»[1]. (В указанном фрагменте учебника, кроме грамматических ошибок (выделены нами) допущены и ошибки содержательные). Согласно п. 1 ст. 125 Конституции РФ Конституционный Суд РФ осуществляет судебную власть посредством конституционного судопроизводства. Суды, как известно, являются правоприменительными органами и не наделены правотворческими функциями. О недопустимости судебного толкования, в том числе и высшими судебными инстанциями, при котором судебные органы выходят за рамки разъяснения (толкования) НПА и пытаются осуществлять «правотворческую деятельность» незаконно, указывал К.В. Пронин[2] и другие учёные [16, с. 4–7; 17, с. 40].

Ещё более радикальные предложения сформулировал К.Б. Лазорин, предлагая к НПА (нетипичным) относить: «…государственные реестры; экспериментальные; временные нормативные правовые акты; производные (специальные) нормативные правовые акты; национальные рекомендательные нормативные правовые акты; рамочные конвенции (соглашения); инвестиционные проекты; федеральные (национальные) каталоги; меморандумы; стратегии, декларации, конвенции и иные нетипичные нормативные правовые акты федерального, регионального и муниципального уровней» [18, с. 24–25]. Такие «предложения» по очевидным причинам мы комментировать в этой работе не будем, однако их корни берут начало именно вследствие отсутствия легального толкования НПА. Обоснования таких предложений автор не приводит, но предложения сформулировал.

Практика законодательного закрепления дефиниции НПА в странах постсоветского пространства

Для приближения к пониманию совокупности признаков, которые должны быть указаны в дефиниции НПА, полезным будет ознакомиться с некоторыми зарубежными законами. Так в ст. 2 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах»[3] (далее – Закон РБ № 130-З) закреплено, что НПА – это такой *официальный документ, который принимается на референдуме, госорганом или должностным лицом (в рамках их компетенции) в соответствии с законодательно установленной процедурой и направленный на установление, приостановление, возобновление, изменение, продление, прекращение действия и официальное толкование норм права, как общеобязательных правил поведения постоянного или временного характера, рассчитанных на неоднократное применение в отношении индивидуально не определенного круга лиц.*

Под нормотворческим органом в данной статье понимается госорган (организация, должностное лицо), уполномоченные законодательством на принятие (издание) НПА.

[1] Теория государства и права: учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Г.Г. Бернацкого. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2020. С. 458.

[2] Пронин К.В. Дискреционные полномочия суда в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. 25 с.

[3] О нормативных правовых актах: Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь: сайт. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11800130 (дата обращения: 25.02.2025).

Данная дефиниция аналогична Проекту 2013, к которой добавлены: 1) референдум как нормотворческая процедура; 2) дополнительное свойство НПА – толкование норм права; 3) ограничения по субъектам принятия НПА – могут приниматься только госорганами (их должностными лицами).

Также нужно отметить, что в ст. 3 этого закона указано, что НПА может издавать Верховный Суд Республики Беларусь.

В п. 25 ст. 1 Закона Республики Казахстан от 6 апреля 2016 г. № 480-V ЗРК «О правовых актах»[1] НПА – *официальный письменный документ, который оформлен на бумажном носителе, либо электронный документ, принятый на республиканском референдуме, а также уполномоченным органом, направленный на установление, дополнение, изменение, приостановление или прекращение норм права.* Как видим, дефиниция непритязательная, которая не акцентирует внимание на процедуре принятия, на истоках компетенции правотворческого органа, на субъектах правотворчества, на возможности толкования норм права, на конкретизации формы. Эта дефиниция соответствует использованной в Проекте 2019.

В ст. 2 Конституционного закона Азербайджанской Республики от 21 декабря 2010 г. № 21-IVKQ «О нормативных правовых актах»[2] НПА – это *официальный документ, который принят на референдуме или уполномоченным госорганом с соблюдением предусмотренной Конституцией АР процедуры, имеющий установленную форму, в которой находятся общеобязательные для неопределенного круга лиц правила поведения, рассчитанные на неоднократное применение.*

Отметим, что в Конституции АР нет подробного описания процедуры принятия различных НПА. Подмена термина «неопределённый круг лиц» на «общеобязательность» также не добавляет этой дефиниции определённости, может существенно затруднять интерпретацию указанного термина и теоретически сокращает виды документов, которые могут иметь статус НПА. Не раскрывается вопрос видов правотворческих органов, есть ли в нём нормы права.

В целом можно отметить, что рассмотренные законы содержательно не лучше той дефиниции НПА, которые были предложены ещё в Проекте 2013, и, как видим, такой вариант дефиниций устраивает государства, которые их узаконили. Тогда возникает логичный вопрос: почему подобный закон до сих пор не принят в России? Может состояние неопределённости в терминологии способствует решению каких-то сложных правотворческих или правоприменительных задач? А.А. Васильев приходит к выводу, что отсутствие закона о НПА выгодно для законодателей и практики правоприменения. Законодатель не хочет брать на себя ответственность за качество НПА, а также неопределенность иерархии НПА и коллизионного права дают возможность произвольно подходить к разрешению различных юридических споров [19, с. 58]. Автора понять можно, без закрепления дефиниции НПА невозможно говорить о их видах, а значит, о построении чёткой системы этих важнейших источников (форм) права.

[1] О правовых актах: Закон Республики Казахстан от 6 апр. 2016 г. № 480-V // Единая платформа интернет-ресурсов государственных органов: сайт. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/almobl-enbek/documents/details/41546?lang=ru (дата обращения: 25.02.2025).

[2] О нормативных правовых актах: Конституционный закон Азербайджанской Республики от 21 дек. 2010 г. № 21-IVKQ: (ред. 14.07.2023) // Юрист: сайт. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30977940 (дата обращения: 25.02.2025).

Дефиниция НПА в региональном законодательстве

Ещё более противоречивым здравому смыслу выглядит ситуация, когда более 65 субъектов РФ приняли законы, в которых находится дефиниция НПА. В условиях межрегионального сотрудничества такая ситуация с различными вариантами дефиниции НПА не создаёт условия для единого правового пространства на территории государства. Рассмотрим некоторые дефиниции:

1) НПА города Москвы – *правовые акты, устанавливающие нормы права (правила поведения), которые обязательны для неопределенного круга лиц, рассчитаны на неоднократное применение, а также действуют независимо от того, возникли или прекратились конкретные правоотношения, предусмотренные правовыми актами*[1];

2) НПА Республики Башкортостан – *это изданный уполномоченным госорганом Республики Башкортостан акт, устанавливающий нормы права, которые рассчитаны на неоднократное применение, распространяются на неопределенный круг лиц и действуют независимо от того, возникли или уже прекратились предусмотренные им конкретные правоотношения*[2];

3) В ДНР НПА – *это официальный письменный документ, принятый (изданный) в пределах своей компетенции уполномоченным органом, который направлен на введение в действие, установление, изменение, приостановление, разъяснение или прекращение действия норм права*[3].

Даже на таком незначительном количестве законов можно увидеть различные подходы не только к формулировке дефиниции, но и к сущности НПА. В столице и в ДНР вообще не акцентировано внимание на органах, которые принимают НПА, во втором примере – это только госорганы. Официальным документом признаётся НПА только в ДНР. Во всех трёх случаях не указывается, что НПА содержит нормы права. Учитывая, что сегодня некоторые учёные считают, что акты высших судебных органов нужно относить к НПА, прямое указание в дефиниции на необходимость наличия в НПА норм права является обязательным. В первых двух примерах НПА только устанавливают нормы права, в третьем – изменяют, вводят в действие, разъясняют, приостанавливают, прекращают действие норм права.

Только во втором примере упоминается, что есть какой-то «установленный» порядок принятия НПА, в остальных примерах о порядке ни слова. В первом примере нет указания на компетенцию органа, принимающего НПА. Может это не важно и любой орган может принимать любой НПА? Также в первом примере речь идёт о действии НПА вне зависимости от возникновения или прекращения конкретных правоотношений, которые предусмотрены в этом акте. Это о каких конкретных отношениях идет речь? Почему о них идёт речь в НПА? В НПА всегда закрепляются общие правила

[1] О правовых актах города Москвы: закон Москвы от 8 июля 2009 г. № 25: ред от. 25.12.2024 // Московская городская дума: сайт. URL: https://duma.mos.ru/ru/0/page/zakon-goroda-moskvyi-ot-8-iyulya-2009-goda-25-o-pravovyih-aktah-goroda-moskvyi (дата обращения 25.04.2025).

[2] О нормативных правовых актах Республики Башкортостан: закон РБ от 12 авг. 1996 г. N 42-з: ред. от 01.02.2024 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=145008721&page=1&rdk=18#I0 (дата обращения: 25.04.2025).

[3] О нормативных правовых актах Донецкой Народной Республики: закон ДНР от 24 сент. 2015 г. № 72-IНС: ред. от 25.03.2022 // Народный Совет ДНР: сайт. https://dnrsovet.gov.ru/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-normativnyh-pravovyh-aktah/ (дата обращения: 25.02.2025).

(нормы права), без учёта конкретных ситуаций и обстоятельств.

Во всех трёх примерах, если бы было указано, что НПА состоит из норм права, не нужно было бы указывать о действии на неопределённый круг лиц и неоднократного использования. Это было бы уже понятно из свойств норм права.

В итоге можно себе представить плюрализм позиций всех субъектов РФ, которые приняли соответствующие законы. Поэтому законодательное закрепление дефиниции НПА на федеральном уровне способствовало бы устранению терминологической «чехарды» не только в научной сфере, но и в региональном законодательстве.

Дефиниция НПА в интерпретации высших судебных органов

Судебные органы, в том числе и высшие, не могут и не должны заниматься правотворчеством, в том числе и формулировать дефиницию НПА в ситуации, когда отсутствует федеральный нормативный акт с закреплением этой дефиниции. Однако практика оспаривания НПА, которая нуждается в обобщении, способствовала тому, что такая дефиниция была сформулирована в постановлении Пленума Верховного Суда № 5. Пункт второй указывал, что НПА – *акт управомоченного органа госвласти, органа местного самоуправления или должностного лица, который издан в определённом порядке, устанавливающий нормы права, рассчитанные на неоднократное применение неопределенным кругом лиц, действующие независимо от возникновения или прекращения предусмотренных таким актом конкретных правоотношений*[1].

В 2007 г. взамен предыдущей дефиниции, которая утратила силу, уже другое постановление Пленума Верховного Суда № 48[2] изменило подход к определению НПА и просто перечисляло их существенные признаки: *издание управомоченным органом госвласти, органом местного самоуправления или должностным лицом; установленный порядок издания; наличие в содержании НПА правовых норм (правил поведения), рассчитанных на неоднократное применение, обязательных для неопределенного круга лиц; направленность на регулирование, изменение или прекращение существующих общественных отношений.*

Другой подход к дефиниции НПА у Конституционного Суда РФ, который в своих решениях придерживается формулировки НПА, данные в постановлении Государственной Думы[3], а впоследствии в приказе Минюста России[4], в которых *НПА – официальный письменный документ, изданный в рамках своей компе-*

[1] О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел по заявлениям прокуроров о признании правовых актов противоречащими закону: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 апр. 1993 г. № 5 // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2646/ (дата обращения: 25.02.2025).

[2] О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 нояб. 2007 г. № 48 // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73167/ (дата обращения: 25.02.2025).

[3] Об обращении в Конституционный Суд Российской Федерации: постановление Государственной Думы Федерального Собрания от 11 нояб. 1996 г. № 781-II ГД // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ ips/?docbody=&link_id=0&nd=201132812&firstDoc=1&collection=1 (дата обращения: 25.02.2025).

[4] Об утверждении разъяснений о применении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации: приказ Минюста РФ от 4 мая 2007 г. № 88: ред. от 26.05.2009 // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consul-tant.ru/document/cons_doc_LAW_73167/ (дата обращения: 25.02.2025).

тенции и в определённой форме правотворческим органом, направленный на установление, изменение или отмену правовых норм.

В данном случае отметим, что на поверхности лежат следующие вопросы по поводу такой формулировки: где указано, что такое официальный документ? определённую форму кто и где определял? правотворческие органы, это какие? «Направленный на установление, изменение или отмену правовых норм…», а как же ввод в действие, приостановление, толкование?

По формулировке НПА, указанной в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 48, невозможно определить, о каких должностных лицах идёт речь. Только ли госорганов и органов местного самоуправления либо это могут быть и другие должностные лица? Снова просто «установленный порядок». Кем, где установленный, один для всех или иначе? После слов «наличие в нём правовых норм» дефиницию можно было не продолжать ввиду очевидности того, как и на кого распространяют своё действие нормы права.

Подводя итог анализа дефиниций НПА, предложенных наукой, законопроектной деятельностью, усилиями высших судебных органов, а также региональным законодательством и законодательством государств постсоветского пространства, можно сделать следующие выводы:

1. Каждая дефиниция НПА, предложенная до сих пор, имеет те или иные изъяны, о которых часто упоминается в научной литературе. Наличие таких недостатков подтверждается многолетней практикой оспаривания законности НПА в судах (в том числе в высших судебных органах). Обратившиеся в суды субъекты сами не всегда могут понять, имеют ли они дело с НПА или с документом, который содержит некоторые признаки НПА.

2. Субъекты РФ, принявшие законы, в которых закреплена дефиниция НПА, не ставили цель соответствия дефиниции уже известным её вариантам, которые формулировали государственные (в том числе высшие судебные) органы. Не соотносили они свои дефиниции с подобными в законах иных субъектов РФ, вследствие чего на территории РФ отсутствует единое правовое поле, в котором граждане или хозяйствующие субъекты, да и государственные органы и органы местного самоуправления могли бы без помощи судов понимать сущность, форму, содержание и процедуру принятия НПА, особенно учитывая многочисленность видов НПА.

3. Ни в одной из рассмотренных нами дефиниций нет очень важного признака – прохождение регистрации НПА. Даже если предположить, что дефиниции с абстрактной фразой «изданный в установленном порядке» охватывает регистрацию, то всё равно большая часть рассмотренных дефиниций НПА не содержит даже этой указанной фразы.

Здесь можно отметить, что в п. 2 Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации[1] прямо указано *на недопустимость направления НПА для исполнения, если последние не прошли госрегистрацию* либо не опубликованы в определённом порядке. В отношении иных публичных органов власти есть п. 9 ст. 23 Положения о Министерстве юстиции Российской Федерации, в котором указано, что Минюст *направляет в федеральные органы, а также в иные публичные органы представления об отмене (признании утратившими силу, не подлежащими применению) или изменении НПА*

[1] Правила подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации: (утв. постановлением Правительства РФ от 13 авг. 1997 г. № 1009: ред. от 15.11.2024 № 1557) // Официальный интернет-портал правовой информации: сайт. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102048667 (дата обращения: 25.02.2025).

либо актов, которые содержат правовые нормы, не прошедшие госрегистрацию. Такие представления являются обязательными для исполнения[1].

Таким образом, можно убедиться, что государственная регистрация – это не просто формальность к уже принятым и действующим НПА, а обязательное условие их легальности, а также в итоге их нормативности и вступления в силу.

Дефиниция НПА не должна быть слишком короткой и недостаточно информативной, такой сложный, многовидовой и многоформатный юридический феномен требует скрупулёзного объединения всех его существенных признаков. Нельзя назвать здоровой ситуацию в правоприменении, когда государственные органы и другие субъекты права обращаются за судебным решением о нормативности того или иного документа, а после ещё и обжалуют такое решение вплоть до высшей судебной инстанции.

По нашему мнению, *НПА – это письменный (в том числе его электронный вариант) документ, имеющий реквизиты и структуру, которую требует законодательство для документа данного вида, принятый референдумом, публичным органом или его должностным лицом, а также руководителем юридического лица или физическое лицо – субъект предпринимательской деятельности в рамках своей компетенции, который был издан в соответствии с установленной в законодательстве процедурой, в том числе зарегистрирован (при прямом указании в законе – прошедший государственную регистрацию) и опубликован, содержащий нормы права, направленный на установление, изменение, введение в действие, официальное разъяснение, прекращение или приостановление действия норм права*.

Такой подход имеет следующие преимущества перед проанализированными вариантами: 1) учитывает все возможные виды НПА, в том числе и ЛНПА; 2) акцентирует внимание на обязательности структуры и реквизитов, которые закреплены в законодательстве для НПА данного вида; 3) подробно перечислены субъекты правотворчества; 4) указано, что правотворческие органы принимают НПА в рамках своей компетенции и установленной в законодательстве процедуры; 5) перечислены все возможные варианты направленности действия НПА.

Говоря о дефиниции НПА, необходимо проанализировать её соотношение с новым правовым явлением, которое появилось в правовом поле после принятия постановления Конституционного Суда РФ от 31 марта 2015 г. № 6-П[2] (далее – постановление № 6-П). Постановлением был признан неконституционным п. 1 ч. 4 ст. 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» и осуществлено толкование статьи таким образом, что устанавливаются «новые правила» об обязательности разъяснений налогового законодательства *в актах, исходящих от Федеральной налоговой службы (ФНС) для налоговых органов и налогоплательщиков, т. е. для неопределенного круга лиц*. Полное название такого акта – «акт федерального органа исполнительной власти, содержащий разъяснения налогового законодательства». Такой акт, согласно

[1] Положение о Министерстве юстиции Российской Федерации: (утв. Указом Президента РФ от 13 янв. 2023 г. № 10: в ред. от 09.10.2023 № 750 // Президент России: сайт. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48837 (дата обращения: 25.02.2025).

[2] По делу о проверке конституционности пункта 1 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» и абзаца третьего подпункта 1 пункта 1 статьи 342 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой открытого акционерного общества «Газпром нефть»: постановление Конституционного Суда РФ от 31 марта 2015 г. № 6-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2015. № 3.

п. 2 резолютивной части постановления № 6-П, *не является нормативным правовым актом, однако фактически обладает нормативными свойствами.*

Согласно этому постановлению законодателю надлежит урегулировать саму возможность и особенности оспаривания таких актов федеральных органов исполнительной власти (в том числе ФНС) в Верховный Суд РФ.

Появившееся в правовом поле новое словосочетание «акт федеральных органов с нормативными свойствами» не укладывается в ранее известные правовой доктрине и практике правовые явления. В фабуле дела этим «актом с нормативными свойствами» *являлось письмо Федеральной налоговой службы* от 21 августа 2013 г. № АС-4-3/15165 «О налоге на добычу полезных ископаемых», обязательность которого обжаловал в Верховный Суд РФ «Газпром нефть». Ранее (до постановления № 6-П) *такие письма просто принимались к сведению, но не относились к документам, юридически обязывающим к определённому действию.*

Таким образом, возник логичный вопрос: чем нормативные свойства НПА отличаются от нормативных свойств «правил», находящихся в «актах с нормативными свойствами»? Будут ли теперь письма и телеграммы федеральных органов исполнительной власти являться источниками (формами) права? Если да, то какими именно?

Законодателем в ответ на постановление № 6-П были приняты дополнения в п. 1-1, п. 4 ст. 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» о том, что акты федеральных органов исполнительной власти и иных федеральных госорганов, а также Центрального банка РФ, государственных внебюджетных фондов, в том числе Фонда социального страхования РФ, Федерального фонда обязательного медицинского страхования, если они содержат разъяснения законодательства и обладают нормативными свойствами, теперь можно оспаривать непосредственно в Верховном Суде РФ. При этом понятие «акты с нормативными свойствами» раскрыто не было. Другими словами, законодатель не только согласился с тем, что «акты с нормативными свойствами» (письма и телеграммы) могут оспариваться в том же порядке, что и НПА, но и расширил перечень органов, которые такие акты могут издавать.

Также были внесены изменения в ст. 43.4 Федерального конституционного закона «Об арбитражных судах в Российской Федерации»[1] и ст. 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации», которые позволяют Верховному Суду РФ и Суду по интеллектуальным правам рассматривать дела об оспаривании актов федеральных органов исполнительной власти как судам первой инстанции, если последние содержат разъяснения законодательства и обладают нормативными свойствами.

Дополнительно Федеральный закон РФ от 15 февраля 2016 г. № 18-ФЗ[2] закрепил особенности рассмотрения дел, которые рассматриваются Судом по интеллектуальным правам, административных дел, в которых рассматриваются споры по поводу актов, содержащих

[1] «О внесении изменений в статью 434 Федерального конституционного закона «Об арбитражных судах в Российской Федерации» и статью 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации»: Федер. конституционный закон от 15 февр. 2016 г. № 2-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 7, ст. 896.

[2] О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации в части установления порядка судебного рассмотрения дел об оспаривании отдельных актов: Федер. закон от 15 февр. 2016 г. № 18-ФЗ: посл. ред. // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_193973/ (дата обращения: 25.02.2025).

разъяснения законодательства и которые обладают нормативными свойствами.

Формулировки «актов с нормативными свойствами» указанные изменения не содержали, поэтому смысл словосочетания в правоприменении выглядит следующим образом: любой федеральный орган исполнительной власти может, не принимая нормативного правового акта с аутентическим (или легальным) толкованием, по своей инициативе, просто написать письмо с толкованием любого НПА, которое автоматически становится общеобязательным для всех субъектов, на которых оно направлено. Указанные акты (письма), минуя рассмотрение дела в нижестоящих судах, могут быть оспорены только в Верховном Суде РФ.

Проводя анализ положения постановления № 6-П, В.П. Уманская справедливо отмечает, что термин «акт с нормативными свойствами» не является понятным, недвусмысленным, согласованным с другими НПА [9, с. 147].

Более конкретно и подробно указал на недостатки «актов с нормативными свойствами» Р.Л. Иванов, который отмечает, что они не подлежат госрегистрации, не проходят установленную законодательством правотворческую процедуру, но могут изменять правовой статус организаций и нарушать права человека. Для них не указывается компетенция органов и должностных лиц, которые могут их создавать и подписывать. В таком случае мнение должностного лица, который подписал такой акт, может не совпадать с реальной волей федерального органа госвласти в целом. Также не определён порядок вступления в силу таких актов, они создаются без учёта или с отклонениями от юридической техники. Поэтому автор ставит риторический вопрос: перед нами очередной (новый) источник права или одна из юридических аномалий? [20, с. 27] Также автор предлагает с целью недопущения указанными органами злоупотребления своими полномочиями для возвращения результатов их нормативной деятельности под контроль Министерства юстиции РФ и уменьшения нагрузки на суды запретить оформлять письма с «нормативными свойствами».

Трудно не согласиться с авторами и остаётся добавить, что правовой науке придётся менять подходы к нормативности как признаку, присущему только нормам права, в образовательной деятельности переписать огромную массу учебной литературы, которая долгие годы учила отечественных юристов тому, как важно, чтобы обязательные для неопределённого круга лиц и рассчитанные на неоднократное применение правила поведения закреплялись в документе с чёткой структурой и реквизитами, с прохождением указанной в законе правотворческой процедуры, в том числе нужного согласования, опубликования и госрегистрации.

Выводы

В конце исследования можно сделать следующие логические заключения:

1. Дефиниция НПА, закреплённая на федеральном уровне, крайне необходима не только для эффективной работы федеральных госорганов, но и для органов местного самоуправления, юридических лиц и физических лиц субъектов предпринимательской деятельности. Частое непонимание на местах сущности, формы и содержания документов с признаками НПА приводит к судебным тяжбам, не способствует эффективному государственному управлению и хозяйственной деятельности субъектов, занятых в важнейших секторах экономики.

2. Отсутствие законодательного закрепления дефиниции НПА оказывает негативное влияние на качество национальных юридических доктринальных конструкций, способствует бесконечной научной дискуссии о её сущности и содержании, не способствует формированию единообразия в понимании сущно-

сти НПА у будущих юристов, обучающихся в вузах страны.

3. Предложенная в статье дефиниция НПА имеет ряд преимуществ перед дефинициями, закреплёнными в законах субъектов Федерации и государств постсоветского пространства, может быть использована для законодательного закрепления (не обязательно в законе о нормативных правовых актах).

4. Дальнейшие исследования в сфере законодательного урегулирования процесса создания НПА мы видим в научном обосновании способов систематизации законодательства, регулирующего виды, форму, содержание, процедуры принятия, регистрации (госрегистрации), опубликования НПА.

Список литературы

1. Пиголкин А.С., Казьмин И.Ф., Рахманина Т.Н. Инициативный проект закона «О нормативно-правовых актах Российской Федерации» // Государство и право. 1992. № 7. С. 76-86.

2. Липень С.В. Законы о нормативных правовых актах стран СНГ: возможности сравнительно-правового исследования // Вестник университета имени Е.О. Кутафина (МГЮА). 2018. № 4. С. 159-164.

3. Власенко Н.А., Рафалюк Е.Е. Концепция проекта закона о нормативных правовых актах и совершенствование законотворческого процесса // Научные концепции развития российского законодательства: монография / отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. 7-е изд., доп. и перераб. М.: Юриспруденция, 2015. С. 76-83.

4. Мамедов Э.Ф. Качество правовых дефиниций как фактор эффективности законодательства // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2012. № 9(68). С. 372-377.

5. Борисов А.М., Хащина Э.Э. Нормативное определение официального документа как проблема юридической формы правоотношений // Право: история и современность. 2019. № 2. С. 7-20.

6. Антонова Л.И. К обсуждению проекта Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» // Управленческое консультирование. 2015. № 5. С. 8-17.

7. Бошно С.В. Нормативный правовой акт: развитие признаков в правоприменительной практике // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 4. С. 20-25.

8. Бошно С.В. Закон о нормативных правовых актах: прошлое, настоящее и перспективы // Право и современные государства. 2015. № 2. С. 7-22.

9. Уманская В.П. Современные подходы к понятию нормативных правовых актов в науке и практике // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 3. С. 144-156.

10. Гурьянов В.В. К вопросу об отклонениях от декларативных норм // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4. С. 214-217.

11. Федорец А.Г. О нормативных правовых актах в Российской Федерации. М.: ИБТ, 2015. 100 с.

12. Лозовская С.В. Постановления Конституционного Суда РФ как источник права // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 1. С. 8-12.

13. Туркина Д.А. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник права // Вопросы российской юстиции. 2023. № 28. С. 49-54.

14. Бондарь Н.С. Акты конституционного правосудия как источники права: их нормативно-доктринальная природа // Журнал российского права 2007. № 4. С. 75-85.

15. Борков В.Н. Значение законодательно не закрепленных источников уголовного права при оценке деяния как малозначительного // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 2. С. 10–20.

16. Портнова Е.В. Нормативная природа актов конституционного правосудия субъектов Российской Федерации // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2017. Т. 5, № 1 (17). URL: http://esj.pnzgu.ru (дата обращения: 25.02.2025).

17. Беляева О.М. Толкование норм права // Ученые записки Казанского государственного университета. 2007. Т. 149, кн. 6. С. 39-47.

18. Лазорин К. Б. Методологические предпосылки общетеоретического исследования феномена «нетипичные нормативные правовые акты» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 4 (68). С. 19-28.

19. Васильев А., Гройсман С. Иерархия нормативных правовых актов в России и Болгарии: к вопросу о законе о нормативных правовых актах // Российско-Азиатский правовой журнал. 2022. № 1. С. 55-59.

20. Иванов Р.Л. «Нормативные» письма как форма официального толкования норм права // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2016. № 3 (48). С. 26-31.

References

1. Pigolkin A. S., Kaz'min I. F., Rakhmanina T. N. Initiative draft law “On Normative Legal Acts of the Russian Federation”. *Gosudarstvo i pravo = State and law*. 1992;(7):76-86. (In Russ.)

2. Lipen' S.V. Laws on normative legal acts of CIS countries: opportunities for comparative legal research. *Vestnik universiteta imeni E.O. Kutafina (MGYuA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2018;(4):159-164. (In Russ.)

3. Vlasenko N.A., Rafalyuk E.E. Concept of the draft law on normative legal acts and improvement of the lawmaking process. In: Khabrieva T.Ya., Tikhomirov Yu.A. (eds.) Scientific concepts of development of Russian legislation. 7th ed., supplement and revision. Moscow: Jurisprudenciya; 2015. P. 76-83. (In Russ.)

4. Mamedov E.F. Quality of legal definitions as a factor of legislative efficiency. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Procceedings of Irkutsk State Technical University*. 2012;(9):372-377. (In Russ.)

5. Borisov A.M., Khashchina E.E. Normative definition of an official document as a problem of legal form of legal relations. *Pravo: istoriya i sovremennost' = Law: History and Modernity*. 2019;(2):7-20. (In Russ.)

6. Antonova L.I. To the discussion of the draft Federal Law “On normative legal acts in the Russian Federation”. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Management consulting*. 2015;(5):8-17. (In Russ.)

7. Boshno S.V. Normative legal act: development of attributes in law enforcement practice. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess = Arbitration and civil procedure.* 2009;(4):20-25. (In Russ.)

8. Boshno S.V. The law on normative legal acts: Past, present and prospects. *Pravo i sovremennye gosudarstva = Law and modern states.* 2015;(2):7-22. (In Russ.)

9. Umanskaya V.P. Modern approaches to the concept of normative legal acts in science and pracice. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Procceedings of Voronezh State University. Series: Law*. 2019;(3):144-156. (In Russ.)

10. Gur'yanov V.V. To the question of deviations from declarative norms. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava = Actual problems of economics and law*. 2015;(4):214-217. (In Russ.)

11. Fedorets A.G. On normative legal acts in the Russian Federation: scientific edition. Moscow: IBT; 2015. 100 p. (In Russ.)

12. Lozovskaya S.V. Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation as a source of law. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State power and local self-government*. 2022;(1):8-12. (In Russ.)

13. Turkina D.A. Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation as a source of rights. *Voprosy rossiiskoi yustitsii = Russian justice issues*. 2023;(28):49-54. (In Russ.)

14. Bondar' N.S. Acts of constitutional justice as sources of law: their normative and doctrinal nature. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2007;(4):75-85. (In Russ.)

15. Borkov V.N. The significance of non-legislative sources of criminal law in assessing an act as insignificant. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings Southwest State University. Series: History and Law*. 2023;3(2):10-20. (In Russ.)

16. Portnova E.V. Normative nature of acts of constitutional justice of constituent entities of the Russian Federation. *Elektronnyi nauchnyi zhurnal “Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo” = Electronic sci-*

entific journal "Science. Society. State". 2017;5(1). (In Russ.) Available at: http://esj.pnzgu.ru (accessed 25.04.2025).

17. Belyaeva O.M. Interpretation of rules of law. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific Notes of Kazan State University*. 2007;149(6):39-47. (In Russ.)

18. Lazorin K. B. Methodological prerequisites for the general theoretical study of the phenomenon of "atypical normative legal acts". *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024;(4):19-28. (In Russ.)

19. Vasil'ev A., Groisman S. Hierarchy of normative legal acts in Russia and Bulgaria: Toward a law on normative legal acts. *Rossiisko-Aziatskii pravovoi zhurnal = Russian-Asian Law Journal*. 2022;(1):55-59. (In Russ.)

20. Ivanov R.L. "Normative" letters as a form of official interpretation of legal norms. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of Omsk University. Series: Law*. 2016;(3):26-31. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Любчик Александр Антонович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры публично-правовых дисциплин, Мелитопольский государственный университет, г. Мелитополь, Российская Федерация,
e-mail: lyubchikaa@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-8239-2129,
SPIN-код: 1760-7579,
Researcher ID: AAL-8432-2021,
Scopus Author ID: 57945849500

Aleksandr A. Lyubchik, Doctor of Sciences (Juridical), Professor, Pofessor of the Department of Public Law Disciplines, Melitopol State University, Melitopol, Russian Federation,
e-mail: lyubchikaa@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-8239-2129,
SPIN-код: 1760-7579,
Researcher ID: AAL-8432-2021,
Scopus Author ID: 57945849500

Минкова Ольга Геннадиевна, кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета, Мелитопольский государственный университет, г. Мелитополь, Российская Федерация,
e-mail: minkovaolgaurist@yandex.ru,
ORCID: 0009-0009-2669-0365,
SPIN-код: 6301-8320

Olga G. Minkova, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor, dean of the Faculty of Law, Melitopol State University, Melitopol, Russian Federation,
e-mail: minkovaolgaurist@yandex.ru,
ORCID: 0009-0009-2669-0365,
SPIN-код: 6301-8320

Оригинальная статья / Original article

УДК 342;343

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-58-69

CC BY 4.0

Ценности и интересы как фундаментальные категории в сфере национальной безопасности. Часть 2. Национальные интересы

Е.В. Позднякова[1] ✉

[1]Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉e-mail: elena.pozdnakova@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Управленческая и иная деятельность в сфере обеспечения национальной безопасности должна осуществляться на надлежащей теоретико-методологической основе, что требует определения содержания таких ключевых категорий, как «национальные ценности» и «национальные интересы». Гармонизация национальных ценностей и национальных интересов осуществляется прежде всего посредством разработки документов стратегического планирования, определяющих исходя из национальных ценностей национальные интересы. Однако на сегодняшний день в доктрине отсутствует единый унифицированный подход к определению сущности и содержания данной категории.*

Цель. *Определение содержания и формулирование понятия национальных интересов как фундаментальной категории в сфере обеспечения национальной безопасности.*

Задачи: *проанализировать доктринальные и нормативные подходы к определению сущности и содержания категории «национальные интересы»; исходя из соотношения с категорией «национальные ценности» определить место национальных интересов в системе национальной безопасности.*

Методология. *При подготовке работы использовались методы анализа и синтеза, общенаучный метод изучения правовых явлений и процессов, общенаучные (логические) приемы.*

Результаты. *Установлены сущность и содержание категории «национальные интересы» как системообразующего элемента национальной безопасности, что определяет организацию государственного управления в данной сфере на основе ценностно-ориентированного подхода; определены основные механизмы гармонизации национальных ценностей и национальных интересов.*

Вывод. *Национальные интересы следует рассматривать как формирующуюся на основе национальных ценностей динамическую систему приоритетов целеполагания, которые необходимо достичь для утверждения и защиты национальных ценностей. Национальные интересы определяют стратегические направления развития российского общества и конкретные приоритеты деятельности по их обеспечению и защите. Находясь в гармонии, национальные ценности и интересы являются факторами, определяющими мировоззрение управленческой деятельности в сфере обеспечения национальной безопасности.*

Ключевые слова: *ценности; интересы; системообразующий элемент; безопасность; национальная безопасность; угрозы; ценностный подход; стратегия; государственное управление.*

Финансирование: *НИР в рамках государственного задания на 2025 год «Правовые меры обеспечения стратегических приоритетов по противодействию угрозам национальной безопасности» (FENM-2025-0010). Регистрационный номер 1024031900131-7-5.5.1.*

Конфликт интересов: *Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Позднякова Е.В. Ценности и интересы как фундаментальные категории в сфере национальной безопасности. Часть 2. Национальные интересы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 3. С. 58–69. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-58-69.

Поступила в редакцию 03.04.2025 Принята к публикации 20.05.2025 Опубликована 16.06.2025

© Позднякова Е.В., 2025

Values and interests as fundamental categories in the sphere of national security. Part 2. National interests

Elena V. Pozdnyakova[1] ✉

[1]Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str., Kursk 305040, Russian Federation

✉e-mail: elena.pozdnakova@mail.ru

Abstract

Relevance. *Management and other activities in the sphere of ensuring national security must be carried out on an appropriate theoretical and methodological basis, which requires defining the content of such key categories as "national values" and "national interests". Harmonization of national values and national interests is carried out, first of all, through the development of strategic planning documents that determine national interests based on national values. However, to date, the doctrine lacks a single unified approach to defining the essence and content of this category.*

The purpose. *Definition of the content and formulation of the concept of national interests as a fundamental category in the sphere of ensuring national security.*

Objectives: *to analyze doctrinal and normative approaches to defining the essence and content of the category of "national interests", based on the relationship with the category of "national values", to determine the place of national interests in the national security system.*

Methodology. *In preparing the work, methods of analysis and synthesis, a general scientific method of studying legal phenomena and processes, and general scientific (logical) techniques were used.*

Results. *The essence and content of the category "national interests" as a system-forming element of national security have been established, which determines the organization of public administration in this area based on a value-oriented approach; the main mechanisms for harmonizing national values and national interests have been defined.*

Conclusion. *National interests should be considered as a dynamic system of goal-setting priorities, formed on the basis of national values, which must be achieved to assert and protect national values. National interests determine the strategic directions of development of Russian society and specific priorities of activities to ensure and protect them. Being in harmony, national values and interests are factors determining the worldview of management activities in the sphere of ensuring national security.*

Keywords: *values; interests; system-forming element; security; national security; threats; value approach; strategy; public administration.*

Funding: *Research within the framework of the state task for 2025 "Legal measures to ensure strategic priorities in countering threats to national security" (FENM-2025-0010). Registration number 1024031900131-7-5.5.1.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Pozdnyakova E.V. Values and interests as fundamental categories in the sphere of national security. Part 2. National interests. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(3):58–69. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-58-69.

Received 03.04.2025 Accepted 20.05.2025 Published 16.06.2025

***

Введение

Национальные интересы наряду с национальными ценностями выступают системообразующими элементами национальной безопасности, как безопасности личности, общества и государства, что определяет организацию государственного управления в данной сфере на основе аксиологического (ценностного) подхода. Очевидным является тот факт, что сегодня значительно актуализировалась проблема своевременного и точного опреде-

ления национальных интересов. Это обусловлено не только широкомасштабными задачами государственного управления, но и общими тенденциями изменений геополитических и геоэкономических основ миропорядка, многообразием внутренних и внешних вызовов. Однако на сегодняшний день отсутствует единый унифицированный подход к определению сущности и содержания категории «национальные интересы», как в доктрине, так и в нормотворчестве.

Формирование и реализация национальных интересов является сложным процессом. Интересы тесно переплетаются как с безопасностью, так и с общими ценностями. На общетеоретическом уровне национальные интересы рассматриваются как составляющая содержания национальной безопасности, что находит отражение в работах В.П. Беляева [1], С.Ю. Чапчикова [2], Б.Б. Бидовой [3]. В контексте обеспечения национальной безопасности соотношение национальные ценности / национальные интересы предлагается рассматривать с позиции взаимодействия личности, общества и государства как объектов безопасности, поскольку, выступая субъектом обеспечения безопасности, государство имеет право, учитывая сложившуюся систему ценностей и ценностных ориентиров общества (совокупности личностей), определять национальные интересы [4].

По мнению Т.В. Кикоть-Глуходедовой, национальные интересы формируются на основе духовных и материальных национальных *ценностей*[1]. Данную позицию разделяют и другие исследователи, такие как В.Л. Манилов [5, с. 36], А.В. Костина [6, с. 87], И.Б. Кардашова [7]. Национальные интересы рассматриваются и как «исторически сложившиеся, признаваемые, соблюдаемые и защищаемые на государственном уровне объективно значимые личные, общественные и государственные потребности в безопасности и устойчивом развитии» [8]. Также существует позиция, в соответствии с которой национальные интересы рассматриваются как *совокупность* причинно обусловленных *потребностей* и неотъемлемых *ценностей*[2].

В Конституции Российской Федерации термин «национальные интересы» упоминается в п. «ж» ст. 83, где говорится о полномочиях Президента Российской Федерации по формированию Совета Безопасности Российской Федерации «в целях содействия главе государства в реализации его полномочий по вопросам обеспечения национальных интересов и безопасности личности, общества и государства…»[3]. В то же время прямое указание на национальные интересы закреплено не в Основном законе и нормативно-правовых актах, а в стратегических документах. Наиболее полное и системное отражение национальных интересов получило в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 г.[4] (далее – Стратегия) При этом следует отметить следующие дискуссионные аспекты: определение национальных интересов раскрывается посредством категории «потребности» (подп. 2 п. 5 Стратегии); национальные интересы не сводятся исключительно к интересам

[1] Кикоть-Глуходедова Т.В. Административно-правовое обеспечение национальной безопасности в России, США и странах Европы (сравнительное исследование): дис. … д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 70.

[2] Трухачев В.В. Национальные интересы России: состояние и приоритеты реализации: автореф. дис. … канд. полит. наук. М., 2010. С. 17.

[3] Конституция Российской Федерации: [принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.: с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/constitution/ (дата обращения: 15.03.2025).

[4] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 27, ч. II, ст. 5351.

государства, а включают интересы и личности, и общества (подп. 2 п. 5 Стратегии); подчеркивается существование ценностного компонента (укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей (подп. 5 п. 25 Стратегии и т. д.).

Методология

Методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, а также общенаучные (логические) приемы позволили установить содержание категории «национальные интересы» и сформулировать ее определение. Применение инструментария системного и ценностного (аксиологического) подхода позволили, исходя из соотношения категорий «национальные ценности» и «национальные интересы», определить место и роль национальных интересов в системе национальной безопасности.

Результаты и их обсуждение

Проведенный И.Б. Кардашовой анализ основных точек зрения ученых относительно соотношения таких категорий, как «национальные ценности» и «национальные интересы», позволил выделить два ключевых подхода, в соответствии с которыми национальные интересы рассматриваются либо в качестве связующего звена логической цепочки «ценности – интересы – цели», либо в качестве преобразованных в интересы потребностей [9, с. 10-11]. Относительно расхождений в трактовании и соотношении категорий «интересы» и «ценности» А.В. Костиной подчеркивается, что это обусловлено разными методологическими платформами исследований (праксеологический подход, аксиологический подход). В частности, автором отмечается, что в границах праксеологического подхода осуществляется подмена понятия «ценности» понятием «потребности», в результате чего ценности утрачивают характерный им смысл предельно общих философских категорий, которые отражают отношение человека к фундаментальным феноменам и явлениям, но при этом становятся схожими с понятиями «нужды», «оценки», «пользы», «интереса», отражающими повседневные отношения [6, с. 86]. В доктрине делается акцент на том, что потребности отражают состояние личности, являются побудительной силой для вступления во взаимоотношения с окружающей действительностью для сохранения своего функционирования, развития, существования, успешной жизнедеятельности, самоутверждения в мире [10]. По мнению И.Б. Кардашовой, «национальные интересы, имеющие черты общественного сознания, мировоззрения, культурного развития и других свойств общности, не идентичны с потребностями» [9, с. 6], таким образом «определение национальных интересов через “потребности” искажает их сущность, к которой нужно относиться с точки зрения ценностного (аксиологического) подхода» [11, с. 46].

Традиционно в политико-правовой науке считается, что носителем национальных интересов является само государство и что государство, действуя от имени нации, формулирует и защищает те или иные приоритеты. В Стратегии национальные интересы определяются как потребности личности, общества и государства, тем самым единый субъект национальных интересов не определяется.

Очевидно, что в тот или иной исторический период развития общества и существования государства имеет место множество интересов, достаточно разных по направленности, приоритетности, возможности реализации. Уже в советской доктрине велись дискуссии о внешнеполитических и внутренних приоритетах государства, хотя в то время чаще использовалась терминология, связанная с «государственными интересами» и «интересами социалистического общества». Длительное время в нашей стране стояла задача обеспечения государственной безопасности как защиты и противодействия

внешним врагам. Термин «государственная безопасность» был официально включен в текст Конституции СССР (ст. 14) и отражал приоритет интересов государства перед интересами общества и интересами отдельной личности [2], а понятие национального интереса корреспондировало идеи государственности, государства как гаранта высших ценностей [12, с. 92]. В настоящее время границы понимания безопасности существенно расширились в отношении системы таких объектов, как личность, общество и государство[1].

М.В. Ильин полагает, что «национальный интерес есть интерес нации как двуединство суверенного территориального государства и гражданского общества; данные категории не только находятся в содержательной связи с категорией национальный интерес, но и в высшей степени являются определителями его смыслового содержания» [13, с. 141]. В то же время часть современных исследователей отождествляют национальный интерес [14, с. 14] с государственным интересом [15] либо с внешней политикой государства [16], категорически отграничивая его от общественного интереса и внутригосударственной политики [17, с. 121].

Т.Я. Хабриева понимает национальные интересы как «жизненные интересы народа России, отражающие стремление граждан к обеспечению стабильного и устойчивого развития общества и минимизации (ликвидации) этих угроз» [18].

По мнению Б.Б. Бидовой, «основное содержание национальных интересов составляют такие блоковые понятия, как: интересы личности, интересы общества (общественные, групповые, корпоративные) и интересы государства (государственные интересы), как наиболее полно отражающие объективные потребности всего общества и государства» [3]. При этом под интересами личности как разновидностью национальных интересов автором понимаются «не все и конкретные интересы того или иного индивидуума, а лишь общие, причем правомерные интересы, которые имеют общественную и государственную значимость» [3]. Относительно общественных интересов уточняется, что это «интересы различных социальных групп», компромисс между которыми должны отражать национальные интересы [3].

Анализируя сущность национальных интересов, В.П. Беляев и Б.Б. Бидова утверждают, что национальные интересы России нельзя отождествлять с интересами государства, выступающего представителем интересов российского народа, т. е. всего общества [19]. Ученые отмечают, что несмотря на имеющую место конфликтную составляющую между частными интересами и интересами государства на стратегическом уровне национальные интересы должны совпадать с государственными интересами [19].

Как можем видеть, наблюдается разница во взглядах ученых, обусловленная различием в определении ими объекта национальных интересов, в качестве которого могут выступать государство, общество или человек (в более широком понимании – нация). На наш взгляд, верным является подход, согласно которому категория «национальные интересы» как «основополагающая, методологически важное понятие государственной политики, обеспечивающей понимание важнейших ориентиров развития нации» по своему объему является шире таких категорий, как «государственные интересы» и «жизненно важные интересы» [20].

Соотношение категорий «национальные ценности» и «национальные интересы» определяется тем, что национальные ценности воплощают в себе сакральные идеалы и формируют смысловое пространство формулирования национальных интересов и являются ключевым фактором при выборе стратегии их реализации. Национальные интересы яв-

[1] Кикоть-Глуходедова Т.В. Указ. соч.

ляются инструментом трансформации социального бытия из идеалистического (ценностного) измерения в прагматическое (политическое) измерение, позволяют реализовать национальные ценности во внутренней и внешней политике государства.

Национальные интересы, на наш взгляд, следует рассматривать как формирующуюся на основе национальных ценностей динамическую (подверженную влиянию внутренних и внешних факторов) систему приоритетов целеполагания, которые необходимо достичь для утверждения и защиты национальных ценностей. Национальные интересы отражают мировоззрение общества и определяют стратегические направления его развития.

С учетом долгосрочных тенденций развития ситуации в России и в мире Стратегия национальной безопасности РФ (пп. 5, 25) определяет следующие национальные интересы на современном этапе:

1) сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан;

2) защита конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, укрепление обороны страны;

3) поддержание гражданского мира и согласия в стране, укрепление законности, искоренение коррупции, защита граждан и всех форм собственности от противоправных посягательств, развитие механизмов взаимодействия государства и гражданского общества;

4) развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия;

5) устойчивое развитие российской экономики на новой технологической основе;

6) охрана окружающей среды, сохранение природных ресурсов и рациональное природопользование, адаптация к изменениям климата;

7) укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России;

8) поддержание стратегической стабильности, укрепление мира и безопасности, правовых основ международных отношений[1].

Указанные национальные интересы определяют стратегические направления развития российского общества и конкретные приоритеты, цели и задачи деятельности органов публичной власти, организаций и институтов гражданского общества по их обеспечению и защите. Путем реализации соответствующих национальным интересам потребностей личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии обеспечивается национальная безопасность страны.

На доктринальном уровне отсутствует универсальная классификация национальных интересов, поскольку исследователи предлагают различные критерии систематизации, в том числе: объекты, субъекты, продолжительность и характер направленности, характер взаимодействия, социальная важность, степень общности, сфера жизнедеятельности, социальная важность и т. п. [21, с. 59–60]

Традиционно национальные интересы делят на внутренние (направленные на внутриполитические ценности) и внешние (направленные на внешнеполитические ценности) [22]. К внутренним интересам относят защиту конституционного строя, поддержание социально-экономической стабильности, развитие

[1] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 27, ч. II, ст. 5351.

образования, науки и культуры, укрепление общественного согласия, обеспечение законности и правопорядка, снижение уровня преступности и коррупции. Внешние интересы охватывают вопросы, связанные с обеспечением благоприятного международного положения, развитием взаимовыгодных торгово-экономических связей, участием в глобальных политических, экономических и культурных процессах, укреплением обороноспособности и предотвращением угроз безопасности извне. Полагаем, что такой подход является достаточно условным, поскольку национальный интерес имеет как внутренний, так и внешний аспекты.

Широко используется и содержательная классификация, вычленяющая военно-политические[1], социально-экономические, экологические, культурные, информационные, научно-технологические и прочие интересы [3]. Национальные интересы действительно находят свое отражение в различных доктринах и концепциях (внешнеэкономических, внешнеполитических, военных, информационных и иных)[2]. По нашему мнению, национальные интересы не могут сводиться только к военно-политическим, социально-экономическим, культурным и др. Национальные интересы являются синтезом, а не совокупностью разнонаправленных интересов.

Одним из подходов, который может быть использован для построения иерархии национальных интересов, является концепция, в основу которой положена степень их важности для обеспечения национальной безопасности. В данном случае указанный фактор является критерием для определения приоритетности тех или иных интересов по отношению к другим из рассматриваемой совокупности. В зависимости от степени важности (масштабности) национальные интересы классифицируют на: жизненно важные (фундаментальные, базовые, главные) национальные интересы, важные (существенные) национальные интересы и периферийные (второстепенные) национальные интересы [3]. Данной позиции в своих работах также придерживаются такие авторы, как Р.С. Мухамедов [22], А.С. Семченков [23], Н.Н. Кулакова [24]. По мнению Н.А. Косолапова, необходимо выделять также национальные интересы, не поддающиеся определению: «такие интересы возникают и меняются в зависимости от внезапных событий, явлений во внешней или внутренней политике. В силу неожиданности они, как правило, требуют принятия быстрых мер» [25].

Следует отметить, что ранее отечественное законодательство в сфере безопасности содержало указание среди

[1] Кулакова Н.Н. Военно-политические интересы РФ и их реализация в современных условиях: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2011. 24 с.

[2] Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/ (дата обращения: 31.03.2025); Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 5 дек. 2016 г. № 646 // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191/ (дата обращения: 31.03.2025); Военная доктрина Российской Федерации: (утв. Президентом РФ 25 дек. 2014 г. № ПР-2976) // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172989/ (дата обращения: 31.03.2025); Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 // КонсультантПлюс: сайт. URL: https:// www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_443540/ (дата обращения: 31.03.2025); Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 30 янв. 2010 г. № 120 // КонсультантПлюс: сайт. URL: https:// www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343386/ (дата обращения: 31.03.2025) и др.

объектов безопасности на жизненно важные интересы как «совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства»[1]. В настоящее время жизненно важные интересы, согласно документам стратегического планирования, являются объектами обеспечения военной безопасности[2], а также внешней политики[3].

Ранжирование национальных интересов и определение их параметров, по мнению В.Л. Манилова, должно осуществляться в соответствии с иерархией национальных ценностей, с одной стороны, и размером допустимой платы (привлекаемых для этого сил и средств) за потенциальный ущерб, понесенный при их защите [5]. На наш взгляд, следует согласиться с А.А. Ерофеевым в том, что основная роль в формировании перечня и определения иерархии национальных интересов принадлежит конституционным ценностям [26, с. 15]. Учитывая, что предусмотренные Основным законом национальные ценности имеют одинаково высокий статус, а их ранжирование и классификация носит сугубо инструментальный характер, наиболее утилитарной с точки зрения обеспечения национальной безопасности является классификация национальных интересов в зависимости от сферы их проявления, определяющей соответствующую область обеспечения национальной безопасности: военная, экономическая, информационная, научно-технологическая, экологическая, международная и пр.

Следует отметить, что в принципе в соответствии с данной логикой Стратегия определяет соответствующие стратегические национальные приоритеты России как важнейшие направления обеспечения ее национальной безопасности и устойчивого развития.

Национальные ценности и интересы должны находиться в гармонии, обеспечивая национальную идентичность и устойчивость развития общества. При определении национальных интересов на конкретном этапе исторического развития и формулировании национальных целей, доминантами которых выступает безопасность и процветание России, ключевую роль играет политическая воля руководства государства и контроль со стороны гражданского общества.

Основными средствами гармонизации национальных ценностей и национальных интересов являются: разработка документов стратегического планирования, определяющих исходя из национальных ценностей национальные интересы, цели и задачи по их реализации, а также институализация, заключающаяся в правовых и организационных механизмах согласования с национальными ценностями интересов различных социальных групп.

Принимая во внимание перманентность потенциального конфликта идеалистического (национальных ценностей) и прагматического (национальных интересов), обеспечение национальной безопасности возможно лишь при реализации эффективной управленческой деятельности в данной сфере. В свою очередь, учитывая необходимость осмысления имеющих сегодня место социальных, культурных и технологических процессов и явлений сквозь призму национальных ценностей и с учетом имеющегося исто-

[1] О безопасности: Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-I // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343386/ (дата обращения: 31.03.2025).

[2] Военная доктрина Российской Федерации: [утв. Президентом РФ 25 дек. 2014 г. № ПР-2976] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172989/ (дата обращения: 31.03.2025).

[3] Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_443540/ (дата обращения: 31.03.2025).

рического опыта, а также значимость и разнообразие внутренних и внешних криминальных угроз национальной безопасности [27], политика и практика государственного управления в сфере обеспечения национальной безопасности должны включать в себя криминологический компонент.

Выводы

Национальные интересы следует рассматривать как формирующуюся на основе национальных ценностей, динамическую (подверженную влиянию внутренних и внешних факторов) систему приоритетов целеполагания, которые необходимо достичь для утверждения и защиты национальных ценностей. Национальные интересы, закрепленные в Стратегии национальной безопасности РФ, определяют стратегические направления развития российского общества и конкретные приоритеты, цели и задачи деятельности органов публичной власти, организаций и институтов гражданского общества по их обеспечению и защите. Путем реализации соответствующих национальным интересам потребностей личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии обеспечивается национальная безопасность страны. Наиболее утилитарной с точки зрения обеспечения национальной безопасности является классификация национальных интересов в зависимости от сферы их проявления, определяющей соответствующую область обеспечения национальной безопасности.

Национальные ценности и интересы должны находиться в гармонии, обеспечивая национальную идентичность и устойчивость развития общества. Ключевую роль в обеспечении соответствия национальных интересов национальным ценностям играет политическая воля руководства государства и контроль со стороны гражданского общества при определении национальных интересов на конкретном этапе исторического развития и формулировании национальных целей, доминантами которых выступает безопасность и процветание России. Основными средствами гармонизации национальных ценностей и национальных интересов являются разработка документов стратегического планирования и институализация, что определяет необходимость осуществления эффективной управленческой деятельности в данной сфере. Таким образом, национальные ценности и национальные интересы являются факторами, определяющими мировоззрение, отношения и практики управленческой деятельности в сфере обеспечения национальной безопасности.

Список литературы

1. Беляев В.П., Бидова Б.Б., Беляева Г.С. Национальные интересы России: теория, методология, правовое обеспечение. М.: Юрлитинформ, 2023. 296 с.

2. Чапчиков С.Ю. Механизм правового регулирования в сфере национальной безопасности России. Теоретико-методологические проблемы: монография. М.: Юстицинформ, 2012. 330 с.

3. Бидова Б.Б. Обеспечение национальных интересов России в контексте стратегии национальной безопасности. Кисловодск: Учебный центр «Магистр», 2018. 236 с.

4. Куковский А.А., Рослов П.Д. Национальные ценности как объект обеспечения безопасности (аксиологический анализ) // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 4 (42). С. 13-17.

5. Манилов В.Л. Национальная безопасность: ценности, интересы и цели // Военная мысль. 1995. № 6. С. 29-40.

6. Костина А.В. Ценности как фактор национальной безопасности // Знание. Понимание. Умение. 2023. № 1. С. 80-92.

7. Кардашова И.Б. МВД России в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: монография. М.: ВНИИ МВД России, 2006. 208 с.

8. Беляев В.П., Бидова Б.Б., Беляева Г.С. Правовая природа интереса как предтеча определения понятия национальных интересов // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2023. Т. 48, № 4. С. 710-717.

9. Кардашова И.Б. О сущности национальных ценностей // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 4 (78). С. 5-12.

10. Петрова С.И. Понимание «потребность» в социологии и других науках // Науки без границ. 2017. № 6 (11). С. 165-169.

11. Кардашова И.Б. Векторы развития законодательства в сфере обеспечения национальной безопасности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 11(99). С. 41-49.

12. Алексеева Т.А. Рациональный эгоизм национального интереса // Полис. Политические исследования.1995. № 1. С. 92-96.

13. Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М.: Рос. полит. энцикл., 1997. 430 с.

14. Овчинников А.И., Мамычев А.Ю., Кравченко А.Г. Основы теории национальной безопасности. М.: РИОР, 2014. 252 с.

15. Улитин Р.Р. Соотношение понятий «национальный интерес» и «национальная безопасность» в трудах западных и отечественных исследователей // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Международные отношения, Политология, Регионоведение. 2003. № 1. С. 129-137.

16. Мунтян М.А. Основы теории международных отношений. М.: Изд-во МАБиУ, 2006. 164 с.

17. Саидов А.Х., Кашинская Л.Ф. Национальная безопасность и национальные интересы: взаимосвязь и взаимодействие (опыт политико-правового анализа) // Журнал российского права. 2005. № 12. С. 119-126.

18. Хабриева Т.Я. Национальные интересы и законодательные приоритеты России // Журнал российского права. 2005. № 12. С. 19-20.

19. Беляев В.П., Бидова Б.Б. Сущность национальных интересов: общетеоретический аспект // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 7 (116). С. 11-21.

20. Фененко Ю. Сущность и общая характеристика национальных ценностей, интересов и целей Российской Федерации // Закон и право. 2007. № 9. С. 7-10.

21. Общая теория национальной безопасности / под общ. ред. А.А. Прохожева. М.: Изд-во РАГС, 2005. 344 с.

22. Мухаметов Р.С. Национальные интересы: сущность, трактовки и типология // Известия Уральского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2008. Т. 57, № 5. С. 72-81.

23. Семченков А.С. Обеспечение национальной безопасности: основные подходы к содержанию деятельности // Новая наука: Опыт, традиции, инновации. 2016. № 591-2. С. 142-148.

24. Кулакова Н.Н. Национальные интересы как вектор развития государства // Гуманитарные науки. 2023. № 13 (3). С. 27-31.

25. Косолапов Н.А. Общесистемные интересы вместо национальных // Россия в глобальной политике. 2016. Т. 3, № 2. С. 34-54.

26. Ерофеев А.А. Национальные конституционные ценности и глобализационные процессы // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 31 (132). С. 14-19.

27. Игнатов А.Н. Влияние геополитических факторов на преступность // Вестник экономической безопасности. 2023. № 6. С. 59-63.

References

1. Belyaev V.P., Bidova B.B., Belyaeva G.S. National interests of Russia: theory, methodology, legal support. Moscow: Yurlitinform; 2023. 296 p. (In Russ.)

2. Chapchikov S.Yu. The mechanism of legal regulation in the sphere of national security of Russia. Theoretical and methodological problems. Moscow: Yustitsinform; 2012. 330 p. (In Russ.)

3. Bidova B.B. Ensuring Russia's national interests in the context of the national security strategy. Kislovodsk: Uchebnyi tsentr “Magistr”; 2018. 236 p. (In Russ.)

4. Kukovskii A.A., Roslov P.D. National values as an object of security (axiological analysis). *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule of law: theory and practice*. 2015;(4):13-17. (In Russ.)

5. Manilov V.L. National security: values, interests and goals. *Voennaya mysl' = Military thought*. 1995;(6):29-40. (In Russ.)

6. Kostina A.V. Values as a factor of national security. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Znanie. Understanding. Ability*. 2023;(1):80-92. (In Russ.)

7. Kardashova I.B. The Ministry of Internal Affairs of Russia in the system of ensuring national security of the Russian Federation. Moscow: VNII MVD Rossii; 2006. 208 p. (In Russ.)

8. Belyaev V.P., Bidova B.B., Belyaeva G.S. The legal nature of interest as the forerunner of the definition of national interests. *Nomothetika: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo = Nomothetika: Philosophy. Sociology. Right*. 2023;48(4):710-717. (In Russ.)

9. Kardashova I.B. About the essence of national values. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*. 2020;(4):5-12. (In Russ.)

10. Petrova S.I. Understanding the "need" in Sociology and other Sciences. *Nauki bez granits = Sciences Without Borders*. 2017;(6):165-169. (In Russ.)

11. Kardashova I.B. Vectors of development of legislation in the field of national security. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2022;(11):41-49. (In Russ.)

12. Alekseeva T.A. Rational egoism of national interest. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political research*. 1995;(1):92-96. (In Russ.)

13. Il'in M.V. Words and meanings. Experience in describing key political concepts. Moscow: Ros. polit. entsikl.; 1997. 430 p. (In Russ.)

14. Ovchinnikov A.I., Mamychev A.Yu., Kravchenko A.G. Fundamentals of national security theory. Moscow: RIOR; 2014. 252 p. (In Russ.)

15. Ulitin R.R. The relationship between the concepts of "national interest" and "national security" in the works of western and domestic researchers. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya, Politologiya, Regionovedenie = Bulletin of the Nizhny Novgorod Lobachevsky University. Series: International Relations, Political Science, Regional Studies*. 2003;(1):129-137. (In Russ.)

16. Muntyan M.A. Fundamentals of the theory of international relations. Moscow: Izd-vo MABiU; 2006. 164 p. (In Russ.)

17. Saidov A.Kh., Kashinskaya L.F. National security and national interests: Interrelation and interaction (experience of political and legal analysis). *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2005;(12):119-126. (In Russ.)

18. Khabrieva T.Ya. National interests and legislative priorities of Russia. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2005;(12):19-20. (In Russ.)

19. Belyaev V.P., Bidova B.B. The essence of national interests: a general theoretical aspect. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Current problems of Russian law*. 2020;15(7):11-21. (In Russ.)

20. Fenenko Yu. The essence and general characteristics of the national values, interests and goals of the Russian Federation. *Zakon i pravo = Law and Law*. 2007;(9):7-10. (In Russ.)

21. Prokhozheva A.A. (ed.) General theory of national security. Moscow: Izd-vo RAGS; 2005. 344 p. (In Russ.)

22. Mukhametov R.S. National interests: essence, interpretations and typology. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennye nauki = Proceedings of the Ural State University. Series 3: Social Sciences*. 2008;57(5):72-81. (In Russ.)

23. Semchenkov A.S. Ensuring national security: basic approaches to the content of activities. *Novaya nauka: Opyt, traditsii, innovatsii = New Science: Experience, traditions, innovations*. 2016;(591-2):142-148. (In Russ.)

24. Kulakova N.N. National interests as a vector of state development. *Gumanitarnye nauki = Humanities*. 2023;(13):27-31. (In Russ.)

25. Kosolapov N.A. System-wide interests instead of national ones. *Rossiya v global'noi politike = Russia in Global Politics*. 2016;3(2):34-54. (In Russ.)

26. Erofeev A.A. National constitutional values and globalization processes. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2008;(31):14-19. (In Russ.)

27. Ignatov A.N. The influence of geopolitical factors on crime. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti = Bulletin of Economic Security*. 2023;(6):59-63. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Позднякова Елена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой административного и трудового права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: elena.pozdnakova@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-5053-6239

Elena V. Pozdnyakova, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor, Head of the Department of Administrative and Labor Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: elena.pozdnakova@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-5053-6239

Оригинальная статья / Original article

УДК 347.736

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-70-81

CC BY 4.0

Преднамеренное банкротство в арбитражном и уголовном процессе: гармонизация подходов к квалификации

В.Н. Ткачев ✉[1], Е. Гевлич[2]

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

[2] Институт экономики мегаполиса
ул. Рубцовская набережная, д. 3/1, г. Москва 105082, Российская Федерация

✉e-mail: valentin_t71@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Арбитражные управляющие в рамках участия в признании различных видов должников банкротами выявляют ежегодно признаки преднамеренного характера банкротства в нескольких тысячах процедур. Правоохранительные органы также выявляют преступления, связанные с неправомерными действиями при банкротстве, фиктивным и преднамеренным банкротством – несколько сотен случаев в год.*

Цель *состоит в поиске правового механизма, позволяющего транслировать в уголовный процесс заключения о преднамеренном характере банкротства, сделанные в рамках арбитражного процесса.*

Задачи: *исследовать соответствующую правоприменительную практику, сравнив сделанные выводы, положенные в основу приговоров и решений, вынесенных по одним и тем же обстоятельствам арбитражными и уголовными судами; провести сравнительный анализ подходов к квалификации характера банкротства как преднамеренного; предложить меры по гармонизации и синхронизации таких подходов, а также меры по обеспечению сквозного применения одного и того же решения (вывода) в арбитражном и уголовном процессе.*

Методология. *Основу исследования составили такие методы, как формально-юридический и сравнительно-правовой. Также применялись методы анализа, описания, обобщения, системно-структурный, статистический и математический.*

Результаты. *В статье проанализированы статистические данные о квалификации банкротства как преднамеренного: с одной стороны, арбитражными управляющими, с другой стороны – следственными и судебными органами. Авторами вскрыты причины, по которым наблюдается существенная разница в количестве процедур, квалифицированных как преднамеренные, с точки зрения каждой из таких сторон. Выявлены общие подходы к квалификации в таких процессах одного и того же противоправного деяния.*

Вывод. *На основании результатов научного анализа даны предложения по унификации применяемых подходов и синхронизации имеющейся методологической базы. Сформулированы предложения по внесению изменений в нормативные правовые акты, которыми устанавливаются отраслевые процессуальные нормы и определяются признаки преднамеренного характера действий тех или иных лиц.*

Ключевые слова: *несостоятельность; банкротство; преднамеренное банкротство; недействительная сделка; преступление; уголовная ответственность.*

Конфликт интересов*: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Ткачев В.Н., Гевлич Е. Преднамеренное банкротство в арбитражном и уголовном процессе: гармонизация подходов к квалификации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 3. С. 70–81. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-70-81.

Поступила в редакцию 14.04.2025 Принята к публикации 20.05.2025 Опубликована 16.06.2025

© Ткачев В.Н., Гевлич Е., 2025

Intentional bankruptcy in arbitration and criminal proceedings: Harmonization of approaches to qualification

Valentin N. Tkachev[1]✉, Ekaterina Hevlich[2]

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

[2] Megapolis Institute of Economics,
3/1 Rubtsovskaya embankment Str., Moscow 105082, Russian Federation

✉e-mail: valentin_t71@mail.ru

Abstract

Relevance. *Arbitration managers, as part of their participation in the recognition of various types of debtors as bankrupt, identify signs of the intentional nature of bankruptcy in several thousand procedures annually. Law enforcement agencies also identify crimes related to illegal actions in bankruptcy, fictitious and intentional bankruptcy – several hundred cases per year.*

Purpose. *Is to find a legal mechanism that allows the conclusions on the intentional nature of bankruptcy made within the framework of the arbitration process to be translated into the criminal process.*

Objectives of the study: *to investigate the relevant law enforcement practice, comparing the conclusions drawn, based on sentences and decisions rendered under the same circumstances by arbitration and criminal courts; to identify and conduct a comparative analysis of approaches to qualifying the nature of bankruptcy as intentional, respectively, in arbitration and criminal proceedings; to propose measures to harmonize and synchronize such approaches as well as measures to ensure the end-to-end application of the same decision (conclusion) in arbitration and criminal proceedings.*

Methodology. *The research was based on such methods as formal legal and comparative legal. Also, methods of analysis, description, generalization, system-structural, statistical and mathematical were used.*

Results. *This article analyzes statistical data on the qualification of bankruptcy as intentional: on the one hand, by arbitration managers, on the other hand, by investigative and judicial authorities. The authors have revealed the reasons why there is a significant difference in the number of procedures qualified as intentional from the point of view of each of these parties. Based on the analysis of the methodological base used in arbitration and criminal proceedings, common approaches to the qualification of the same illegal act in such processes have been identified.*

Conclusion. *Based on the results of scientific analysis, proposals are given for unification of the applied approaches and synchronization of the existing methodological base. Proposals are formulated for amendments to regulatory legal acts that establish industry procedural rules and determine the signs of the deliberate nature of the actions of certain persons.*

Keywords: *anthropometry; philistines; trade; craft; definitive growth; conscription.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Tkachev V.N., Hevlich E. Intentional bankruptcy in arbitration and criminal proceedings: harmonization of approaches to qualification. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(3):70–81. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-70-81.

Received 14.04.2025 Accepted 20.05.2025 Published 16.06.2025

***

Введение

Значимость и актуальность проблемы недействительных сделок в процедурах банкротства авторами была рассмотрена ранее [1, с. 164], в частности был сделан вывод о том, что на одну процедуру корпоративного банкротства в среднем приходится одна признанная недействительной сделка. Авторами также была отмечена тревожная положительная динамика роста количества сделок, признаваемых впоследствии недействительными.

Проблема преднамеренного характера носит межотраслевой характер. Следует констатировать, что большая часть исследований посвящены уголовным [2, с. 116], криминологическим [3, с. 56] и криминалистическим аспектам преднамеренного банкротства [4, с. 255].

С.С. Босхолов и А.Б. Иванова считают, что меры гражданско-правовой и административной ответственности недостаточны для борьбы с преднамеренным банкротством [5, с. 15]. Некоторые авторы, в том числе и представители белорусской юридической школы [6, с. 18], при исследовании составов преступлений, связанных с незаконным банкротством, используют категорию «криминальное банкротство [7, с. 67]. В этом русле ведется выявление соотношения различных видов криминальных банкротств [8, с. 101]. Как направление исследований можно обозначить поиск оптимальных моделей предотвращения этого негативного явления через антибанкротный комплаенс, систематический мониторинг должников на предмет наличия предпосылок [9, с. 232]. Антибанкротный комплаенс поддерживается и другими авторами [10, с. 198].

Имеют место работы по выявлению проблем в деятельности арбитражного управляющего при выявлении признаков преднамеренного банкротства [11, с. 22], а также общих вопросов по выявлению признаков преднамеренного банкротства [12, с. 68]. П.Ю. Милонова предприняла попытку обобщения анализа судебной практики, но больший акцент сделала на уголовно-правовом аспекте данного вопроса [13, с. 8].

Несмотря на достаточно серьезную научную разработку вопросов правового регулирования преднамеренного банкротства, оценка возможности гармонизации подходов в квалификации в арбитражном процессе своего отражения не нашла.

Количество заключений арбитражных управляющих о наличии признаков преднамеренного банкротства составило: в 2023 г. – 2068[1], в 2022 г. – 2296[2], в 2021 г. – 2258[3].

За те же годы, по данным сборников «Состояние преступности в России», в категории «Неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное банкротство, фиктивное банкротство» были выявлены преступления в следующем количестве: в 2023 г. – 160[4], в 2022 г. – 154[5], в 2021 г. – 217[6].

---

[1] Сводная информация о результатах процедур, применявшихся в деле о банкротстве. 2023 // Официальный портал раскрытия существенных фактов деятельности субъектов экономической деятельности. URL: https://download.fedresurs.ru/news/Сводная%20информация%202023.pdf (дата обращения: 06.02.2025).

[2] Сводная информация о результатах процедур, применявшихся в деле о банкротстве. 2022 // Официальный портал раскрытия существенных фактов деятельности субъектов экономической деятельности. URL: https://download.fedresurs.ru/news/сводная%20ин-формация%20о%20результа-тах%20процедур%202022.pdf (дата обращения: 06.02.2025).

[3] Сводная информация о результатах процедур, применявшихся в деле о банкротстве. 2021 // Официальный портал раскрытия существенных фактов деятельности субъектов экономической деятельности. URL: https://download.fedresurs.ru/news/сводная%20информация%20о%20результатах%20процедур%202021.pdf (дата обращения: 06.02.2025).

[4] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2023 года // Министерство внутренних дел Рос. Федерации: сайт. URL: https://мвд.рф/reports/item/47055751/ (дата обращения: 06.02.2025).

[5] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2022 года // Министерство внутренних дел Рос. Федерации: сайт. URL: https://мвд.рф/reports/item/35396677/ (дата обращения: 06.02.2025).

[6] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь

Согласно сводным статистическим сведениям о состоянии судимости в России, по ст. 196 УК РФ (преднамеренное банкротство) были осуждены: в 2023 г. – 21 лицо[1], в 2022 г. – 33 лица[2], в 2021 г. – 22 лица[3].

На кратную разницу числа заключений арбитражных управляющих и числа выявленных преступлений, связанных с неправомерными действиями при банкротстве, преднамеренным банкротством в предыдущие годы (период 2014–2020 гг.) указывает и А.С. Беляев [14], впрочем, тогда количество выявленных преступлений, наоборот, превышало число заключений управляющих. Разница в подходах к квалификации преднамеренного банкротства в арбитражном и уголовном производстве ранее также отмечалась в научных трудах [15] при раскрытии правовой природы терминов «банкротство» и «несостоятельность», исследовании их взаимного соотношения.

Гипотеза исследования

Приведенные факты красноречиво свидетельствуют о существенной разнице в подходах к определению правомерности действий, послуживших причиной банкротства должника, с точки зрения специального отраслевого и уголовного законодательства, что взывает к унификации подходов и обеспечению единообразного рассмотрения изучаемой нами проблемы.

Учитывая, что в последние годы ст. 197 УК РФ[4] (фиктивное банкротство) является нерабочей – по ней не выносились приговоры, а по ст. 195 УК РФ (неправомерные действия при банкротстве) число приговоров исчисляется несколькими единицами в год, можно предположить, что основное количество преступлений в составе упомянутой категории приходится на случаи преднамеренного банкротства.

Очевидно, что следственные органы, при наличии заключения арбитражного управляющего, выявляют, к сожалению, преступление менее чем в одном случае из десяти, а до стадии вынесения приговора доходит примерно каждое десятое уже из числа выявленных преступлений. Подобная ситуация, как видится, может быть обусловлена несовпадением методологических подходов, применяемых для квалификации одного и того же явления (преднамеренного характера банкротства) арбитражными управляющими, следственными и судебными органами. Полагаем обоснованным предположить, что если бы судебные и следственные органы чаще занимали солидарную с арбитражным управляющим позицию о наличии / отсутствии признаков преднамеренного банкротства, то и арбитражные управляющие не рассматривали бы механизм уголовного наказания за пред-

– декабрь 2021 года // Министерство внутренних дел Рос. Федерации: сайт. URL: https://мвд.рф/reports/item/28021552/ (дата обращения: 06.02.2025).

[1] Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2023 год // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: сайт. URL: https://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8690 (дата обращения: 06.02.2025).

[2] Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2022 год // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: сайт. URL://https://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7649 (дата обращения: 06.02.2025).

[3] Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2021 год // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: сайт. URL: //https://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6121 (дата обращения: 06.02.2025).

[4] Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: посл. ред. // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 31.03.2025).

намеренное банкротство как не действующий и соответствующие заключения составлялись ими гораздо чаще.

Методология

Задачей настоящего исследования является выработка и формулирование авторской позиции по заявленной проблематике, опирающейся на сформированные и аргументированные с помощью специальных юридических подходов и приемов результаты и выводы. Исходной базой послужат действующие нормативные правовые акты и судебно-практический опыт.

В настоящем научном исследовании авторы в формате юридико-технического исследования рассмотрят нормативные правовые акты и методические документы, регулирующие деятельность арбитражного управляющего по выявлению признаков преднамеренного банкротства, с одной стороны, и устанавливающие основания для привлечения к уголовной ответственности лиц, виновных в преднамеренном банкротстве, с другой стороны. Затем применят метод сравнительно-правового анализа, направленный на сопоставление правовой регламентации деятельности арбитражного управляющего по выявлению признаков преднамеренного банкротства и уголовно-правовых оснований привлечения к ответственности лиц, совершивших такое преступление. Сопоставление предполагается с учетом теоретико-методологических подходов, ранее сформулированных в некоторых научных трудах [16, с. 8].

Авторы проверят гипотезу исследования, используя системный подход, а именно путем сопоставления квалификационных выводов суда общей юрисдикции и арбитражного суда применительно к одним и тем же сделкам должника, связанным с признаками преднамеренного банкротства, а также учета соотношения стоимости этих сделок и размера удовлетворяемых требований кредиторов. Данный подход позволит выявить особенности и противоречия в применении действующего законодательства и предложить рекомендации по совершенствованию механизма привлечения контролирующих лиц к уголовной ответственности.

Результаты и их обсуждение

Исследование нормативных правовых актов и методических документов

Методика определения признаков преднамеренного банкротства[1], применяемая арбитражными управляющими, рассматривает в качестве причины такого действия органов управления должника и сделки, послужившие причиной возникновения или увеличения неплатежеспособности и причинившие реальный ущерб должнику в денежной форме. Под такими сделками понимаются сделки, заключенные или исполненные на условиях, не соответствующих рыночным. Практические особенности определения признаков преднамеренного банкротства будут рассмотрены с учетом выводов, сделанных нами ранее [17, с. 64].

К сделкам, заключенным на условиях, не соответствующих рыночным (условия могут касаться цены имущества, работ и услуг, вида и срока платежа по сделке), Временные правила проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства (далее – Временные правила) относят:

– сделки по отчуждению имущества должника, не являющиеся сделками купли-продажи, направленные на заме-

[1] Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства: постановление Правительства РФ от 27 дек. 2004 г. № 855 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 52, ч. II, ст. 5519.

щение имущества должника менее ликвидным;

– сделки купли-продажи, осуществляемые с имуществом должника, заключенные на заведомо невыгодных для должника условиях, а также осуществляемые с имуществом, без которого невозможна основная деятельность должника;

– сделки, связанные с возникновением обязательств должника, не обеспеченные имуществом, а также влекущие за собой приобретение неликвидного имущества;

– сделки по замене одних обязательств другими, заключенные на заведомо невыгодных условиях.

Согласно нормам ст. 61.1 Закона о несостоятельности (банкротстве), сделка должника может быть признана недействительной:

а) при неравноценном встречном исполнении обязательств другой стороной сделки, если цена этой сделки и (или) иные условия существенно в худшую для должника сторону отличаются от цены и (или) иных условий, при которых в сравнимых обстоятельствах совершаются аналогичные сделки, и таким исполнением обязательств признается передача имущества или иное исполнение обязательств, если его рыночная стоимость существенно превышает стоимость полученного встречного исполнения;

б) если в результате ее совершения был причинен вред имущественным правам кредиторов и другая сторона сделки знала об указанной цели должника к моменту совершения сделки.

Из п. 8 постановления Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»[1], следует, что признание сделки недействительной осуществляется при неравноценном встречном исполнении обязательств, такая неравноценность может устанавливаться исходя из условий сделки. Также может быть оспорена сделка, условия которой формально предусматривают равноценное встречное исполнение, но должнику на момент ее заключения было известно, что у контрагента нет и не будет имущества, достаточного для осуществления встречного исполнения.

Одновременно рассмотрим деяния, являющиеся предметом квалификации по ст. 196 УК РФ: объективная сторона преступления выражается в действиях (бездействии), заведомо влекущих неспособность в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, с причинением крупного ущерба. Под действиями, заведомо влекущими неспособность удовлетворить требования кредиторов, понимаются умышленные деяния, направленные на возникновение или увеличение неплатежеспособности юридического лица или индивидуального предпринимателя, которые могут выражаться в совершении определенных сделок и действий (бездействия) органов управления юридического лица, в том числе заключение на условиях, не соответствующих рыночным отношениям и обычаям делового оборота, сделок:

– по отчуждению имущества;

– направленных на замещение или приобретение имущества менее ликвидного;

– купли-продажи имущества, без которого невозможна основная деятельность должника;

[1] О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»: постановление Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 23 дек. 2010 г. № 63 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2011. № 3.

– связанных с возникновением обязательств, не обеспеченных имуществом;

– по замене одних обязательств другими, заключенных на заведомо невыгодных условиях;

– непринятие мер для взыскания дебиторской задолженности.

При этом создание или увеличение неплатежеспособности должника должно повлечь за собой отсутствие возможности в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей.

Исследование судебной практики

В деле А65-9606/2020 о банкротстве ООО «Полимер-М» (ИНН 1639049530) единоличным исполнительным органом были в числе прочих совершены две сделки по отчуждению транспортных средств, позже признанные судом недействительными[1], причем арбитражный суд отметил[2] отсутствие равнозначного встречного предоставления, что, очевидно, не соответствует сложившимся рыночным условиям и фактически является сделкой, направленной на замещение имущества (транспортного средства) должника менее ликвидным (ничем). Эти же сделки явились деянием, квалифицированным по ст. 196 УК РФ в рамках дела 1-66/2023, рассмотренного Набережночелнинским городским судом Республики Татарстан; теперь уже суд общей юрисдикции охарактеризовал сделки как совершенные без экономической целесообразности и намерения получить прибыль для должника, а сами действия – как умышленное увеличение неплатежеспособности должника.

Размер требований кредиторов, включенных в реестр, составил 8,12 млн руб.[3], а цена рассмотренных сделок – 1,66 (0,95 и 0,71) млн руб., что составляет примерно 20% от размера требований кредиторов, включенных в реестр.

Примечательно, что конкурсным управляющим вывод о наличии признаков преднамеренного банкротства сделан не был, зато позже к такому выводу пришел суд общей юрисдикции.

В деле А11-6021/2012 о банкротстве ОАО «Завод «Автоприбор»» (ИНН 3302021267) был рассмотрен заключенный единоличным исполнительным органом в обеспечение исполнения договора займа договор ипотеки, в дальнейшем признанный судом недействительным[4]. Арбитражный суд в основание своего решения положил сразу ряд факторов: сделки были заключены с заинтересованным лицом, а на момент их совершения должник уже обладал признаками непла-

[1] Определение Арбитражного суда Республики Татарстан от 22 сентября 2022 года по делу №А65-9606/2020 // Картотека арбитражных дел: сайт. https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/2961658f-db97-4a5e-93fe-2212c263b593/c8516927-8080-4d92-a724-ac14649d4b43/A65-9606-2020_20220929_Opredelenie.pdf (дата обращения: 13.02.2025).

[2] Определение Арбитражного суда Республики Татарстан от 16 августа 2022 года по делу №А65-9606/2020 // Картотека арбитражных дел: сайт. https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/2961658f-db97-4a5e-93fe-2212c263b593/0d7981d7-84f1-49c2-8575-8038354b275b/A65-9606-2020_20220816_Opredelenie.pdf (дата обращения: 13.02.2025).

[3] Финальный отчет. Конкурсное производство № 1100893 от 2 августа 2024 года // Официальный портал раскрытия существенных фактов деятельности субъектов экономической деятельности: сайт. URL: https://fed-resurs.ru/bankruptreports/a698ecc7-336d-4303-b87f-6ac4372bd5e8 (дата обращения: 13.02.2025).

[4] Определение Арбитражного суда Владимирской области от 16 ноября 2021 года по делу № А11-6021/2012 Картотека арбитражных дел: сайт. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/aee11195-4880-4281-bce5-8181a0fe369d/377b79b0-c5b5-4a02-a036-81da2a7fc222/A11-6021-2012_20151123_Opredelenie.pdf (дата обращения: 13.02.2025).

тежеспособности; недействительной сделку по заключению договора ипотеки суд признал в силу ст. 168 ГК РФ в связи со злоупотреблением правом. Рассматривая дело № 1-1/2021[1], Фрунзенский районный суд Владимирской области, отметив, что заключение данных соглашений совершалось с целью вывода имущества завода в преддверии банкротства, квалифицировал такое заключение по ст. 196 УК РФ. Судом было отмечено, что получение кредитором от должника обеспечения по своим требованиям в виде залога имущества предполагает привилегированное положение такого кредитора перед другими, т. к. залоговый кредитор обладает преимущественным правом удовлетворения своих требований за счет предмета залога. Размер требований кредиторов, включенных в реестр, составил 1 930,08 млн руб.[2], а цена договора займа, в обеспечение которого был заключен договор ипотеки, признанный недействительным – 30,0 млн руб., т. е. немногим более 1% от размера требований кредиторов, включенных в реестр.

Конкурсный управляющий устранился от решения вопроса о наличии признаков преднамеренного банкротства, сославшись на недостаточность информации, в отличие от суда общей юрисдикции – суду и информации хватило, и решения суд принимал увереннее.

Сравнивая приведенные подходы к классификации сделок недействительных и сделок, заключенных на условиях, не соответствующих рыночным, видим, что вторые являются подмножеством первых, т. е. сделка должника, признанная судом недействительной, всегда будет заключенной на нерыночных условиях. Следовательно, если должник заключил хотя бы одну сделку, признанную судом недействительной, то его банкротство носит характер преднамеренного, с условием, что размер убытков, нанесенных должнику (его кредиторам) посредством заключения такой сделки, соотносим с объемом требований кредиторов, включенных в реестр, а само заключение (исполнение) сделки явилось результатом умысла должника.

Заранее соглашаясь, что абсолютное число судебных кейсов (всего два), рассмотренных авторами в качестве примера, не может считаться сплошным исследованием релевантной судебной практики, напомним, что все суды общей юрисдикции страны в исследуемой области выносят в год два-три десятка приговоров, таким образом, в относительном исчислении авторами было рассмотрено порядка 10% от объема годовой судебной практики уголовно-правовой направленности.

Рассмотренные примеры в целом подтверждают сформулированные авторами на основании исследования и сопоставления отраслевой нормативно-методической базы тезисы: заключение сделок, квалифицированных арбитражным судом как недействительных и сознательно совершенных должником (его контролирующим лицом) с целью нанести ущерб интересам кредиторов, явилось составом преступления по ст. 196

[1] Приговор Фрунзенского районного суда Владимирской области от 25 января 2021 года по делу № 1-64/2020 // Фрунзенский районный суд города Владимира: сайт. https://frunzensky--wld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo1a853048-2ca7-305c-ace1-b8436864af53 (дата обращения: 13.02.2025).

[2] Финальный отчет. Конкурсное производство № 1100893 от 5 августа 2021 года // Официальный портал раскрытия существенных фактов деятельности субъектов экономической деятельности. URL: https://fedresurs.ru/bankruptreports/cb63b33f-f69a-4d92-a3d6-304c4b8a445 (дата обращения: 13.02.2025).

УК РФ; при этом во внимание была принята и сделка, цена которой находилась на уровне 1% от размера включенных в реестр кредиторов требований. Очевидно, что суд общей юрисдикции принимал во внимание всю совокупность совершенных подсудимыми виновных действий, свидетельствующих о преднамеренном характере банкротства, а градацию размера ущерба оценивал в понимании примечания к ст. 170.2 УК РФ, в соответствии с которым под крупным понимается ущерб, размером превышающий 3,5 млн руб.

Выводы

Гипотеза авторов о сходных подходах к квалификации банкротства как преднамеренного в арбитражном и уголовном процессе в целом подтвердилась. Таким образом, имплементация результатов и достижение поставленной в исследовании цели потребует доработки уголовно-процессуального законодательства, обеспечивающей безусловное признание принятых в арбитражном процессе решений как оснований для возбуждения уголовного дела.

С целью устранения в сложившейся практике обсуждаемых недостатков правоприменения, авторы предлагают:

1. Статью 140 УПК РФ дополнить п. 2.1 в следующей редакции: «Выявленный арбитражным управляющим в соответствии с положениями части 2 статьи 20.3 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” признак преднамеренного банкротства или вступившее в силу определение арбитражного суда о признании сделки недействительной с учетом размера ущерба, установленного статьей 170.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, являются достаточными данными, указывающими на признаки преступления, предусмотренные статьей 196 Уголовного кодекса Российской Федерации».

2. Пункт «а» статьи 10 Временных правил изложить в следующей редакции: «а) о наличии признаков преднамеренного банкротства – если руководителем должника, ответственным лицом, выполняющим управленческие функции в отношении должника, индивидуальным предпринимателем или учредителем (участником) должника совершались сделки или действия, удовлетворяющие хотя бы одному из условий: впоследствии признанные судом недействительными, а нанесенный ими в совокупности ущерб составил не менее 10% от размера требований, включенных в реестр кредиторов или является крупным в соответствии с положениями, установленными ст. 170.2 Уголовного кодекса Российской Федерации; не соответствующие существовавшим на момент их совершения рыночным условиям и обычаям делового оборота, которые стали причиной возникновения или увеличения неплатежеспособности должника».

Полагаем, что внесение предложенных изменений в ст. 140 УПК РФ и ст. 10 Временных правил хотя и поможет исправить сложившиеся недостатки в правоприменительной практике в части квалификации характера банкротства как преднамеренного, но может рассматриваться только как промежуточный шаг на пути к разработке и утверждению сквозного административного регламента, описывающего совместные действия арбитражных судов, арбитражных управляющих, органов дознания и следствия, отраслевых регулирующих органов по обнаружению, квалификации и расследованию противоправных действий в сфере несостоятельности (банкротства). В свою очередь, развитием такого сквозного административного регламента, по мнению

авторов, могла бы являться доработка федеральной информационной системы, в которой размещают сведения о банкротствах граждан и компаний в России (ЕФРСБ), наделяющая систему функционалом анализа размещаемых документов и автоматизированного выявления соответствующих событий (например, принятие определения арбитражного суда о признании сделки недействительной) и триггеров (абсолютный или относительный размер недействительной сделки, субъективная сторона ее совершения) и формирования уведомления посредством СМЭВ органов дознания и следствия об обнаружении факта совершения преступления, предусмотренного ст. 196 УК РФ.

Список литературы

1. Ткачев В.Н., Гевлич Е. Методика анализа правоприменительной практики при оспаривании сделок и привлечении к субсидиарной ответственности третьих лиц при несостоятельности (банкротстве) // Вестник экономической безопасности. 2024. № 3. С. 158-165.

2. Микони А.Г. Проблемы уголовно-правовой квалификации криминальных банкротств // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 5. С. 115-119.

3. Староселец О.С. Особенности привлечения к уголовной ответственности за преднамеренное банкротство и по совокупности преступлений со смежными составами // Юридические исследования. 2024. № 11. С. 55-66.

4. Якубова Д.Э. Криминалистическая характеристика преднамеренного банкротства // NovaUm.Ru. 2021. № 34. С. 254-256.

5. Босхолов С.С., Иванова А.Б. Основные направления противодействия преднамеренному и фиктивному банкротству // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16, № 1. С. 7-17.

6. Захилько К.С. Нормы о криминальном банкротстве в Уголовном кодексе Республики Беларусь в контексте развития института банкротства // Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2019. № 2. С. 17-24.

7. Гончарова К.С., Маклакова В.В. Криминальное банкротство: понятие и формы // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. № 7(113). С. 65-70.

8. Поздышев Р.С. Вопросы соотношения криминальных банкротств // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2(66). С. 97-101.

9. Барабаш А.С. Развитие правового института предотвращения криминальных банкротств // Вопросы российского и международного права. 2024. Т. 14, № 2-1. С. 229-237.

10. Варфоломеев Б.В. Проблемы проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства в отношении физических лиц // Власть Закона. 2023. № 4(56). С. 197-207.

11. Пономарева Н.С. Проблемы правового регулирования и выявление признаков преднамеренного банкротства // Правовой альманах. 2021. № 4(8). С. 21-29.

12. Милова П.Ю. Преднамеренное банкротство физических лиц: анализ судебной практики // Правовая позиция. 2024. № 4(52). С. 67-71.

13. Апухтин Ю.В. Банкротный комплаенс как правовой инструмент в делах о банкротстве // Арбитражные споры. 2024. № 2(106). С. 8.

14. Городилов М.А., Беляев А.С. Выявление признаков преднамеренного банкротства: экономико-аналитический аспект. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2021. 144 с.

15. Ткачев В.Н. Термины «банкротство» и «несостоятельность»: сущность и соотношение // Адвокат. 2003. № 3. С. 24-27.

16. Ткачев В.Н. К вопросу об ответственности за криминальные банкротства по законодательству Российской Федерации // Юридический справочник руководителя. 2002. № 11. С. 8.

17. Ткачев В.Н. Признаки и последствия мнимого и фиктивного банкротства // Российское государство и углубление реформ в контексте внешних и внутренних угроз безопасности России: материалы Всероссийской научно-практической конференции. М.: Московский институт МВД России: СГУ, 2002. С. 64.

References

1. Tkachev V.N., Gevlich E. Methodology for the analysis of law enforcement practice in challenging transactions and bringing third parties to subsidiary liability in case of insolvency (bankruptcy). *Vestnik ekonomicheskoj bezopasnosti = Bulletin of Economic Security*. 2024;(3):158-165. (In Russ.)

2. Mikoni A.G. Problems of criminal law qualification of criminal bankruptcies. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' = Legal science: history and modernity*. 2023;(5):115-119. (In Russ.)

3. Staroselets O.S. Features of criminal prosecution for intentional bankruptcy and for a combination of crimes with related compounds. *Yuridicheskie issledovaniya = Legal research.* 2024;(11):55-66. (In Russ.)

4. Yakubova D.E. Criminalistic characteristics of deliberate bankruptcy. *NovaUm.Ru*. 2021;(34):254-256. (In Russ.)

5. Bosholov S.S., Ivanova A.B. The main directions of countering deliberate and fictitious bankruptcy. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal = All-Russian Journal of Criminology*. 2022;16(1):7-17. (In Russ.)

6. Zakhilko K.S. Norms on criminal bankruptcy in the Criminal Code of the Republic of Belarus in the context of the development of the Institute of bankruptcy. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Journal of the Belarusian State University. Right.* 2019;(2):17-24. (In Russ.)

7. Goncharova K.S., Maklakova V.V. Criminal bankruptcy: concept and forms. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economics and Business: theory and practice.* 2024;(7):65-70. (In Russ.)

8. Pozdyshev R.S. Questions of the correlation of criminal bankruptcies. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii = Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2024;(2):97-101. (In Russ.)

9. Barabash A.S. Development of the legal institute for the prevention of criminal bankruptcies. *Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava = Issues of Russian and international law.* 2024;(2-1):229-237. (In Russ.)

10. Varfolomeev B.V. Problems of verification by the arbitration administrator of the presence of signs of fictitious and intentional bankruptcy in relation to individuals. *Vlast' Zakona = The Power of Law*. 2023;(4):197-207. (In Russ.)

11. Ponomareva N.S. Problems of legal regulation and identification of signs of deliberate bankruptcy. *Pravovoj al'manah = The legal almanac.* 2021;(4):21-29. (In Russ.)

12. Milova P.Y. Deliberate bankruptcy of individuals: an analysis of judicial practice. *Pravovaya poziciya = Legal position.* 2024;(4):67-71. (In Russ.)

13. Apukhtin Yu.V. Bankruptcy compliance as a legal instrument in bankruptcy cases. *Arbitrazhnye spory = Arbitration disputes.* 2024;(2):8. (In Russ.)

14. Gorodilov M.A., Belyaev A.S. Identification of signs of deliberate bankruptcy: an economic and analytical aspect. Perm: Perm. gos. nats. issled. un-t; 2021. 144 p. (In Russ.)

15. Tkachev V.N. The terms “bankruptcy” and “insolvency”: essence and correlation. *Advokat = Advocate*; 2003;(3):24-27. (In Russ.)

16. Tkachev V.N. On the issue of liability for criminal bankruptcies under the legislation of the Russian Federation. *Yuridicheskij spravochnik rukovoditelya = Legal guide of the head.* 2002;(11):8. (In Russ.)

17. Tkachev V.N. Signs and consequences of imaginary and fictitious bankruptcy. In: *Rossijskoe gosudarstvo i uglublenie reform v kontekste vneshnih i vnutrennih ugroz bezopasnosti Rossii*: *materialy*

Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii = The Russian state and deepening reforms in the context of external and internal threats to Russia's security. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference. Moscow: Moskov. In-t MVD Rossii, SSU, 2002. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Ткачев Валентин Николаевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, ведущий научный сотрудник научно-образовательного центра «Цивилист» кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: valentin_t71@mail.ru

Гевлич Екатерина, исследователь, Институт экономики мегаполиса, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: evgevlich@yandex.ru

Valentin N. Tkachev, Doctor of Sciences (Juridical), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, leading researcher at the Scientific and Educational center "Civilist" of the Department of Civil Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: valentin_t71@mail.ru

Hevlich Ekaterina, Researcher, Megapolis Institute of Economics, Moscow, Russian Federation,
e-mail: evgevlich@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 347.4

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-82-91

(cc) BY 4.0

Конфликт интересов в публичных закупках: выявление и урегулирование

К.А. Костина[1] ✉

[1]Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
ул. Большая Черемушкинская, д. 34, г. Москва 117218, Российская Федерация

✉e-mail: kostina.kristina2014@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *Конфликт интересов представляет собой неоднородную и сложную проблему, затрагивающую широкий круг общественных отношений, в частности, в области осуществления публичных закупок. Важно отметить, что закупочное пространство традиционно рассматривается как наиболее подверженное различным правонарушениям, в том числе затрагивающим коррупционный элемент. Данный факт обуславливает необходимость формирования целостной системы правового регулирования конфликта интересов, направленной на его выявление и урегулирование на любой стадии осуществления закупочной процедуры.*

Целью *статьи является раскрытие сложившихся в России подходов к правовому регулированию конфликта интересов в публичных закупках и определение универсальных правовых средств, направленных на его выявление и урегулирование.*

Задачи *статьи состоят в анализе и сравнении действующих законодательных подходов к регулированию конфликта интересов в контексте дуальной системы отечественных закупок, а также обосновании практической эффективности применения принципа фактического контроля через призму описания конкретных ситуаций.*

Методология *статьи состоит из диалектического метода, системы общенаучных методов (таких как анализ, аналогия, синтез и моделирование), а также формально-юридического метода.*

Результаты *исследования характеризуются теоретико-прикладным содержанием, направленным на формирование научного представления о системе правового регулирования конфликта интересов в публичных закупках и средствах по его контролю, в том числе путем применения отраженного в судебной практике принципа фактического контроля.*

Вывод. *Автор исследования приходит к выводу о необходимости выявления и урегулирования конфликта интересов в публичных закупках путем применения содержательного подхода, отраженного в таком инструменте внешнего контроля за конфликтом интересов, как принцип фактического контроля.*

Ключевые слова: *публичные закупки; государственные закупки; корпоративные закупки; коррупция; конфликт интересов; фактический контроль.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Костина К.А. Конфликт интересов в публичных закупках: выявление и урегулирование // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 3. С. 82–91. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-82-91.

Поступила в редакцию 26.03.2025 Принята к публикации 16.05.2025 Опубликована 16.06.2025

© Костина К.А., 2025

Conflict of interest in public procurement: identification and resolution

Kristina A. Kostina[1] ✉

[1]Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
34 Bolshaya Cheremushkinskaya Str., Moscow 117218, Russian Federation

✉e-mail: kostina.kristina2014@yandex.ru

Abstract

Relevance. *Conflict of interest is a heterogeneous and complex problem, covering a wide range of social relations, in particular, in the field of public procurement. It is important to note that the procurement space is traditionally considered as the most susceptible to various offenses, including those affecting the corruption element. This fact determines the need to form a comprehensive system of legal regulation of conflict of interest, aimed at its identification and settlement at any stage of the procurement procedure.*

The purpose *of the article is to disclose the approaches to the legal regulation of conflict of interest in public procurement that have developed in Russia and to determine universal legal means aimed at its identification and settlement.*

The objectives *of the article are to analyze and compare current legislative approaches to regulating conflicts of interest in the context of the dual system of domestic procurement, as well as to substantiate the practical effectiveness of applying the principle of actual control through the prism of describing specific situations.*

The methodology *of the article consists of the dialectical method, a system of general scientific methods (such as analysis, analogy, synthesis and modeling), as well as the formal-legal method.*

The results *of the study are characterized by theoretical and applied content aimed at forming a scientific understanding of the system of legal regulation of conflicts of interest in public procurement and the means of its control, including through the application of the principle of actual control reflected in judicial practice.*

Conclusion. *The author of the study comes to the conclusion about the need to identify and resolve conflicts of interest in public procurement by applying a substantive approach reflected in such an instrument of external control over conflicts of interest as the principle of actual control.*

Keywords: *public procurement; government procurement; corporate procurement; corruption; conflict of interest; actual control.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Kostina K.A. *Conflict of interest in public procurement: identification and resolution*. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2025;15(3):82–91. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-82-91.

Received 26.03.2025 Accepted 16.05.2025 Published 16.06.2025

***

Введение

Ежегодно ФАС России фиксирует порядка 20 тыс. нарушений законодательства о публичных закупках[1]. Одними из наиболее сложных с точки зрения обнаружения со стороны контролирующих органов являются нарушения запретов об участии в процедуре закупки лиц при наличии между ними конфликта интересов. Указанное обстоятельство не случайно: конфликт интересов может проистекать не только из формально-юридических типов отношений, но и из

[1] Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2023 год // ФАС России: сайт. URL: https://fas.gov.ru/documents/689569 (дата обращения: 15.01.2025).

латентных типов связей, которые могут выходить за пределы правового регулирования как законодательства в целом, так и законодательства о публичных закупках в частности. Более того, опасность скрытых типов конфликтных связей состоит в том, что вероятность их выявления при проведении контрольно-надзорных процедур значительно снижается.

Стоит отметить, что повышение уровня открытости и прозрачности закупочного пространства [1, с. 74], произошедшее в последние годы за счет применения цифровых технологий [2], не позволяет в полной мере сдержать и предотвратить совершение коррупционных нарушений [3]. Более того, как справедливо подчеркивает профессор РАН О.А. Беляева, цифровое закупочное пространство является источником новых форм и методов коррупции [4, с. 134].

Многообразие современных форм и способов нарушений законодательных требований и запретов об отсутствии конфликта интересов при проведении закупки в совокупности с недостаточностью и неэффективностью применяемых правовых средств обусловливают необходимость разработки и внедрения в практическую плоскость универсального инструмента контроля, позволяющего выявлять разнообразный круг конфликтных связей, возникающих между субъектами закупочного процесса.

Методология

Диалектический метод позволил автору статьи установить общие и отличные черты подходов к правовому регулированию конфликта интересов в существующей дуальной системе законодательства о публичных закупках.

Методы анализа, синтеза, аналогии легли в основу изучения и систематизации действующих нормативных положений, характеризующих полисегментность российской контрактной системы в контексте правовой регламентации конфликта интересов [5, с. 286], и судебной практики по рассматриваемым в статье проблемам. Общенаучный метод моделирования стал основой формирования и описания примерных ситуаций, через призму которых рассмотрен принцип фактического контроля.

Формально-юридический метод позволил выделить недостатки действующего правового регулирования и теоретически обосновать эффективность принципа фактического контроля для их преодоления.

Результаты и их обсуждение

Действующее правовое регулирование конфликта интересов в публичных закупках образовано двумя целостными, но самостоятельными системами, оформившимися в 2022 г.[1] в результате реформирования законодательства о публичных закупках.

Первую систему образуют нормы Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»[2] (далее – Закон № 44-ФЗ,

[1] О внесении изменений в статью 3 Федерального закона «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» и Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»: Федер. закон от 11 июня 2022 г. № 160-ФЗ // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_419076/ (дата обращения: 15.01.2025).

[2] О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федер. закон от 5 апр. 2013 г. № 44-ФЗ: посл. ред. // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 15.01.2025).

Закон о контрактной системе), в системном виде описывающие определенные модели конфликта интересов [6].

Содержание норм Закона о контрактной системе позволяет заключить, что в основу выделения моделей конфликта интересов положен подход [7, с. 101], суть которого заключается в определении конфликта интересов через участие в процедуре закупки определенного круга субъектов: должностных лиц заказчика, эксперта и участника закупки [8, с. 37], при условии наличия между ними одной из 4 возможных видов связей: близкородственных, супружеских, корпоративных (управленческих) [9, с. 20], а также трудовых.

Второй подход образован системой правового регулирования, сформированной соответственно из норм Федерального закона от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц». Из содержания п. 3 ч. 7.2 ст. 3 Закона о корпоративных закупках следует, что корпоративный заказчик вправе самостоятельно установить в положении о закупке различные виды связей, генерирующих конфликт интересов, вплоть до отношений «должник – кредитор» [10, с. 133].

Так, например, в Едином отраслевом Стандарте закупок (Положении о закупке) Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»[1] предусмотрено, что личная заинтересованность членов комиссии по закупке или экспертов при проведении экспертизы заявок участников обуславливается отношениями родства / свойства, опосредованными одновременным наличием либо бенефициарной (корпоративной), либо гражданско-правовой связи заказчика с участником закупки.

Таким образом, можно однозначно сказать, что конфликт интересов не универсально определяется в законодательстве о публичных закупках. Основное различие заключается в том, что Закон о контрактной системе предполагает закрепление закрытого перечня моделей конфликтов интересов, в то время как положение о закупках корпоративного заказчика может предусматривать широкий перечень категорий субъектов и (или) типов общественных отношений, генерирующих конфликт интересов. При этом важной общей характеристикой обеих систем выступает формальность и определенность конфликта интересов, т. е. закрепление его квалифицирующих признаков на уровне норм Закона № 44-ФЗ или положения о закупке корпоративного заказчика.

Несмотря на обозначенные различия главным, объединяющим элементом обеих систем стали антикоррупционные положения, возлагающие на должностных лиц заказчиков обязанность принимать меры по преодолению конфликта интересов, предусмотренные Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»[2] (далее – Закон № 273-ФЗ) [11].

В существующей практике проведения закупочных процедур в качестве базовой и обязательной меры ex ante контроля выступает декларирование конфликта интересов [12]. Помимо этого, в случае если конфликт интересов будет обнаружен на любом этапе до момента заключения контракта, должностные лица заказчика могут предпринять меры,

[1] Положение о закупке госкорпорации «Росатом»: [утв. решением наблюдательного совета Госкорпорации «Росатом»: 07.02.2012 № 37] // Росатом: сайт. URL: https://www.smw.ru/upload/company/polozhenie_o_zakupke.pdf?ysclid=m1vx8fazz9971980158 (дата обращения: 15.01.2025).

[2] О противодействии коррупции: Федер. закон от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ: посл. ред. // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 15.01.2025).

предусмотренные ст. 11 Закона № 273-ФЗ (например, изменить должностное положение или заявить самоотвод).

Вместе с тем реализация указанных мер в практической плоскости имеет низкую эффективность, являющуюся следствием ряда причин. Во-первых, на этапе проведения закупки объективно невозможно установить конфликт интересов ввиду проведения лишь формальной оценки поданной участником закупки декларации [13]. Во-вторых, субъекты закупочного процесса умышленно совершают недобросовестные действия (бездействие) путем устранения конфликтной связи, предусмотренной Законом № 44-ФЗ или положением о закупке (например, расторгают брак) [14, с. 16]. В-третьих, субъекты закупочного процесса могут быть связаны отношениями, не подпадающими под сферу воздействия как законодательства о публичных закупках, так и права в целом (например, быть близкими друзьями) [15]. В-четвертых, сама по себе реализация активных действий по преодолению конфликта интересов изначально возлагается на одну из заинтересованных сторон – заказчика.

С учетом изложенного представляется, что наибольшая эффективность может быть достигнута путем осуществления внешнего контроля незаинтересованным лицом. При этом в основу проведения такого контроля должен быть положен подход о функциональной (фактической) связанности лиц [16], или принципа фактического контроля [17, с. 51], описанного Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в п. 40 своего постановления от 4 марта 2021 г. № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» [18]. Его содержание составляет положение о том, что в основу возникновения конфликта интересов положен не факт наличия или отсутствия формально-юридической связанности лиц, а наличие двух обязательных признаков:

1) осуществление контроля, т. е. возможность давать тому или иному лицу обязательные для исполнения указания или иным образом определять его действия;

2) степень влияния контроля на принятие юридически значимого решения.

В качестве базового примера, иллюстрирующего фактическую связанность, выступает участие в процедуре закупки лиц (заказчик – участник закупки), связанных между собой отношениями представительства[1].

Представляется, что реализация принципа фактического контроля в публичных закупках позволит выявлять самые разнообразные виды общественных отношений, генерирующих конфликт интересов, основываясь не на формальных положениях, закрепленных на уровне норм Закона № 44-ФЗ или положения о закупке, а на содержательном аспекте связи, генерирующей конфликт интересов между участниками закупочного процесса.

Более наглядно применение принципа фактического контроля может быть проиллюстрировано на нескольких примерах.

В качестве первого возможного примера рассмотрим феномен, получивший название «вращающаяся дверь» [19]. Наиболее ярко он может быть описан на примере нормы п. 9 ч. 1 ст. 31 Закона о контрактной системе, которая не закрепляет в качестве основания возникновения конфликта интересов между должностным лицом заказчика и участником за-

[1] См.: Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 13.03.2024 № Ф03-636/2024 по делу № А59-5535/2022 // Электронное правосудие: сайт. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/3819142d-3e74-49b0-b4e3-37ec99709bff (дата обращения: 03.01.2025).

купки наличие трудовой (служебной) связи [20].

Представим ситуацию: главный бухгалтер организации – участника закупки переходит на работу (службу) к государственному заказчику на должность руководителя контрактной службы. С одной стороны, по смыслу ч. 1 ст. 37 Конституции Российской Федерации, гарантирующей работникам свободу труда, рассматриваемый казус не нарушает положений закона и описывает абсолютно нормальную, жизненную ситуацию. С другой стороны, очевидно, что осуществление таким руководителем своих должностных обязанностей в случае участия в процедуре закупки организации – бывшего работодателя может быть не в полной мере объективным и беспристрастным, особенно в ситуации, если переход на новую должность обусловлен необходимостью лоббирования интересов бывшего работодателя при планировании и осуществлении закупок заказчиком. Непосредственный риск возникновения на практике подобных ситуаций заключается также в том, что на такие случаи не распространяются требования ст. 12 Закона № 273-ФЗ.

Другим примером может служить участие в закупке лиц, находящихся в состоянии свойства (зять – теща). Подобные ситуации уже становились предметом рассмотрения судебных органов. Так, между учреждением и обществом были заключены несколько муниципальных контрактов на общую сумму порядка 6 млн рублей. В ходе проведения контрольных мероприятий органов прокуратуры выяснилось, что при их заключении генеральный директор (и единственный участник) общества являлась матерью супруги директора учреждения.

Арбитражный суд первой инстанции[1], отказывая в иске прокурора о признании контрактов ничтожными, исходил из принципа формализации, согласно которому в Законе № 44-ФЗ отсутствует запрет на участие в процедуре лиц, находящихся между собой в отношениях свойства.

Арбитражные суды апелляционной и кассационной инстанций, не согласившись с позицией суда первой инстанции, пришли к выводу о том, что заключение контракта взаимозависимыми лицами само по себе создает условия для возникновения конфликта интересов. В основу данного вывода судами были положены нормы п. 7-9 ч. 1 ст. 9 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»[2] и системное толкование положений Закона № 44-ФЗ и Закона № 273-ФЗ.

Применительно к рассмотренному делу судами для определения наличия конфликта интересов выработано два подхода: с одной стороны, прием телеологического толкования законодательства о публичных закупках в системной взаимосвязи с законодательством о противодействии коррупции, и с другой стороны – непосредственное применение положений законодательства об аффилированности.

Вместе с тем выработанный инструментарий не является универсальным и может быть неприменим в ситуации умышленного стирания лицами формально-юридической конфликтной связи, что способствует недобросовестному обходу законодательно установленных правил о конфликте интересов. Так, например, брак как акт гражданского состоя-

[1] Решение Арбитражного суда Тюменской области от 11.09.2023 по делу № А70-11275/2023 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/negRvAg3fioX/ (дата обращения: 03.11.2025).

[2] О защите конкуренции: Федер. закон от 26 июля 2006 г. № 152-ФЗ: посл. ред. // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 15.01.2025).

ния, заключаемый между близкими людьми, образует конфликт интересов между должностным лицом заказчика и участником закупки. По смыслу действующих норм закона любое устранение такой связи, даже при условии сохранения отношений фактической связанности, означает автоматическое исключение конфликта интересов.

Учитывая, что такие действия направлены исключительно в обход законодательных запретов и ограничений, для целей регулирования отношений в сфере публичных закупок наличие конфликта интересов в указанном случае может быть признано путем применения принципа фактического контроля.

В качестве положительного примера из практики следует привести судебное решение[1], в котором судом был сделан вывод о наличии конфликта интересов между заказчиком и участником закупки (бывшие зять и теща), несмотря на то, что брак между предпринимателем (участником закупки) и дочерью должностного лица заказчика был фактически расторгнут. В основу выводов суда были положены доказательства, подтверждающие наличие личной заинтересованности (фактической связанности), выраженной в таких признаках, как сохранение между лицами фактических брачных отношений, ведение совместного хозяйства и воспитание общих детей [21].

Важно отметить, что принцип фактического контроля также может быть распространен на не формализованные и явно не выраженные отношения (например, отношения близкой дружбы, любовные связи, участие лиц в профессиональном сообществе и т.п.). Несмотря на то, что на таких лиц в равной степени распространяются антикоррупционные обязанности, предусмотренные Законом о контрактной системе или положением о закупке корпоративного заказчика, само по себе отсутствие элемента формальности создает высокий риск для злоупотреблений такими субъектами своим положением. В этом случае применение принципа фактического контроля является единственным эффективным механизмом ex post контроля, позволяющим выявить и урегулировать конфликт интересов.

Выводы

Многообразие форм и видов общественных отношений, способных генерировать конфликт интересов в публичных закупках, обуславливают необходимость применения эффективных мер по их выявлению и урегулированию на всех стадиях осуществления закупки.

Вместе с тем действующее законодательное регулирование характеризуется формальным подходом к пониманию такого социального явления, как конфликт интересов, предполагая закрепление его квалифицирующих признаков на уровне норм Закона № 44-ФЗ или в положении о закупке корпоративного заказчика. Данное обстоятельство существенно снижает эффективность предусмотренных Законом № 273-ФЗ мер противодействия конфликту интересов, а также влечет совершение субъектами закупочного процесса недобросовестных действий.

Применение описанного в практике Верховного Суда Российской Федерации принципа фактического контроля позволит квалифицировать конфликт интересов по содержательному критерию и обеспечить правоприменителю надежный механизм контроля за действиями (бездействием) субъектов закупочного процесса.

[1] Решение Арбитражного суда Архангельской области от 21.12.2023 по делу № А05-9220/2023 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/K0kg7kZWBiUP/ (дата обращения: 03.11.2025).

Список литературы

1. Беляева О.А. Цифровая эволюция публичных закупок: новые горизонты // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2023. № 3(51). С. 71-80. https://doi.org/10.25688/2076-9113.2023.51.3.06.

2. Симаева Е.П., Демченко М.В. Актуальные проблемы трансформации процедуры государственных закупок в условиях цифровизации // Безопасность бизнеса. 2022. № 1. С. 8–13.

3. Беляева О.А. Информационный компонент публичных закупок: как бороться с фальсифицированными сведениями? // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 2. С. 41-55. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-41-55.

4. Беляева О.А., Чваненко Д.А. Цифровизация государственных и муниципальных закупок: целеполагание, эволюция и перспективы // Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях цифровой экономики: монография / отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2019. С. 129-139.

5. Беляева О.А. Теоретико-правовые основы публичных закупок в современном российском правопорядке // Современные проблемы развития предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом: монография / под общ. ред. В.А. Вайпана, М.А. Егоровой. М.: Юстицинформ, 2021. С. 278-299.

6. Бабаев Д.Д., Беляева О.А. Проблемы выявления конфликта интересов в контексте транспарентности публичных закупок // Право и экономика. 2018. № 8 (378). С. 29-33.

7. Костина К.А. Конфликт интересов в государственных закупках Российской Федерации и Европейского Союза: сравнительно-правовое исследование // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2024. № 2 (54). С. 96-105. https://doi.org/10.25688/2076-9113.2024.54.2.10.

8. Бабаев Д.Д. Кристаллизация скрытого конфликта интересов в форматах системных злоупотреблений // Гражданское право. 2020. № 1. С. 37-40

9. Бабаев Д.Д. Выявление конфликта интересов в публичных закупках: pro et contra // Публичные закупки: проблемы правоприменения: материалы VII Международной конференции / гл. ред. В.А. Вайпан. М.: Юстицинформ, 2019. С. 19-25.

10. Беляева О.А., Трунцевский Ю.В., Цирин А.М. Правовые механизмы противодействия коррупции в сфере корпоративных закупок / отв. ред. И.И. Кучеров. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2019. 160 с.

11. Соколова О.С. Скрытая аффилированность как инструмент диагностики конфликта интересов в сфере противодействия коррупции // Современное право. 2019. № 9. С. 35-39.

12. Малкина В.И. Конфликт интересов в юридических лицах: монография / под ред. О.А. Беляевой. М.: Юстицинформ, 2022. 196 с.

13. Чваненко Д.А. Государственный контракт как особая модель гражданско-правового договора: монография / под ред. О. А. Беляевой. М.: Юстицинформ, 2023. 276 с.

14. Беляева О.А. Конфликт интересов в публичных закупках // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2019. № 1. С. 13-18.

15. Беляева О.А., Цирин А.М. Направления повышения эффективности противодействия коррупции в сфере корпоративных закупок // Журнал российского права. 2019. № 10. С. 152-162.

16. Обновление концепции антимонопольного регулирования. Научно-практический комментарий к Постановлению Пленума ВС РФ от 4 марта 2021 года № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» / А.А. Алексеева, Е.Ю. Борзило, В.А. Корнеев, К.А. Писенко, А.В. Разгильдеев, В.В. Сафонов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 5. С. 106–149; № 6. С. 41–104; № 7. С. 138-189.

17. Беляева О.А. Конфликт интересов в корпоративных закупках // Конкуренция и право. 2024. № 4. С. 48-55.

18. Башлаков-Николаев И.В., Максимов С.В. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации о применении судами антимонопольного законодательства: научно-практический комментарий. М.: Проспект, 2022. 184 с.

19. Цирин А.М., Матулис С.Н. Понятие скрытой аффилированности и способы ее выявления // Журнал российского права. 2020. № 2. С. 164-174.

20. Степанова Е.Е. Проблема исключения конфликта интересов в контрактной системе в сфере закупок // Конкурентное право. 2021. № 3. С. 24-26.

21. Климова О.В. Конфликт интересов в сфере закупок: проблемы в практике правоприменения // Законность. 2021. № 6. С. 30–33.

References

1. Belyaeva O. A. Digital evolution of public procurement: new horizons. *Vestnik MGPU. Seriya: Yuridicheskie nauki = Bulletin of the Moscow City University. Series: Legal Sciences*. 2023;(3):71-80. (In Russ.) https://doi.org/10.25688/2076-9113.2023.51.3.06.

2. Simaeva E.P., Demchenko M.V. Actual problems of transformation of the public procurement procedure in the context of digitalization. *Bezopasnost' biznesa = Business security*. 2022;(1):8-13. (In Russ.)

3. Belyaeva O.A. Information component of public procurement: how to deal with falsified information*? Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024;14(2):41-55. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-41-55.

4. Belyaeva O.A., Chvanenko D.A. Digitalization of public and municipal procurement: goal setting, evolution and prospects. In: Vaipan V.A., Egorova M.A. (eds.) Legal regulation of economic relations in the modern conditions of the digital economy. Moscow: Yustitsinform; 2019. P. 129-139. (In Russ.)

5. Belyaeva O.A. Theoretical and legal foundations of public procurement in the modern Russian legal order. In: Vaipan V.A., Egorova M.A. (eds.) Modern problems of development of business and corporate law in Russia and abroad. Moscow: Yustitsinform; 2021. P. 278-299. (In Russ.)

6. Babaev D.D., Belyaeva O.A. Problems of identifying conflicts of interest in the context of transparency of public procurement. *Pravo i ekonomika = Law and Economics*. 2018;(8):29-33. (In Russ.)

7. Kostina K.A. Conflict of interests in public procurement of the Russian Federation and the European Union: a comparative legal study. *Vestnik MGPU. Seriya: Yuridicheskie nauki = Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Legal Sciences.* 2024;(2):96-105. (In Russ.) https://doi.org/10.25688/2076-9113.2024.54.2.10

8. Babaev D.D. Crystallization of a hidden conflict of interest in the formats of systemic abuse. *Grazhdanskoe pravo = Civil Law*. 2020;(1):37-40 (In Russ.)

9. Babaev D.D. Identification of a conflict of interest in public procurement: pro et contra. In: Vaipan V.A. (ed.) *Publichnye zakupki: problemy pravoprimeneniya: materialy VII Mezhdunarodnoi konferentsii = Public procurement: problems of law enforcement: proceedings of the VII International conference*. Moscow: Yustitsinform; 2019. P. 119-25. (In Russ.)

10. Belyaeva O.A., Truntsevskii Yu.V., Tsirin A.M. Legal mechanisms for combating corruption in the field of corporate procurement. Moscow: IZiSP, KONTRAKT; 2019. 160 p. (In Russ.)

11. Sokolova O.S. Hidden affiliation as a tool for diagnosing conflicts of interest in the field of anti-corruption. *Sovremennoe pravo = Modern Law*. 2019;(9):35-39. (In Russ.)

12. Malkina V.I. Conflict of interests in legal entities. Moscow: Yustitsinform; 2022. 196 p. (In Russ.)

13. Chvanenko D.A. The state contract as a special model of a civil law contract. Moscow: Yustitsinform; 2023. 276 p. (In Russ.)

14. Belyaeva O.A. Conflict of interest in public procurement. *Zhurnal predprinimatel'skogo i korporativnogo prava = Journal of Business and Corporate Law*. 2019;(1):13-18. (In Russ.)

15. Belyaeva O.A., Tsirin A.M. Directions for improving the effectiveness of anti-corruption in the field of corporate procurement. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2019;(10):152-162. (In Russ.)

16. Alekseeva A.A., Borzilo E.Yu., Korneev V.A., Pisenko K.A., Razgil'deev A.V., Safonov V.V. Updating the concept of antimonopoly regulation. Scientific and practical commentary on resolution No. 2 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 4, 2021 "On certain issues arising in connection with the Application of Antimonopoly Legislation by Courts". *Vestnik ekonomi-*

cheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2022;(5):106-149; (6):41-104;(7):138-189. (In Russ.)

17. Belyaeva O.A. Conflict of interests in corporate procurement. *Konkurentsiya i pravo = Competition and law*. 2024;(4):48-55. (In Russ.)

18. Bashlakov-Nikolaev I.V., Maksimov S.V. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the application of antimonopoly legislation by courts: scientific and practical commentary. Moscow: Prospekt; 2022. 184 p. (In Russ.)

19. Tsirin A.M., Matulis S.N. The concept of hidden affiliation and ways to identify it. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2020;(2):164-174. (In Russ.)

20. Stepanova E. E. The problem of eliminating conflicts of interest in the contract system in the field of procurement. *Konkurentnoe pravo = Competition law*. 2021;(3):24-26. (In Russ.)

21. Klimova O.V. Conflict of interest in procurement: Problems in law enforcement practice. *Zakonnost' = Legality*. 2021;(6):30-33. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Костина Кристина Алексеевна, аспирант кафедры частноправовых дисциплин, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: kostina.kristina2014@yandex.ru,
ORCID: 0009-0007-1522-2430

Kristina A. Kostina, Postgraduate Student of Departments of Private Law Disciplines, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation,
e-mail: kostina.kristina2014@yandex.ru,
ORCID: 0009-0007-1522-2430

Оригинальная статья / Original article

УДК 347.734

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-92-102

CC BY 4.0

От традиционных форм денег к цифровым: особенности цифрового рубля как законного средства платежа

Ю.В. Мякотина [1] ✉

[1]Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ул. Садовая-Кудринская, д. 9/2, г. Москва 125993, Российская Федерация

✉e-mail: verdi89@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Цифровая трансформация финансовой системы требует переосмысления традиционных форм денег. В статье исследуется внедрение цифрового рубля как третьей формы национальной валюты в России. Цифровой рубль рассматривается в его взаимодействии с традиционными формами денег (наличными и безналичными). Особое внимание уделено правовому статусу цифрового рубля, который, согласно действующему законодательству, формально относится к безналичным средствам, но при этом обладает уникальными характеристиками, позволяющими отнести его к отдельной форме денег. Неопределённость в регулировании и необходимость минимизации рисков делают исследование особенно значимым.*

Цель – *проанализировать правовые и функциональные особенности цифрового рубля, его роль в трансформации денежной системы России, а также оценить перспективы его сосуществования с традиционными формами денег.*

Задачи. *Основными задачами статьи являются: определение правового статуса цифрового рубля, выявление функциональных различий между цифровым рублём, наличными и безналичными средствами, оценка влияния внедрения цифрового рубля на структуру денежной системы России.*

Методология. *Исследование основано на сравнительно-правовом анализе законодательства России и доктринальных позиций ученых правоведов и экономистов, анализе статистических данных Банка России, а также на системном подходе к изучению функций денег.*

Результаты*. В статье выделены ключевые различия между формами денег: цифровой рубль сочетает преимущества наличных (мгновенные P2P-платежи, доступность) и технологические возможности безналичных средств (безопасность, прозрачность).*

Вывод. *Внедрение цифрового рубля не приведет к полному вытеснению существующих форм, но трансформирует денежную систему, сократив долю наличных и перераспределив роль безналичных средств. В статье делается акцент на необходимость дальнейших правовых исследований, которые будут способствовать минимизации рисков и формированию эффективных механизмов правового регулирования.*

Ключевые слова: *эмиссия денег; Банк России; кредитование; банковский счет; банковские риски; правовой статус денег.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Мякотина Ю.В. От традиционных форм денег к цифровым: особенности цифрового рубля как законного средства платежа // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 3. С. 92–102. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-92-102.

Поступила в редакцию 24.04.2025 Принята к публикации 05.05.2025 Опубликована 16.06.2025

© Мякотина Ю.В., 2025

From traditional currency to digital forms: Peculiarities of the digital ruble as a legal tender

Iuliia V. Miakotina[1] ✉

[1]Kutafin Moscow State Law University (MGUA)
9/2 Sadovaya-Kudrinskaya Str., Moscow 125993, Russian Federation

✉e-mail: verdi89@mail.ru

Abstract

Relevance. *The digital transformation of the financial system necessitates a reassessment of traditional monetary forms. This article investigates the introduction of the digital ruble as a third form of national currency in Russia, examining its interplay with existing cash and non-cash forms. Particular attention is given to the digital ruble's legal status, which, under current legislation, is formally classified as non-cash, yet possesses unique characteristics warranting its consideration as a distinct form of money. The current regulatory ambiguity and the need for risk mitigation underscore the significance of this research.*

Purpose *to analyze the legal and functional characteristics of the digital ruble, its role in transforming Russia's monetary system, and the prospects for its coexistence with traditional monetary forms.*

Objective. *The primary tasks of this article are to define the legal status of the digital ruble within the existing legal framework, identify functional differences between the digital ruble, cash, and non-cash funds, and assess the impact of the digital ruble's introduction on the structure of the monetary system.*

Methodology. *This research is based on a comparative legal analysis of Russian legislation and doctrinal positions of legal scholars and economists, an analysis of statistical data from the Bank of Russia, and a systemic approach to the study of monetary functions.*

Results. *This article highlights key distinctions between the forms of money. The digital ruble combines the advantages of cash (instantaneous peer-to-peer transactions, accessibility) with the technological capabilities of non-cash instruments (security, transparency).*

Conclusion. *The introduction of the digital ruble will not lead to the complete displacement of existing forms but will transform the monetary system, reducing the share of cash and redefining the role of non-cash funds. The article emphasizes the need for further legal research to mitigate risks and develop effective regulatory mechanisms.*

Keywords: *money issuance; Bank of Russia; lending; bank account; banking risks; legal status of money.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Miakotina I.V. From traditional currency to digital forms: Peculiarities of the digital ruble as a Legal Tender. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(3):92–102. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-92-102.

Received 24.04.2025 Accepted 05.05.2025 Published 16.06.2025

***

Введение

С развитием технологий и цифровизацией экономики центральные банки многих стран активно изучают возможность внедрения цифровых валют. Россия не стала исключением: Банком России был разработан проект цифрового рубля, который принято именовать третьей формой национальной валюты наряду с наличными и безналичными средствами[1]. Актуальность исследования обусловлена противоречиями в регулировании эмиссии и обращения цифрового рубля. С одной стороны, Банк России, монополизируя выпуск цифровой формы национальной валюты, стремится усилить контроль над денежной массой, минимизировав

[1] Цифровой рубль // Банк России: сайт. URL: https://www.cbr.ru/fintech/dr/ (дата обращения: 01.04.2025).

риски кредитной экспансии коммерческих банков. С другой – внедрение цифрового рубля затрагивает фундаментальные аспекты финансовой системы: от перераспределения ролей между Банком России и кредитными организациями до защиты прав граждан на приватность (ст. 23 Конституции РФ).

Кроме того, отсутствие единого подхода к определению «формы денег» в законодательстве создаёт правовые коллизии, осложняющие интеграцию новой валюты в экономику.

Разделение денег на формы, на наш взгляд, в большей степени относится к экономическому подходу к классификации денег. В экономической литературе под формой денег понимается внешнее проявление конкретного вида денежной единицы, дифференцированной по ее функциональному назначению. Общепринятая экономическая классификация предполагает деление денег на две основные категории: наличные и безналичные[1]. Одновременно с этим в действующем законодательстве Российской Федерации отсутствует легальное определение «формы денег».

Закон в настоящее время рассматривает цифровой рубль в качестве разновидности безналичных денежных средств. Так, в соответствии со ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации к объектам гражданских прав относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли), а согласно ч. 2 ст. 30.8 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», счёт цифрового рубля признаётся отдельным видом банковского счёта.

Эта позиция поддерживается и учеными-правоведами, и экономистами. Так, Л.Г. Ефимова относит цифровой рубль к одной категории с безналичными деньгами [1]. Аналогичной точки зрения придерживаются Л.Ю. Василевская [2, с. 15], О.А. Белова, Э.О. Осадченко [3, с. 92]. Есть и другой подход. Например, В.В. Пшеничников говорит о цифровом рубле как эквиваленте наличных и безналичных денег [4, с. 103]. Т.Э. Рождественская, А.Г. Гузнов относят цифровой рубль к гибриду безналичной и наличной формы денег [5, с. 50]. Также позиции, согласно которой цифровые деньги относятся к отдельной форме денег, придерживается С.А. Андрюшин [6, с. 59], А.А. Ситник [7, с. 26].

Отсутствие единого подхода к определению правовой природы цифрового рубля создает риски возникновения коллизий в правовом регулировании. В частности, цифровой рубль формально приравнен к безналичным средствам, но одновременно с этим обладает характеристиками наличных (например, возможностью офлайн-платежей), что может привести к противоречиям в толковании норм Гражданского кодекса Российской Федерации о вещах и имущественных правах.

Методология

Основу работы составляет *сравнительно-правовой анализ российского законодательства*, регулирующего денежное обращение, в том числе норм Гражданского кодекса Российской Федерации, Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», а также положений Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе». Особое внимание уделено сопоставлению правовых дефиниций, связанных с формами денег (наличные, безналичные, цифровой рубль), и выявлению пробелов в их законодательном определении.

Для углубленного понимания функциональных особенностей цифрового

[1] Деньги, кредит, банки / под ред. В.В. Иванова, Б.И. Соколова, М.: Юрайт, 2023. С. 27.

рубля использован *доктринальный анализ* трудов российских правоведов и экономистов, в частности С.А. Андрюшина, Л.Ю. Василевской, Л.Г. Ефимовой, А.А. Ситника и др., чьи позиции отражают дискуссионные аспекты правовой природы цифрового рубля. Это позволило систематизировать существующие подходы к классификации денег и определить место цифрового рубля в действующей правовой реальности.

Важным элементом методологии стал *анализ статистических данных* Банка России по динамике доли наличных и безналичных средств в денежной массе (М2) России, а также официальные отчеты о реализации проекта цифрового рубля. Эти данные обеспечили эмпирическую базу для оценки тенденций трансформации денежной системы и прогнозирования её развития.

Дополнительно применен *системный подход*, направленный на изучение функций денег в контексте их эволюции. Это позволило рассмотреть цифровой рубль не только как технологический инструмент, но и как элемент финансовой системы, взаимодействующий с традиционными формами денег.

Сочетание указанных методов обеспечивает междисциплинарность исследования, объединяя юридический, экономический и технологический аспекты анализа, что соответствует цели статьи – комплексно оценить правовые и функциональные особенности цифрового рубля, а также его влияние на денежную систему России.

Результаты и их обсуждение

Учитывая вышеизложенное, представляется целесообразным обратиться к поиску признаков, на основании которых можно соотнести цифровые рубли с безналичными денежными средствами и наличными деньгами.

Если рассматривать цифровой рубль как разновидность безналичных денег, на наш взгляд, стоит принять во внимание несколько аспектов. Во-первых, у него нет материальной формы выражения в реальном мире, как у наличных денег (банкноты или монеты). При этом нельзя не учитывать, что безналичные денежные средства возникли гораздо раньше, чем цифровой рубль, и существовали исключительно в виде записей по счетам, открытым в кредитных организациях.

Второе отличие цифровых рублей от безналичных денег заключается в способе их хранения. Как было указано выше, безналичные деньги хранятся на банковских счетах, открытых в кредитных организациях, а цифровой рубль будет храниться на специальных электронных кошельках, открытых на платформе Банка России.

Анализируя соотношение цифрового рубля и безналичных денежных средств, следует также обратиться к еще одному аспекту, а именно к порядку эмиссии денег в России. Согласно положениям ст. 29 Федерального закона от 10 июня 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» эмиссией наличных денег (банкнот и монет) занимается исключительно Банк России. Кроме того, данная позиция находит подтверждение и в доктрине [8, с. 57]. При этом в отношении эмиссии безналичных денежных средств такой однозначной позиции не наблюдается.

Некоторые авторы считают, что только Банк России обладает правом эмиссии, и это право распространяется как на наличные, так и на безналичные деньги. Например, А.А. Ситник аргументирует свою точку зрения отсылкой к положениям ч. 1 ст. 75 Конституции Российской Федерации и позиции Конституционного Суда Российской Федерации по этому вопросу, отраженной в определении от 14 дек. 2000 г. № 268-О, которые

не делят эмиссию на наличную и безналичную, и на этом основании делает вывод о том, что право эмиссии принадлежит только Банку России[1]. Аналогичной точки зрения придерживаются О.Н. Васильева [9, с. 7], Н.Р. Чебыкина [10, с. 193].

Позиция других авторов заключается в том, что эмиссия безналичных денежных средств осуществляется системой коммерческих банков[2] [11, с. 67], а не Банком России [12, с. 60], т. е. банки «печатают» безналичные деньги посредством выдачи кредитов клиентам, что, в свою очередь, увеличивает денежную базу без увеличения реальных денег в экономике. Это может приводить к появлению так называемых «финансовых пузырей», когда банки наращивают кредитование без реального обеспечения (такую ситуацию можно было наблюдать перед кризисом 2008 г. в США). И когда такой «финансовый пузырь» лопается, деньги исчезают, провоцируя возникновение кризисов и увеличение банкротств во всех секторах экономики. Кроме того, созданные банками кредитные деньги часто попадают не в реальный сектор, а в недвижимость и акции, неоправданно повышая их стоимость, что может привести, в частности, к росту стоимости жилья при стагнации зарплат. Если банки слишком активно кредитуют, Банк России вынужден ужесточать кредитно-денежную политику (в частности, повышать ключевую ставку либо увеличивать требования к нормативам банков), что может негативно влиять на развитие бизнеса и покупную способность потребителей. Данную ситуацию мы можем видеть в настоящее время, когда на протяжении нескольких месяцев Банк России удерживает высокую ключевую ставку и ужесточил требования к нормативам коммерческих банков как в розничном, так и в корпоративном кредитовании.

Этот тезис позволяет предположить, что возникновение цифрового рубля является шагом Банка России к возвращению себе исключительной монополии на эмиссию безналичных денежных средств, выраженных в цифровых рублях. Такой подход может привести к более жесткому контролю количества денег в обороте, поскольку деньги нельзя будет «размножить» через кредиты. И это дает возможность предположить, что цифровой рубль можно рассматривать как разновидность безналичных денег.

Таким образом, правовое понятие «безналичные денежные средства» в настоящее время охватывает два разных объекта правового регулирования – цифровые рубли и иные безналичные денежные средства, не выраженные в цифровых рублях. Но на наш взгляд, представляется, что сравнение цифрового рубля только с безналичными денежными средствами недостаточно, чтобы определить его влияние на денежную систему России, поэтому представляется целесообразным остановиться на анализе соотношения цифрового рубля с наличными деньгами.

Наличные деньги, являясь наиболее традиционной формой валюты, обладают рядом преимуществ по сравнению с безналичными деньгами и цифровым рублем: анонимность, доступность проведения платежей офлайн, простота использования. Однако они имеют и свои недостатки: высокие издержки на производство, хранение и транспортировку, риск подделки и утраты, ограниченные воз-

[1] Ситник А.А. Финансово-правовое регулирование денежного обращения в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010, С. 24.

[2] Гудкова М.В. Денежная эмиссия и денежное обращение в Российской Федерации: особенности финансово-правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2021. С. 156.

можности контроля за денежными потоками. Цифровой рубль как новая форма национальной валюты может решить некоторые из этих проблем. Он обеспечивает более высокий уровень безопасности и прозрачности транзакций, снижает издержки обращения, открывает новые возможности для целевого распределения социальных выплат и контроля за использованием бюджетных средств (табл. 1). Кроме того, цифровой рубль может способствовать повышению финансовой доступности для населения, особенно в отдаленных регионах. Результаты общего сравнительного анализа трех форм денег приведены в таблице 1.

Таблица 1. Сравнительная таблица форм денег в России

Table 1. Comparative Table of Forms of Money in Russia

Критерий	Наличные деньги	Безналичные денежные средства	Цифровой рубль
Правовой статус	Вещи (ст. 128 ГК РФ)	Права требования к банку	Права требования к Банку России
Эмитент	Банк России	Коммерческие банки	Банк России
Форма существования	Банкноты / монеты	Записи на банковских счетах	Уникальный цифровой код, который будет храниться на цифровом кошельке на платформе Банка России
Скорость операций	Мгновенно	В течение нескольких дней	Мгновенно
Кредитный механизм	Отсутствует	Создаются банками через денежную мультипликацию	Не участвует в кредитовании
Офлайн-платежи	Да	Нет	В разработке
Программируемость	Нет	Ограниченная (автоплатежи)	Полная (смарт-контракты)
Обращение	Без посредников	Через банковскую систему	Прямые P2P-транзакции

Учитывая вышеизложенное, возникает следующий вопрос: каково возможное воздействие внедрения цифрового рубля на существующую денежную систему: замещение безналичных расчетов, вытеснение наличных денежных средств или формирование новой финансовой реальности, характеризующейся сосуществованием всех трёх форм валюты?

В современной российской экономической системе наблюдается устойчивая тенденция к изменению структуры денежной массы, характерной чертой которой является прогрессирующее увеличение доли безналичных денежных средств при одновременном сокращении удельного веса наличных денег в совокупном денежном обращении.

Согласно информации Банка России от 01.03.2025, по доле наличных и безналичных денежных средств в общей денежной массе доля наличных имеет тренд на устойчивое снижение в последние 30 лет, что наглядно отражено в таблице 2.

Таблица 2. Доля наличных (M0) в общей денежной массе (M2)

Table 2. Share of Cash (M0) in the Total Money Supply (M2)

Период	Средняя доля наличных, %	Ключевые события
1993–1998 гг.	35–40	Кризис 1998 г. (скачок до 45%)
2000–2010 гг.	25–30	Стабилизация, развитие безналичных платежей
2015–2020 гг.	20–22	Санкции, рост цифровизации
2021–2024 гг.	15–16	Пандемия, введение Банком России ограничений на наличные, внедрение СБП

Примечание. Рассчитано автором на основании данных Банка России. URL: https://cbr.ru/statistics/ms/ (дата обращения: 01.04.2025).

При этом в отношении безналичных денежных средств можно говорить об опережающем росте, поскольку с начала 1990-х гг. их доля увеличилась с 65% (1993 г.) до 85% (2024 г.), особое ускорение возможно наблюдать после 2015 г. в связи с активным развитием FinTech (ФинТех) и мобильных платежей.

Однако цифровой рубль может составить конкуренцию безналичным деньгам по нескольким причинам:

1. Безналичные деньги хранятся на счетах в банках, которые выступают посредниками и могут взимать свою комиссию. Цифровой рубль позволяет исключить из системы хранения денежных средств банки, что, с одной стороны, снижает их комиссионные доходы, а с другой – уменьшает затраты клиентов – физических и юридических лиц.

2. При переводе безналичных денежных средств взимается иногда достаточно существенная комиссия, и их перевод может занимать несколько дней, если, например, деньги переводятся по реквизитам счета из одного банка в другой (за исключением переводов СБП). Переводы цифровыми рублями будут мгновенными и бесплатными (или с минимальной комиссией).

3. Восстановление полного цикла движения безналичных денежных средств представляет значительную сложность, что может затруднить однозначную идентификацию их происхождения и целевого назначения. В отношении цифровых рублей Банк России сможет отслеживать все транзакции, что повышает их прозрачность и исключает анонимность.

4. Выпущенные банками безналичные деньги могут создать проблемы с ликвидностью для кредитной организации в случае возникновения кризиса доверия. При этом в отношении цифровых рублей такие риски минимизируются, поскольку эмитентом является Банк России, что может повысить доверие со стороны населения к этой форме денег.

5. Банки кредитуют юридических и физических лиц путем выпуска безналичных денежных средств, что в случае их невозврата ведет к возникновению у банков кредитных рисков. Поскольку кредитования цифровыми рублями не предполагается, кредитные риски при использовании этой формы денег отсутствуют как класс.

Тем не менее экономике для ее функционирования нужны инвестиции, поэтому полностью отменить банковское кредитование не представляется возможным. Можно предположить, что монополизация Банком России процесса эмиссии цифровых денег ослабит роль коммерческих банков в экономике. Но кредитование будет существовать в любом случае, поэтому безналичные деньги не исчезнут полностью, однако можно предположить, что их доля в экономике сократится, особенно в розничных расчетах с участием физических лиц, а также в бюджетной сфере.

Рассматривая взаимосвязь цифрового рубля с наличными деньгами, вполне

возможно высказать гипотезу о том, что он может трансформировать и дать новую жизнь концепции наличных денег. Так, одной из целей для расчетов цифровыми рублями заявлена возможность оплаты без доступа к интернету (по аналогии с наличными), что является достаточно полезным для удаленных регионов с плохой связью. Но в данном случае потребуется решить вопрос с тем, как пополнять свой цифровой кошелек без доступа к интернету, поскольку сейчас единственный вариант внести цифровые рубли – через свой банковский счет с последующим переводом на цифровой кошелек.

Следует согласиться с тем, что цифровой рубль может упростить доступ к электронным деньгам для людей, у которых по каким-то причинам нет банковских счетов, но одновременно с этим, на наш взгляд, он не сможет полностью заменить наличные деньги для некоторых категорий граждан: пожилых людей, сельских жителей в удаленных регионах и пр.

Тем не менее одной из привлекательных черт наличных денег является их большая анонимность и приватность. И если в рамках операций с цифровым рублем Банк России внедрит механизмы частичной приватности (например, перевод небольших сумм без идентификации), думается, что это сможет сделать расчеты цифровыми рублями более востребованными.

Таким образом цифровой рубль, с одной стороны, наследует ключевые преимущества наличных денег, а с другой – дополняет их технологическими возможностями. Обобщая изложенное, можно сформулировать следующие достоинства цифровых денег перед наличными:

1. Скорость, простота и удобство

1.1. Мгновенные переводы против необходимости физической передачи банкнот / монет.

1.2. Нет потребности в инкассации, физическом хранении, проверке подлинности. Это, в свою очередь, значительно снижает операционные издержки для бизнеса и государства. Инкассация, требующая затрат на транспортировку, страхование и охрану наличных средств, становится избыточной, т. к. цифровые деньги передаются в электронном формате. Физическое хранение, связанное с арендой сейфов, обслуживанием банковских ячеек и защитой от краж, также утрачивает актуальность, поскольку цифровые рубли существуют исключительно в защищённом реестре Банка России. Проверка подлинности, которая для наличных денег предполагает использование детекторов валют и обучение персонала, также исключается для цифровых денег.

2. Снижение затрат для бизнеса и независимость от посредников

2.1. Торговые предприятия могут сократить свои затраты за счет отказа от кассовых аппаратов и эквайринга (комиссия в отношении операций с цифровыми рублями – 0% для физических лиц и 0,3% для торговых предприятий)[1].

Контроль и безопасность

3.1. Невозможность подделки. В отличие от фальшивых банкнот криптографическая защита и распределённый реестр исключают возможность подделки цифрового рубля.

3.2. Увеличение прозрачности операций для государства, что, в свою очередь, должно привести к снижению теневого оборота денег.

3.3. Цифровой рубль открывает новые возможности для контроля за целевым использованием бюджетных средств [13, с. 57].

4. Программируемость

4.1. Программируемость цифрового рубля подразумевает возможность настройки условий выполнения транзакций через смарт-контракты или алгоритмические правила. Это позволяет автоматизировать платежи и финансовые операции [14, с. 360].

[1] Утверждены тарифы по операциям с цифровыми рублями // Банк России: сайт. https://cbr.ru/press/event/?id=16982 (дата обращения: 01.04.2025).

5. Интеграция с цифровыми сервисами

5.1. Цифровой рубль проектируется как часть экосистемы, совместимой с существующими и перспективными цифровыми платформами. Например, его интеграция с Единой биометрической системой позволит проводить авторизацию транзакций через удаленную идентификацию, что особенно актуально для удаленных регионов и лиц с ограниченной мобильностью.

5.2. Цифровой рубль будет интегрирован в мобильные приложения банков, что позволит пользователям легко переводить средства. Возможна интеграция с государственными сервисами, например, с порталом «Госуслуги» для упрощения оплаты налогов, штрафов или получения субсидий.

Однако при всех плюсах, которыми обладает цифровой рубль, нельзя не отметить, что его внедрение порождает и ряд специфических рисков и вызовов:

1. Кибератаки на инфраструктуру Банка России. Поскольку все цифровые рубли будут сконцентрированы в одном месте – на платформе цифрового рубля Банка России, возрастает риск попыток несанкционированного доступа к платформе цифрового рубля с целью хищения средств пользователей или самого Банка России, что может привести к значительным финансовым потерям и подорвать доверие к новой форме валюты.

На наш взгляд, для минимизации указанных рисков в России необходимо внедрение многоуровневой системы безопасности, включая биометрическую аутентификацию и распределённое хранение данных. При этом ключевой задачей государства остаётся сохранение баланса между безопасностью и удобством использования, чтобы технологические барьеры не ограничили доступность цифрового рубля для населения.

2. Угроза ликвидности банков и устойчивости банковской системы в случае, если клиенты массово переведут депозиты, размещенные в банках, в цифровые рубли. Для недопущения такой ситуации видится необходимым разработать четкую правовую базу для регулирования обращения цифрового рубля и обеспечить эффективный надзор со стороны Банка России за деятельностью банков в новых условиях.

3. Риск тотального контроля за расходами граждан, а следовательно, за их личной жизнью, что, наш взгляд, может идти вразрез с гарантированным ст. 23 Конституции Российской Федерации правом на неприкосновенность частной жизни и нарушать баланс между публичными интересами и личными правами. Представляется, что цифровая прослеживаемость всех транзакций гражданина со стороны Банка России также может рассматриваться как нарушение конституционного принципа соразмерности вмешательства государства [15, с. 90].

Выводы

Проанализировав все вышеуказанное, считаем возможным предположить, что ни одна из существующих форм денег не исчезнет, но произойдет трансформация денежной системы, как с точки зрения экономики, так и с точки зрения правового регулирования. Соотношение наличных, безналичных денег и цифрового рубля будет динамично меняться под влиянием технологических, экономических, социальных и правовых факторов. Каждая форма найдет свое применение, выполняя разные функции в зависимости от потребностей государства и общества.

Успешная интеграция цифрового рубля в экономику зависит от эффективного правового регулирования и готовности рынка к новым технологиям. Если государство и Банк России смогут путем продуманного нормативного регулирования обеспечить баланс между инновациями, доступностью и соблюдением прав и законных интересов физических и юридических лиц, переход к цифровой экономике пройдет наиболее гладко. По мнению автора, ключевой задачей зако-

нодателя остается сохранение права за гражданами самостоятельно выбирать денежную форму для своих операций.

Видится, что дальнейшие исследования в этой области необходимы для более глубокого понимания потенциала и рисков, связанных с внедрением цифрового рубля, формирования эффективного и адекватного правового регулирования в целях обеспечения стабильности и безопасности всей финансовой системы России, а также защиты интересов ее участников.

Список литературы

1. Ефимова Л.Г. О правовой природе безналичных денег, цифровой валюты и цифрового рубля // Цивилист. 2022. № 4. URL: https://civilistmag.ru/tpost/klz1mfjlh1-tsivilist-42022-o-pravovoi-prirode-bezna (дата обращения: 02.04.2025).

2. Василевская Л.Ю. Цифровой рубль: взгляд цивилиста на проблему // Lex russica. 2023. Т. 76, № 1. С. 9-19. https://doi.org/10.17803/1729-5920.2023.194.1.009-019.

3. Белова О.А., Осадченко Э.О. Правовая природа цифрового рубля // Правовая парадигма. 2023. Т. 22, № 4. С. 90-95. https://doi.org/https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.11.

4. Пшеничников В.В. Перспективы эмиссии цифрового рубля и его функционирования в платежном обороте страны // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2020. Т. 13, № 6. С. 101-109. https://doi.org/10.18721/JE.13609.

5. Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г. Правовое регулирование цифрового рубля // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19, № 1. С. 48–55. https://doi.org/10.17803/1994-1471.2024.158.1.048-055.

6. Андрюшин С.А. Цифровая валюта центрального банка как третья форма денег государства // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15, № 1. С. 54-76. https://doi.org/http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.1.54-76.

7. Ситник А.А. Цифровой рубль как объект финансово-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 8. С. 20–36. https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.153.8.020-036.

8. Кропин Ю.А. Проблемы имплементации цифровых денежных средств в современную денежно-банковскую систему // Экономика. Налоги. Право. 2024. Т. 17, № 1. С. 56-64. https://doi.org/10.26794/1999-8492024-17-1-56-64.

9. Васильева О.Н. К вопросу об особенностях эмиссии электронных денежных средств и их внедрение в расчеты // Правовой альманах. 2020. № 3. С. 5-15.

10. Чебыкина Н.Р. Некоторые вопросы правового регулирования и осуществления Банком России полномочий по денежной эмиссии // Омский научный вестник. 2006. № 3 (36). С. 193-196.

11. Кропин Ю.А. Дискуссионные вопросы эмиссионной функции Центрального банка в условиях современной денежной системы // Экономика. Налоги. Право. 2022. Т. 15, №1. С. 56-62. https://doi.org/10.26794/1999-849X2022-15-1-56-62.

12. Бельский К.С. Дополняя и развивая теорию эмиссионного права // Государство и право. 2019. № 8. С. 62-72. https://doi.org/10.31857/S013207690006243-9.

13. Габов А.В. Цифровой рубль центрального банка как объект гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 4. С. 55-65 https://doi.org/ 10.17803/1994-1471.2021.125.4.055-065.

14. Поташова И.Ю., Гонта С.Н. Критический анализ внедрения цифрового рубля Банка России // Вестник Академии знаний. 2023. № 2 (55). С. 357-362.

15. Подмарев А.А. Соразмерность как конституционный принцип ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 83-91. https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-83-91.

References

1. Efimova L.G. On the legal nature of non-cash money, digital currency and the digital ruble. *Tsivilist = Civilist*. 2022:(4). (In Russ.) Available at: https://civilistmag.ru/tpost/klz1mfjlh1-tsivilist-42022-o-pravovoi-prirode-bezna (accessed 02.04.2025).

2. Vasilevskaya L.Yu. The digital ruble: a civilist's view of the problem. *Lex russica*. 2023;76(1):9–19. (In Russ.) https://doi.org/10.17803/1729-5920.2023.194.1.009-019.

3. Belova O.A., Osadchenko E.O. The legal nature of the digital ruble. *Pravovaya paradigma = The legal paradigm*. 2023;22(4):90-95. (In Russ.) https://doi.org/https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.11.

4. Pshenichnikov V.V. Prospects for the issue of the digital ruble and its functioning in the country's payment turnover. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskie nauki = St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics*. 2020;13(6):101-109. (In Russ.) https://doi.org/10.18721/JE.13609.

5. Rozhdestvenskaya T.E., Guznov A.G. Legal regulation of the digital ruble. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*. 2024;19(1):48-55. (In Russ.) https://doi.org/10.17803/1994-1471.2024.158.1.048-055.

6. Andryushin S.A. The central bank's digital currency as the third form of government money. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava = Actual Problems of Economics and Law*. 2021;15(1):54-76. (In Russ.) https://doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.1.54-76.

7. Sitnik A.A. The digital ruble as an object of financial and legal regulation. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*. 2023;18(8):20-36. (In Russ.) https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.153.8.020-036.

8. Kropin Yu.A. Problems of the implementation of digital money in the modern monetary banking system. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economy. Taxes. Right.* 2024;17(1):56-64. (In Russ.) https://doi.org/10.26794/1999-8492024-17-1-56-64.

9. Vasil'eva O.N. On the issue of the specifics of the issue of electronic money and their implementation in calculations. *Pravovoi al'manakh = The Legal Almanac*. 2020;(3):5-15. (In Russ.)

10. Chebykina N.R. Some issues of legal regulation and implementation of the Bank of Russia's powers on monetary issuance. *Omskii nauchnyi vestnik = Omsk Scientific Bulletin*. 2006;(3):193-196. (In Russ.)

11. Kropin Yu.A. Controversial issues of the Central Bank's emission function in the context of the modern monetary system. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economy. Taxes. Right.* 2022;15(1):56-62. (In Russ.) https://doi.org/10.26794/1999-849X2022-15-1-56-62.

12. Bel'skii K.S. Supplementing and developing the theory of emission law. *Gosudarstvo i pravo = State and Law.* 2019;(8):62-72. (In Russ.) https://doi.org/10.31857/S013207690006243-9.

13. Gabov A.V. The central bank's digital ruble as an object of civil rights. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*. 2021;16(4):55-65 (In Russ.) https://doi.org/10.17803/1994- 1471.2021.125.4.055-065.

14. Potashova I.Yu., Gonta S.N. Critical analysis of the introduction of the digital ruble of the Bank of Russia. *Vestnik Akademii znanii = Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2023;(2):357-362. (In Russ.)

15. Podmarev A.A. Proportionality as a constitutional principle of restriction of human and civil rights and freedoms in the Russian Federation. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie Pravo = Izvestiya of Saratov University. Series: Economics. Management. Law*. 2021;21(1):83-91. (In Russ.) https://doi.org/ 10.18500/1994-2540-2021-21-1-83-91.

Информация об авторе / Information about the Author

Мякотина Юлия Валентиновна, аспирант кафедры банковского права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: s2021650@edu.msal.ru,
ORCID: 0009-0006-9578-6086

Iuliia V. Miakotina, Postgraduate Student of the Department of Banking Law, Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russian Federation,
e-mail: s2021650@edu.msal.ru
ORCID: 0009-0006-9578-6086

Оригинальная статья / Original article

УДК 347.45/.47

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-103-112

CC BY 4.0

Социально-правовая обусловленность возникновения доверительного управления имуществом, основанном на законе

М.В. Нагалина[1] ✉

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: marina_kesheva@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Рассматриваются отдельные аспекты категории «доверительное управление имуществом в силу закона» как проявления особых случаев вмешательства законодателя в волеизъявление собственника. Это актуально в современной ситуации увеличения законодательных оснований для учреждения доверительного управления. Основания, в свою очередь, тесно связаны с причинами и целями учреждения доверительного управления.*

Цель исследования *состоит в обосновании социальной обусловленности учреждения доверительного управления в силу закона ввиду особых целей, поставленных законодателем в том или ином конкретном случае.*

Задачи исследования: *выявить особенности социальной направленности института доверительного управления в силу закона; сформулировать цели доверительного управления применительно к различным законным основаниям его учреждения и определить их значение.*

Методология. *В процессе работы над исследованием использовались методы системного анализа, сравнения, а также методы формальной логики, обобщения достижений юридической доктрины.*

Результаты *исследования носят теоретический характер и состоят в исследовании проблематики целевого блока учреждения доверительного управления в силу закона с одновременным доказательством широко понимаемой социальной обусловленности целей доверительного управления.*

Вывод. *Доверительное управление имуществом собственника при его патронаже и имуществом безвестно отсутствующего лица преследует исключительно социальные цели, направленные на обеспечение соблюдения имущественных прав и интересов лица, которое само по ряду прямо указанных в законе причин не может осуществить свои права и исполнить обязанности. В то же время необходимость преумножения стоимости наследственного имущества вследствие доверительного управления указывает на экономический характер целей его учреждения наравне с социальными. Для некоторых видов доверительного управления по закону характерны дополнительные, наряду с социальными, государственно-общественные или экономико-управленческие цели.*

Ключевые слова: *доверительное управление; сила закона; имущество; собственник.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Нагалина М.В. Социально-правовая обусловленность возникновения доверительного управления имуществом, основанном на законе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 3. С. 103–112. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-103-112.

Поступила в редакцию 25.03.2025 Принята к публикации 16.05.2025 Опубликована 16.06.2025

© Нагалина М.В., 2025

Social and legal conditionality of the emergence of trust management of property based on the law

Marina V. Nagalina[1] ✉

[1] Southwest State University
50 let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: marina_kesheva@mail.ru

Abstract

Relevance. *Some aspects of the category 'trust management of property by virtue of law' as a manifestation of special cases of intervention of the legislator in the will of the owner are considered. It is relevant in the modern situation of increasing legislative grounds for the establishment of trust management. The grounds, in turn, are closely related to the reasons and objectives of the establishment of trust management.*

The purpose *is to substantiate the social conditionality of the establishment of trust management by virtue of the law in view of the special objectives set by the legislator in a particular case.*

Objectives *are to identify the peculiarities of the social orientation of the institution of trust management by virtue of law; to formulate the objectives of trust management in relation to various legal grounds for its establishment and to determine their significance.*

Methodology. *In the process of work on the study used the methods of system analysis, comparison, as well as methods of formal logic, generalization of achievements of legal doctrine.*

Results *are theoretical in nature and consist in the study of the problems of the target block of the trust management establishment by virtue of the law with simultaneous proof of the widely understood social conditionality of the trust management objectives.*

Conclusion. *It is revealed that the trust management of the property of the owner under his patronage and the property of a missing person pursues exclusively social purposes aimed at ensuring the observance of property rights and interests of the person who himself, for a number of reasons directly specified in the law, cannot exercise his rights and fulfil his obligations. At the same time, the need to increase the value of inherited property due to trust management indicates the economic nature of the purposes of its establishment along with social ones. It is determined that for some types of trust management under the law are characterised by additional, along with social, state-social or economic-administrative purposes.*

Keywords: *trust management; by virtue of law; force of law; property; owner.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Nagalina M.V. Social and legal conditionality of the emergence of trust management of property based on the law. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(3):103–112. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-2-103-112.

Received 25.03.2025 Accepted 16.05.2025 Published 16.06.2025

***

Введение

Российское право предполагает два способа перехода к доверительному управлению имуществом: во-первых, вследствие самостоятельного достижения сторонами соглашения по существенным условиям данного договора и выражения ими своей воли на его подписание и, во-вторых, в силу прямого указания закона на необходимость его учреждения в той или иной жизненной ситуации. Во втором случае государство вмешивается в частноправовые отношения (отношения собственности), «принимая решение» об учреждении доверительного управления имуществом за самого собственника. Более того, договор доверительного управления имуществом в силу закона не стандартизирован для такой правовой ситуации, потому учредитель доверительного управления в большинстве случаев наде-

ляется полномочиями по определению условий доверительного управления имуществом, в том числе в части сроков и вознаграждения доверительному управляющему. В отдельных ситуациях он вправе самостоятельно определять, какое именно имущество из состава имущества собственника может быть передано в доверительное управление. Причем в последнем случае происходит согласование частных и публичных интересов, а состав субъектов и участников определяется их полномочиями, которые могут быть различны или, напротив, очень близки, например, полномочия таких учредителей доверительного управления, как орган опеки и попечительства и нотариус, не принимая во внимание различия между правовыми статусами указанных субъектов в иных случаях [1, с. 77].

Представляется, что столь серьезное вмешательство в отношения собственности, не соответствующее общим принципам гражданского законодательства об автономии субъектов частного права, не может быть произвольным, а должно быть вызвано существенными причинами и способствовать достижению четко определенных в законе целей. В противном случае, как это справедливо отмечает А.В. Терехова, безосновательность административного усмотрения в каждом конкретном случае будет очевидным нарушением принципа законности [2, с. 320].

Вместе с тем в юридической доктрине до настоящего времени не достигнут консенсус относительно причин и целей доверительного управления имуществом по основаниям, указанным в законе. Одновременно в последние 10–20 лет появились новые виды доверительного управления имуществом в силу закона, в связи с чем актуальным, теоретически и практически значимым будет анализ причин и целей государственного вмешательства в процесс реализации собственником своих полномочий в отношении принадлежащего ему имущества.

Методология

Основу научного исследования составили общие методы, позволяющие решить поставленную познавательную задачу. Так, при помощи сравнения осуществлялось сопоставление имеющихся в научной литературе позиций различных авторов в отношении объекта исследования, выявление их сходства и различия. Посредством анализа вычленялись отдельные цели доверительного управления имуществом, основанном на законе. В процессе объединения отдельных признаков в целое применялся синтез.

Метод восхождения от абстрактного к конкретному, свойственный диалектике, позволил описать общую характеристику договора доверительного управления имуществом по закону при помощи множества понятий и характеристик, а затем перейти к конкретному – изучению социальной обусловленности целей его учреждения.

Использование формально-юридического метода позволило осмыслить нормы права, регулирующие основания учреждения доверительного управления по закону, посредством чего удалось выявить тесную взаимосвязь с целями доверительного управления, объясняющими причины государственного вмешательства в частноправовые отношения.

Результаты и их обсуждение

Правовое регулирование общественных отношений не происходит произвольно: оно предполагает достижение в будущем некоторых желаемых результатов государственно-правовой деятельности, которые можно рассматривать как итог такой деятельности на определенном этапе. Одновременно каждому желаемому результату корреспондирует цель, для отражения которой и создается норма права, направленная на согласование интересов индивида и общества [3, с. 15]

либо на разрешение потенциального юридического конфликта, в том числе путем снижения риска утраты имущества индивида [4, с. 29].

В результате процессуальной деятельности органов власти, направленных на защиту прав индивида, не способного самостоятельно реализовать права в отношении принадлежащего ему имущества, снимается правовая неопределенность, стабилизируется гражданский оборот, повышается эффективность использования ресурсов и собственности, что характерно для любой юридической деятельности, в результате которой разрешаются юридические конфликты, в том числе конфликты интересов, включая конфликт между публичными и частными интересами [5, с. 43].

В юридической литературе длительное время преобладала точка зрения об обязательной социальной обусловленности причин и целей учреждения доверительного управления имуществом по основаниям, указанным в законе, однако такого рода социальная обусловленность сама по себе понималась различным образом[1].

Основным было мнение о социальной направленности института доверительного управления в силу закона:

1) как самостоятельной обособленной совокупности норм [6, с. 225];

2) в виде формы действия механизма согласования публичных и частных интересов [7, с. 23];

3) с точки зрения общесоциальных функций права, также направленных на согласование различных интересов [8, с. 125];

4) вследствие реализации отдельных принципов права [9, с. 61] и т. п.

При этом достижение или не достижение поставленных целей рассматривалось как характеристика деятельности органов власти по государственному управлению обществом, координации интересов его членов и их коллективов [10, с. 57].

Е.С. Пьяных, в свою очередь, указала на существование двух целей: основной и факультативной. К основной цели она отнесла сохранение и приумножение имущества, а к факультативной – социальную защиту прав и имущественных интересов подопечных, безвестно отсутствующих, патронируемых граждан, а также наследников[2].

С последним мнением в целом можно было бы согласиться, однако при некоторых уточнениях. Во-первых, изменение законодательства и развитие юридической доктрины предполагает сегодня новые виды доверительного управления имуществом в силу закона, не исследованные Е.С. Пьяных. Во-вторых, даже в приведенных Е.С. Пьяных четырех случаях цели учреждения доверительного управления не сводимы только лишь к обеспечению сохранности имущества и его приумножению, они в наше время нередко гораздо разнообразнее и сложнее. Наконец, в-третьих, социальная защита прав и имущественных интересов – это и есть социальная цель, которая выражается в обеспечении сохранности имущества, т. е. имеют место не два вида целей (основная и факультативная), а единая цель, которая, тем не менее, может быть выражена различным образом. В этом смысле приумножение имущества – уже не строго социальная цель, поскольку в данном случае речь не идет о социальной справедливости и защите государством и правом тех, кто не может защитить себя сам, непосредственно осуществив собственные субъективные права. Однако и приращение имущества имеет ярко выраженную социальную направленность, пусть и не в виде соци-

[1] Сиренко А.В. Правовое регулирование доверительного управления имуществом в России: дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. 124 с.

[2] Пьяных Е.С. Доверительное управление имуществом по основаниям, предусмотренным законом: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2006. С. 12.

альной защиты в узком смысле этого слова.

В п. 1 ст. 1026 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) законодатель прямо не обозначает цели установления доверительного управления, а, скорее, констатирует его причины, указывая, что доверительное управление имуществом подопечного может быть установлено «вследствие необходимости постоянного управления» им, а доверительное управление наследственным имуществом – «вследствие необходимости управления». В иных случаях установления доверительного управления в силу закона о причинах его установления не говорится вовсе.

Необходимость управления (или «постоянного управления») имуществом связана с невозможностью управления им самим собственником ввиду наличия причины для его нахождения под опекой либо ввиду временного отсутствия у имущества собственника, когда речь идет о наследственном правопреемстве. Следовательно, причиной установления доверительного управления будет лишь обоснование того, что в ином случае (вне рамок отношений по доверительному управлению) предполагаемые цели доверительного управления не будут достигнуты.

Пункт 1 ст. 38 ГК РФ лишь дублирует упомянутую формулу, ссылаясь на необходимость постоянного управления имуществом подопечного. Пункт 1 ст. 31 ГК РФ поясняет цели установления опеки и попечительства (защита прав и интересов недееспособных или не полностью дееспособных граждан, а для несовершеннолетних – также и их воспитание), однако эти цели относятся к характеристике действий, требуемых от опекуна (попечителя). В свою очередь, доверительное управление имуществом поручается другому лицу, что подразумевает потенциальную неспособность эффективного управления им опекуном (попечителем), а следовательно, указание на защиту прав и интересов подопечных как на цель доверительного управления их имуществом прямо из положений п. 1 ст. 31 ГК РФ не следует. Да и воспитание несовершеннолетнего вряд ли можно рассматривать в причинной связи с необходимостью управления принадлежащим ему имуществом сторонним лицом.

Цель управления имуществом должна в той или иной степени относиться к логической связи «собственник – его имущество». Права и интересы подопечных лиц, очевидно, будут нарушены умалением их имущества, в связи с чем условно целью доверительного управления имуществом подопечного можно назвать только обеспечение сохранности его имущества. В то же время при определении целей доверительного управления нельзя сбрасывать со счетов и психологический фактор, т. к. многое здесь может зависеть от впечатления работников органов опеки и попечительства относительно возможности защищать права и интересы несовершеннолетнего в имущественной сфере непосредственно его опекуном (попечителем) [13, с. 91].

Несколько больше определенности с целями доверительного управления наследственным имуществом. Хотя в п. 1 ст. 1173 ГК РФ также указывается лишь на наличие в составе наследства имущества, требующего не только охраны, но и управления, как на причину установления доверительного управления, в п. 3 данной статьи уже говорится о том, что доверительное управление наследственным имуществом осуществляется в целях сохранения этого имущества и увеличения его стоимости.

Цели доверительного управления имуществом, находящимся в доверительном управлении вследствие патронажа над собственником либо ввиду его безвестного отсутствия, в законе не указаны. В отношении безвестно отсутствующего собственника О.В. Кириченко предлагается понимать в качестве целей управления имуществом не только его сохране-

ние или приумножение, но и погашение обязательств кредиторов, а также удовлетворение интересов тех лиц, которых безвестно отсутствующий гражданин обязан содержать [14, с. 81].

Очевидно, что вывод данного автора основан на содержащемся в абз. 2 п. 1 ст. 43 ГК РФ указании на то, что из данного имущества выдается содержание тому лицу, обязанность по содержанию которого имеется у безвестно отсутствующего, а также из него исполняются обязательства. Следовательно, позиция О.В. Кириченко подлежит уточнению: целями доверительного управления в данном случае будет обеспечение сохранности имущества и исполнение обязательств безвестно отсутствующего перед иными лицами, но не приумножение имущества.

Те же цели наблюдаются и в случае доверительного управления при патронаже: п. 1 ст. 41 ГК РФ также говорит об установлении патронажа лишь в случае неспособности лица самостоятельно осуществлять свои права и исполнять свои обязанности. Это положение сходно с конструкцией представительства, в рамках которого тоже идет речь о проявлении добросовестности и осмотрительности для сохранности имущества и исполнении обязательств от лица поручителя, но никак, если это прямо не оговорено договором поручения или иным договором, не о приумножении этого имущества.

Соответственно, в трех случаях доверительного управления имуществом в силу закона, прямо указанных в ГК РФ, речь идет об обеспечении сохранности имущества, а в случае доверительного управления имуществом собственника при его патронаже и имуществом безвестно отсутствующего лица – и об исполнении обязательств перед другими лицами за счет этого имущества, в отсутствии которого можно вести речь о юридической, в том числе уголовной ответственности [15, с. 17]. В этих трех случаях цели установления доверительного управления исключительно частные, единичные и социальные: обеспечение соблюдения имущественных прав и интересов лица, которое само по ряду прямо указанных в законе причин не может осуществить свои права и исполнить обязанности.

Лишь в четвертом случае – ситуации доверительного управления наследственным имуществом – цель управления становится не только социальной, но и экономической: имущество должно быть не только сохранено, но и увеличено в стоимости. Социальная составляющая цели при этом уменьшается: предполагаемый наследник не может самостоятельно управлять имуществом не по причинам, относящимся к нему самому (плохое состояние здоровья, несовершеннолетний возраст, безвестное отсутствие), а ввиду особого порядка его вступления в права. Здесь цель учреждения доверительного управления остается частной, но может быть как единичной (когда речь идет об одном наследнике), так и коллективной (когда имеют место сонаследники).

В юридической литературе до последнего времени господствовало мнение Е.С. Пьяных о том, что принципиально возможны только указанные выше четыре случая доверительного управления имуществом в силу закона [16, с. 43], однако современное законодательство и доктрина требуют пересмотра указанной позиции. Представляется, что анализ законодательства позволяет выделить случаи установления доверительного управления имуществом в публичных интересах, а доктрина не исключает появления новых видов доверительного управления имуществом в силу прямого на то указания закона в частных интересах.

Случаи учреждения доверительного управления в силу закона в публичных интересах могут быть связаны, прежде всего: 1) с особенностями государственного управления обществом («политические» – государственно-общественные –

цели); 2) с необходимостью обеспечения публичного интереса как совокупности частных интересов широкого круга лиц (социальные цели); 3) с особенностями организации управления тем или иным имуществом в силу его природы и назначения (экономико-управленческие цели).

Так, к первой группе следует отнести учреждение доверительного управления имуществом государственных служащих, лиц, занимающих государственные должности, и иных, специально указанных в законе субъектов.

Доверительное управление в таких ситуациях закон рассматривает в качестве способа избежать конфликта интересов [17, с. 19], а ученые отмечают, что отсутствие такого механизма не позволило бы в должной мере обеспечить экономическую безопасность российского государства [18, с. 11].

Очевидно, что цели доверительного управления имуществом в данном случае вряд ли могут выходить за пределы обеспечения его сохранности, т. к. причиной перехода от непосредственного управления имуществом к доверительному управлению будут государственные и общественные задачи и устремления, предполагающие беспристрастность и незаинтересованность государственного служащего либо иного специального субъекта, избежание конфликта интересов.

Ко второй группе (социальные цели учреждения доверительного управления) можно отнести, например, доверительное управление пенсионными накоплениями специальными субъектами – пенсионными фондами, что предусмотрено, в частности, Федеральным законом от 7 мая 1998 г. № 75-ФЗ «О негосударственных пенсионных фондах», в ст. 24 и п. 2 ст. 25 которого определяется, что целями управления пенсионными накоплениями будут: 1) их сохранность, 2) доходность, 3) диверсификация и 4) ликвидность. По сути, диверсификация и ликвидность сводимы к сохранности, поэтому в данном случае цели будут социально-экономическими, хотя, исходя из самого назначения пенсионных накоплений, основная компонента цели все-таки социальная, а подобные формулировки закона являются следствием юридической тактики координации частных и общественных интересов [19, с. 51]. Поэтому и в п. 1 ст. 36.13 указанного закона отмечено, что целью деятельности доверительного управляющего будет обеспечение права застрахованных лиц на накопительную пенсию. Таким образом, и здесь, несмотря на значимую экономическую составляющую, основная целевая компонента остается социальной.

Наконец, в третью группу можно объединить случаи, когда переход к доверительному управлению обусловлен особенностями самого имущества, предполагающими некоторую особую организацию управления им в силу его природы и назначения, например, в ситуации, когда речь идет об управлении автомобильными дорогами общего пользования федерального значения (п. 5 ст. 1012 ГК РФ). Для таких случаев характерны экономико-управленческие цели доверительного управления имуществом.

В целом представляется, что реализованная возможность непосредственного установления в правоприменительной практике целей законодателя способна оказать существенное влияние на эффективность норм частного права, регулирующих вопросы учреждения доверительного управления имуществом в силу закона, на что ранее было обращено внимание в юридической литературе [20, с. 109].

Выводы

Основания учреждения доверительного управления находятся в тесной взаимосвязи с целями доверительного управления, объясняющими причины государственного вмешательства в частноправовые отношения.

В работе сформулированы цели доверительного управления применительно к различным законным основаниям его учреждения. Следует говорить о публичных и частных, единичных и коллективных, социальных и экономических целях. Среди публичных целей особо можно выделить общественно-государственные цели, социальные для широкого круга лиц и экономико-управленческие.

Определение целей доверительного управления в силу закона оказывает существенное влияние на установление оснований для его учреждения, т. е. имеет как научное, так и сугубо практическое значение. Благодаря четко выявленным и сформулированным целям субъектам законотворчества также будет проще определить в законодательстве те случаи, когда закон также должен предусмотреть конструкцию доверительного управления имуществом вне воли и волеизъявления собственника.

Сами же цели учреждения доверительного управления имуществом по основаниям, предусмотренным законом, могут быть не только социальными в узком смысле этого слова, но и любыми другими, в частности экономическими, когда помимо сохранения имущества закон предусматривает обязанность увеличения его стоимости, или государственно-общественными, если передача имущества способствует устранению конфликта интересов на государственной службе и обеспечивает экономическую безопасность государства, а также экономико-управленческими, когда специфика имущества требует особой организации его управления. Однако во всех случаях они предполагают социальную направленность данного института (социальная защита или правозащита) и социально обусловлены реальными имущественными потребностями индивидов и их коллективов, государства и общества.

Список литературы

1. Максуров А.А. Субъекты и участники координационной юридической практики через призму их полномочий // Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права. 2009. № 6. С. 75-79.

2. Терехова А.В. Административное усмотрение в расследовании несчастных случаев на производстве и административном расследовании по делам о нарушениях государственных нормативных требований охраны труда // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21, № 3. С. 311-323.

3. Максуров А.А. Координация юридической деятельности: цели и результаты // Актуальные вопросы экономики, управления и права: сборник научных трудов (ежегодник). 2016. № 2-3. С. 14-23.

4. Таланова М.В. Цели и результаты медиативной юридической деятельности // Мировой судья. 2012. № 2. С. 28-34.

5. Таланова М.В. Виды процессуальных форм медиативной юридической деятельности // Российская юстиция. 2012. № 1. С. 43-48.

6. Гуев А.Н. Постатейный комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации. М.: ИНФРА-М, 2022. 788 с.

7. Карташов В.Н. Механизм координационного регулирования // Вестник научных трудов Нижнекамского филиала Московского гуманитарно-экономического института. Вып. 3, ч. 8. Вопросы теории и истории государства и права / отв. ред. П.А. Кабанов. Нижнекамск, 2001. С. 21-25.

8. Бриль Г.Г. Малоисследованные общесоциальные функции координационной юридической практики // Актуальные проблемы теории и истории права и государства на современном этапе: сборник научных трудов V межвузовской научно-практической конференции / отв. ред. проф. Г.Г. Бриль. Кострома: Костром. гос. ун-т, 2007. С. 121-125.

9. Фролов С.Е. Принципы координационной деятельности // Актуальные проблемы юриспруденции: сборник научных трудов. Вып. 3. Владимир: Владимир. гос. пед. ун-т, 2002. С. 59-64.

10. Карташов В.Н. Координационная юридическая практика государственных органов: взгляд на проблему эффективности // Актуальные проблемы теории и истории права и государства на современном этапе: сборник научных трудов V межвузовской научно-практической конференции / отв. ред. проф. Г.Г. Бриль. Кострома: Костром. гос. ун-т, 2007. С. 56-62.

11. Чернецов В.Ю. Психологический подход к изучению проблем координационной юридической практики // Законодательство и правоприменение в Российской Федерации: доклады и сообщения VII Международной научной конференции. М.: РГГУ, 2007. С. 89-94.

12. Кириченко О.В. Доверительное управление имуществом гражданина, признанного безвестно отсутствующим // Современное право. 2014. № 1. С. 80-83.

13. Уколова Ю.А. При каких обстоятельствах невозвращение кредита может повлечь уголовную ответственность? // Юридический справочник руководителя. 2009. № 11. С. 17-23.

14. Пьяных Е.С. Сущность и социальная значимость доверительного управления имуществом, возникающего по основаниям, предусмотренным законом // Юрист. 2006. № 1. С. 41-44.

15. Горохова С.С. О некоторых аспектах применения в Российской Федерации института доверительного управления как инструмента предотвращения конфликта интересов // Административное и муниципальное право. 2022. № 3. С. 18-25.

16. Баранов В.М., Карташов В.Н. Основные недостатки координационной практики по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации на современном этапе // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения. Вестник Нижегородской академии МВД России. Вып. 6. Н. Новгород. 2006. № 6. С. 11-15.

17. Карташов В.Н. К вопросу о понятии координационной юридической тактики // Развитие молодежной юридической науки в современном мире: сборник научных трудов по материалам VIII Международной научно-практической интернет-конференции / отв. ред. Р.В. Пузиков. Тамбов: Бизнес-Наука-Общество, 2011. С. 50-55.

18. Таланова М.В. Эффективность норм частного права // Частно-правовые отношения в условиях глобализации. Saarbrüchen: Lambert academic publishing, 2012. С. 109-116.

Reference

1. Maksurov A.A. Subjects and participants of coordinating legal practice through the prism of their powers. *Vestnik Khabarovskoi gosudarstvennoi akademii ekonomiki i prava = Bulletin of the Khabarovsk State Academy of Economics and Law*. 2009;(6):75-79. (In Russ.)

2. Terekhova A.V. Administrative discretion in the investigation of industrial accidents and administrative investigations in cases of violations of state regulatory requirements for occupational safety and health. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie = Siberian Legal Review*. 2024;21(3):311-323. (In Russ.)

3. Maksurov A.A. Coordination of legal activity: goals and results. *Aktual'nye voprosy ekonomiki, upravleniya i prava: sbornik nauchnykh trudov (ezhegodnik) = Actual issues of economics, management and law: a collection of scientific papers (yearbook)*. 2016;(2-3):14-23. (In Russ.)

4. Talanova M.V. Goals and results of mediation legal activity. *Mirovoi sud'ya = Justice of the Peace*. 2012;(2):28-34. (In Russ.)

5. Talanova M.V. Types of procedural forms of mediation legal activity. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian justice*. 2012;(1):43-48. (In Russ.)

6. Guev A.N. Article-by-article commentary to part three of the Civil Code of the Russian Federation. Moscow: INFRA-M; 2022. 788 p. (In Russ.)

7. Kartashov V.N. Mechanism of coordination regulation. In: Kabanov P.A. *Vestnik nauchnykh trudov Nizhnekamskogo filiala Moskovskogo gumanitarno-ekonomicheskogo instituta = Bulletin of Scientific works of the Nizhne Kamensk branch of the Moscow Humanitarian and Economic Institute*. Is. 3, pt. 8. Nizhnekamsk;2001. P. 21-25. (In Russ.)

8. Bril' G.G. Little-studied general social functions of coordinating legal practice. In: Bril′ G.G. (ed.) *Aktual'nye problemy teorii i istorii prava i gosudarstva na sovremennom etape: sbornik nauchnykh trudov V mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Actual problems of the theory and history of*

law and the state at the present stage: collection of scientific papers of the V interuniversity scientific and practical conference. Kostroma: Kostrom. gos. un-t; 2007. P. 121-125. (In Russ.)

9. Frolov S.E. Principles of coordination activity. *Aktual'nye problemy yurisprudentsii: sbornik nauchnykh trudov = Actual problems of jurisprudence: collection of scientific papers*. Is. 3. Vladimir: Vladimir. gos. ped. un-t; 2002. P. 59-64. (In Russ.)

10. Kartashov V.N. Coordinating legal practice of state bodies: a look at the problem of effectiveness. In: Bril' G.G. (ed.). *Aktual'nye problemy teorii i istorii prava i gosudarstva na sovremennom etape: sbornik nauchnykh trudov V mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Actual problems of theory and history of law and the state at the modern stage: collection of scientific papers of the V interuniversity scientific and practical conference*. Kostroma: Kostrom. gos. un-t; 2007. P. 56-62. (In Russ.)

11. Chernetsov V.Yu. A psychological approach to studying the problems of coordinating legal practice. In: *Zakonodatel'stvo i pravoprimenenie v Rossiiskoi Federatsii: doklady i soobshcheniya VII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii = Legislation and law enforcement in the Russian Federation: reports and communications of the VII International scientific conference*. Moscow: RGGU; 2007. P. 89-94. (In Russ.)

12. Kirichenko O.V. Trust management of the property of a citizen recognized as missing. *Sovremennoe pravo = Modern law*. 2014;(1):80-83. (In Russ.)

13. Ukolova Yu.A. Under what circumstances can non-repayment of a loan entail criminal liability? *Yuridicheskii spravochnik rukovoditelya = Legal guide of the supervisor*. 2009;(11):17-23. (In Russ.)

14. P'yanykh E.S. The essence and social significance of trust management of property arising on the grounds provided for by law. *Yurist = Lawyer*. 2006;(1):41-44. (In Russ.)

15. Gorokhova S.S. On some aspects of the application of the Institute of trust management in the Russian Federation as a tool for preventing conflicts of interest. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo = Administrative and Municipal Law*. 2022;(3):18-25. (In Russ.)

16. Baranov V.M., Kartashov V.N. The main disadvantages of the coordination practice for ensuring the economic security of the Russian Federation at the present stage. In: *Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii: politicheskie orientiry, zakonodatel'nye prioritety, praktika obespecheniya. Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Economic security of Russia: political guidelines, legislative priorities, and practice of ensuring. Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. Is. 6. N. Novgorod, 2006. P. 11-15. (In Russ.)

17. Kartashov V.N. On the issue of the concept of coordinating legal tactics. In: Puzikov R.V. (ed.) *Razvitie molodezhnoi yuridicheskoi nauki v sovremennom mire: sbornik nauchnykh trudov po materialam VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi internet-konferentsii = Development of youth legal science in the modern world: a collection of scientific papers based on the materials of the VIII International scientific and practical internet conference*. Tambov: Biznes-Nauka-Obshchestvo; 2011. P. 50-55. (In Russ.)

18. Talanova M.V. The effectiveness of private law norms. *Chastno-pravovye otnosheniya v usloviyakh globalizatsii = Private law relations in the context of globalization*. Saarbrüchen: Lambert academic publishing; 2012. P. 109-116. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Нагалина Марина Викторовна, аспирант кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: marina_kesheva@mail.ru,
OPCID: 0000-0002-5573-6037

Marina V. Nagalina, Post-Graduate Student of the Department Civil Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: marina_kesheva@mail.ru,
OPCID: 0000-0002-5573-6037

Оригинальная статья / Original article

УДК 343

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-113-123

CC BY 4.0

К вопросу об определении содержания «посягательства» применительно к статье 295 Уголовного кодекса Российской Федерации

Б.А. Кашежева[1] ✉

[1]Санкт-Петербургский университет МВД России
ул. Летчика Пилютова, д. 1, г. Санкт-Петербург 198206, Российская Федерация

✉ e-mail: balik07@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *Неопределенность содержания понятия «посягательство» в контексте статьи 295 Уголовного кодекса Российской Федерации препятствует формированию единообразного подхода к оценке и пониманию объективной стороны указанного состава преступления. Данное обстоятельство подрывает принцип правовой определённости и может привести к неоднозначной квалификации, снизив тем самым эффективность уголовно-правовой защиты указанной нормы.*

Целью *исследования является всесторонний анализ отдельных теоретических и практических аспектов применения статьи 295 Уголовного кодекса Российской Федерации в части, касающейся производства предварительного расследования.*

Задачи: *анализ действующего уголовного законодательства в части регулирования ответственности за посягательства на жизнь должностных лиц, осуществляющих производство предварительного расследования; исследование подходов к определению понятия «посягательство»; установление особенностей объективной стороны состава преступления, предусмотренного статьей 295 Уголовного кодекса Российской Федерации; формулирование авторского определения понятия «посягательство» применительно к статье 295 Уголовного кодекса Российской Федерации.*

Методология. *В представленном научном исследовании применялись анализ нормативно-правовых актов, формально-юридический, доктринальный, историко-правовой, социологический и логико-юридический методы.*

Результаты. *Раскрыто содержание ключевых признаков объективной стороны состава преступления, предусмотренного статьей 295 Уголовного кодекса Российской Федерации. выявлена неоднозначность в теоретическом понимании термина «посягательство» применительно к статье 295 Уголовного кодекса Российской Федерации, обусловленного отсутствием его законодательно закрепленного и сформулированного определения.*

Заключение. *Автором сформулировано определение понятия «посягательство» как деяния, предусмотренного статьей 295 Уголовного кодекса Российской Федерации в части, касающейся должностных лиц, осуществляющих производство предварительного расследования. Сделан вывод о высокой степени общественной опасности данного вида преступлений и предложено дополнение существующего акта интерпретации соответствующими пояснениями, содержащими определение термина «посягательство».*

Ключевые слова: *посягательство; нападение; объективная сторона; жизнь; следователь; дознаватель; должностное лицо; предварительное расследование; защита; понятие.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Кашежева Б.А. К вопросу об определении содержания «посягательства» применительно к статье 295 Уголовного кодекса Российской Федерации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 3. С. 113–123. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-113-123.

Поступила в редакцию 30.04.2025 Принята к публикации 29.05.2025 Опубликована 16.06.2025

© Кашежева Б.А., 2025

On the issue of defining the content of “encroachment” within the meaning of article 295 of the criminal code of the Russian federation

Bella A. Kashezheva[1] ✉

[1]St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
1 Pilyutova Pilot Str., St. Petersburg 198206, Russian Federation

✉e-mail: balik0]@yandex.ru

Abstract

Relevance. *The uncertainty of the content of the concept of "encroachment" in the context of Article 295 of the Criminal Code of the Russian Federation prevents the formation of a uniform approach to the assessment and understanding of the objective side of the specified crime.*

The purpose *of the study is a comprehensive analysis of individual theoretical and practical aspects of the application of Art. 295 of the Criminal Code of the Russian Federation, in terms of the preliminary investigation.*

Objectives: *analysis of current criminal legislation in terms of regulating liability for attacks on the lives of officials conducting preliminary investigations; study of approaches to defining the concept of "attack"; establishment of the features of the objective side of the crime provided for in Article 295 of the Criminal Code of the Russian Federation; formulation of the author's definition of the concept of "attack" in relation to Article 295 of the Criminal Code of the Russian Federation.*

Methodology. *The presented scientific research used the analysis of regulatory legal acts, formal-legal, doctrinal, historical-legal, sociological and logical-legal methods.*

Results. *The content of the key features of the objective side of the corpus delicti provided for in Article 295 of the Criminal Code of the Russian Federation is revealed. The author has identified an ambiguity in the theoretical understanding of the term "encroachment" in relation to Article 295 of the Criminal Code of the Russian Federation, due to the lack of its legally fixed and formulated definition.*

Conclusion. *The author has formulated a definition of the concept of "encroachment" as an act provided for in Article 295 of the Criminal Code of the Russian Federation in the part concerning officials conducting the preliminary investigation. A conclusion has been made about the high degree of public danger of this type of crime and it has been proposed to supplement the existing act of interpretation with appropriate explanations containing the definition of the term "encroachment".*

Keywords: *encroachment; attack; objective side; life; investigator; inquiry officer; official; preliminary investigation; defense; concept.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Kashezheva B.A. On the issue of defining the content of “encroachment” within the meaning of article 295 of the criminal code of the Russian federation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(3):113–123. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-113-123.

Received 30.04.2025 Accepted 29.05.2025 Published 16.06.2025

***

Введение

«В следствии нет мелочей, ибо каждая из них может иметь решающее значение». Действительно, предварительное расследование и в форме предварительного следствия, и в форме дознания является основой уголовного судопроизводства, т. к. должностные лица, осуществляющие служебную деятельность на этом этапе, формируют «фундамент» для последующего судебного разбирательства, обеспечивая суд необходимыми материалами для вынесения справедливого законного приговора.

Учитывая процессуально центрирующую роль рассматриваемой категории должностных лиц, стоит признать прямую взаимосвязь между состоянием их личной и служебной безопасности, вы-

раженной в независимости законной деятельности от стороннего негативного влияния с справедливым законным приговором, как правовым результатом (итогом) в виде качественного предварительного расследования. Отсутствие уверенности в собственной защищённости [1, с. 149], равно как и реальные угрозы личной безопасности, способны не только дестабилизировать деятельность по расследованию, но и подорвать эффективность уголовного преследования в целом. Их безопасность не только гарант качества профессиональной деятельности, но и важный элемент обеспечения справедливости и законности во всем уголовном процессе. Следовательно, результаты предварительного расследования напрямую влияют на реализацию фундаментальных задач, стоящих перед правосудием. Сложность, социальная напряжённость, потенциальная конфликтность, а значит, и виктимность их профессиональной среды обуславливают необходимость и значимость уголовно-правовой защиты этой категории должностных лиц.

Согласно известному изречению «основы каждого государства и фундамент любой страны покоятся на справедливости и правосудии», а значит, защита должностных лиц, осуществляющих производство предварительного расследования, является также одной из форм укрепления института государственной власти. Это демонстрирует обществу способность государства защищать своих представителей, что, в свою очередь, способствует укреплению доверия населения к государственным институтам и повышению эффективности их функционирования. Ведь государство, не создающее надлежащих условий для защиты своих институтов власти, становится уязвимым и, следовательно, не может убедительно заявить о своей авторитетности, что ставит под сомнение способность обеспечивать защиту прав и свобод граждан в условиях возникновения угроз. В этом контексте правовое признание их особого статуса и уязвимости становится неотъемлемой частью уголовной политики государства, направленной на защиту правопорядка и обеспечение законности.

В этой связи сразу несколько приоритетных направлений государственной политики, определенные как цели и задачи, так или иначе касаются интересующей нас проблематики. Так в разделе «Государственная и общественная безопасность» можно выделить следующее: «усиление роли государства как гаранта безопасности личности»; «повышение эффективности деятельности правоохранительных органов по защите основ конституционного строя Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина»; «обеспечение реализации принципа неотвратимости наказания за совершение преступления»; «формирование в обществе атмосферы нетерпимости к противоправной деятельности»; «защита конституционного строя Российской Федерации»; «защита основных прав и свобод человека и гражданина»; «совершенствование механизмов взаимодействия государства и гражданского общества»; «укрепление законности и правопорядка»; «повышение доверия граждан к правоохранительной и судебной системам Российской Федерации»; «снижение уровня криминализации общественных отношений, развитие единой государственной системы профилактики правонарушений; «профилактика преступных проявлений»; «реализация принципа неотвратимости наказания за совершение преступления»; «комплексное развитие правоохранительных органов»[1].

Применение законодателем указанных выше правовых положений в рамках актуального нормативного акта стратегического планирования, определяющего

[1] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 27, ч. 2, ст. 5351.

интересы и приоритеты государственной политики, свидетельствует о высокой значимости уголовно-правовой защиты сотрудников правоохранительных систем, в частности должностных лиц, осуществляющих производство предварительного расследования. Это обусловлено их ключевой ролью в обеспечении реализации принципа защиты прав и свобод человека и гражданина, а также эффективного функционирования системы правосудия. Законодательная защита этой категории должностных лиц направлена на предотвращение незаконного вмешательства в их деятельность, угроз и давления, что, в свою очередь, способствует объективному и беспристрастному предварительному расследованию, а значит, и правосудию, что создает предпосылки для «торжества» справедливости.

Государственная защита сотрудников правоохранительной структуры определена Федеральным законом Российской Федерации от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов», в котором установлен и определен порядок действий и виды мер безопасности, применяемые при получении должностным лицом угроз в связи с осуществлением им законной служебной деятельности[1]. Данный нормативный правовой акт регламентирует право на обеспечение безопасности сотрудников и их близких в обстоятельствах, когда их жизни и здоровью угрожает опасность или имеются реальные основания возникновения таких обстоятельств.

[1] О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов: Федер. закон от 20 апр. 1995 г. № 45-ФЗ: посл. ред. // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/docu-ment/cons_doc_LAW_6425/ (дата обращения: 16.02.2025).

Методология

Методологическую основу представленного исследования определили следующие методы: анализ нормативно-правовых актов, использованный для изучения положений уголовного законодательства и законодательных формулировок с целью выявления ключевых аспектов и признаков преступлений, предусмотренных ст. 295 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ); формально-юридический метод, способствовавший исследованию нормативной конструкции, диспозиции, структуры и юридического значения ст. 295 УК РФ; доктринальный анализ научных трудов авторитетных ученых в области уголовного права и криминологии для обоснования актуальности темы и подтверждения выводов настоящего научного исследования; историко-правовой метод, который применялся для определения «эволюции» норм об уголовной ответственности за посягательства на жизнь лиц, осуществляющих производство предварительного расследования и установления факта наличия определения термина «посягательство» в отечественном уголовном законодательстве на ранних этапах его развития; социологический метод, примененный с целью изучения судебно-следственной практики и опроса должностных лиц из категории правоприменителей и лиц, относящихся к категории потерпевших по исследуемому составу преступления, на факт выявления проблем в области применения рассматриваемой нормы; логико-юридический метод, использованный для структурирования настоящего научного исследования и формулирования логически выстроенных аргументов и выводов.

Результаты и их обсуждение

В уголовном праве защите «правоприменителей» уделяется особое внимание и выделяется особое место. Это обу-

словлено высокой степенью общественной опасности таких деяний, вытекающей из дуалистичности объекта состава преступления, предусмотренного ст. 295 УК РФ, поскольку они направлены не только против высшего блага – жизни конкретного должностного лица, но и против одной из высших ценностей правового государства – обеспечения законности, справедливости и неотвратимости уголовного преследования. Общественная опасность таких деяний состоит в незаконном негативном воздействии, нарушающем нормальное функционирование деятельности органов государственной власти по производству предварительного расследования и препятствующим реализации их публично-правовых полномочий [2].

Так, в структуре уголовного закона специальные нормы, устанавливающие уголовную ответственность за преступления против жизни должностных лиц, осуществляющих производство предварительного расследования выделены в отдельные группы. Подобное законодательное решение обусловлено необходимостью усиления уголовно-правовой защиты указанных лиц в силу особой государственной и общественной значимости выполняемых ими служебных задач.

В условиях высокой общественной опасности посягательства, предусмотренного ст. 295 УК РФ, особое значение приобретает точность в установлении содержания характеризующих признаков состава преступления, в частности представляется важным определение объективной стороны. Как внешняя характеристика деяния объективная сторона преступления позволяет определить пределы уголовно-правового запрета, выявить специфику посягательства и разграничить его от смежных составов. Надлежащее толкование и понимание содержания объективной стороны является необходимым условием реализации принципа законности, обеспечивает правовую определённость и способствует эффективному применению уголовно-правовых норм в целях защиты интересов государства и общества [3].

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 295 УК РФ, отличается определённой конструктивной сложностью. Прежде всего, обращает на себя внимание использование в диспозиции нормы термина «посягательство» [4, с. 460], не имеющего нормативного определения в рамках Общей части УК РФ. Подобное отклонение от принципа единства терминологического аппарата уголовного закона вызывает справедливую критику со стороны научного сообщества. Ряд исследователей указывают, что неопределённость указанной дефиниции нарушает принцип правовой определённости [5, с. 110], затрудняет квалификацию деяния и может повлечь произвольное толкование нормы, что может послужить причиной образования ряда проблем. Включение столь содержательно нагруженного, но формально не закреплённого термина в текст уголовно-правовой нормы Особенной части представляется недостаточно обоснованным с позиции требований юридической техники и системности уголовного законодательства. Данный пробел, несомненно, должен быть устранен в законодательно установленном порядке.

В рамках настоящего исследования автор ставит перед собой целью раскрыть уголовно-правовое содержание понятия «посягательство», используемого в тексте указанной нормы и в результате сформулировать определение, которое могло бы поспособствовать устранению имеющихся противоречий в правоприменительной деятельности. Понятие «посягательство» отличается неоднозначностью и широтой трактовок. В обыденном восприятии этот термин понимается как «попытка сделать что-либо», «посягнуть,

совершить посягательство на что-нибудь»[1], «дерзать», «замышлять», «намереваться», «совершить какое-либо действие», «осуществить попытку» или «покуситься»[2]. По смысловому значению термин «посягательство» не содержит в себе упоминание или даже «намек» на наступление каких бы то ни было последствий в результате совершенных действий, т. е. виновное лицо, совершая преступление в виде посягательства, не обязательно должно быть уверено в успешной реализации всех своих намерений в полном объеме.

Из этого следует, что деяние образует признаки состава преступления, предусмотренного ст. 295 УК РФ не только в случае, если действия виновного лица повлекли смерть потерпевшего, но и при покушении на убийство и даже при приготовлении к нему, т. к. «намереваться» и «замышлять» в прямом смысле означают приготовление, а «дерзать» и «попытка» – покушение. В таком случае было бы сложно представить себе более удачный термин, который мог бы передать весь спектр таких действий и выразить именно такой посыл законодателя. О «не случайности» применения рассматриваемого понятия свидетельствует и то, что его упоминание встречается довольно часто и в ряде других положений уголовного законодательства. Более того, данный термин используется в двух разных значениях. В широком смысле «посягательство» применяется в качестве альтернативы умышленному преступлению, а в более узком смысле для описания конкретных свойств поведения, характеризующих поступок виновного лица, с точки зрения объективной стороны определенного состава преступления[3], т. е. понимание посягательства в качестве самостоятельного преступления, выраженного в убийстве либо покушении на убийство [6, с. 72].

В отсутствие законодательного определения понятия «посягательство» в научной дискуссии сформировался ряд различных подходов к его трактовке. Так, отдельные авторы предлагают относить к посягательству не только убийство и покушение на него, но и «причинение любого вреда потерпевшему лицу» [7, с. 11], «тяжкие телесные повреждения, повлекшие смерть потерпевшего лица» [8, с. 30; 9, с. 43] или «любое насилие, опасное для жизни потерпевшего лица» [10, с. 40]. Указанная неопределенность породила и дискуссию о месте ст. 295 УК РФ в системе уголовного законодательства. Одни учёные поддерживают действующее расположение нормы [11, с. 170], подчёркивая неразрывную связь между качественным предварительным расследованием и справедливым правосудием, тогда как другие ставят под сомнение обоснованность такого подхода [12, с. 25], указывая на нормативную несогласованность.

А.М. Шувалова справедливо замечает, что такие предложения нельзя признать корректными, т. к. объектом таких деяний является здоровье потерпевшего, в то время как посягательство в смысле ст. 295 УК РФ прямо направлено именно против жизни должностных лиц, перечисленных в тексте нормы [13]. Хотим присоединиться к последней позиции и, в свою очередь, отметить, что отечественное законодательство ранее все же содержало в себе определение термина «посягательство», оно было регламентировано утратившим силу постановлением

[1] Ожегов С. И., Шведова Н. Д. Толковый словарь русского языка. М., 1985. С. 563, 571.

[2] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М.: Русский язык; 1980. С. 352.

[3] Денисов С.А. Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления против правосудия: дис. ... докт. юрид. наук. Санкт-Петербург. 2002. С. 38.

Пленума Верховного Суда (далее – ППВС) Союза Советских Социалистических Республик (далее – СССР) № 9 от 22 сентября 1989 г. «О применении судами законодательства об ответственности за посягательства на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, народных дружинников, а также военнослужащих в связи с выполнением ими обязанностей по охране общественного порядка», где под посягательством понималось лишь «убийство или покушение на убийство» и не более того.

В настоящее время такое обозначение отсутствует, но поскольку ныне действующий уголовный закон, как в общем и вся Российская Федерация, стали правопреемниками наследия СССР, а действующий УК РФ не стал исключением и, придя на замену ранее действовавшему УК 1960 г., перенял некоторые основные принципы, положения и нормы. Сохранив именно такую формулировку в тексте ст. 295 УК РФ, законодатель создает предпосылки для обращения к ранее данному определению. Именно термин «посягательство» идеально отражает умысел виновного лица, а также позволяет категорично разграничить действия по оконченному и неоконченному преступлению, подчёркивая его общественную опасность, вне зависимости от наступления общественно опасных последствий в виде смерти потерпевшего.

В научных исследованиях по теме довольно часто в качестве довода о необходимости употребления иного термина для обозначения преступления, предусмотренного ст. 295 УК РФ, можно встретить обращение к словам А.Н. Трайнина, который предлагал понимать «посягательство» в уголовно-правовом значении следующим образом: «посягнуть – всегда означает нанести в той или иной форме и мере ущерб объекту, посягательство, не несущее с собой ущерба, перестает быть собой – оно уже не посягает… Нет посягательства, если нет объекта, так как в этом случае не на что посягать, и в одинаковой мере нет посягательства, если объекту не причинено ущерба, ибо и в этом случае субъект не посягает» [14, с. 124].

В нашем понимании такая интерпретация термина никак не противоречит возможности обозначения оконченного и неоконченного преступлений термином «посягательство», т. к. и при покушении потерпевшему должностному лицу, а вместе с тем и интересам правосудия, несомненно, наносится вред. Было бы некорректным назвать такое преступное деяние преступлением «без ущерба», т. к. даже в случае несостоявшегося посягательства последствия происшедшего не ограничиваются лишь фактической стороной.

С психологической точки зрения подобное событие неизбежно формирует у потерпевшего состояние тревожности, снижения ощущения личной безопасности и уязвимости, что, в свою очередь, несомненно, негативно скажется на качестве и полноте исполнения им служебных обязанностей в будущем, если в крайнем случае не будет стоять вопрос об увольнении со службы вовсе. Более того, информация о попытке посягательства оказывает деморализующее воздействие и на профессиональное окружение потерпевшего, порождая чувство страха, незащищённости и также снижение уверенности в своей безопасности и среди других представителей правоохранительной системы. Тем самым под угрозу ставится устойчивость функционирования института предварительного расследования как важнейшего звена процесса большого механизма правосудия и вместе с тем нормальное функционирование и других органов государственной власти.

Также в рамках настоящего научного исследования автором было проведено

анонимное анкетирование, респондентами в котором выступили дознаватели и следователи, проходящие службу в Министерстве внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России), и следователи Следственного комитета Российской Федерации (далее – СК РФ), осуществляющие производство предварительного расследования. Кроме того, и первые и вторые являются одновременно и лицами, охраняемыми рассматриваемой нормой, т. е. могут относиться к числу потерпевших.

Целью опроса являлось выявление восприятия профессиональным сообществом содержания и формулировки ст. 295 УК РФ, в частности оценки применимости термина «посягательство» в её диспозиции. Так, на поставленный автором вопрос: «Считаете ли Вы, что термин “посягательство” в ст. 295 УК РФ следует заменить на другой?», подавляющее большинство опрошенных ответили отрицательно, выразив тем самым поддержку существующей редакции нормы.

Учитывая, что респондентами выступали следователи СК РФ, т. е. должностные лица, к чьей подследственности в соответствии со ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) относится расследование преступлений, предусмотренных ст. 295 УК РФ, ежедневно взаимодействующие с нормами уголовного закона и применяющие их в условиях конкретных уголовных производств, полученные результаты позволяют сделать вывод об отсутствии затруднений в правоприменительной интерпретации данной дефиниции.

Вместе с тем анализ ответов позволяет предположить, что существующее понимание термина носит во многом интуитивный, профессионально выработанный и наработанный характер. В этой связи представляется целесообразным в законодательно установленном порядке рассмотреть возможность нормативного уточнения содержания термина «посягательство» с учётом его значения именно в контексте уголовно-правовой квалификации [15]. Такая законодательная интерпретация не только усилила бы правовую определённость, но и способствовала бы формированию более единообразной и «предсказуемой» практики применения ст. 295 УК РФ, особенно в условиях общего роста количественных показателей преступности.

Так как одной из главных специфических особенностей рассматриваемых преступлений является их взаимосвязь с другим преступлением. Ведь рассматриваемые преступления, в отличие от других, не возникают изолированно, а представляют собой реакцию на осуществление должностным лицом своих законных служебных обязанностей в виде уголовного преследования, т. е., по сути, являются «вторичным» актом, порождённым в ответ на выявление, расследование или пресечение иного, ранее совершённого преступления. Таким образом, одно противоправное деяние становится своеобразным катализатором для другого, одно преступление становится поводом для совершения другого, в связи с чем они идут в своеобразной связке друг с другом.

Вывод

В результате вышеизложенного и на основании анализа мнений авторитетных ученых, положений научной литературы, а также обобщения материалов судебно-следственной практики, связанной с применением ст. 295 УК РФ, автором сформулировано определение понятия «посягательство», наиболее полно отражающее содержание и правовую природу рассматриваемого состава преступления, а также обоснованность использования именно такой дефиниции специальных норм уголовного закона.

Так, представляется обоснованным и наиболее научно логичным толкование «посягательства» на жизнь должностного лица, осуществляющего производство предварительного расследования, применительно к ст. 295 УК РФ как умышленных действий лица, выраженных в действии или бездействии, направленных на воспрепятствование законной деятельности потерпевшего должностного лица, осуществляющего производство предварительного расследования по конкретному уголовному делу или из мести за такую деятельность, путем убийства или покушения на убийство.

При этом даже в случаях, когда преступное намерение виновного лица не было доведено до конца, сам факт вовлечения потерпевшего в ситуацию реальной угрозы жизни уже представляет собой существенное вмешательство в его личную, профессиональную и психологическую безопасность, нанося ущерб как конкретному должностному лицу, так и публичным интересам, охраняемым государством. Речь идёт не только о физическом воздействии, но и о морально-психологических последствиях, способных изменить характер служебного поведения, повлиять на объективность принимаемых решений и в конечном итоге снизить эффективность предварительного расследования как формы уголовного преследования.

В этом контексте особенно актуальной становится проблема терминологической неопределенности применяемого законодателем термина «посягательство». Как необычайно точно подчёркивал В.М. Коган: «Поскольку слово выражает смысл, а смысл определяет предмет слова, закон остро нуждается в словах с одним смыслом». Отсутствие законодательного определения понятия «посягательство» в уголовно-правовых нормах существенно осложняет единообразие правоприменения и снижает «предсказуемость» уголовно-правовой реакции государства. Применение термина, не имеющего нормативного закрепления, создаёт риск произвольного толкования, что, в свою очередь, может повлечь необоснованную квалификацию или нарушение принципа правовой определённости.

Представляется, что устранение подобного пробела возможно за счёт разработки и внедрения официального разъяснения либо в рамках новой законодательной инициативы, либо путём внесения соответствующих уточнений в действующий интерпретационный нормативный акт – ППВС РФ от 28 июня 2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия». Законодательное или судебное уточнение содержания термина «посягательство» в целях унификации подходов к его пониманию будет способствовать не только укреплению принципа законности, но и обеспечению полноты уголовно-правовой защиты лиц, осуществляющих производство предварительного расследования.

Список литературы

1. Михеева С.Н., Скипский Г.А. Особенности реализации мер государственной защиты сотрудников правоохранительных органов и их близких при возникновении угрозы жизни, здоровью и имуществу // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов XXII Международной научно-практической конференции: в 2 т. Т. 2. Иркутск: Восточно-Сибирский ин-т МВД России, 2017. С. 149-153.

2. Вандан-Иш А. Уголовная ответственность за посягательство на жизнь и здоровье представителя власти по законодательству Российской Федерации и Монголии / при участии М.В. Бавсуна, К.Н. Карпова. СПб.: С.-Петербур. ун-т МВД России, 2022. 135 с.

3. Кашежева Б.А. Некоторые особенности объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 295 УК РФ // Санкт-петербургские встречи молодых ученых: материалы II всероссийского конгресса. СПб.: С.-Петерб. ун-т МВД России, 2024. С. 575-579.

4. Курс советского уголовного права. Часть Особенная. Т. 4. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 558 с.

5. Основание уголовного правового запрета. М.: Наука, 1982. 303 с.

6. Бобраков И.А., Карманов О.А. Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование: уголовно-правовой анализ: монография. Брянск: БФ МосУ МВД России, 2008. 159 с.

7. Мальцев В. Уголовно-правовая охрана должностных лиц и граждан в связи со служебной или общественной деятельностью // Законность. 1996. № 1. С. 10-13.

8. Гришанин П.Ф., Журавлёв М.П. Преступления против порядка управления. М.: Юрид. лит., 1963. 43 с.

9. Поленов Г.Ф. Ответственность за преступления против порядка управления. М.: Юрид. лит., 1966. 136 с.

10. Дементьев С. Об ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников // Социалистическая законность. 1963. № 4. С. 42-46.

11. Преступления против правосудия (глава 31 УК РФ): монография / под ред. докт. юрид. наук, проф. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2023. 560 с.

12. Красиков А.Н. Уголовно-правовая охрана политических, гражданских и иных конституционных прав, и свобод человека и гражданина в России. Саратов, 2000. 99 с.

13. Шувалова А.М. Вопросы квалификации преступлений, посягающих на жизнь лица, осуществляющего правосудие либо предварительное расследование // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2020. № 3 (96), Т. 1. С. 237-246.

14. Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. М.: Госюриздат, 1957. 363 с.

15. Коган В.М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. М.: Наука, 1983. С. 93.

References

1. Mikheeva S.N., Skipskii G.A. Features of the implementation of state protection measures for law enforcement officers and their loved ones in the event of a threat to life, health and property. In: *Deyatel'nost' pravookhranitel'nykh organov v sovremennykh usloviyakh: sbornik materialov XXII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = The activities of law enforcement agencies in modern conditions: Collection of materials of the XXII international scientific and practical conference.* Vol. 2. Irkutsk: Vostochno-Sibirskii in-t MVD Rossii; 2017. P. 149-153. (In Russ.)

2. Vandan-Ish A. Criminal liability for attacks on the life and health of a government official under the laws of the Russian Federation and Mongolia. St. Petersburg: S.-Peterbur. un-t MVD Rossii; 2022. 135 p. (In Russ.)

3. Kashezheva B.A. 295 of the Criminal Code of the Russian Federation. In: *Sankt-peterburgskie vstrechi molodykh uchenykh: materialy II vserossiiskogo kongressa = St. Petersburg meetings of young scientists: proceedings of the II All-Russian congress.* St. Petersburg: S.-Peterb. un-t MVD Rossii; 2024. P. 575-579. (In Russ.)

4. The course of Soviet criminal law. The Special part. Vol. 4. Leningrad: Izd-vo LGU; 1978. 558 p. (In Russ.)

5. The basis of a criminal legal prohibition. Moscow: Nauka; 1982. 303 p. (In Russ.)

6. Bobrakov I.A., Karmanov O.A. Encroachment on the life of a person exercising justice or preliminary investigation: criminal law analysis. Bryansk: BF MosU MVD Rossii; 2008. 159 p. (In Russ.)

7. Mal'tsev V. Criminal law protection of officials and citizens in connection with official or public activities. *Zakonnost' = Legality*. 1996;(1):10-13. (In Russ.)

8. Grishanin P.F., Zhuravlev M.P. Crimes against the order of government. Moscow: Yurid. lit.; 1963. 43 p. (In Russ.)

9. Polenov G.F. Responsibility for crimes against governance. Moscow: Yurid. lit.; 1966. 136 p. (In Russ.)

10. Dement'ev S. On responsibility for attacks on the life, health and dignity of police officers and people's vigilantes. *Sotsialisticheskaya zakonnost' = Socialist legality*. 1963;(4):42-46. (In Russ.)

11. Lopashenko N.A. (ed.) Crimes against justice (Chapter 31 of the Criminal Code of the Russian Federation). Moscow: Yurlitinform; 2023. 560 p. (In Russ.)

12. Krasikov A.N. Criminal and legal protection of political, civil and other constitutional rights and freedoms of man and citizen in Russia. Saratov; 2000. 99 p. (In Russ.)

13. Shuvalova A.M. Issues of qualification of crimes encroaching on the life of a person exercising justice or preliminary investigation. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva = Bulletin of the V.N. Tatishchev Volga University*. 2020;(3-1):237-246. (In Russ.)

14. Trainin A. N. The general doctrine of the composition of the crime. Moscow: Gosyurizdat; 1957. 363 p. (In Russ.)

15. Kogan V.M The social mechanism of criminal law impact. Moscow: Nauka; 1983. P. 93. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Кашежева Бэлла Артуровна, инспектор факультета подготовки сотрудников для оперативных подразделений, Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: balik07@yandex.ru

Bella A. Kashezheva, Inspector of the Faculty of Training of Personnel for Operational Units, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russian Federation,
email: balik07@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.231

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-124-134

(cc) BY 4.0

Опыт аксиологической интерпретации объектов уголовно-правовой охраны

Ф.В. Чирков[1] ✉

[1]Кубанский государственный университет
ул. Ставропольская, д. 149, г. Краснодар 350040, Российская Федерация

✉e-mail: Fil-chirkov@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Интерпретация в контексте традиционных российских духовно-нравственных ценностей таких объектов уголовно-правовой охраны, как права и свободы человека, нормальный уклад половых отношений, интересы семьи и воспитания несовершеннолетних, позволяет выявить особенности их содержания, которые в настоящий момент либо недооцениваются, либо игнорируются, что создает предпосылки для уточнения и конкретизации системы мер их уголовно-правовой защиты.*

Цель исследования *– выявить такое ценностное содержание некоторых прав и свобод человека в качестве объектов уголовно-правовой охраны, которое способствовало бы раскрытию их гуманистического потенциала и установлению оптимального баланса личных и общественных интересов.*

Методология. *При написании работы использовались методы анализа и синтеза, общенаучные (философские, логические) приемы и инструментарий системного подхода.*

Результаты*. На основе предложенной С.А. Левицким концепции противопоставления отрицательной и положительной свободы, а также учения Русской православной церкви предлагается дополнить определение объекта преступлений как тех или иных прав и свобод: права на свободу слова и выражения мнений, свободу творчества, свободу союзов и собраний – указанием на содержательный компонент соответствующего права или свободы. В частности, свобода слова должна распространяться только на такую информацию, которая не причиняет вреда интересам личности, общества и государства, наполняет само понятие свободы слова позитивным содержанием. Если создается или распространяется информация, содержание которой не наносит вреда, то ее ограничение следует признавать нелегитимным; если же создается и распространяется деструктивная информация, то гарантии свободы слова на нее не распространяются ввиду отсутствия самой «положительной свободы» как защищенного блага.*

Вывод*. В контексте объектов уголовно-правовой охраны целесообразно обратить особое внимание на авторитет государства. Посягательство на авторитет государства как на ценность есть одновременно посягательство и на социально-психологическое благополучие населения страны, его ценностные ориентиры и на безопасность самого государства.*

Ключевые слова: *традиционные ценности; объект охраны; аксиология; свобода слова; интересы семьи; воспитание несовершеннолетних.*

Конфликт интересов*: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Чирков Ф.В. Опыт аксиологической интерпретации объектов уголовно-правовой охраны // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 3. С. 124–134. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-124-134.

Поступила в редакцию 14.04.2025 Принята к публикации 30.04.2025 Опубликована 16.06.2025

© Чирков Ф.В., 2025

Experience of axiological interpretation of objects of criminal-legal protection

Philip V. Chirkov[1] ✉

[1]Kuban State University
149 Stavropolskaya Str., Krasnodar 350040, Russian Federation

✉e-mail: Fil-chirkov@mail.ru

Abstract

Relevance. *Interpretation in the context of traditional Russian spiritual and moral values of such objects of criminal-legal protection as human rights and freedoms, normal sexual relations, family interests and upbringing of minors allows us to identify the features of their content, which are currently either underestimated or ignored, which creates the prerequisites for clarifying and concretizing the system of measures for their criminal-legal protection.*

The purpose *of the study is to identify the value content of certain human rights and freedoms as objects of criminal law protection, which would contribute to the disclosure of their humanistic potential and the establishment of an optimal balance of personal and public interests.*

Methodology*. When writing the work, methods of analysis and synthesis, general scientific (philosophical, logical) techniques and tools of the systems approach were used.*

Results*. Based on the proposed by S.A. Levitsky proposes to supplement the concept of the opposition of negative and positive freedom, as well as the teachings of the Russian Orthodox Church, with a definition of the object of crimes as certain rights and freedoms - the right to freedom of speech and expression of opinions, freedom of creativity, freedom of association and assembly, etc., by indicating the substantive component of the corresponding right or freedom. In particular, freedom of speech should extend only to such information that does not harm the interests of the individual, society and the state, and fills the very concept of freedom of speech with positive content. If information is created or disseminated, the content of which does not cause harm, then its restriction should be recognized as illegitimate; if destructive information is created and disseminated, then the guarantees of freedom of speech do not extend to it due to the absence of the "positive freedom" itself as a protected benefit.*

Conclusion*. In the context of objects of criminal law protection, it is advisable to pay special attention to the authority of the state. An attack on the authority of the state as a value is simultaneously an attack on the socio-psychological well-being of the country's population, its value guidelines, and on the security of the state itself.*

Keywords: *money issuance; Bank of Russia; lending; bank account; banking risks; legal status of money; monetary system transformation.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Chirkov P.V. Experience of axiological interpretation of objects of criminal-legal protection. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(3):124–134. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-124-134.

Received 14.04.2025 Accepted 30.04.2025 Published 16.06.2025

***

Введение

Совершенствование российской уголовной политики и уголовного права в русле реализации основных направлений государственной политики защиты традиционных духовно-нравственных ценностей с необходимостью предполагает проведение серьезной работы по обновлению и уточнению аксиологического (ценностного) содержания объектов уголовно-правовой охраны.

Как правило, содержание прав и свобод человека определяется, следуя логике негативных обязательств государства, т. е. путем установления пределов возможностей государства по вмешательству в осуществление человеком его прав и свобод. Предполагается, что человек абсолютно свободен [1] и именно эта свобода признается охраняемой ценностью [2]. Но собственно содержание свободы (от чего или для чего человек является свободным) при таком подходе оста-

ется неопределенным. Обсуждению по преимуществу подлежит вопрос о том, насколько и в каких пределах оправдано ограничение этой свободы со стороны государства [3]. В итоге любая уголовно-правовая норма предстает перед нами не как предписание, защищающее содержательно конкретизированное, ценностно наполненное благо, а как предписание, защищающее неограниченную свободу человека от вмешательства государства [4], критерии правомерности которого остаются столь же содержательно неопределенными и формальными.

Методология

Развитие современной науки и практики требует изменения подходов к определению содержания правоохраняемых благ. Доктрина должна стремиться к установлению конкретного содержания того или иного права человека, поставленного под защиту уголовного закона. В решении этой задачи категория традиционных российских духовно-нравственных ценностей выполняет важную методологическую функцию. Общий посыл заключается в следующем: лишь то может считаться содержанием прав и свобод (а следовательно, и подлежать охране), что соответствует традиционным российским ценностям. Если та или иная возможность человеческого поведения идет вразрез с традиционными ценностями, она не может восприниматься в качестве компонента содержания прав и свобод, а следовательно, и не может претендовать на статус правоохраняемого блага. Критерии обоснованности государственного вмешательства в осуществление человеком его прав и свобод в данном случае дополняются важным содержательным компонентом: государство не только вводит ограничения на пределы реализации права, но и посредством таких ограничений утверждает соответствие содержания прав и свобод традиционным российским ценностям. Учитывая, что ценности в политико-правовом пространстве представлены не столько как идеологический концепт, сколько как концепт безопасности, соответствие содержания прав и свобод человека традиционным ценностям становится залогом комфортного и неконфликтного сосуществования личности, общества и государства [5].

С этих методологических позиций представляется возможным исследовать ценностное содержание отдельных объектов уголовно-правовой охраны, в защите которых влияние традиционных ценностей оказывается наиболее значимым, способным качественно изменить сами параметры этой защиты.

Результаты и их обсуждение

Одним из ключевых объектов уголовно-правовой охраны, степень защищенности которого во многом выступает показателем уровня гуманитарного развития страны, выступают права и свободы человека. Они объявлены высшей ценностью в ст. 2 Конституции РФ, а Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» отнесены к традиционным российским ценностям.

Интерпретация прав и свобод в качестве охраняемого традиционного блага требует в современных условиях особого подхода. Равно как недопустима изолированная трактовка конституционных прав человека в отрыве от иных положений Конституции [6], так и восприятие индивидуальных прав человека в качестве традиционных ценностей немыслимо вне контекста иных ценностей, прежде всего нравственности, патриотизма и служения Отечеству. В силу этого представление о правах и свободе как о неограниченной, самодавлеющей и всеподчиняющей ценности нуждается в пересмотре.

Философской основой нового понимания прав и свобод может служить предложенная С.А. Левицким концепция

противопоставления отрицательной свободы (от чего-либо) и положительной свободы (для чего-либо). Отрицательная свобода, будучи доведенной до своего предела, – писал он, – «делает нас рабами собственного “я”, собственных иррациональных капризов; беспредельно понятая свобода приводит к идее “права на преступление” и к духовному или физическому убийству или самоубийству. Она есть “возможность всего”, есть произвол. Реализация такой свободы равносильна безумию. В отличие от нее положительная свобода есть осуществление человеком своих неповторимых возможностей, отягощенное ответственностью. Свобода становится подлинной свободой в добровольном самоограничении произвола, в служении сверхличным, идеальным ценностям» [7, с. 400, 415, 452, 501].

Аналогичное понимание прав и свобод демонстрирует и Русская православная церковь. Согласно ее учению, суть свободы – это возможность выбора, но «свобода выбора не есть абсолютная и конечная ценность. Свобода поставлена Богом на службу человеческому благу. А потому осуществляя ее, человек не должен причинять зла самому себе и окружающим»[1]. Отсюда ставшее традиционным для нашей науки определение объекта преступлений как тех или иных прав и свобод: права на свободу слова и выражения мнений, свободу творчества, свободу союзов и собраний и т.д. – должно быть дополнено указанием на содержательный компонент соответствующего права или свободы.

Как видится, свобода слова как охраняемое благо в контексте системы конституционных и традиционных ценностей не есть свобода неограниченного распространения любой информации. Напротив, это свобода распространения лишь такой информации, которая ни содержательно, ни фактом ее распространения не причиняет вреда отдельным личностям или обществу и государству в целом. Отсюда основной подход к интерпретации объекта правовой охраны должен состоять не в легитимации применяемых государством мер, якобы направленных на ограничение свободы слова и мнений, а в обосновании отсутствия свободы слова как охраняемого блага в ситуациях, когда создание и распространение деструктивной информации не может оцениваться в принципе как проявление свободы слова.

Эти тонкие различия весьма отчетливо фиксируются в судебной практике. Так, в одном из апелляционных решений суд отклонил доводы жалобы лица, привлеченного к административной ответственности по ч. 1 ст. 20.3.3 КоАП РФ на то, что эта норма и ее применение нарушают его права на свободу выражения мнения и свободу слова. Суд отметил, что «в силу ч. 3 ст. 55 Конституции РФ осуществление права на свободу выражения мнения может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности»[2]. Здесь, как видим, акцент сделан на обоснование «вмешательства» государства в реализацию гражданином свободы слова, что формально возводит совершенное им деяние, связанное с распространением информации, дискредитирующей Вооруженные силы РФ, в ранг самой реализации свободы слова. Однако в другой си-

[1] Основы учения Русской православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека // Русская Православная Церковь: сайт. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/428616.html (дата обращения: 09.03.2025).

[2] Решение Нижегородского областного суда от 18 октября 2023 г. по делу № 12-1246/2023 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/mYL4nD0TUqgT/?page=2&regular-court=&regular-date_from=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=&regular-workflow_stage=20&regular-date_to=&regular-area=&regular-txt=свобода+слова&_=1720771446714&regular-judge=&snippet_pos=2840#snippet (дата обращения: 09.03.2025).

туации суд поступил, на наш взгляд, более логично и правильно, когда не стал оценивать распространение негативной информации с точки зрения содержания свободы слова. Он указал: «…соблюдение прав граждан (авторов и владельцев информационных материалов) на свободу слова и распространения в сети Интернет информации не может являться основанием для нарушения интересов неопределенного круга лиц, которым распространением противоправных информационных материалов наносится вред»[1]. Тем самым распространение деструктивного контента выведено в принципе за границы свободы слова. Аналогичный подход демонстрируют и иные суды[2].

Признание правовым благом свободы распространения только такой информации, которая не причиняет вреда интересам личности, общества и государства, наполняет само понятие свободы слова позитивным содержанием. Если создается или распространяется информация, содержание которой не наносит вреда, то ее ограничение следует признавать нелегитимным; если же создается и распространяется деструктивная информация, то гарантии свободы слова на нее не распространяются ввиду отсутствия самой «положительной свободы» как защищенного блага. Защищенной же является, строго говоря, информация, которая не противоречит традиционным духовно-нравственным российским ценностям – семейным, патриотическим и т.п. Как верно отмечают некоторые авторы: «…меньшинства, ломающие стереотипы общественного поведения, морали, уклада жизни и так далее, должны стать более толерантными к образу жизни большинства и, несмотря на свое отвержение традиций, должны уважать право сограждан на сохранение традиционных ценностей, право на воспитание детей в привычной традиции, право на признание своего высокого личного достоинства как граждан, придерживающихся традиционных нравственных норм» [8, с. 32].

Представленное видение содержания свободы слова в полной мере может быть экстраполировано и на трактовку иных прав и свобод граждан – свободу собраний, союзов, публичных выступлений и т.д.

Еще один объект уголовно-правовой охраны, содержание которого находится под мощным аксиологическим влиянием традиционных ценностей, – это половая свобода и неприкосновенность личности. В современной литературе некоторые ав-

[1] Решение Ленинского районного суда г. Санкт-Петербург от 29 марта 2021 г. по делу № 2А-941/2021 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/DhbdXqhKQQNh/?regular-txt=свобода+слова&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=Статья+148.+Нарушение+права+на+свободу+совести+и+вероисповеданий%28УК+РФ%29&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_=1720766831894&snippet_pos=2392#snippet (дата обращения: 09.03.2025).

[2] Решение Пятигорского городского суда Ставропольского края от 15 марта 2017 г. по делу № 2-914/2017 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/abu3RxJn9KgC/?regular-txt=свобода+слова&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=Статья+148.+Нарушение+права+на+свободу+совести+и+вероисповеданий%28УК+РФ%29&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_=1720766831894&snippet_pos=1454#snippet (дата обращения: 12.07.2024); Решение Кировского районного суда г. Иркутска от 16 января 2019 г. по делу № 2А-135/2019 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/7EbISH0g1Mxp/?page=3&regular-court=&regular-date_from=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=Статья+148.+Нарушение+права+на+свободу+совести+и+вероисповеданий%28УК+РФ%29&regular-workflow_stage=&regular-date_to=&regular-area=&regular-txt=свобода+слова&_=1720769582672&regular-judge=&snippet_pos=254#snippet (дата обращения: 09.03.2025).

торы[1] последовательно критикуют ранее распространенное понимание объекта таких преступлений как уклада половых отношений, поскольку оно «принижает абсолютную ценность человека как биологического существа, превращая его только в носителя общественных отношений»[2].

Такой личностно-ориентированный подход к установлению содержания объекта половых преступлений широко распространен в литературе. Между тем, на наш взгляд, в его основе – все то же «отрицательное» понимание свободы, о котором шла речь выше. Отрицательно понимаемая половая свобода есть, по сути, половая распущенность и вседозволенность. Едва ли можно говорить о том, что такая свобода может претендовать на статус охраняемого блага. Сексуальное поведение людей в обществе, как и любое иное поведение, есть социальный конструкт, проявление не биологической, но социальной природы человека. Именно поэтому отрицательно понимаемая сексуальная свобода – как свобода от любого социального контроля над сексуальной сферой жизнедеятельности – не может быть признана охраняемым благом.

Общество признает, поддерживает и защищает те формы сексуального поведения, которые согласуются с коллективными представлениями о должном и возможном, дозволенном и запрещенном, иными словами, с коллективными ценностями и традициями, обеспечивающими выживание самого общества, его развитие и процветание. Включение сексуальности в социальный контекст с необходимостью предполагает, что объект охраны уголовного права как публичной правовой отрасли может представлять собой только социально приемлемые и одобряемые формы сексуального поведения. Под охрану ставится именно «нормальный уклад половых отношений и полового развития»[3].

В этой связи Н.В. Тыдыкова отмечает, что «важными компонентами полового уклада, нарушение которых влечет общественно опасные последствия, являются половая свобода, половая неприкосновенность личности и нормальное нравственное и половое развитие несовершеннолетних» [9, с. 16]. Однако содержательную сторону полового уклада автор не определяет, что, действительно, сделать довольно сложно.

В отечественной правовой науке середины прошлого столетия уклад половых отношений понимался как «сложившийся порядок полового общения между членами общества, основанный на добровольных началах, осуществляемый путем естественного удовлетворения половой потребности между представителями двух полов, которые по своим возрастным и психическим качествам осознают значение и последствия такого общения»[4].

Следует признать, что в наши дни общество стало более терпимо относиться к внебрачным сексуальным отношениям, в некоторой части оно стало более терпимым и к однополым сексуальным контактам. Вместе с тем полагаем, что надо проводить тонкие различия между терпимыми в обществе и одобряемыми обществом правилами половой морали. Так, например, хотя принципы уважения свободы личности и невмешательства в частную жизнь обуславливают терпимость к однополым сексуальным контактам, едва ли можно говорить о том, что российское общество их поддерживает

[1] Бимбинов А.А. Ненасильственные половые преступления: дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. С. 58–61.

[2] Затона Р.Е. Уголовно-правовой и криминологический аспекты ответственности за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим четырнадцатилетнего возраста: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. С. 16.

[3] Даниэльбек Б.В. Половые извращения и уголовная ответственность: учеб. пособие. Волгоград: Высш. следств. школа МВД СССР, 1972. С. 26.

[4] Там же. С. 28.

или тем более поощряет. Специальные исследования показывают, что даже среди молодежи (традиционно наиболее свободной и либеральной части населения) отношение к людям с нетрадиционной сексуальной ориентацией подавляюще негативное или настороженное[1]. В целом социологические опросы свидетельствуют, что большинство россиян выражают негативное отношение к гомосексуалистам и лесбиянкам, причем уровень отрицания растет.

Можно констатировать, что нормальный, традиционный уклад половых отношений в российском обществе не включает ценностного признания однополых отношений, и это обстоятельство существенным образом корректирует устоявшиеся представления как об объекте уголовно-правовой охраны, так и о спектре угроз, представляющих для него опасность. Если, следуя началам равенства граждан, государство не может устанавливать уголовную ответственность за добровольные гомосексуальные отношения, то охранять общество от любых попыток изменения традиционного уклада половых отношений вполне способно и обязано.

Следующий объект уголовно-правовой охраны, содержание которого закономерно трансформируется и уточняется в процессе его аксиологической интерпретации – интересы семьи и несовершеннолетних. Ставшее привычным для отечественной науки определение объекта преступлений, предусмотренных гл. 20 УК РФ, как интересов семьи и несовершеннолетних, является, со всей очевидностью, безликим и бессодержательным, ибо не дает ответа на вопрос о том, какие именно интересы подлежат охране и, соответственно, почему эта охрана устанавливается.

В некоторых источниках попытка определить содержание таких интересов осуществляется, на наш взгляд, исходя из сугубо формальных критериев. Отмечается, что только то одобряемое традиционными ценностями правило поведения может считаться традиционной ценностью, которое охраняется государством и правом. Например, «многоженство, в определенных случаях и обстоятельствах допускаемое исламом, не признается государством, а потому и традиционной ценностью по этой причине не является» [10, с. 48].

Думается, что в таких рассуждениях есть некоторый логический порок. Конечно, все, что защищено правом, является ценностью как таковой. Однако в рассуждениях о традиционных ценностях нельзя считать, что ее маркером или конститутивным признаком является правовая защищенность. Традиционные ценности обладают таковым статусом вне зависимости от того, защищены или не защищены они правом [11]. Другое дело, что далеко не все традиционные ценности должны правом защищаться.

Это методологическое замечание приобретает особое значение, когда речь идет о выборе объектов уголовно-правовой охраны. Специалисты как раз должны для начала установить содержание традиционных семейных ценностей, а затем, с учетом известных уголовно-политических факторов, решить, необходимо ли ту или иную семейную ценность ставить под защиту уголовного закона.

Семья является исконной традиционной ценностью. Репрезентативные опросы ВЦИОМ это убедительно доказывают. Большая часть россиян убеждены – важно сохранять традиционные семейные ценности, культуру материнства и отцовства, поддерживать многодетность (77%)[2]. Для большинства опрошенных граждан создание семьи – это не просто важнейшая ценность, а жизненная цель (87%). При этом в представлениях

[1] Панкратова Л.С. Формирование сексуальной культуры молодежи в современном российском обществе: дис. … канд. соц. наук. СПб., 2015. С. 108.

[2] Традиции в эпоху перемен // ВЦИОМ: сайт. 2023. 28 дек. URL: https://wciom.ru/ analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicii-v-ehpokhu-peremen (дата обращения: 09.03.2025).

россиян традиционная семья неподвластна времени – она всегда была, есть и будет нужна человеку, потому что в ней легче выжить (85%)[1].

Признание семьи ценностью, тем не менее, не предрешает вопроса о том, какие именно семейные ценности разделяют наши граждане и какие из них должны охраняться законом. Перевод семейных ценностей на язык права – крайне сложная задача.

В юридической литературе встречаются попытки определить правовое содержание семейных ценностей. Удачный подход предложен А.Е. Дранович. Она пишет: «Под семейными ценностями как объектами уголовно-правовой охраны необходимо понимать наиболее значимые интересы семьи, права ее членов, прежде всего, несовершеннолетних и нетрудоспособных совершеннолетних лиц, касающиеся обеспечения материальных и нравственных условий для нормального физического, нравственного, психического и интеллектуального развития и условий формирования личности несовершеннолетних лиц, рождения и воспитания детей, удовлетворения индивидуальной потребности в отцовстве или материнстве, контактах с детьми, а также организации деятельности по материально-финансовому обеспечению семьи, благосостояния ее членов» [12, с. 245–246].

Представляется, что семья, будучи многовековой ценностью российских граждан, должна, прежде всего, защищаться как таковая. В этом отношении надо поддержать А.А. Елисееву, которая указывает, что «необходимо в современном законодательстве культивировать многовековой, общепринятый, традиционный для России подход к пониманию содержания терминов “семья” и “семейные ценности”» [13, с. 73]. В самом общем и исходном представлении семья есть союз людей, основанный на браке или вытекающий из брачных отношений. Брак – первооснова семьи. В этом отношении первостепенную значимость приобретают конституционные положения (ст. 72 Конституции РФ) о государственной защите института брака как союза мужчины и женщины, что выводит за рамки государственной защиты потенциально возможные формы однополых союзов.

Далее, традиционное предназначение семьи – рождение и воспитание детей, причем семья есть приоритетная форма их воспитания. Учитывая это, государство обязано ставить под защиту как сам феномен деторождения, так и воспитание детей. Прежде всего оно обязано защитить общество от деструктивных течений и практик, связанных с отказом от деторождения. Речь, разумеется, не идет о принуждении к деторождению или установлению каких-либо санкций за отказ от деторождения. Речь идет о защите общества от распространения, навязывания и утверждения нетрадиционных взглядов на приоритетность деторождения. Что касается воспитания, то здесь также есть пространство для уточнения государственной охраны. Не случайно само понятие воспитания, во-первых, получило законодательное определение в законе «Об образовании»[2], а во-вторых, претерпело существенные содержательные изменения. Наполнив понятие воспитания конкретным содержанием, определив «воспитательный идеал», государство имеет все основания к тому, чтобы именно этот идеал стал объектом правовой (и уголовно-правовой) охраны. Как следствие – возникают потенциальные возможности для постановки вопроса об ответственности лиц, обязанных осуществлять воспитательную деятельность (в том числе и родителей), за осуществ-

[1] Семья как ценность // ВЦИОМ: сайт. 2024. 24 янв. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-kak-cennost (дата обращения: 09.03.2025).

[2] Об образовании в Российской Федерации : Федер. закон от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ : посл. ред. // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 09.03.2025).

ление воспитательных мероприятий, идущих вразрез с традиционными ценностями.

В завершение обратимся к вопросам аксиологической интерпретации еще одного значимого объекта уголовно-правовой охраны – авторитета государства. В уголовно-правовой науке понятие авторитета традиционно связывается с положением и статусом органов государственной (шире – публичной) власти. При этом авторитет ассоциируется как с объектом и последствиями должностных преступлений (в этом случае авторитет органов власти подрывается «изнутри» работниками властного аппарата) [14], так и с объектом и последствиями преступлений против порядка управления (в этом случае авторитет государственного аппарата расшатывается «извне», не вовлеченными в его работу лицами) [15, с. 68]. В судебной практике, как правило, также речь идет об авторитете государственной власти или органов государственной власти как объекте должностных преступлений[1], причем даже в тех случаях, когда используется термин «авторитет государства», подразумевается авторитет именно власти или ее органов[2].

Не оспаривая такого подхода по существу, обратим внимание, что в современных условиях продвижения и защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей он выглядит несколько ограниченным. Связывая понятие авторитета исключительно с аппаратом публичной власти, он в известной степени нивелирует ценность авторитета государства как такового.

Государство, которое в России всегда представляло особую культурно-цивилизационную ценность, пользуется авторитетом, причем вне зависимости от того, как ведут себя представители государственного аппарата. Специальные репрезентативные опросы показывают, что, по мнению значительной части граждан (42%), Россия является одной из великих держав мира, по мнению еще 28%, она, скорее всего, станет таковой в ближайшие 15–20 лет[3]. Это, среди прочих факторов, обуславливает высокий уровень патриотических настроений в стране. По данным мониторингового опроса ВЦИОМ, сегодня уровень патриотизма в российском обществе высок как никогда. Патриотами себя считают 94% наших сограждан, в том числе безусловными патриотами – 62%[4]. Подавляющее большинство россиян гордятся Россией, ее историей и культурой (92%)[5].

Такие настроения и эмоции отражают высокий и безусловный авторитет государства как такового, не отдельных его органов и должностных лиц, а именно государства как социального и политического института, объединяющего народы России на протяжении ее тысячелетней истории. Они же не позволяют согласиться с критической оценкой государственного авторитета как препятствия на пути демократии [16].

Этот авторитет обладает несомненным ценностным значением и заслуживает того, чтобы быть воспринятым в контексте объектов уголовно-правовой охраны.

Выводы

Посягательство на авторитет государства как на ценность есть одновре-

[1] См., например: Определение Верховного Суда РФ от 14 июня 2012 г. по делу № 64-О12-3; от 10 апреля 2013 г. по делу № 84-Д-13-5

[2] См.: Определение Верховного Суда РФ от 28 декабря 2006 г. по делу № 67-О06-84.

[3] Международное влияние России // ВЦИОМ: сайт. 2021. 20 мая. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mezhdunarodnoe-vlijanie-rossii (дата обращения: 09.03.2025).

[4] О современном российском патриотизме // ВЦИОМ: сайт. 2024. 23 февр. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-sovremennom-rossiiskom-patriotizme (дата обращения: 09.03.2025).

[5] О национальной гордости великороссов // ВЦИОМ: сайт. 2024. 31 янв. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-nacionalnoi-gordosti-velikorossov (дата обращения: 09.03.2025).

менно посягательство и на социально-психологическое благополучие населения страны, его ценностные ориентиры и на безопасность самого государства. Представляется, что этот объект, будучи защищенным лишь нормами о должностных и управленческих преступлениях, сегодня явно недооценен, а его исследование создает значительные резервы для совершенствования уголовного закона.

Представленный опыт аксиологической интерпретации объектов уголовно-правовой охраны, разумеется, охватывает не все из них. Однако он, на наш взгляд, убедительно свидетельствует, что именно применение методологии аксиологического анализа к познанию объектов охраны позволяет конкретизировать содержание защищаемого блага, и уже на этой основе вести рассуждения о социальной обусловленности, эффективности и достаточности имеющихся уголовно-правовых средств для обеспечения безопасности наиболее значимых социальных ценностей.

Список литературы

1. Подмарев А.А. Неограничиваемые (абсолютные) права и свободы человека и гражданина в Конституции РФ 1993 г. и международных актах // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 4(84). С. 69–75.

2. Шамаева В.В. Человек как носитель абсолютной свободы в философии Ж.-П. Сартра // О вечном и преходящем: сборник научных статей. Вып. 12 / отв. ред. Р.Х. Лукманова. Уфа: Баш. гос. ун-т, 2021. С. 153–156.

3. Смирнов А.М. Уголовно-правовые ограничения реализации свободы слова в России // Закон и право. 2019. № 6. С. 100–102.

4. Мун С.А. Ограничение конституционных прав граждан в условиях пандемии (Ковид-19) // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 26. С. 804–812.

5. Чирков Ф.В. Методологические проблемы аксиологической интерпретации объектов уголовно-правовой охраны в контексте содержания традиционных духовно-нравственных ценностей // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 183–193.

6. Чирков Ф.В. Конституционные принципы уголовно-правовой охраны духовно-нравственных ценностей // Lex Russica. 2024. Т. 77, № 7 (212). С. 58–69.

7. Левицкий С.А. Трагедия свободы. Избранные произведения. М.: Астрель, 2008. 990 с.

8. Овчаренко Д.Л. Свобода слова в контексте ценностей православной культуры: социально-философский аспект // Философия права. 2014. № 4. С. 29–33.

9. Тыдыкова Н.В. Половые преступления: закон, теория, практика. М.: Юрлитинформ, 2023. 320 с.

10. Михайлова Е.В., Бутрим И.И. Теоретико-правовые подходы к определению способов и процессуальных форм защиты традиционных ценностей в Российском государстве // Государство и право. 2023. № 9. С. 44–52.

11. Серебрякова А.А. Семейные ценности как часть традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 2 (78). С. 155–160.

12. Дранович А.Е. Понятие и значение семейных ценностей как объекта уголовно-правовой охраны // Молодой ученый. 2023. № 13 (460). С. 245–246.

13. Елисеева А.А. Семья и семейные ценности: подходы к пониманию в условиях современного права // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 3. С. 67–74.

14. Кашкаров А.А. Авторитет органа публичной власти как системообразующий признак должностной преступности // Общество и право. 2017. № 1 (59). С. 46–49.

15. Рябченко О.Н. Преступления против порядка управления: история, теория, компаративистика. М.: Зерцало-М, 2016. 251 с.

16. Дорожкин Ю.Н. Политическая система современной России: демократия или авторитаризм? // Власть. 2016. Т. 24, № 8. С. 14–18.

References

1. Podmarev A.A. Unlimited (absolute) rights and freedoms of man and citizen in the Constitution of the Russian Federation of 1993 and international acts. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia*. 2019;(4);69-75. (In Russ.)

2. Shamaeva V.V. Man as a bearer of absolute freedom in the philosophy of J.-P. Sartre. In: Lukmanova R.Kh. (ed.) *O vechnom i prekhodyashchem: sbornik nauchnykh statei = On the eternal and the transient*: *collection of scientific articles*. Is. 12. Ufa: Bash. gos. un-t; 2021. P. 153-156. (In Russ.)

3. Smirnov A.M. Criminal-legal restrictions on the implementation of freedom of speech in Russia. *Zakon i pravo = Law and Right*. 2019;(6);100-102. (In Russ.)

4. Moon S.A. Restriction of constitutional rights of citizens in the context of a pandemic (Covid-19). *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie = Innovations. Science. Education*. 2021;(26);804-812. (In Russ.)

5. Chirkov F.V. Methodological problems of axiological interpretation of objects of criminal law protection in the context of the content of traditional spiritual and moral values. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia.* 2025;(1);183-193. (In Russ.)

6. Chirkov F.V. Constitutional principles of criminal-legal protection of spiritual and moral values. *Lex Russica*. 2024;77(7):58-69. (In Russ.)

7. Levitsky S.A. The tragedy of freedom. Selected works. Moscow: Astrel; 2008. 990 p. (In Russ.)

8. Ovcharenko D.L. Freedom of speech in the context of the values of orthodox culture: social and philosophical aspect. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*. 2014;(4):29-33. (In Russ.)

9. Tydykova N.V. Sexual crimes: Law, theory, practice. Moscow: Yurlitinform; 2023. 320 p. (In Russ.)

10. Mikhailova E.V., Butrim I.I. Theoretical and legal approaches to defining the methods and procedural forms of protecting traditional values in the Russian state. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*. 2023;(9):44-52. (In Russ.)

11. Serebryakova A.A. Family values as part of traditional Russian spiritual and moral values. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Herald of Tver State University. Series: Law*. 2024;(2):155-160. (In Russ.)

12. Dranovich A.E. The concept and significance of family values as an object of criminal law protection. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2023;(13):245-246. (In Russ.)

13. Eliseeva A.A. Family and family values: approaches to understanding in the context of modern law. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*. 2022;17(3):67-74. (In Russ.)

14. Kashkarov A.A. Authority of a public authority as a system-forming feature of official crime. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*. 2017;(1):46-49. (In Russ.)

15. Ryabchenko O.N. Crimes against management order: history, theory, comparative studies. Moscow: Zertsalo-M; 2016. 251 p. (In Russ.)

16. Dorozhkin Yu.N. The political system of modern Russia: democracy or authoritarianism? *Vlast' = Power*. 2016;24(8):14-18. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Чирков Филипп Викторович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного строительства и политологии, докторант кафедры уголовного права и криминологии, заслуженный юрист Кубани, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация,
e-mail: Fil-chirkov@mail.ru,
ORCID: 0009-0001-1229-0741

Philip V. Chirkov, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Constitutional Construction and Political Science, Doctoral Candidate of the Department of Criminal Law and Criminology, Honored Lawyer of Kuban, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation,
e-mail: Fil-chirkov@mail.ru,
ORCID: 0009-0001-1229-0741

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.45

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-135-152

(cc) BY 4.0

Общеправовые последствия судимости в решениях Конституционного Суда России

А.С. Павлов[1] ✉

[1]Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉e-mail: Norker46@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *Судимость как категория уголовного права влечет за собой и общеправовые последствия для осужденного в прошлом гражданина, действующие и после ее погашения или снятия. В работе анализируются правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированные за прошлый год по положениям действующего и нового законодательства, устанавливающего тот или иной запрет в отношении лиц, имевших судимость.*

Целью исследования *является определение тенденций правоприменительной практики Конституционного Суда Российской Федерации в части уже имеющихся и вводимых правотворцем новых общеправовых ограничений, применяемых к ранее судимым гражданам.*

Задачи: *подвергнуть критическому осмыслению содержательную часть решений Конституционного Суда Российской Федерации, вынесенных по жалобам бывших осужденных, оспаривающих конституционность отдельных законоположений, поражающих их в гражданских правах.*

Методология. *При написании работы научный инструментарий включал в себя методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, а также формально-юридический, системно-аналитический, формально-логический методы и метод анализа судебной практики.*

Результаты исследования *включают формулирование правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации относительно ограничений некоторых общегражданских прав по признаку судимости.*

Вывод. *Отдельные решения Конституционного Суда Российской Федерации, предметом рассмотрения которого стали вопросы неконституционности правовых норм, ограничивающих экс-осужденных в их гражданских правах, вызывают критическую оценку. Некоторые из пожизненных ограничительных мер, с которыми соглашаются судьи, являются чрезмерными и недифференцированными; их введение оправдывается сложившейся практикой, однако ее порочность не получает оценку. Выводы о допустимости общеправовых запретов основаны на предположении о том, что ранее судимые граждане могут вновь совершить преступление. При постановлении решений, в которых признаются конституционными положения с ограничениями к судимым в прошлом лицам, не учитывается категория, тяжесть и субъективная сторона тех посягательств, совершение которых и повлекло за собой судимость. Подобная практика ограничения конституционных прав и свобод не отвечает требованиям справедливости и не соответствует самому понятию как временному правовому состоянию осужденного.*

Ключевые слова*: правосудие; судимость; общеправовые последствия; правоограничения; погашение судимости; поражение в правах.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Павлов А.С. Общеправовые последствия судимости в решениях Конституционного Суда России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 3. С. 135–152. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-135-152.

Поступила в редакцию 09.04.2025 Принята к публикации 05.05.2025 Опубликована 16.06.2025

© Павлов А.С., 2025

General legal consequences of a criminal record in decisions of the Constitutional Court of Russia

Alexander S. Pavlov[1] ✉

[1]Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉e-mail: Norker46@yandex.ru

Abstract

Relevance. *A criminal record as a category of criminal law also entails general legal consequences for a citizen convicted in the past, which are valid even after its repayment or removal. The work analyzes the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation formulated over the past year under the provisions of the current and new legislation establishing a particular ban on persons who have a criminal record.*

The purpose *of the study is to determine the trends in the law enforcement practice of the Constitutional Court of the Russian Federation in terms of the new general legal restrictions already existing and introduced by the creator applied to previously convicted citizens.*

Objectives: *to critically comprehend the substantive part of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation made on the complaints of former convicts challenging the constitutionality of certain laws affecting them in civil rights.*

Methodology*. When writing the work, the scientific toolkit included methods of analysis, synthesis, induction, deduction, as well as formal-legal, system-analytical, formal-logical methods and a method for analyzing judicial practice.*

The results *of the study include the formulation of the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation regarding the restrictions on certain civil rights on the basis of a criminal record.*

Conclusion. *Separate decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the subject of consideration of which were issues of unconstitutionality of legal norms restricting ex-convicts in their civil rights, cause a critical assessment. Some of the lifetime restrictive measures the justices agree on are excessive and undifferentiated; their introduction is justified by the established practice, but its depravity is not appreciated. Conclusions on the admissibility of general legal prohibitions are based on the assumption that previously convicted citizens can again commit a crime. When deciding decisions in which constitutional provisions with restrictions on persons convicted in the past are recognized, the category, severity and subjective side of those encroachments, the commission of which entailed a criminal record, are not taken into account. This practice of restricting constitutional rights and freedoms does not meet the requirements of justice and does not correspond to the very concept as a temporary legal state of the convicted person.*

Keywords*: justice; criminal record; general legal consequences; legal restrictions; cancellation of criminal record; loss of rights.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Pavlov A.S. General legal consequences of a criminal record in decisions of the Constitutional Court of Russia. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(3):135–152. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-135-152.

Received 09.04.2025 Accepted 05.05.2025 Published 16.06.2025

***

Введение

Согласно отчету о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания (форма 1) Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в России в 2021 г. осудили 565 523 человека, в 2022 г. – соответственно 578 751, а в 2023 г. – 555 743[1]. Социаль-

[1] Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрис-

но-правовая природа судимости как сложного, многогранного правового феномена не раскрыта до конца. В качестве уголовно-правовой категории она понимается как правовое состояние осужденного лица, как факт его объявления государством преступником, влияющий на квалификацию преступления; она учитывается при рецидиве преступлений и назначении наказания лицу, признанному виновным в совершении общественно опасного деяния. Как негативное последствие привлечения к уголовной ответственности и осуждения судимость служит правовым основанием для установления посткриминального контроля над поведением лица, отбывшего наказание по приговору суда. С судимостью традиционно связывается возникновение общеправовых последствий для человека, имевшего проблемы с уголовным законом в прошлом.

Судимость человека в социуме воспринимается в том числе как факт биографии, негативно характеризующий его, и влечет репутационные потери. Люди, в отношении которых когда-то был вынесен обвинительный приговор, в большинстве случаев вызывают недоверие или полное непринятие социумом. Так, по результатам исследования сервиса Superjob, готовы предложить работу бывшим заключённым только 15% работодателей в России. Они принимают таких работников на позиции рабочих и разнорабочих в добывающие, промышленные и строительные предприятия. Лица с непогашенной судимостью присутствуют только в 7% компаний. Другими словами, когда-либо объявленный судом преступником человек воспринимается как социально неблагонадежный, да и сам законодатель, руководствуясь таким стереотипом, продолжает последовательно расширять круг общеправовых запретов для судимых лиц.

В теории российского уголовного права институт судимости традиционно выступает предметом научных дискуссий [1, с. 89]. Правоведы пишут о судимости как результате осуждения за совершение уголовно наказуемого деяния применительно к уголовно-правовым [2, с. 223] и общеправовым последствиям [3, с. 83][1] и механизму их аннулирования [4, с. 24] и видах прекращения судимости [5, с. 88]. В юридической литературе обсуждались и вопросы соотношения категорий «судимость» и «лицо, впервые совершившее преступление» [6, с. 104]. О проблемах регламентации и применения этого института говорилось в трудах теоретиков, разрабатывающих тему предоставления отсрочки отбывания наказания [7, с. 137], рецидива преступлений [8, с. 119], в том числе специального [9, с. 224], освобождения от наказания [10, с. 26], порядка исчисления срока погашения судимости [11, с. 127] и законодательных пробелов при его исчислении [12, с. 59].

В ряде работ предметом обсуждения становились вопросы охраны частной жизни осужденного в прошлом человека, когда его судимость погашена или снята [13, с. 65]. При этом не всеми авторами изучалась правоприменительная практика Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам, связанным с общеправовыми последствиями прежней судимости. Между тем вопросы, связанные с общеправовыми последствиями судимости, а также с ее отражением в официальных документах (правомерность отметки о ней в справках о наличии (отсутствии) судимости и (или) факте уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования, правомерность обработки персональных данных о судимости, неуказание в ней сведений о ее прекращении) не раз станови-

дикции и мировых судей за 2024 год // Судебный департамент: сайт. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7900 (дата обращения: 30.03.2025).

[1] Архенгольц И.А. Судимость и ее общеправовые последствия: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. С. 27–28.

лись предметом рассмотрения Конституционного Суда России. В этой связи исследовательский интерес вызывают новые правовые позиции Конституционного Суда России в отношении общегражданских ограничений, порожденных судимостью, изложенные в его решениях за прошлый год.

Методология

Тематика работы послужила основанием для использования широкого спектра общенаучных и частнонаучных методов объективного познания действительности. С помощью методов анализа и синтеза, индукции и дедукции была сформулирована актуальность вынесенной в заголовок статьи темы, произведена выборка трудов российских юристов, систематизирован собранный эмпирический материал. Особенно значимыми для достижения заявленной цели стали формально-юридический, системно-аналитический, формально-логический методы и метод анализа судебной практики. Они позволили осуществить обстоятельный анализ действующего уголовного законодательства, выявить буквальный и системный смысл ст. 86 УК РФ, а также изучить и обобщить тексты решений Конституционного Суда России, вынесенных в 2024 г. по итогам рассмотрения жалоб, касающихся установленных законодателем в отношении ранее судимых граждан общеправовых запретов. Использование совокупности указанных методов позволило выявить негативные тенденции правоприменительной практики Конституционного Суда РФ, касающиеся формального толкования законотворческих новелл, устанавливающих поражение в правах для бывших осужденных. Посредством этих методов обеспечена достоверность и объективность результатов исследования, сформулированы выводы, которые могут быть востребованы в правоприменении и законотворчестве.

Результаты и их обсуждение

По подсчетам специалистов, в Уголовном кодексе РФ термин «судимость» используется больше тридцати раз [14, с. 90], однако ее определение и цели в нем не обозначены. Для начала следует подчеркнуть, что именно Конституционный Суд РФ дал первое легальное определение самой судимости. В своем постановлении от 19 марта 2003 г. № 3-П судьи решили, что судимость представляет собой «правовое состояние лица, обусловленное фактом осуждения и назначения ему по приговору суда наказания за совершенное преступление и влекущее при повторном совершении этим лицом преступления установленные уголовным законодательством правовые последствия»[1]. Это определение судимости, которая толковалась здесь исключительно как уголовно-правовая категория, повторялось и в других постановлениях Конституционного Суда РФ на протяжении многих лет (например, в определении Конституционного Суда РФ от 31 марта 2022 г. № 809-О).

Общеправовые ограничения, наступающие в связи с имевшейся в прошлом судимостью, вызывают на страницах юридической печати не меньшую дискуссию о своей обоснованности и справедливости, нежели уголовно-правовые.

[1] По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан»: постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2003 г. № 3-П // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_41474/ (дата обращения: 25.03.2025).

А.А. Нечепуренко объясняет ее суть так: «Споры по поводу статуса правоограничений, налагаемых на лицо в период судимости… носят принципиальный характер, поскольку речь идет о законодательных гарантиях от возможных злоупотреблений в сфере обеспечения прав и свобод человека и гражданина. В своем настоящем статусе судимость представляет совокупность, главным образом, карательных правоограничений, рассредоточенных в различных федеральных законах» [15, с. 15]. Полагая, что судимость есть мера уголовной ответственности, ученый в связи с этим пишет: «Если выводить правоограничения, вытекающие из факта осуждения лица, за рамки уголовной ответственности, то становится неясным, на каком основании эти правоограничения человек должен претерпевать. Только включение судимости в содержание уголовной ответственности позволяет считать таким основанием факт совершения преступления» [15, с. 16]. С.И. Зельдов пришел к выводу, что правоограничения, связанные с судимостью, носят исключительно карательный характер [16, с. 34] и не должны применяться после погашения судимости [17, с. 64], а Т.Г. Понятовская указывает на ее отрицательное воздействие на ресоциализацию личности [18, с. 41].

Не было единогласия в отношении судимости, учитываемой при рецидиве преступлений, и среди судейского сообщества. Судья Конституционного Суда России Н.В. Витрук в особом мнении писал: «Судимость как явление “объективного” и “субъективного” уголовного права, заменившее “неблагонадежность” времен царизма и “контрреволюционность” времен красного террора и гражданской войны, аморальна (безнравственна), противоречит принципам права, справедливости и гуманизма и представляет собой рудимент прошлого, тоталитарного режима. …Лицо не может нести бремя дополнительных ограничений прав и свобод в результате того, что оно отбыло наказание за совершенное преступление»[1]. Другой судья Конституционного Суда РФ А.Л. Кононов обращал внимание на то, что учет судимости при рецидиве преступлений противоречит ч. 2 ст. 6 УК РФ, т. е. принципу «non bis in idem». По его мнению, «несправедливость проявляется не только в добавлении наказания тому, кто уже искупил свою вину, но и в различном подходе к оценке тяжести преступлений, предопределяющем размер наказания в зависимости от прошлой судимости. С полным отбытием наказания уголовно-правовые отношения исчерпывают себя, и за этими пределами не существует каких-либо прав, обязанностей и ограничений, порожденных осуждением. Без этого судимость не может являться каким-либо состоянием, имеющим самостоятельное правовое значение»[2].

Говоря об общеправовых последствиях судимости, необходимо отметить, что они более объемны, динамичны и постоянно дополняются, нежели уголовно-правовые. Общеправовые последствия судимости следует разграничивать по сроку их действия и условиям. Если уголовно-правовые последствия судимости действуют до истечения сроков ее погашения или снятия или наступают при совершении нового преступления, то многие общеправовые последствия устанавливаются пожизненно или распространяются на отдельные конституционные права до погашения или снятия судимости. Так, гражданин, имеющий неснятую

[1] Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ Н.В. Витрука: постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2003 г. № 3-П // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_41474/97d279ed6957b1e62f87b41953afdbf21d113561/ (дата обращения: 25.03.2025).

[2] Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ А.Л. Кононова // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_41474/95e41138a15439047c245bddfafbd478b51f5e09/ (дата обращения: 25.03.2025).

или непогашенную судимость, не может быть принят на определенные должности государственной и муниципальной службы, не может претендовать на получение статуса адвоката, быть присяжным, арбитражным заседателем и кандидатом в присяжные заседатели, членом Общественной палаты РФ, не имеет право быть усыновителем, получить лицензию на приобретение оружия и др. Если судимость стала следствием осуждения гражданина за тяжкое или особо тяжкое преступление или преступление экстремистской направленности, то он лишается пассивного избирательного права, а судимые в прошлом за умышленное преступление против жизни или здоровья не могут быть опекунами или попечителями. Пожизненный запрет на преподавательскую деятельность установлен для тех, кто совершил преступления против жизни и здоровья, свободы, чести и достоинства личности, половой неприкосновенности и половой свободы личности, против семьи и несовершеннолетних, здоровья населения и общественной нравственности. Имевшаяся в прошлом судимость исключает службу в правоохранительных органах: в прокуратуре и полиции, назначение на судейскую должность [19, с. 79]. Таких общеправовых ограничений в федеральном законодательстве, по подсчетам Н.В. Артеменко и Н.Г. Шимбаревой, больше ста, в том числе связанных с погашенной или снятой судимостью, т. е. в отношении россиян, имевших судимость [20, с. 147].

Только за последние два года тема общегражданских ограничений, порожденных судимостью, неоднократно поднималась в правотворческих инициативах депутатов Государственной Думы и в выступлениях общественных деятелей. На основе законопроекта Комитета Госдумы по безопасности и противодействию коррупции, предлагавшего установить запрет лицам, имеющим непогашенную либо неснятую судимость за преступления против половой неприкосновенности детей, посещать образовательные организации и территории, предназначенные для отдыха детей, был принят Федеральный закон от 6 апреля 2024 г. № 69-ФЗ «О внесении изменения в статью 4 Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»[1]. В отношении педофилов, кроме иных административных ограничений, суд принимает решение о запрещении посещения объектов для детей (медицинские, санаторно-курортные, физкультурно-спортивные организации, организации культуры, организаций отдыха и их оздоровления, площадки с использованием открытой плоскостной детской игровой и детская спортивная инфраструктура). Исключение составляют случаи, когда поднадзорное лицо является родителем несовершеннолетнего и сопровождает его или представляет его интересы. В Госдуму РФ внесен и другой законопроект, разрешающий допуск к работе педагогами и тренерами лицам, имеющим судимость за отдельные виды тяжких и особо тяжких преступлений (кроме насильственных и против детей). По задумке разработчиков, после освобождения от наказания должно пройти больше десяти лет. Законопроект, согласно пояснительной записке, преследует цель восполнить нехватку в детских спортивных школах тренеров и педагогов[2]. Парламентарии считают также, что в отношении мигрантов, которые совершили пре-

[1] О внесении изменения в статью 4 Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»: Федер закон от 6 апр. 2024 г. № 69-ФЗ // Российская газета. 2024. 10 апреля. URL: https://rg.ru/documents/2024/04/10/fz69-doc.html?ysclid=m98g06v145492000124&utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F (дата обращения: 25.03.2025).

[2] Лицам с погашенной судимостью по тяжким статьям могут разрешить работать учителем // ТАСС: сайт. URL: https://tass.ru/obschestvo/19029461?ysclid=m2rrk89ddq899414734 (дата обращения: 25.03.2024).

ступление у себя на родине и имеют судимость, должен быть установлен пожизненный запрет на въезд в Россию. Законопроект от ЛДПР распространяется и на людей без гражданства, осужденных за умышленное преступление на территории другого государства или в России. Другое предложение депутатов состоит в том, чтобы высылать мигрантов с судимостью за любое преступление, исключив из этого списка тех, кто был осуждён в своей стране за пророссийскую позицию и политические взгляды[1]. В электронной базе Государственной Думы опубликован проект закона «Об основах регулирования психологической деятельности в Российской Федерации». Им вводится запрет на проведение психологических консультаций психологами и представителями «околопсихологии» (коучи, тренеры личностного роста, маги, волшебники и пр.), если они имели судимость за преступления против жизни и здоровья, свободы, чести и достоинства личности[2]. Другие новеллы по вопросам судимости, создающей ограничения общеправового характера, позволяют сделать вывод о том, что у правотворца рассматриваемая тема находится в активной повестке.

Очередной всплеск интереса к теме обоснованности и справедливости выходящих за рамки уголовной сферы общеправовых последствий судимости наблюдается в настоящее время. В отличие от начала 2000-х гг., когда в российское законодательство только вводилось множество ограничений трудовых, политических и иных прав граждан, связанных с судимостью, а граждане обращались в Конституционный Суд РФ с жалобами признать их не соответствующими Основному закону России, сейчас россияне оспаривают какие-то отдельные правоограничения. Изучив сайт Конституционного Суда РФ, становится очевидным, что за последние два-три года эта тема присутствует во многих жалобах наших сограждан. Опишем суть правовых споров, где поднимались вопросы правоограничений, порожденных фактом осуждения в соответствии с обвинительным приговором:

1. *Конституционный Суд РФ со ссылкой на сложившуюся практику поддержал пожизненный запрет на владение оружием для лиц, ранее осужденных за тяжкие преступления, независимо от того, совершено ли преступление с применением оружия и иных средств, указанных в Федеральном законе от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии»*[3] (далее – Закон об оружии).

Определением Конституционного Суда РФ от 12 ноября 2024 г. № 2967-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ильичева Владимира Борисовича на нарушение его конституционных прав п. 31 ч. 20 статьи 13 Федерального закона “Об оружии” жалоба гражданина признана недопустимой и оставлена без рассмотрения. Из текста определения следует, что судимый за мошенничество в особо крупном размере, которое относится к тяжким преступлениям, В.Б. Ильичев после снятия судимости обратился за лицензией на приобретение охотничьего огнестрельного длинноствольного оружия с нарезным стволом и патронов к нему. Территориальное

[1] В Госдуму внесен законопроект о запрете на въезд в РФ иностранцам с судимостью // Российская газета. 2024. 8 апр. URL: https://rg.ru/2024/04/08/v-gosdumu-vne-sen-zakonoproekt-o-zaprete-na-vezd-v-rf-inostrancam-s-sudimostiu.html? (дата обращения: 30.03.2024).

[2] В Госдуму внесли законопроект о регулировании психологической деятельности // ТАСС: сайт. URL: https://tass.ru/obschestvo/23200891?ysclid=m962jn59xd872189863 (дата обращения: 30.03.2025).

[3] Об оружии: Федер. закон от 13 дек. 1996 г. № 150-ФЗ: ред. от 08.08.2024 // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/docu-ment/cons_doc_LAW_12679/?ysclid=m98ghqkwkv11974456 (дата обращения: 30.03.2025).

управление Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации как орган, наделенный правом выдать разрешение на покупку оружия, отказало в этом на том основании, что из-за наличия судимости за умышленное тяжкое преступление, хотя бы и снятой, такого права у заявителя нет. Пункт 3.1 ч. 20 ст. 13 Федерального закона «Об оружии», который установил такой запрет, гласит: «Лицензия на приобретение, экспонирование или коллекционирование оружия не выдается гражданам Российской Федерации, имеющим снятую или погашенную судимость за тяжкое или особо тяжкое преступление, а также за умышленное преступление средней тяжести, совершенное с применением (использованием) оружия, предметов, используемых в качестве оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных или имитирующих их устройств, специально изготовленных технических средств, наркотических средств, психотропных, сильнодействующих, ядовитых и радиоактивных веществ, лекарственных и иных химико-фармакологических препаратов». Не согласившись с отказом в выдаче лицензии, заявитель обратился в суд с административным иском о признании незаконным решения об отказе в выдаче разрешения и об обязании устранить допущенное нарушение. Истец посчитал, что совершенное им умышленное тяжкое преступление, за которое имелась судимость, не относится к тем, что совершены с применением оружия и иных указанных в законе средств. Районный суд, а вслед за ним апелляционная и кассационная инстанции не согласились с доводами заявителя, отказав в удовлетворении иска. Тогда В.Б. Ильичев обратился с жалобой в Конституционный Суд РФ, дополнив ее таким основанием, как неопределенность содержания положения п. 3.1 ч. 20 ст. 13 Федерального закона «Об оружии» и неконституционность бессрочности примененного административного запрета.

Конституционный Суд России не усмотрел несоответствия п. 3^1 ч. 20 ст. 13 Федерального закона «Об оружии» нормам российской Конституции. Ссылаясь на уже состоявшиеся акты (постановление от 10.10.2013 № 20-П; определения от 29.09.2015 № 2100-О, от 28.01.2016 № 198-О, от 10.03.2016 № 450-О и № 451-О, от 27.06.2017 № 1207-О, от 21.11.2022 № 3163-О, от 28.03.2024 № 595-О и др.), он напомнил, что «судимость – уголовно-правовой институт, имеющий значение для целей реализации уголовной ответственности». За пределами уголовно-правового регулирования «судимость приобретает автономное значение и влечет за собой не уголовно-правовые, а общеправовые, опосредованные последствия, которые устанавливаются не Уголовным кодексом Российской Федерации, а иными федеральными законами исходя из природы и специфики регулирования соответствующих отношений, не предполагающих ограничений уголовно-правового характера». На этом основании ограничение на доступ к оружию для судимых за тяжкие и особо тяжкие преступления граждан объясняется самим фактом их совершения, свидетельствующим о повышенной (особой) степени общественной опасности личности осужденных. Такое ограничение, установленное в законе, продиктовано обоснованными сомнениями в том, что указанные лица будут использовать оружие сугубо в правомерных целях и неукоснительно соблюдать требования законодательства в области оборота оружия. А потому федеральный законодатель, исходя из убежденности, что на современном этапе развития общества невозможно гарантировать надлежащее исправление такого лица, введенным запретом исключает возможность рецидива преступлений, минимизируя риски для охраняемых конституционных ценностей. По аналогичной жалобе А.В. Миловидова Конституционный Суд РФ еще больше усилил аргументацию, сославшись на то, что

«ограничение доступа к оружию для лиц, два и более раза осужденных за совершение преступления, установлено федеральным законодателем как следствие *явного и грубого пренебрежения указанными лицами обязанностью соблюдать Конституцию Российской Федерации и федеральные законы*» (выделено нами. – *Авт.*)[1].

В отношении бессрочности установленного оспариваемой нормой запрета на приобретение оружия суд указал, что он является административно-предупредительной мерой и «по своей природе не относится ни к мерам ответственности, ни к условиям занятия определенным видом профессиональной деятельности, которые устанавливаются законом исходя из специфики соответствующих трудовых или служебных отношений». Сама по себе бессрочность запрета на приобретение оружия судимым за тяжкое преступление не может быть признана несоразмерной и несправедливой мерой, поскольку владение средствами повышенной опасности и их использование, например, для охоты не является жизненно важной необходимостью. Ответил суд и на аргумент о том, что оспариваемое положение Федерального закона «Об оружии» предусматривает запрет на выдачу лицензии гражданам, имеющим снятую или погашенную судимость за умышленное преступление средней тяжести, совершенное с применением (использованием) оружия, тогда как для тяжких или особо тяжких преступлений такого условия нет. Конституционный Суд РФ посчитал, что основанием для отказа в выдаче лицензии на приобретение оружия гражданам с имевшейся судимостью за тяжкие или особо тяжкие преступления служит правоприменительная практика органов Росгвардии и судебная практика на уровне кассационных судов общей юрисдикции. Она демонстрирует единообразный подход к толкованию данной нормы, при котором установленный п. 3.1 ч. 20 ст. 13 запрет распространяется на всех граждан с судимостью за тяжкое или особо тяжкое преступление, независимо от того, снята или погашена судимость, совершено ли преступление с применением оружия и иных указанных в законе средств. А потому, решили судьи, эта норма не может рассматриваться как не соответствующая требованиям ясности, очевидности и непротиворечивости и не вызывает сомнений с точки зрения ее соответствия конституционным требованиям правовой определенности.

Комментируя решение суда, следует отметить: по существу вопрос, который поставил заявитель перед ним, так и не был разрешен. Суд, полагая, что бессрочный запрет на владение оружием для ранее судимых не является чрезмерной мерой дискриминационного характера, не разъяснил, почему лицо, совершившее преступление корыстного, т. е. ненасильственного характера, и без применения оружия, после погашения или снятия судимости представляет повышенную (особую) степень общественной опасности его личности. Из материалов дела следует, что Владимир Ильичёв был осужден по ч. 4 ст. 159 УК РФ за мошенничество, совершенное в особо крупном размере, и по п. «а» ч. 2 ст. 174^1 «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления» УК РФ. Через три года судимость была снята и в настоящее время он является членом адвокатской палаты одного из

[1] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Миловидова Алексея Валериевича на нарушение его конституционных прав пунктами 3.1, 3.2 и 3.5 части двадцатой статьи 13 Федерального закона «Об оружии»: определение Конституционного Суда РФ от 25 апр. 2024 г. № 1107-О // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=811479&ysclid=m9727xranb315956925#PgeYghU8EZJYnw9i (дата обращения: 30.03.2025).

субъектов Российской Федерации[1]. В качестве довода суд привел и сформировавшуюся практику Росгвардии и кассационных судов общей юрисдикции по этой категории дел, однако такой подход видится формальным ввиду немотивированного согласия с ней. По мнению Конституционного Суда РФ, государство не может гарантировать надлежащее исправление граждан со снятой или погашенной судимостью за тяжкие и особо тяжкие преступления, а потому Закон об оружии им ограничивает доступ к огнестрельному оружию. И в то же время эта же самая категория граждан, владеющая или владевшая ранее приобретенным огнестрельным длинноствольным оружием в соответствии с п. 2.5 ч. 8 ст. 13 Закона об оружии по разрешению Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, не лишается права на него. Лицензию на приобретение охотничьего огнестрельного длинноствольного оружия с нарезным стволом, за которой и обратился Ильичев, можно получить при условии непрерывного владения охотничьим огнестрельным длинноствольным оружием не менее пяти лет.

По логике суда, нахождение у ранее судимого за тяжкое преступление такого оружия также не обеспечивает достижения заявленной в его определении предупредительной цели. Тогда получается, что до этого момента судимость не препятствовала гражданину владеть охотничьим огнестрельным длинноствольным оружием. Очевидно, что запрет на владение оружием для ранее судимых лиц пожизненно является чрезмерной мерой дискриминационного характера. При изложенных обстоятельствах судьи не указали доводы в пользу рецидива преступления у заявителя, который при его совершении будет использовать нарезное оружие. С той же вероятностью преступление с использованием оружия в криминальных целях, на которое уже получено разрешение, может быть совершено и лицом, ранее не имевшим проблемы с уголовным законом. Необоснованное подозрение в том, что отбывшее назначенное наказание лицо не исправилось и с большей долей вероятности вновь совершит преступление, абсолютное отрицание самой возможности исправления ставит под сомнение институт уголовного наказания как такового. Заявитель уже не имеет юридической судимости, а потому был допущен к сдаче квалификационного экзамена для получения статуса адвоката. При этом в квалификационную комиссию претендент обязан представить справку о наличии или отсутствии судимости или факта уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования по реабилитирующим основаниям. После погашения его судимости прошло восемь лет, а с момента осуждения одиннадцать, однако судьи предполагают, что с его стороны возможен рецидив преступлений.

Думается, что при решении вопроса о возможности владения оружием лицами, ранее осужденными, судимость которых погашена или снята, следует учитывать не только тяжесть преступления, но и объект посягательства, иначе лица, совершившие убийство, причинение тяжкого вреда здоровью, и лица, совершившие мошеннические (ненасильственные, корыстные, коррупционные) действия, по логике суда одинаково общественно опасны.

2. *Конституционный Суд России не усмотрел неконституционности в п. 3.5 ч. 20 ст. 13 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии», в соответствии с которым лицензия на приобретение, экспонирование или кол-*

[1] КС поддержал запрет на владение оружием для лиц, ранее осужденных за тяжкие преступления // Адвокатская газета: сайт. 2024. 29 нояб. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-podderzhal-zapret-na-vladenie-oruzhiem-dlya-lits-ranee-osuzhdennykh-za-tyazhkie-prestupleniya/ (дата обращения: 25.03.2025).

лекционирование оружия не выдается гражданам Российской Федерации, два и более раза осужденным за совершение преступления. Другими рассмотренными Конституционным Судом России, связанными с разрешением на владение и хранение огнестрельного оружия, стали дела по жалобам в связи с принятием Федерального закона от 28 июня 2021 г. № 231-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об оружии» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»[1]. Так, из материалов дела по жалобе гражданина В.А. Ковриги следует, что он осуждался дважды приговорами от 19 мая 2021 г. и 20 октября 2021 г. за незаконную рубку лесных насаждений (соответственно по чч. 3 и 5 ст. 260 УК РФ и по ч. 3 ст. 260 УК РФ). На законном основании заявитель владел тремя единицами охотничьего огнестрельного оружия. Срок действия разрешения на хранение и ношение оружия истекал в сентябре 2022 г., октябре 2023 г. и июне 2024 г. Уполномоченным органом было составлено заключение об аннулировании его лицензий, а само оружие в установленном законом порядке изымалось с направлением его на временное хранение. Районный суд общей юрисдикции 22 августа 2022 г. своим постановлением удовлетворил ходатайство В.А. Ко-вриги об отмене условного осуждения и снятии судимости. Через месяц после снятия судимости он обратился в Территориальное управление Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации с заявлением о выдаче разрешений на хранение и ношение огнестрельного оружия, имеющегося у него. Из-за привлечения к уголовной ответственности дважды и в соответствии с Федеральным законом от 28 июня 2021 г. № 231-ФЗ, запретившим выдачу лицензии лицам, осужденным два и более раза, В.А. Ковригой был получен отказ, обжалованный им в суд как незаконный.

Суды всех уровней не согласились с доводами административного истца в том, что он продлевает существующие разрешения, поскольку они были аннулированы ранее, а просит новую лицензию. На заседании Конституционного Суда России заявитель поддержал свою жалобу и указал, что запрет на выдачу лицензии на приобретение, экспонирование или коллекционирование оружия гражданам, два и более раза осужденным за совершение преступления, неконституционный, поскольку не позволяет суду и правоприменительным органам оценивать категорию, тяжесть и умысел, а также другие обстоятельства совершенных преступлений. К тому же, как думает податель жалобы, Федеральный закон от 28 июня 2021 г. № 231-ФЗ говорит прямо о том, что граждане могут хранить, хранить и носить оружие на основании ранее выданных разрешений, полученных до вступления его в силу, том числе при их последующем продлении (ч. 2 ст. 5).

Судьи Конституционного Суда России, однако, не согласились с тем, что имеет место нарушение конституционных прав заявителя, поскольку федеральный законодатель в переходный период сохранил право на владение оружием, хранение и ношение и использование за теми лицами, *у которых на момент вступления в силу данного запрета имелась действительная лицензия*. Распространение же данного запрета на лиц с двумя или более судимостями до принятия поправок, не имевших указанных действительных лицензий и разрешений, не может быть признано недопустимым приданием новому закону обратной силы

[1] О внесении изменения в статью 4 Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»: Федер закон от 6 апр. 2024 г. № 69-ФЗ // Российская газета. 2024. 10 апреля. URL: https://rg.ru/documents/2024/04/10/fz69-doc.html?ysclid=m98g06v145492000124&utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F (дата обращения: 25.03.2025).

и необоснованным ухудшением их правового положения[1].

Между тем, если проследить по срокам, когда заявитель был осужден, и соотнести даты вынесения приговоров со вступлением Федерального закона от 28 июня 2021 г. № 231-ФЗ, запретившего дважды судимым владеть оружием, в силу (через год, с 29.06.2022), получается, что в отношении В.А. Ковриги, второй раз судимого 20 октября 2021 г., данный запрет не действует. Фактически суд распространил действие нового закона к ранее возникшим правоотношениям, хотя законодатель оговорился, указав в императивном порядке, что «до дня вступления в силу настоящего Федерального закона гражданам разрешается хранение, хранение и ношение оружия *на основании ранее выданных соответствующих разрешений*, в том числе *при их последующем продлении*» (выделено нами. – *Авт*.). Другими словами, заявитель законно владел тремя единицами охотничьего огнестрельного оружия на основании разрешений, сроки действия которых истекали только в сентябре 2022 г., октябре 2023 г. и июне 2024 г. При этом заключение уполномоченного органа об аннулировании разрешений на хранение и ношение оружия было составлено 24 ноября 2021 г., после чего оружие было изъято и помещено на временное хранение. Давая оценку положениям ч. 1 и 2 ст. 5 нового закона, суд разъяснил, что «в случае, если в связи со вступлением в силу данного Федерального закона граждане *…утрачивают право на приобретение такого оружия* по обстоятельствам, наступившим до дня вступления в силу указанного Федерального закона, *им разрешается хранение, хранение и ношение оружия на основании выданных соответствующих разрешений (лицензий), в том числе на новый срок взамен ранее выданных* (части 1 и 2 статьи 5)» (выделено нами. – *Авт*.). Тем самым, как верно указал Суд, федеральный законодатель сохранил право на владение оружием за теми, кто им владел на законных основаниях на момент вступления в силу Федерального закона от 28 июня 2021 г. № 231-ФЗ, запретив только его приобретение.

По сути, Конституционный Суд РФ согласился с тем, что уполномоченный орган неверно истолковал положения законодательства о переходном периоде, досрочно лишив заявителя права на владение и ношение оружия. Вызывает сомнение и то, что в решениях по таким делам судьи не дают оценку тяжести преступления и его обстоятельствам, за совершение которого и наступила судимость. Как следует из материалов, приложенных к жалобе, В.А. Коврига судим за одно и то же преступление по ст. 260 «Незаконная рубка лесных насаждений» УК РФ, диспозиция которого предусматривает незаконную рубку, а равно повреждение до степени прекращения роста лесных насаждений или не отнесенных к лесным насаждениям деревьев, кустарников, лиан. Преступление, им дважды совершенное, не связано с использованием оружия, не представляет большой общественной опасности, не является тяжким и не связано с насильственными посягательствами против личности, а потому такие чрезмерные ограничения должны быть социально обусловлены, соразмерны [21, с. 87]. Об этом неоднократно говорилось в постановлениях Конституционного Суда РФ, выносимых по делам

[1] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ковриги Вадима Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 3.5 части двадцатой статьи 13 Федерального закона «Об оружии» во взаимосвязи с частями 1 и 2 статьи 5 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об оружии» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»: определение Конституционного Суда РФ от 28 марта 2024 г. № 595-О // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=807902#th6XZhUYvZN4NhpL1 (дата обращения: 14.03.2025).

о конституционности правоограничений, порожденных фактом судимости. В частности, по делу А.В. Барсукова, оспаривавшего положения Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в части обязанности указывать сведения о судимости у кандидата, считающегося несудимым в соответствии со ст. 86 УК РФ, суд отмечал: «Вводимые федеральным законодателем ограничения конституционных прав и свобод должны быть не только юридически, но и социально оправданны; при допустимости ограничения того или иного права в соответствии с конституционно одобряемыми целями государство должно использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные этими целями меры; публичные интересы могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения адекватны социально необходимому результату»[1]. Такой запрет на получение лицензии мотивирован, когда речь идет о судимости за преступления, в которых экспреступник использовал огнестрельное оружие (определение Конституционного Суда от 27 февраля 2024 г. № 545-О[2]) или был судим за преступления против общественной безопасности и общественного порядка (определение Конституционного Суда от 28 января 2025 г. № 287-О[3]).

Предметом рассмотрения Конституционного Суда России в 2024 г. становились и правоограничения, связанные с получением вида на жительство ранее судимыми лицами и реализацией ими избирательных прав, когда правоприменитель, исходя из тяжести совершенных деяний, их общественной опасности, юридически обоснованно признал их соответствующими Основному закону страны.

3. *Конституционный Суд России признал правомерным отказ в виде на жительство лицу, имевшему судимость, без учета ее погашения и независимо от даты осуждения.* Из определения Конституционного Суда РФ от 25 июня 2024 г. № 1735-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Республики Таджикистан Самадова Ахридина Мирзоназаровича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 статьи 3 Федерального закона от 23 июля 2013 г. № 224-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» следует, что в 2006 г. заявитель был судим за совершение двух пре-

[1] По жалобе гражданина Барсукова Александра Викторовича на нарушение его конституционных прав подпунктом 58 статьи 2 и пунктом 2-1 статьи 33 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»: определение Конституционного Суда РФ от 10 марта 2016 г. № 450-О // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_196260/ (дата обращения: 14.03.2025).

[2] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кондрашова Олега Викторовича на нарушение его конституционных прав частью четырнадцатой и пунктом 3.2 части двадцатой статьи 13 Федерального закона «Об оружии», а также частями 1 и 2 статьи 5 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об оружии» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 27 февр. 2024 г. № 545-О // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=803682&ysclid=m971a6i22a314445035#Wx2SghUYj8tHEVsJ (дата обращения: 14.03.2025).

[3] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Абдулина Вадима Исмагиловича на нарушение его конституционных прав пунктом 31 части двадцатой статьи 13 Федерального закона «Об оружии»: определение Конституционного Суда РФ от 28 янв. 2025 г. № 287-О // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=848101&ysclid=m971ocf1ns46022129#OroUghUiMpD9g4LD (дата обращения: 14.03.2025).

ступлений на территории России[1]. В 2022 г. А.М. Самадов попытался получить вид на жительство в России, однако решением Территориального органа федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел ему было в этом отказано. И тогда он обратился в суд общей юрисдикции с административным исковым заявлением, которым попытался оспорить решение уполномоченного органа об отказе в выдаче вида на жительство, однако и здесь суд поддержал ответчика по делу – УМВД России по Ярославской области. В решении Кировского районного суда г. Ярославля от 22 февраля 2022 г. по делу № 2а-1555, которое вышестоящие суды оставили в силе (Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Ярославского областного суда от 26 мая 2023 г., Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 20 сентября 2023 г. № 88а-22726/2023[2]), имеется ссылка на приговоры в отношении Самадова, вынесенные 26 июня 2006 г. и 21 сентября 2006 г. Согласно тексту обвинительных актов у истца имелись две судимости за незаконный оборот наркотических средств и разбой (ч. 3 ст. 162 и ч. 1 ст. 228 УК РФ). Суд признал несостоятельным и не имеющим правового значения довод истца о том, что на момент обращения с заявлением о выдаче вида на жительство юридически судимость у него отсутствовала ввиду погашения.

В Конституционном Суде РФ Самадов попытался оспорить конституционность п. 3 ст. 3 Федерального закона от 23 июля 2013 г. № 224-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и пункт 5 части 1 статьи 9 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». По мнению заявителя, он устанавливает несправедливый отказ на выдачу иностранному гражданину вида на жительство в связи с совершенными им преступлениями как бессрочную санкцию и без учета факта погашения судимости за них. Принимая решение об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Самадова, Конституционный Суд РФ отметил, что государство может отказать иностранному гражданину в пребывании на своей территории, ибо это его суверенное право. Ограничения в оспариваемой норме (п. 5 ч. 1 ст. 9) в выдаче иностранному гражданину вида на жительство обусловлены совершением им тяжкого или особо тяжкого преступления, связанного с незаконным оборотом наркотических средств. Федеральный законодатель, придавая правовое значение не только факту осуждения, учитывал особую общественную опасность соответствующих преступлений и на этом основании особо оговорил в указанном законоположении это основание для отказа. Подобный запрет диктуется необходимостью защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства – говорится в определении Конституционного Су-

[1] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Республики Таджикистан Самадова Ахридина Мирзоназаровича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 статьи 3 Федерального закона от 23 июля 2013 г. № 224-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: определение Конституционного Суда РФ от 25 июня 2024 г. № 1735-О // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=819655&ysclid=m961vs3ggy185026345#97ZQchUocmPa34Y81 (дата обращения: 24.03.2025).

[2] Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 20 сент. 2023 г. по делу № 88а-22726/2023 об оспаривании решения об ограничении въезда в Российскую Федерацию // Второй кассационный суд общей юрисдикции: сайт. URL: https://2kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=9364806&case_uid=eadaf2fc-b128-4045-aba8-0749dd0fd06e&delo_id=43&new=0 (дата обращения: 24.03.2025).

да РФ. Вид на жительство иностранному гражданину не выдается потому, что им совершены преступления, относящиеся к категории тяжких, особо тяжких и посягающих на здоровье населения и общественную нравственность, а отказ не зависит от даты осуждения, являясь бессрочной санкцией, а потому ограничение права иностранного гражданина в виде установленного основания отказа в выдаче вида на жительство в конституционно значимых целях мерой какой-либо ответственности не является, а потому не нарушает конституционные права заявителя.

4. *Конституционный Суд России подтвердил соответствие Конституции РФ установления ограничения пассивного избирательного права осужденных к лишению свободы за совершение тяжких и особо тяжких преступлений граждан.* Так, гражданин Б.Б. Гобронидзе просил признать неконституционным подп. «а» п. 32 ст. 4 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»[1]. В соответствии с ним не имеют права быть избранными граждане РФ, осужденные к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений, и имеющие на день голосования на выборах неснятую и непогашенную судимость. Отказывая в принятии жалобы гражданину Б.Б. Гобронидзе, суд, как и в сохраняющем силу постановлении от 10 октября 2013 г. № 20-П, посчитал, что федеральный законодатель «вправе установить повышенные требования к репутации лиц, занимающих публичные должности, с тем чтобы у граждан не рождались сомнения в их морально-этических и нравственных качествах и, соответственно, в законности и бескорыстности их действий»[2], в том числе через введение ограничений пассивного избирательного права. Они нужны для охраны публичной власти от злоупотреблений и криминализации и доверия общества, которое формирует ее легитимность. В отличие от активного избирательного права право быть избранным означает право занимать выборную публичную должность в органах государственной власти и местного самоуправления и наделяться полномочиями по принятию нормативных актов, имеющих юридическую силу для всех граждан, а потому, как говорится в определении Конституционного Суда РФ, для надлежащего функционирования публичного правопорядка к кандидату могут предъявляться более строгие ограничения, чем к избирателям.

Выводы

Рассмотренная практика Конституционного Суда России ориентирует на то, что аннулирование уголовно-правовых последствий при погашении или снятии судимости не означает отказа федерального законодателя от дальнейшего расширения перечня ограничений социальных, избирательных, трудовых и других прав человека, в том числе вводимых пожизненно. Думается, поражение в том или ином праве, за исключением специальных случаев, допускается только для достижения конституционно одобряемых целей и не должно носить массовый, неизбирательный характер. Отдельные ре-

[1] Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федер. закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ: посл. ред. // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_196260/ (дата обращения: 14.03.2025).

[2] Об отказе в принятии к рассмотрению обращения гражданина Гобронидзе Бачука Борисовича на нарушение его конституционных прав статьей 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»: Определение Конституционного Суда РФ от 30.01.2024 № 42-О // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты РФ: сайт. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-30012024-n-42-o/ (дата обращения: 24.03.2025).

шения Конституционного Суда РФ, примеры которых были приведены в работе, со всей очевидностью демонстрируют формальный подход к толкованию норм, ущемляющих граждан в их правах. Правоприменитель толкует нормы-запреты, вводимые законодателем, буквально, ссылаясь на сложившуюся практику применения ограничительных мер органами публичной власти (хотя она может быть порочной), не учитывая того, что некоторые из них изначально носят чрезмерный характер. В некоторых решениях суда ничем, кроме предположений, не мотивируется возможное криминальное поведение ранее судимых граждан, ущемленных в своих правах, не доказывается верность принятых федеральным законодателем новелл, связанных с введением ряда ограничений для них, не учитывается категория, тяжесть и субъективная сторона тех деяний, совершение которых и повлекло за собой судимость. Подобные ограничения конституционных прав и свобод должны отвечать требованиям справедливости, чтобы соответствовать правовому статусу личности в демократическом государстве. Не случайно в последние годы государственная власть смягчает или отменяет многие ограничения, учитывая их негативные стороны, вводит диспозитивный механизм их преодоления. Так, правотворец принял решение об отмене запрета на поступление на службу в органы внутренних дел, в органы Государственной противопожарной службы, а также в органы уголовно-исполнительной системы лиц, в отношении которых прекращено уголовное преследование в связи с деятельным раскаянием. Следует поддержать правоведов и в том, что общеправовые ограничения, возникшие в связи с судимостью, должны подлежать регламентации в специальном акте федерального уровня.

Список литературы

1. Гришко А.Я., Потапов А.М. Амнистия. Помилование. Судимость. М.: Университетская книга, 2010. 288 с.

2. Павлова А.А. Судимость как особое правовое последствие: необходимость или дань традициям? // Аграрное и земельное право. 2022. № 11(215). С. 223–224.

3. Давитадзе М.Д. Уголовно-правовые последствия судимости // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 4. С. 82–84.

4. Чернова Т.Г. Судимость. Ее правовые последствия. Аннулирование судимости. Проблемные вопросы // Марийский юридический вестник. 2002. № 1 (2). С. 22–29.

5. Габдрахманов Ф.В. Прекращение судимости: понятие и его виды // Марийский юридический вестник. 2015. № 1 (12). С. 87–89.

6. Алихаджиева И.С. О соотношении категорий «судимость» и «лицо, впервые совершившее преступление»: теория и судебная практика (на примере ст. 240–241 УК РФ) // Современное право. 2010. № 2. С. 103–106.

7. Пейсикова Е.В., Думан Е.Д. Некоторые вопросы, касающиеся предоставления отсрочки отбывания наказания лицам, больным наркоманией // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 11-1 (122). С. 135–141.

8. Южанин В.Е., Пантюхина И.В. Судимость и рецидив преступлений // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 37. С. 117–130.

9. Яшин А.В. Уголовная ответственность за преступления с признаками специального рецидива // Закон и право. 2022. № 6. С. 223–225.

10. Малков В.М. Освобождение от наказания как основание аннулирования судимости // Уголовное право. 2001. № 3. С. 25–28.

11. Черненко Т.Г. Некоторые проблемные вопросы исчисления сроков судимости // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 36. С. 126–135.

12. Понятовская Т.Г. Порядок исчисления срока погашения судимости – неясность законодательной позиции // Научный портал МВД России. 2022. № 1 (57). С. 57–64.

13. Алихаджиева И.С. Судимость как персональные данные и основание общеправовых ограничений // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 1. С. 65–79.

14. Малимонова М.А. Понятие судимости: подходы к определению, поиск оптимальной дефиниции и попытка ее построения // Вестник экономики, права и социологии. 2021. № 4. С. 88–93.

15. Нечепуренко А.А. Проблема идентификации некарательных правоограничений уголовной ответственности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. № 3 (50). С. 13–19.

16. Зельдов С.И. О понятии судимости // Правоведение. 1972. № 1. С. 61–69.

17. Зельдов С.И. Уголовно-правовые последствия судимости. Орджоникидзе: Сев.-Осет. гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова, 1986. 83 с.

18. Понятовская Т.Г. О понятии судимости и ее институциональном значении // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2022. № 10 (98). С. 37–43.

19. Елинский А.В. Неуголовно-правовые последствия прежней судимости в свете решений Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. 2010. № 7 (163). С. 78–84.

20. Артеменко Н.В., Шимбарева Н.Г. Как работает судимость? // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 4. С. 145–153.

21. Подмарев А.А. Соразмерность как конституционный принцип ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. № 1. С. 83–91.

References

1. Grishko A.Ya., Potapov A.M. Amnesty. A pardon. Criminal record. Moscow: Universitetskaya kniga; 2010, 288 p. (In Russ.)

2. Pavlova A.A. Criminal record as a special legal consequence: necessity or tribute to traditions? *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and land law*. 2022;(11):223-224. (In Russ.)

3. Davitadze M.D. Criminal and legal consequences of a criminal record. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2019;(4):82-84. (In Russ.).

4. Chernova T.G. Criminal record. Its legal consequences. Cancellation of criminal record. Problematic issues. *Marijskij yuridicheskij vestnik = Mari Law Vestnik*. 2002;(1):22-29. (In Russ.)

5. Gabdrahmanov F.V. Termination of criminal record: the concept and its types. *Marijskij yuridicheskij vestnik = Mari Law Vestnik*. 2015;(1):87-89. (In Russ.).

6. Alihadzhieva I.S. On the ratio of the categories "criminal record" and "a person who committed a crime for the first time": theory and judicial practice (on the example of Articles 240-241 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Sovremennoe pravo = Modern law*. 2010;(2):103-106. (In Russ.)

7. Peisikova E.V., Duman E.D. Some issues related to granting a delay in serving sentences to people with drug addiction. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Samara State University*. 2014;(11-1):135-141. (In Russ.).

8. Yuzhanin V.E., Pantyukhina I.V. Criminal record and recidivism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk State University Journal of Law.* 2020;(37):117-130. (In Russ.).

9. Yashin A.V. Criminal liability for crimes with signs of special recidivism. *Zakon i pravo = Justice and Law*. 2022;(6):223-225. (In Russ.).

10. Malkov V.M. Release from punishment as a basis for annulment of a criminal record. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*. 2001;(3):25-28. (In Russ.)

11. Chernenko T.G. Some problematic issues of calculating the terms of criminal record. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk State University Journal of Law.* 2020;(36):126-135. (In Russ.)

12. Ponyatovskaya T.G. The procedure for calculating the repayment period of a criminal record – the ambiguity of the legislative position. *Nauchnyj portal MVD Rossii = Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022;(1):57-64. (In Russ.)

13. Alikhadzhieva I.S. Criminal record as personal data and the basis of general legal restrictions. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024;14(1):65-79. (In Russ.)

14. Malimonova M.A. The concept of criminal record: approaches to definition, search for optimal definition and an attempt to construct it. *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii = Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2021;(4):88–93. (In Russ.)

15. Nechepurenko A.A. The problem of identification of non-punitive legal restrictions on criminal liability. *Nauchnyi vestnik Omskoj akademii MVD Rossii = Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2013;(3):13-19. (In Russ.)

16. Zeldov S.I. On the concept of criminal record. *Pravovedenie = Law studies*.1972;(1):61-69. (In Russ.)

17. Zeldov S.I. Criminal and legal consequences of a criminal record. Ordzhonikidze: North Sev.-Oset. gos. un-t im. K.L. Khetagurova; 1986. 83 p. (In Russ.)

18. Ponyatovskaya T.G. On the concept of criminal record and its institutional significance. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina = Courier of Kutafin Moscow State Law University*. 2022;(10):37-43. (In Russ.)

19. Elinsky A.V. Criminal and legal consequences of a previous criminal record in the light of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Jurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*. 2010;(7):78-84. (In Russ.)

20. Artemenko N.V., Shimbareva N.G. How does a criminal record work? *Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik = North Caucasian Legal Bulletin*. 2021;(4):145-153. (In Russ.)

21. Podmarev A.A. Proportionality as a constitutional principle of limiting human and civil rights and freedoms in the Russian Federation. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya: Seriya Ekonomika. Upravlenie. Pravo = Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*. 2021;(1):83-91. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Павлов Александр Сергеевич, аспирант кафедры уголовного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: Norker46@yandex.ru,
ORCID: 0009-0006-0743-855X

Alexander S. Pavlov, Postgraduate Student of the Department of Criminal Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: Norker46@yandex.ru,
ORCID: 0009-0006-0743-855X

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.9

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-153-164

CC BY 4.0

Насилие в сфере семейно-бытовых отношений: криминологическое исследование по результатам интернет-опроса пользователей

Д.В. Серова[1]✉

[1]Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации
ул. Ярославская, д. 128, г. Краснодар 350005, Российская Федерация

✉e-mail: diana.serova2014@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *Оценка фактического состояния насилия в сфере семейно-бытовых отношений в России является сложной задачей. Статистические данные, предоставляемые правоохранительными органами, хотя и являются важным инструментом статистического анализа, зачастую не в полной мере отражают реальную картину. Для более полной оценки масштабов и характера данной проблемы требуется проведение детального криминологического исследования.*

Целью *исследования является дополнение существующего криминологического знания о состоянии насильственной преступности в сфере семейно-бытовых отношений, а также причинах, ее детерминирующих.*

Задачей *исследования является выявление реального состояния насильственной преступности в сфере семейно-бытовых отношений в России и ее регионах на основе анализа результатов проведенного социологического опроса.*

Методология. *Основой исследования послужил социологический метод – опрос в форме анкетирования. Анализ результатов опроса и формулирование выводов осуществлены с применением общенаучных и частнонаучных методов познания: статистического, системного, формально-логического, анализа и синтеза.*

Результаты. *В статье приведены результаты ответов респондентов на вопросы об их отношении к исследуемой проблеме, осуществлена классификация детерминирующих факторов насилия в сфере семейно-бытовых отношений, проанализирована степень осведомленности участников исследования относительно различных форм его проявления. Проведен анализ мнений относительно легитимности применения насилия в целях воспитания или заботы одних членов семьи о других, а также исследована степень эффективности существующих мер профилактики насилия.*

Выводы. *Результаты исследования демонстрируют корреляционную связь между уровнем официально зарегистрированной преступности в сфере семейно-бытовых отношений в различных федеральных округах и результатами ответов на вопросы анкеты. Выявлена степень доверия респондентов к правоохранительным органам при разрешении случаев насилия в сфере семейно-бытовых отношений.*

Ключевые слова: *интернет-опрос; социальные сети; насилие; семейно-бытовые отношения; насильственная преступность.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Серова Д.В. Насилие в сфере семейно-бытовых отношений: криминологическое исследование по результатам интернет-опроса пользователей // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 3. С. 153–164. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-153-164.

Поступила в редакцию 02.05.2025 Принята к публикации 27.05.2025 Опубликована 16.06.2025

© Серова Д.В., 2025

Violence in the sphere of family and domestic relations: A criminological study based on the results of an online user survey

Diana V. Serova[1] ✉

[1]Krasnodar University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
128 Yaroslavskaya Str., Krasnodar 350005, Russian Federation

✉e-mail: diana.serova2014@yandex.ru

Abstract

Relevance. *Assessing the actual state of domestic violence in Russia is a difficult task. Statistical data provided by law enforcement agencies, although they are an important tool for statistical analysis, often do not fully reflect the real picture. For a more complete assessment of the scale and nature of this problem, a detailed criminological study is required.*

The purpose *of the study is to supplement the existing criminological knowledge about the state of violent crime in the field of family and household relations, as well as the causes that determine it.*

The objectives *of the study are to identify the real state of violent crime in the sphere of family and household relations in Russia and its regions based on the analysis of the results of a sociological survey.*

Methodology. *The research was based on a sociological method – a survey in the form of a questionnaire. The analysis of the survey results and the formulation of conclusions were carried out using general scientific and private scientific methods of cognition: statistical, systematic, formal logical, analysis and synthesis.*

Results. *The article presents the results of respondents' answers to questions about their attitude to the problem under study, classifies the determining factors of violence in the sphere of family and domestic relations, analyzes the degree of awareness of the study participants regarding the various forms of its manifestation. The analysis of opinions on the legitimacy of the use of violence for the education or care of some family members for others has been carried out, and the degree of effectiveness of existing violence prevention measures has been investigated.*

Conclusion. *The results of the study demonstrate a correlation between the level of officially registered crime in the sphere of family and domestic relations in various federal districts and the results of the answers to the questionnaire. The degree of respondents' trust in law enforcement agencies in resolving cases of violence in the sphere of family and domestic relations was revealed.*

Keywords: *Internet survey; social networks; violence family and domestic relations; the state of violent crime in the sphere of family and domestic relations.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Serova D.V. Violence in the sphere of family and domestic relations: A criminological study based on the results of an online user survey. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(3):153–164. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-153-164.

Received 02.05.2025 Accepted 27.05.2025 Published 16.06.2025

***

Введение

Проблема насилия в сфере семейно-бытовых отношений является объектом пристального внимания исследователей, поскольку она затрагивает основополагающие права человека и угрожает стабильности не только института семьи, но и всего современного российского общества. Согласно криминологическим исследованиям, насилие в сфере семейно-бытовых является глобальным социальным феноменом [1]. Однако интенсивность и специфика проявления данного явления существенно различается в зависимости от территориальных и социокультурных особенностей [2, с. 73]. Одним из проблемных аспектов исследования является трудность в оценке масшта-

бов насилия в сфере семейно-бытовых отношений, связанная с недостаточной информативностью официальных сайтов государственных и правоохранительных органов относительно данных преступлений, а также с разрозненностью имеющихся сведений с другими (негосударственными) источниками [3, с. 31]. Также необходимо учитывать, что официальные данные не могут в полной мере отражать реальную картину преступности ввиду ее латентности [4, с. 18]. Для формирования полноценного представления о сложившейся ситуации проведен детальный анализ масштабов насилия в сфере семейно-бытовых отношений с применением комплекса криминологических методов, включая статистический анализ и проведения опроса различных демографических групп.

Методология

Настоящее исследование основывается на методе социологического опроса, который используется в качестве одного из инструментов получения достоверной картины состояния насильственной преступности в сфере семейно-бытовых отношений. В период с января по апрель 2025 г. был проведен анонимный интернет-опрос в формате анкетирования пользователей социальных сетей, в котором приняли участие 1008 респондентов. Выборка участников исследования осуществлялась по их профилям в социальной сети «ВКонтакте» с учетом пола, возраста и места проживания. Исследовательская группа связывалась с потенциальными участниками, объясняла цели исследования и предлагала пройти анкету по ссылке. Анкета была размещена на платформе для онлайн-исследований simpoll.ru.

Задачей членов исследовательской группы являлся анализ содержания личной страницы потенциального респондента. Критериями отбора являлись регулярность обновлений страницы, наличие фотографий и публикаций на «стене». Только при соблюдении этих условий пользователю направлялось приглашение к участию в опросе. Эффективность подобных методик опроса ранее была доказана в криминологических исследованиях явлений, объективная оценка которых затруднена по различным причинам [5]. Особенно продуктивным данный метод оказывается при исследовании явлений, обладающих высокой степенью латентности [6].

Анкета состояла из двух блоков. Первый блок включал вопросы, направленные на выявление субъективного отношения респондентов к проблеме насилия в сфере семейно-бытовых отношений и современного состояния преступности в данной сфере (14 вопросов). Второй блок анкеты был ориентирован на исследование некоторых личностных характеристик опрашиваемых (возраст, пол, образование, место проживания, семейное положение, состав семьи, в которой опрашиваемый воспитывался, – 8 вопросов).

С помощью статистического анализа определено количественное состояние насилия в сфере семейно-бытовых отношений, а также выявлена корреляционная связь между уровнем преступности в данной сфере и результатами ответов на вопросы анкеты.

Использование таких методов познания, как системный подход, формально-логический анализ, а также методы анализа и синтеза позволили описать результаты, систематизировать материал и сформулировать выводы, отражающие современное состояние насильственной преступности в сфере семейно-бытовых отношений.

Результаты и их обсуждение

Анализ личностных характеристик респондентов позволил собрать следующие сведения. В исследовании приняли участие 40% мужчин и 60% женщин. Опрошены пользователи из пяти возрастных групп: до 18 лет (12%), 18–

24 года (37%), 25–35 лет (22%), 36–49 лет (20%), 50 лет и старше (9%). Преимущественный выбор респондентов в возрасте 18–49 лет (почти 80% от всех опрошенных) обусловлен тем, что данный возрастной диапазон охватывает ключевые этапы жизненного цикла, в том числе сепарацию от родительской семьи, создание собственных семейных пар, рождение детей. Данный аспект позволяет сделать вывод о том, что значительная часть выборки находится в активной фазе социализации и социально-экономического становления. Это может оказывать существенное влияние на их личностные характеристики и поведенческие паттерны, особенно в сфере семейно-бытовых отношений, что представляет наибольший исследовательский интерес.

Среди опрошенных 53% составили лица с высшим образованием, 24% – со средним профессиональным, 15% – со средним общим, 6% – с основным общим, 2% – без образования.

Лица, проживающие в областных, краевых, республиканских центрах, составили 25% опрошенных, жители городов федерального значения – 24%, крупных городов (более 100 тыс. жителей), не являющихся региональным центром и городом федерального значения, – 22%, сельской местности – 18%, небольших городов (менее 100 тыс. жителей) – 11%.

43% респондентов указали свое семейное положение как холост / не замужем, 36% состоят в браке, по 7% опрошенных находятся в романтических отношениях с парнем / девушкой без совместного проживания и разведены, 5% сожительствуют с партнером без официальной регистрации отношений, 2% находятся в конфессиональном браке (обряд никах, венчание и т. д.) без официальной регистрации.

60% опрошенных отметили, что не имеют детей, 31% воспитывают детей совместно с супругом / супругой, 7% воспитывают самостоятельно, у 2% респондентов есть дети, однако в воспитании они не участвуют.

На вопрос о том, в какой семье воспитывались, респонденты ответили следующим образом: 83% воспитывались в полной семье (семья с детьми, где есть оба родителя), 13% воспитывались в неполной семье (детей воспитывает один родитель), 2% воспитывались другими членами семьи (бабушкой, дедушкой и т. д.), по 1% респондентов воспитывались в приемной семье (в случае удочерения / усыновления) и детском доме.

Исследованием были охвачены 61 субъект Российской Федерации. Результаты анализировались в рамках федеральных округов, благодаря чему стало возможным изучение возможной взаимосвязи между уровнем преступности в сфере семейно-бытовых отношений и полученными результатами. Удельный вес опрошенных с разных территорий следующий: Центральный федеральный округ – 15% (коэффициент насильственной преступности в сфере семейно-бытовых отношений (далее – Кф), рассчитанный на 100 тыс. населения по статистическим данным 2024 г., равен 11,8); Северо-Западный федеральный округ – 14% (Кф = 17,9); Южный федеральный округ – 22% (Кф = 17,6); Северо-Кавказский федеральный округ – 24% (Кф = 6,5); Приволжский федеральный округ – 6% (Кф = 28,6); Уральский федеральный округ – 4% (Кф = 39,8); Сибирский федеральный округ – 5% (Кф = = 39,5); Дальневосточный федеральный округ – 10% (Кф = 37)[1].

В начале опроса респондентам предлагалось выразить свое мнение о том, является ли проблема насилия в сфере семейно-бытовых отношений актуальной

[1] Коэффициент насильственной преступности в сфере семейно-бытовых отношений рассчитан на основе данных сводных отчетов ГИАЦ МВД России по федеральным округам России за 2021–2024 гг. «О профилактической работе органов внутренних дел» (форма 578).

для нашей страны. Результаты опроса показали, что 73% опрошенных считают данную проблему актуальной, 20% не задумывались над этим вопросом, а 7% респондентов дали отрицательный ответ. Наибольшее количество респондентов, которые считают исследуемую проблему актуальной для нашей страны, проживают в Сибирском (79%) и Южном (78%) федеральных округах. Больше всего опрошенных, не считающих данную проблему актуальной, из Приволжского федерального округа (10%). Среди лиц, которые не задумывались об актуальности данной проблемы для нашей страны, больше всего респондентов из Уральского (30%) и Северо-Кавказского (27%) федеральных округов.

66% опрошенных считают проблему насилия в сфере семейно-бытовых отношений проблемой всего российского общества, требующей активных действий по его предупреждению со стороны государства и общественных организаций, 29% считают, что данная проблема – это личная проблема каждой семьи (все проблемы в семье следует решать «за закрытыми дверями»), 4% не считают проблемой. Большинство респондентов, которые считают исследуемую проблему проблемой всего российского общества, проживают в Дальневосточном (75%), Южном (70%) и Центральном (69%) федеральных округах. Среди опрошенных, которые считают проблему насилия в сфере семейно-бытовых отношений внутрисемейным вопросом, больше всего опрошенных из Приволжского (38%) и Северо-Западного (36%) федеральных округов. Примечательно, что только в Уральском федеральном округе все респонденты признают существование данной проблемы. В ходе гендерного анализа было установлено, что среди женщин (74%) больше, чем среди мужчин (54%), респондентов, рассматривающих проблему насилия в семейно-бытовой сфере как глобальную. Также стоит отметить, что среди респондентов больше мужчин, чем женщин, считающих проблему насилия в сфере семейно-бытовых отношений личной проблемой каждой семьи (39% против 23%) и не признающих данную проблему вовсе (7% против 2%).

Далее респондентам было предложено заполнить вопрос-матрицу, основываясь на их мнении о том, какие причины чаще всего провоцируют насилие в сфере семейно-бытовых отношений. Участникам опроса были представлены детерминанты, которые могут провоцировать насилие в семейно-бытовой сфере, и предложено оценить степень их распространённости, выбрав один из вариантов: «чаще остальных», «часто», «иногда», «редко» или «никогда».

На основании полученных данных представляется возможным классифицировать причины насилия в сфере семейно-бытовых отношений в зависимости от их частоты проявления, начиная с наиболее распространенных и заканчивая менее встречаемыми: злоупотребление алкоголем (чаще остальных – 67%, часто – 24%, иногда – 6%, редко – 1%, никогда – 2%); проявление личностных особенностей агрессора (чаще остальных – 39%, часто – 40%, иногда – 16%, редко – 3%, никогда – 2%); трудности и недопонимание в отношениях, конфликты, ссоры (чаще остальных – 29%, часто – 45%, иногда – 20%, редко – 4%, никогда – 2%); опыт насилия в родительской семье (чаще остальных – 29%, часто – 41%, иногда – 22%, редко – 4%, никогда – 4%); материальная зависимость от партнера / члена семьи (чаще остальных – 23%, часто – 36%, иногда – 29%, редко – 8%, никогда – 3%); особенности поведения «жертвы» насилия (провокации со стороны потерпевшего) (чаще остальных – 21%, часто – 35%, иногда – 31%, редко – 8%, никогда – 5%); финансовые трудности (чаще остальных – 20%, часто – 38%, иногда – 31%, редко – 8%, никогда – 2%); нормы и традиции отдельных этнических групп (чаще остальных – 20%, часто – 34%, иногда – 30%, редко – 10%, никог-

да – 6%); демонстрация насилия и агрессивного поведения в СМИ, сети Интернет, медиа (чаще остальных – 20%, часто – 31%, иногда – 32%, редко – 12%, никогда – 5%); неудачи и проблемы, происходящие вне семьи (чаще остальных – 17%, часто – 35%, иногда – 36%, редко – 10%, никогда – 3%). Настоящее исследование вновь подтверждает ключевую роль алкоголя как фактора, способствующего совершению насильственных преступлений в сфере семейно-бытовых отношений. Данный вывод подтверждается не только статистическими данными[1], но и криминологическими исследованиями [7, с. 171].

Следующий по частоте встречаемости детерминирующий фактор, выявленный в ходе исследования – личностные особенности агрессора. Этот аспект часто отмечается в научной литературе как ключевой фактор насилия в сфере семейно-бытовых отношений [8, с. 171]. В контексте анализа конфликтных ситуаций в сфере семейно-бытовых отношений стоит отметить, что одной из причин их возникновения является процесс феминизации общества. Этот процесс сопровождается изменением традиционных и гендерных ценностей, появлением альтернативных моделей поведения и ролей в семье, что, в свою очередь, может вызывать разногласия, приводящие к конфликтам [9, с. 30].

Далее респондентам предлагалось дополнить перечень причин, детерминирующих насилие в сфере семейно-бытовых отношений. Из 526 ответов самыми популярными оказались причины, связанные с проблемами во взаимоотношениях – 45%. Встречались следующие ответы респондентов: «недопонимание между детьми и родителями», «разногласия в быту», «различные взгляды», «неприятие партнёра и плохие отношения между супругами», «неправильный выбор партнера», «ревность», «не проявление друг к другу уважения», «измены», «отсутствие любви в семье», «замалчивание проблем» и т. д. К причинам, провоцирующим насилие в сфере семейно-бытовых отношений, 21% опрошенных отнесли различные зависимости: злоупотребление наркотическими и психотропными веществами, компьютерные и азартные игры. Государственные, общественные и культурные факторы составили 14% ответов. Наиболее популярные: «стереотип “Бьет – значит, любит!”», «гендерные нормы», «безразличие участковых», «уверенность в безнаказанности и восприятие насилия в обществе в целом как нормы», «безнаказанность со стороны государства», «игнорирование проблемы со стороны работников правоохранительных органов и судебной системы», «низкий уровень правосознания, низкие моральные устои», «обстановка в обществе, оправдание насилия на Кавказе». 9% опрошенных указали, что ненадлежащее воспитание является одним из ключевых факторов, способствующих насилию в сфере семейно-бытовых отношений (встречались следующие ответы: «неправильное воспитание», «отсутствие психологического и эмоционального воспитания у молодых людей», «пример со стороны родителей / родственников»). Экономические факторы, такие как «финансовое положение», «бедность», «безработица», указали 8% респондентов. Еще 4% участников опроса к факторам, провоцирующим насилие в сфере семейно-бытовых отношений, отнесли психологические свойства личности, такие как «стресс», «неумение постоять за себя у жертвы», «травмы детства», «злость». Важно подчеркнуть, что различные по происхождению причины способны взаимообуславливать друг друга в зависимости от того, где они существуют – в какой культуре, в каком социальном слое, в каком регионе [10, с. 196].

[1] См.: Сводные отчеты ГИАЦ МВД России по России за 2021–2024 гг. «О профилактической работе органов внутренних дел» (форма 578).

Следующий вопрос анкеты был направлен на определение степени осведомленности участников опроса относительно различных форм проявления насилия в сфере семейно-бытовых отношений. Респондентам был представлен перечень форм насилия в исследуемой сфере, и им нужно было выбрать те формы, которые они относят к данному виду насилия. Самый частый ответ (17%) – физическое насилие (нанесение пощечин, пинков, толчков, укусов, различного рода ударов с применением оружия / подручных средств и без такового и т. д.), повлекшее физический вред здоровью. По 13% респондентов указали на такие формы насилия, как удержание в замкнутом пространстве против воли, насильственную изоляцию от внешнего мира и физическое насилие, не повлекшее физический вред здоровью, однако причинившее физическую боль и страдания. По 12% опрошенных выделили нефизическое насилие: угрозы, оскорбления, унижения, преследование и т. д., а также совершение действий сексуального характера с несовершеннолетними членами семьи. Еще 11% респондентов отметили действия сексуального характера с партнером против его желания. По 8% опрошенных к формам насилия в сфере семейно-бытовых отношений отнесли препятствие желанию работать, поддерживать связь с родственниками, друзьями и уничтожение / повреждение имущества члена семьи. Наименьший процент опрошенных (6%) выделили такие формы насилия, как требование отчета о финансовых тратах, ограничение в пользовании личным имуществом члена семьи. Проведенное исследование выявило высокий уровень осведомленности респондентов о различных формах насилия в сфере семейно-бытовых отношений. Данный показатель может указывать на повышенный интерес участников опроса к изучаемой теме, что свидетельствует о ее высокой социальной значимости и подтверждает актуальность исследуемой проблематики.

В следующем вопросе участникам опроса предлагалось вспомнить об известных им случаях насилия. Наибольшее число опрошенных (39%) сталкивались с информацией о случаях насилия в сфере семейно-бытовых отношений в СМИ и сети Интернет, что не удивительно, поскольку достаточно часто в новостных сводках можно увидеть статьи о вопиющих случаях насилия по отношению к близким. 21% респондентов подтвердили, что такие случаи имеют место в их окружении, но не в их семье. Аналогичный процент опрошенных отметили, что ничего не слышали о таких случаях в своем окружении. 7% респондентов сообщили о том, что насилие имело место в семьях, где они выросли. 5% опрошенных отметили, что насилие имеет место быть в их семьях без их участия. По 4% опрошенных указали, что насилие в сфере семейно-бытовых отношений происходит в отношении них и что они сами могут применять насилие в отношении членов своей семьи. Реже всего в своем жизненном опыте с насилием в сфере семейно-бытовых отношений сталкивались респонденты из Уральского (9% опрошенных сталкивались с насилием в семьях, где выросли; по 2% респондентов указали, что насилие имеет место быть в их семьях в отношении них самих и в отношении других членов семьи, и 2% опрошенных сами применяют насилие в отношении членов семьи) и Северо-Кавказского (6% опрошенных сталкивались с насилием в семьях, где выросли; по 3% респондентов указали, что насилие имеет место быть в их семьях в отношении них самих и в отношении других членов семьи, и всего 1% опрошенных сами могут применять насилие в отношении членов семьи) федеральных округов. Кроме того, доля участников опроса из Северо-Кавказского федерального округа, никогда не сталкивавшихся с проявлениями насилия в семьях и ближайшем

окружении, оказалась наиболее значительной и составила 26%. Напротив, чаще всего (по 6%) с насилием в семьях, но без личного участия, сталкиваются респонденты из Центрального, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов. Наибольшая доля опрошенных, склонных к применению насилия в отношении близких, проживают в Дальневосточном (6%) и Северо-Западном (5%) федеральных округах. Анализ данных опроса, проведенный с учетом гендерной принадлежности респондентов, выявил различия в склонности к применению насилия в сфере семейно-бытовых отношений. В частности, среди опрошенных мужчин доля тех, кто склонен к такому поведению, составляет 5%, тогда как среди женщин этот показатель равен 3%.

Следующий этап опроса был направлен на определение возможной реакции респондентов на такое насилие, а также для выявления их стратегий поиска помощи в подобных ситуациях. Самый частый вариант ответа, независимо от территориальной принадлежности – в правоохранительные органы (39%). Следующий по популярности ответ – к родственникам (27%). 13% обратились бы к психологу / социальному работнику, 12% – к друзьям, и 9% не стали бы никуда обращаться. Наибольший процент респондентов, которые не намерены обращаться за помощью, зафиксирован среди населения Южного (12%) и Северо-Кавказского (10%) федеральных округов. В южных регионах Российской Федерации отмечается высокая степень приверженности традиционным семейным ценностям и патриархальному образу жизни. Особое значение имеют принцип коллективизма, семейные приоритеты и традиционные представления о гендерных ролях. Распространено мнение, что вопросы, касающиеся внутрисемейных отношений, являются исключительно внутренним делом семьи, и вмешательство третьих лиц считается неприемлемым [11, с. 164]. Во многих семьях взаимодействие с государственными органами ассоциируется с негативными последствиями, такими как ухудшение отношений внутри семьи или общественное порицание. Данная система взглядов может приводить к сокрытию фактов насилия, появлению незаявленных в правоохранительные органы случаев, что влечет за собой повышение уровня латентной преступности [12, с. 111].

Проведя анализ ответов респондентов на вопрос о том, обращались ли они за помощью в случае произошедшего насилия, можно выделить две категории: те, кто обращался в правоохранительные органы (45%), и те, кто этого не делал (55%). Данная классификация позволяет провести более глубокий анализ поведения и реакции пострадавших на акты насилия, а также выявить возможные факторы, влияющие на их решение о не привлечении силовых структур к разрешению возникшей ситуации. Участники опроса, проживающие в Приволжском, Северо-Западном, Южном и Уральском федеральных округах, для решения проблем насилия в сфере семейно-бытовых отношений чаще прибегали к помощи правоохранительных органов. Жители Северо-Кавказского (66%), Сибирского (60%) и Центрального (65%) федеральных округов преимущественно обращались к родственникам, друзьям или психологу либо замалчивали о происходящем насилии. Мотив отказа от обращения в правоохранительные органы может быть обусловлен низким уровнем доверия к полиции. Однако такое отношение может быть вызвано и дефицитом знаний общественности о реальных показателях преступности и отсутствием понимания работы полиции. Изменению сложившейся тенденции может служить внедрение комплекса мер по информированию общества о состоянии преступности в сфере семейно-бытовых отношений, а также о результатах и методах работы правоохранительных органов в этом направлении [13, с. 122].

Следующий вопрос был задан респондентам с целью выяснения их мнения относительно легитимности применения насилия в целях воспитания или заботы одних членов семьи о других. Подавляющее большинство респондентов (76%) выразили категорическое несогласие с применением насилия в любых формах. 14% опрошенных считают допустимым применение единичных случаев насилия, и 9% выразили мнение о том, что насилие может быть оправдано воспитательными целями. Необходимо отметить, что среди респондентов, имеющих детей, доля тех, кто оправдывает применение насилия в воспитательных целях, несколько ниже, чем среди респондентов без детей (9% против 10%). Также в ходе исследования выявлены определенные региональные различия относительно применения насильственных методов воспитания. Согласно проведенному анализу, в Северо-Западном (11%), Южном (11%) и Дальневосточном (12%) федеральных округах зафиксировано наибольшее количество тех, кто готов использовать насилие в качестве воспитательных мер. Эти результаты могут свидетельствовать о наличии определенных социокультурных особенностей, влияющих на восприятие допустимости насильственных методов в воспитательном процессе в данных регионах. Наиболее терпимо к единичным проявлениям насилия относятся жители Уральского (23%) и Сибирского (21%) федеральных округов. Мужская часть опрошенных, в отличие от женской, демонстрирует более гибкую позицию в отношении применения насилия, допуская возможность его использования в единичных случаях (18% против 12%), а также в качестве воспитательных мер (14% против 6%).

В продолжение исследования респондентам было предложено заполнить вопрос-матрицу, основываясь на их мнении о том, какие меры по профилактике насилия в сфере семейно-бытовых отношений являются наиболее действенными. Участникам опроса были представлены различные меры и предложено оценить степень их эффективности, выбрав один из вариантов: «наиболее эффективно», «эффективно», «менее эффективно», «неэффективно».

На основании полученных данных представляется возможным классифицировать меры по профилактике насилия в сфере семейно-бытовых отношений в зависимости от их эффективности, начиная с наиболее эффективных и заканчивая менее эффективными: ужесточение ответственности, усиление наказания по фактам применения насилия в сфере семейно-бытовых отношений (наиболее эффективно – 73%, эффективно – 20%, менее эффективно – 4%, неэффективно – 3%); создание кризисных центров, бесплатных приютов для пострадавших от насилия в сфере семейно-бытовых отношений (наиболее эффективно – 51%, эффективно – 38%, менее эффективно – 7%, неэффективно – 4%); бесплатное консультирование с семейным психологом (наиболее эффективно – 48%, эффективно – 36%, менее эффективно – 11%, неэффективно – 4%); проведение участковым уполномоченным полиции профилактических бесед с семейными дебоширами (наиболее эффективно – 46%, эффективно – 36%, менее эффективно – 11%, неэффективно – 7%); пропаганда нетерпимого отношения к насилию в СМИ (наиболее эффективно – 40%, эффективно – 42%, менее эффективно – 13%, неэффективно – 5%); работа телефонов доверия, дистанционных служб психологической помощи (наиболее эффективно – 40%, эффективно – 40%, менее эффективно – 15%, неэффективно – 5%); семейная медиация (примирение сторон) (наиболее эффективно – 36%, эффективно – 41%, менее эффективно – 16%, неэффективно – 7%). Выявленная тенденция может свидетельствовать о том, что ужесточение мер уголовной и административной ответственности рассматривается респондентами как наибо-

лее эффективный инструмент по сокращению числа насильственных преступлений в сфере семейно-бытовых отношений, что ранее также отмечалось в научных исследованиях [14, с. 376].

В завершение проведенного исследования была выявлена степень осведомленности респондентов о существующих в их регионе программ и мерах по предотвращению насилия в сфере семейно-бытовых отношений. Анализ результатов показал, что треть опрошенных не проявляла интереса к региональным мерам, и только 8% активно их использовали. При этом 5% респондентов остались удовлетворенными оказанными мерами, 3% отметили их недейственность.

В рамках настоящего исследования подтвердилась описанная в научной литературе тенденция к более высокой склонности мужчин к проявлению насилия в сфере семейно-бытовых отношений по сравнению с женщинами [15, с. 10].

Выводы

Результаты исследования демонстрируют корреляционную связь между уровнем официально зарегистрированной преступности в сфере семейно-бытовых отношений и результатами ответов на вопросы анкеты. Так, в Уральском и Сибирском федеральных округах, где за 2024 г. зафиксированы самые высокие коэффициенты преступности в сфере семейно-бытовых отношений в России (39,8 и 39,5 соответственно), по результатам анкетирования установлена наибольшая доля лиц, допускающих применение единичных случаев насилия в сфере семейно-бытовых отношений. В Дальневосточном федеральном округе (следующий по величине коэффициент – 37) проживает наибольшая доля опрошенных, склонных к насилию в сфере семейно-бытовых отношений, а также лиц, сталкивающихся с ним. Напротив, в Северо-Кавказском федеральном округе зафиксирован самый низкий коэффициент преступности в сфере семейно-бытовых отношений в России (6,5), по результатам анкетирования установлена наименьшая доля лиц, сталкивавшихся с насилием в сфере семейно-бытовых отношений, и применяющих его. Однако данный федеральный округ оказался лидирующим в стремлении сокрытия фактов такого насилия, что может свидетельствовать о высокой степени латентности этого вида преступности в регионе.

Полученные в ходе исследования результаты могут быть применены в качестве дополнительного источника эмпирической информации при изучении криминологических показателей насилия в сфере семейно-бытовых отношений, а также в качестве методологической базы при разработке мер предупреждения преступности данного вида.

Список литературы

1. Очередько В.П., Ломтев С.П., Харламов В.С. География криминального супружеского насилия в современной России // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, № 4. С. 666-676.

2. Ильяшенко А.Н. Борьба с насильственной преступностью в семье: монография / под ред. П. Г. Пономарева. М.: ВНИИ МВД России, 2002. 234 с.

3. Квашис В.Е., Случевская Ю.А. Правовая защита семейных отношений (к законопроекту о семейно-бытовом насилии) // Научный портал МВД России. 2020. № 1 (49). С. 30-34.

4. Квашис В.Е., Генрих НВ. Сравнительный анализ латентной преступности в России и зарубежных странах: проблемы методологии и методики // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2 (36). С.17-21.

5. Соловьев В.С. Угрозы безопасности образовательных организаций (криминологическое исследование по результатам анонимного интернет-опроса обучающихся) // Вестник Томского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 43. С. 97-113.

6. Соловьев В.С. Криминологическая оценка масштабов потребления и оборота наркотиков // Государство и право. 2024. № 6. С. 128-136.

7. Зелик В.А., Яблочкин А.Е. Особенности семейно-бытовых преступлений, совершаемых в состоянии опьянения // Общество и право. 2014. № 4 (50). С. 170-174.

8. Антонян Ю.М. Причины насилия в семье // Пенитенциарная наука. 2020. № 14(2). С. 167-176.

9. Антонян Ю.М., Тимошина Е. М. Убийства в семье // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 1. С. 27-37.

10. Михайлова Е.В. Особенности причинного комплекса семейно-бытовой преступности в России // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 3(90). С. 195-201.

11. Абдулаева З.З. Трансформация института семьи в регионах Юга России: факторы, тенденции и специфика // Народонаселение. 2024 Т. 27, № 4. С. 163-178.

12. Иншаков С.М. Латентная преступность как объект исследования // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2009. № 16. С. 107-130.

13. Зуева О.В. Влияние средств массовой информации на доверие граждан к полиции: стратегии эффективной коммуникации // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2025. № 17 (1). С. 114-127.

14. Шикула И.Р., Каменева З.В., Краснова К.А. К вопросу эффективности защиты женщин от домашнего насилия: проблемы уголовно-правового регулирования // Образование и право. 2023. № 5. С. 372-377.

15. Клёцина И.С., Иоффе Е.В. Гендерный подход в анализе причин проявления насилия в близких отношениях между мужчинами и женщинами // Женщина в российском обществе. 2015. № 1 (74). С. 4-17.

References

1. Ochered'ko V.P., Lomtev S.P., Kharlamov V.S. Geography of criminal marital violence in modern Russia. *Vserossiiskij kriminologicheskij zhurnal = All-Russian Journal of Criminology*. 2017;11(4):666-676. (In Russ.)

2. Il'yashenko A.N. Combating violent crime in the family. Moscow: VNII MVD Rossii; 2002. 234 p. (In Russ.)

3. Kvashis V.E., Sluchevskaya Yu.A. Legal protection of family relations (to the draft law on domestic violence). *Nauchnyj portal MVD Rossii = Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020;(1):30-34. (In Russ.)

4. Kvashis V.E., Genrikh NV. Comparative analysis of latent crime in Russia and foreign countries: problems of methodology and methodology. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2017;(2):17-21. (In Russ.)

5. Solov'ev V.S. Threats to the security of educational institutions (criminological research based on the results of an anonymous online survey of students). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of Tomsk State University. Series: Law*. 2022;(43):97-113. (In Russ.)

6. Solov'ev V.S. Criminological assessment of the scale of drug consumption and trafficking. *Gosudarstvo i pravo = State and law*. 2024;(6):128-136. (In Russ.)

7. Zelik V.A., Yablochkin A.E. Features of domestic crimes committed while intoxicated. *Obshchestvo i pravo = Society and law*. 2014;(4):170-174. (In Russ.)

8. Antonyan Yu.M. Causes of domestic violence. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020;(4):167-176. (In Russ.)

9. Antonyan Yu.M., Timoshina E.M. Murders in the family. *Vestnik Moskovskogo univer-siteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022;(1):27-37. (In Russ.)

10. Mikhailova E.V. Features of the causal complex of family and domestic crime in Russia. *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii = Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023;29(3):195-201. (In Russ.)

11. Abdulaeva Z.Z. Transformation of the family institution in the regions of Southern Russia: factors, trends and specifics. *Narodonaselenie = Population*. 2024;27(4):163-178. (In Russ.)

12. Inshakov S.M. Latent crime as an object of research. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra = Criminology: yesterday, today, tomorrow*. 2009;(16):107-130. (In Russ.)

13. Zueva O.V. The influence of mass media on citizens' trust in the police: strategies for effective communication. *Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta = Bulletin of the Maikop State Technological University*. 2025;(17):114-127. (In Russ.)

14. Shikula I.R., Kameneva Z.V., Krasnova K.A. On the effectiveness of protecting women from domestic violence: problems of criminal law regulation. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*. 2023;(5):372-377. (In Russ.)

15. Kletsina I.S., Ioffe E.V. The gender approach in the analysis of the causes of violence in close relationships between men and women. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve = Women in Russian society*. 2015;(1):4-17. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Серова Диана Вадимовна, адъюнкт, Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Краснодар, Российская Федерация,
e-mail: diana.serova2014@yandex.ru,
ORCID: 0009-0008-6904-4921,
Researcher ID: NFR-8877-2025

Diana V. Serova, Adjunct, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Krasnodar, Russian Federation,
e-mail: diana.serova2014@yandex.ru,
ORCID: 0009-0008-6904-4921,
Researcher ID: NFR-8877-2025

ПОЛИТОЛОГИЯ

POLITICAL SCIENCE

Оригинальная статья / Original article

УДК 327.5

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-165-176

CC BY 4.0

Концепт Союзного государства России и Белоруссии как альтернатива современным неоимперским проектам

В.А. Ливцов[1]✉, А.Л. Музалевский[1]

[1]Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
ул. Октябрьская, д. 12, г. Орёл 302028, Российская Федерация

✉e-mail: Justmesunny1211@gmail.com

Резюме

Актуальность. *В условиях трансформаций многополярного мира актуализируется вопрос о наиболее эффективных путях и методах межгосударственной интеграции стран и народов планеты.*

Целью исследования *выступает анализ концептуальной основы современных международных интеграционных проектов с участием Российской Федерации.*

Задачами исследования *являются: систематизация научных преставлений о методах и направлениях межгосударственной интеграции в условиях многополюсного мира, определение потенциала и перспектив неоимперских геополитических проектов в период глобализации, уточнение значения концепции Союзного государства в деле построения нового мирового порядка.*

Методология. *При решении задач исследования нашли применение структурно-функциональный, исторический, компаративистский методы. Для уточнения роли неоимперских геополитических проектов в эволюции современного мирового порядка использовались диалектический подход, принципы и положения конфликтологического и конструктивистского научных методов. В целях аналитической обработки эмпирических источников применялся метод контент-анализа.*

Результаты исследования. *Столкновение политико-экономических интересов ведущих мировых держав и транснациональных акторов побуждает участников мирового политического процесса к поиску эффективных форм и технологий геополитической борьбы. Одной из них выступает применение концепта неоимперской гегемонии в целях консолидации союзных и подконтрольных государств вокруг какого-то из претендентов на мировую или региональную гегемонию. Ряд исследователей аргументирует наличие неоимперского потенциала в реализации проекта Союзного государства России и Белоруссии.*

Выводы. *Выявлены существенные отличия между инициированными атлантическими элитами проектами неоимперской внешней политики и форматом современной российско-белорусской интеграции. Определено, что принципиальным параметром создания объединения России и Белоруссии выступает соблюдение принципов равноправия и прагматизма в двусторонних отношениях. Аргументируется перспектива превращения опыта создания Союзного государства в пример для формирования интеграционных инициатив в различных регионах земного шара.*

Ключевые слова: *международные отношения; империя; неомперский проект; интеграция; Союзное государство; договор; постсоветское пространство.*

Конфликт интересов: *Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Ливцов В.А., Музалевский А.Л. Концепт Союзного государства России и Белоруссии как альтернатива современным неоимперским проектам // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 3. С. 165–176. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-165-176.

Поступила в редакцию 28.04.2025 Принята к публикации 29.05.2025 Опубликована 16.06.2025

© Ливцов В.А., Музалевский А.Л., 2025

The concept of the Union State of Russia and Belarus as an alternative to modern neo-Imperial projects

Victor A. Livtsov[1]✉, Alexander L. Muzalevsky[1]

[1]Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Central Russian Institute of Management-RANEPA branch)
12 Oktyabrskaya Str., Orel 302028, Russian Federation

✉e-mail: Justmesunny1211@gmail.com

Abstract

Relevance. *In the context of transformations of the multipolar world, the issue of the most effective ways and methods of interstate integration of countries and peoples of the planet is becoming more relevant.*

The purpose *of the study is to analyze the conceptual basis of modern international integration projects with the participation of the Russian Federation.*

The objectives *of the study are: systematization of scientific ideas about the methods and directions of interstate integration in the context of a multipolar world, determination of the potential and prospects of neo-imperial geopolitical projects in the period of globalization, clarification of the meaning of the concept of the Union State in building a new world order.*

Methodology. *In solving the problems of the study, structural-functional, historical, comparative methods were used. To clarify the role of neo-imperial geopolitical projects in the evolution of the modern world order, a dialectical approach, principles and provisions of conflictological and constructivist scientific methods were used. For the purpose of analytical processing of empirical sources, content analysis methods were used.*

Results. *The clash of political and economic interests of the leading world powers and transnational actors encourages participants in the world political process to search for effective forms and technologies of geopolitical struggle. One of them is the application of the concept of neo-imperial hegemony for the purpose of consolidating allied and controlled states around one of the contenders for global or regional hegemony. A number of researchers argue for the presence of neo-imperial potential in the implementation of the project of the Union State of Russia and Belarus.*

Conclusions. *Significant differences have been identified between the projects of neo-imperial foreign policy initiated by the Atlantic elites and the format of modern Russian-Belarusian integration. It has been determined that the fundamental parameter for the creation of the unification of Russia and Belarus is compliance with the principles of equality and pragmatism in bilateral relations. The prospect of turning the experience of creating the Union State into an example for the formation of integration initiatives in various regions of the globe is argued.*

Keywords: *international relations; empire; non-imperial project; integration; Union State; treaty; post-Soviets pace.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Livtsov V.A., Muzalevsky A.L. The concept of the Union State of Russia and Belarus as an alternative to modern neo-Imperial projects. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(3):165–176. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-165-176.

Received 28.04.2025 Accepted 29.05.2025 Published 16.06.2025

***

Введение

В геополитической ситуации второй четверти XXI столетия вновь становится актуальным рассмотрение роли многочисленных интеграционных проектов, призванных обеспечить продвижение интересов влиятельных мировых акторов в условиях глобализации планеты. На фоне последней отмечается принципиальное преобразование принципа национально-этнической субъективации индивидов и социальных групп. Таковой доминировал в период двухполярного мира, подверга-

ясь существенным трансформациям в новых геополитических реалиях. В общем виде замыслы и стратегии по расширению и преобразованию зон геополитического влияния конкретных государств иногда обозначаются как «неоимперские проекты». При этом совсем недавно сам термин «империя» содержал однозначно негативные оценки в гуманитарном знании и в политической теории. Большинством исследований феномен мировых империй объясняется в качестве субъекта международных отношений, нацеленного на региональную или глобальную гегемонию: экономическую, военную, культурную экспансию и прямую или косвенную эксплуатацию зависимых территорий.

Союзное государство России и Белоруссии традиционно пребывает в фокусе внимания научных сообществ государств-участников интеграционного объединения [1, с. 26]. Итоги и перспективы эволюции союзного объединения обобщались Е.Я. Виттенбергом [2, с. 90]. Политико-экономические аспекты российско-белорусской интеграции подробно анализировались М.В. Мясниковичем [3, с. 270].

В российской политической мысли остается актуальным интерес к идеям реставрации тех или иных форм имперского наследия ведущих мировых акторов и их современных преемников [4, с. 28]. Соотношение национального и имперского начал в мировом политическом процессе достаточно подробно было изложено в концепции русского мыслителя К.Н. Леонтьева [5, с. 111]. Актуальные аспекты конкуренции великих держав в XXI столетии рассматривались К.П. Боришпольцем [6, с. 150]. Методологические проблемы исследования имперского типа интеграционной политики систематизировались в работах Э.И. Дамиричиева [7, с. 120].

Вместе с тем достаточно распространенным остается убеждение о наличии позитивного контекста в имперском векторе внешнеполитических стратегий. За имперскими проектами нередко признается значение стабилизирующего фактора в ситуациях международной конфликтогенности. С другой стороны, противоположностью империям, включающим в себя собственно митрополию и различные виды подконтрольных или подмандатных территорий, – протектораты, доминионы, называют международные союзы и конфедеративные формирования. Именно последние, включая Союзное государство России и Белоруссии, берут на себя ряд задач, в прошлые исторические эпохи свойственные государствам имперского типа.

Методология

Методология настоящей научной работы основана на принципах и положениях конфликтологического и конструктивистского методов социально-политического знания. Их применение позволило выявить типичные проявления и тенденции развития современных интеграционных процессов в многополюсном мире. Диалектический подход использовался для определения противоречий концептов и практик межгосударственной интеграции в условиях нового мирового порядка. Структурно-функциональный научный метод применялся для систематизации представлений об организационных и системных компонентах действующих союзов и коалиций государств и иных субъектов международных отношений. Использование исторического метода позволило уточнить представления о хронологии российско-белорусской интеграции и об эволюции формирования современных неоимперских стратегий. Компаративистский метод исследования был востребован для понимания типичных признаков интеграционных геополитических проектов с участием Российской Федерации и других субъектов мировой политики. Для аналитической обработки нормативной базы меж-

государственной интеграции применялся метод контент-анализа.

Результаты и их обсуждение

В настоящее время признается, что формат межгосударственных конфедераций и союзных коалиций по определению избавлен от автократических и централистских тенденций имперского геополитического порядка. Несмотря на это, события последних лет наглядно доказывают приверженность влиятельных групп «политического класса» государств Европы, Северной Америки и Азии к формированию стратегий неоимперского формата. Однако наряду с современными интеграционными формированиями в условиях многополярности отмечается появление гегемонистских проектов и внешнеполитических программ. Как правило, они исходят со стороны государств и правящих элит западного мира. Так, в период отделения Великобритании от Европейского союза реализовывались идеи превращении Туманного Альбиона в новый «мировой центр силы», получивший наименование проекта «глобальной Британии» [8, с. 27].

Наиболее показательной следует считать трансформацию внешнеполитического курса США, которая приняла обвальный масштаб в период правления администрации Д. Трампа в 2025 г. [9, с. 94]. В период 2016-2024 гг. со стороны приверженцев «трампизма» транслировались в первую очередь призывы к ревизии международной стратегии Соединенных Штатов с упором на изоляционизм, протекционизм и правый консерватизм. Таким образом, контуры внешнеполитической стратегии американских правых в целом носили достаточно умеренный и реалистичный характер. Однако первые месяцы 2025 г. знаменовались переходом команды президента США к риторике откровенно имперского содержания, которая проявилась во внешнеэкономической, военно-стратегической и геополитической проекциях. Распространено убеждение о наличии в политикуме США феномена «имперского президентства», представляющего собой экспансию исполнительной власти во внешней политике [10, с. 311]. В развитие чего команда Д. Трампа не сформулировала заново, а прежде всего активизировала имперский тренд в программных установках политического класса страны.

Причем вслед за эпатажными заявлениями последовали конкретные действия американской стороны, включая отказ от беспошлинной торговли с традиционными партнерами в Европе, Новом Свете и в Юго-Восточной Азии, переформатирование отношений с НАТО и выдвижение претензий к территориальной целостности и суверенитету ряда современных государств. Именно последняя тенденция, выраженная в стремлении аннексии Гренландии, призывах к восстановлению контроля над Панамским каналом и публичных диффамациях по поводу независимого статуса Канады, подтверждает тезис о выделении в идеологии «трампизма» очевидного неоимперского вектора.

Традиционно ареалами приложения целей современного экспансионизма называют регионы Глобального Юга. Особенно исследователями выделяется Латино-Карибская Америка, остающаяся в орбите неоколониализма США. Чертами такой стратегии российский исследователь А.Г. Гольцов называет: разобщение латиноамериканских государств и их интеграционных объединений, поглощение экономической, информационной и культурной сфер региона под видом развития рыночных отношений и содействия формирования гражданского общества. Вслед за чем приходит время развертывания инфраструктуры военно-политического влияния в важных геостратегических регионах [11, с. 126].

Весьма показательным представляется использование практически аналогичных внешнеполитических стратегий атлантическими акторами на постсовет-

ском пространстве, в контексте чего именно надлежащее выполнение задач российско-белорусской интеграции будет и далее оставаться наиболее прочной гарантией защиты национально-государственных интересов каждого из государств-участников в условиях постбиполярности.

Тем самым подтверждается доминирование в XXI столетии доминанты международной региональной поляризации, результатом чего становится новый передел планетарного пространства на сферы влияния между крупными геополитическими акторами. Некоторые исследователи предпочитают именовать таковые неоимпериями, включая в их число США, КНР, Европейский союз и Россию. Помимо чего прогнозируется появление в будущем «протоимперий» из числа развивающихся государств и их коалиций. Предпосылками их конституирования называют эволюцию международно-политической системы, демографические процессы и продолжение научно-технической революции [12, с. 223]. Также при рассмотрении процесса объединения вокруг себя цивилизационно близких культурно-исторических регионов земного шара предпринимаются попытки доказательства формирования «мира империй» [13, с. 110].

Отмеченные обстоятельства имеют под собой вполне объективную природу: характерный для Нового и Новейшего времени тип национального государства не в полной мере приспособлен к вызовам глобализации. Согласно авторскому мнению, глобальный период ведет к унификации мировых цивилизаций в рамках общей модели коммуникационного обмена. В отличие от эпохи индустриальных классических империй глобализационные процессы основаны во многом на политико-экономическом факторе. Однако отмеченный факт не отменяет выдвижения претензий на мировую гегемонию со стороны влиятельных геполитических акторов, в результате чего расхождение между имперскими проектам многополюсной и двухполярной эпох выражается в методологии и технологиях международной политики. В современной практике все чаще доминирует вектор экономического детерминизма, который и приобретает решающее значение в процессе формирования очередной модели мирового порядка.

Приведенная выше аргументация объясняет появление предпосылок для обозначения в теории международных отношений концепций «постклассической империи». Следует отметить, что стратегии указанных субъектов нацелены на навязывание системе международных отношений транснационального экономического порядка планетарного масштаба. Другой характерной чертой современных неоимперских доктрин выступает широкое использование либерально-демократических лозунгов для оправдания и легитимации всесторонней экспансии, в развитие чего поборники современных имперских доктрин принципиально скорректировали свою официальную риторику. С их стороны достаточно последовательно камуфлируются собственные истинные намерения, что сопровождается компрометацией геополитических оппонентов, которым через масс-медиа и лидеров общественного мнения приписываются замыслы воссоздания имперских традиций, с чем предлагается связывать не только столкновение проектов глобализации и глобализации, но и конкуренцию императивов классической и постклассической империи в контексте эволюции от индустриальной к постиндустриальной цивилизации современной планеты.

Обобщим, в сложившейся в многополюсном мире предельно конфликтогенной и нестабильной обстановке, самой объективной логикой происходящих событий Россия вынуждается к отказу от наметившегося в период 1990-х гг. дрейфу в сторону атлантической цивилизации. Одним из проявлений самостоятель-

ной геополитической позиции следует признать долговременный проект российско-белорусской интеграции. Именно его некоторые исследователи на Западе и многие эксперты в России склонны обозначать как доказательство неоимперского вектора в стратегии страны на рубеже XX–XXI столетий.

Подобные коннотации основаны на обостренном чувстве подавления национального достоинства и социальном запросе на восстановление исторической справедливости, охватившим российское общество в постсоветский период, на фоне чего приоритетным вариантом восстановления Российской Федерацией статуса мировой державы, необходимость чего декларировалась в концептуальных документах 2009–2021 гг., мыслители и эксперты державно-патриотической ориентации нередко называют формирование сложно-структурированного союза национальных государств, причем построен он должен быть не по иерархическому, а по сетевому принципу. При ведущей роли современной России подобный союз первоначально мог бы иметь региональный масштаб, однако в будущем его возможности проецируются на участие в переформатировании глобального миропорядка. При несостоятельности отмеченного проекта с доминированием российской государственности предсказывается поглощение всего постсоветского пространства глобальными мировыми институтами, иногда также относимыми к новой разновидности империй. Следует указать на определенную утопичность описанного развития событий, однако приходится признать, что в современных реалиях отказ России от активной внешней политики и усиления своего влияния в ближнем зарубежье не может быть принят в качестве стратегического приоритета в XXI столетии.

Наряду с очевидным стремлением к утверждению гегемонии атлантических акторов прослеживается становление неоимперского потенциала со стороны некоторых стран Глобального Юга. Тем самым обосновывается широкий спектр условий, согласно которым интеллектуальным и политическим элитам Российской Федерации приходится оценивать возможность того или иного участия во внешнеполитических проектах, имеющих признаки восстановления имперподобных стратегий. Среди причин обращения к державной политике называют соображения поддержания глобальной, региональной и национальной безопасности, необходимость утверждения в геополитически значимых ареалах земного шара, конкуренцию за мировые экономические ресурсы.

Кроме того, масштабирование целей международных стратегий закономерно должно привести к преобразованию контуров российской политической системы и социальной структуры общества, инициировать принципиальные трансформации в мировоззрении общества [16, с. 310]. Наличие внешних вызовов и осознание необходимости противостояния таковым может привести к «национализации» элит, формированию способной к реформированию и развитию гибкой политической системы, связанной с гражданским обществом. С другой стороны, неудачи исторических имперских проектов также связываются с перенапряжением социума и нерациональным использованием его ключевых ресурсов, что приводило к системным социально-политическим кризисам и радикализации идеологии и политики. Объективным следствием гипертрофированной имперской внешней политики становились геополитические катаклизмы и деконструкция национальной государственности, что не отменяет необходимости рационального и адекватного сложившейся ситуации использования державно-патриотического ресурса в определении международно-политического дискурса Российской Федерации.

Признаем, что оправдание и обоснование имперского геополитического

наследия продолжает оставаться точкой соприкосновения и консолидации представителей самых разных идейно-политических течений постсоветской и современной России. Многие из них трактуют российско-белорусский интеграционный проект именно в качестве попытки реставрации державной доминанты в стратегиях России в многополюсном мире.

Одним из ключевых положений современного имперского / неоимперского концепта следует назвать попытки совместить в его структуре достижения Российской империи и СССР. Например, отечественный мыслитель А.Г. Дугин относил советский период российской государственности к типичному примеру классической континентальной империи [15, с. 68-97].

Аналогичная позиция отличает работы Ю.С. Авакова, который доказывает, что особенность советской геополитической стратегии проявлялась в интеграции условной метрополии с подконтрольными и союзными государственными образованиями на принципах приоритета интересов последних [16, с. 5]. Определенная близость отмеченным параметрам отличает подход российского руководства к построению интеграционного проекта с Минском: белорусская сторона в данном случае воспринимается как равноправный партнер, отношения с которым строятся на основе взаимного доверия и предварительных партнерских обязательств более состоятельной в экономическом и военно-политическом отношениях Российской Федерации. Подобный подход во многих отношениях повторяет контур взаимоотношений между руководством СССР и союзными республиками и государствами социалистического лагеря во второй половине XX столетия, особенностью которых на всем протяжении указанного периода оставалась опека и ресурсное обеспечение младших союзников.

Резюмируем, что за российской государственной традицией, особенно в ее внешнеполитическом выражении, продолжает признаваться сохранение реликтового имперского базиса. Проявляясь в большей степени в области мировоззрения и исторической памяти, державно-имперские традиции в постсоветской России практически не имеют выражения в политической системе, однако периодически сопровождают те или иные действия государства в мировой политике.

Если консервативная и национал-патриотическая часть экспертного сообщества России последовательно доказывает необходимость реставрации отечественного имперского наследия во внешней политике, то их идеологические оппоненты усматривают в таковом препятствие к полноценной интеграции в структуру либерального мирового порядка. Вместе с тем связанные с интересами конкурирующих держав и транснациональных акторов зарубежные экспертные группы и пропагандистские корпорации не упускают возможности дискредитировать российские власти при помощи применения манипулятивных технологий и информационных кампаний. Поводом для последних все чаще избираются решительные действия России на международной арене, которые связываются с проявлением мифических имперских амбиций со стороны российских политических элит.

Именно отмеченная аргументация широко использовалась для обеспечения процесса продвижения НАТО на Восток. В общественное мнение народов стран Центральной и Восточной Европы на протяжении десятилетий внедрялись установки о наличии «российской военной угрозы» и идей имперского реванша после событий 1991 г. [17, с. 87] Отсылки к неоимперским стратегиям постсоветской России особенно усилились после начала международного кризиса вокруг Украины в 2014 г. и воссоединения Крыма и Севастополя с Российской Федерацией. Отметим, что тезисы о реваншизме

применялись со стороны геополитических конкурентов Москвы и относительно всего комплекса интеграционных проектов России, начиная с создания Организации Договора о коллективной безопасности до формирования Таможенного Союза и Евразийского экономического союза стран СНГ. Практически в каждом из них ангажированные зарубежные обозреватели и политики усматривали стремление к «возрождению СССР» или же восстановление мифических традиций так называемого «российского империализма».

Апогей антироссийских информационно-пропагандистских операций приходится на преддверие и начало специальной военной операции. Обоснованные требования российской стороны по возвращению Североатлантического альянса к границам 1997 г. вызвало проведение ускоренной милитаризации Швеции и Финляндии. Намерения о необходимости приема ранее нейтральных государств в НАТО были озвучены задолго до начала СВО и подкреплялись распространенными в массовом политическом сознании стран Скандинавии и Прибалтики фобиями по поводу имперских устремлений постсоветской России.

Согласно мнению авторов, несостоятельность диффамаций по поводу имперской или неоимперской политики Российской Федерации наглядно опровергаются опытом становления и развития Союзного государства России и Белоруссии. На всем протяжении сложного и противоречивого процесса сближения политико-экономической и социально-политической систем Москвы и Минска достаточно сложно обнаружить проявление державных устремлений со стороны официальной позиции российского руководства. Если обратиться к содержанию внешнеполитических стратегий Российской Федерации времен ее суверенизации, то следует вывод о наличии весьма сложных объективных препятствий для формирования линии на политико-территориальную экспансию в постсоветском регионе.

Невозможность постимперской реставрации в России 1990-х – начала 2000-х гг. объяснялась затяжным кризисом отечественной государственности, разрушением прежнего социально-экономического и политического порядка, деконструкцией конституционного строя страны. В результате до середины 1990-х гг. в концептуальных документах российской внешней политики коммуникация со странами СНГ не выступала в качестве главного императива в системе международных отношений. В среде «политического класса» постсоветской России утвердился запрос на конвергенцию с блоком атлантических держав – США и их западно-европейскими союзниками [18, с. 127]. Длительный период со стороны Москвы упор делался преимущественно на практические меры по взаимодействию с белорусским руководством, необходимых для решения первоочередных задач двусторонних отношений в постсоветских реалиях.

Переход к суверенной политике в своем ближнем зарубежье и в международных отношениях в целом был связан с переориентацией российской стратегии от односторонних уступок атлантическим державам и патронируемым ими международным организациям. С этого времени взаимодействие России и Белоруссии определялось общим вектором российской политики на постсоветском пространстве.

Осознание значимости тесного сближения с Минском для фундаментальных интересов Российской Федерации относят к трансформациям ее внешнеполитических концепций. К началу XXI столетия постсоветская Россия прошла эволюцию от весьма ограниченного в своих возможностях субъекта до лидера постсоветского региона, претендующего в то же время на институционализацию положения мировой державы. Одновременно с этим Белоруссия оформила фундамент своего суверенитета, сохраняя

ориентацию на эксклюзивные отношения с российским союзником. Как полагает А.И. Суздальцев, для Минска на протяжении длительного периода был характерен вектор балансирования между интересами России и Европейского союза [19, с. 232].

Отсутствие у российской элиты имперских притязаний в процессе построения Союзного государства доказывается ускоренным алгоритмом формирования этого межгосударственного объединения [20, с. 111]. От заключения в 1995 г. Договора о дружбе между Российской Федерацией и Белоруссией и до провозглашения Союзного государства миновало четыре года, что и стало реальностью в 1999 г. Стоит особенно отметить, что стратегической целью российско-белорусского объединения признавалось создание федеративного государства. Основой для его образования должно было стать проведение общенациональных референдумов и провозглашение единого конституционного акта. Таким образом, политико-правовой конструкт союзного сообщества России и Белоруссии изначально не предполагал формирования субъекта международных отношений, организованного на имперских принципах территориально-политического устройства. Равным образом за все время существования со стороны Союзного государства не было отмечено консолидированных действий по реализации курса на региональную военно-стратегическую или экономическую экспансию.

Наоборот, участники соглашения выступили инициаторами формирования системы коллективной безопасности на постсоветском пространстве и всемерно содействовали программам равноправной интеграции стран СНГ в рамках Таможенного и Евразийского экономического союзов.

Выводы

Подводя итог, отметим, что геополитическая обстановка XX–XXI столетий позволяет предположить сохранение и воспроизводство мировой имперской традиции. На смену классическим мировым державам приходят их эволюционирующие модели и формы, получающие в научном знании наименования «постклассических империй», «протоимперий» или неоимперских проектов. Их системным признаком следует признать декларативный отказ от национальной исключительности и экспансионизма, параллельно чему в концептуализации международных стратегий присутствует использование наиболее подходящих к ситуации многополюсного мира рациональных параметров державно ориентированных проектов. На фоне кризиса очередной ревизии структуры современного мирового порядка попытки возрождения неоимперских проектов встречают альтернативные устремления суверенных государств, отказывающихся принимать мораль и идеологию геополитического гегемонизма. Со стороны политических прагматиков крепнет убеждение в поиске адекватных своим национально-государственным интересам форм и методов межгосударственной интеграции. Примером такого опыта можно назвать становление и развитие Союзного государства России и Белоруссии. Именно опыт российско-белорусского объединения может послужить примером для оформления и корректировки близких по содержанию программ равноправного сотрудничества стран и народов в различных регионах планеты в XXI столетии.

Список литературы

1. Бахлова О.В., Бахлов И.В. Сценарии эволюции Союзного государства Беларуси и России: ценности и прагматика // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2022. Т. 22, № 1 (57). С. 9–26.

2. Виттенберг Е.Я. Двадцать пять лет Сообществу России и Беларуси: итоги и перспективы // Вестник РГГУ. Серия: Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения. 2021. № 3. С. 63–90.

3. Мясникович М.В. Актуальная повестка развития белорусской экономики в условиях интеграции. Минск: Беларусская наука, 2017. 278 с.

4. Грачев Н.И. Империя как форма государства: понятие и признаки // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2012. № 2(17). С. 18–28.

5. Светлов Р.В., Федоров А.А. Между империей и национальным государством - современный контекст концепции К.Н. Леонтьева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2024. Т. 40, № 1. С. 111–120.

6. Боришполец К.П. Конкуренция великих держав в XXI веке: российские подходы и российский дискурс // Полис. Политические исследования. 2022. № 1. С. 150–165.

7. Дамирчиев Э.И. Методологические проблемы исследования имперского типа политической организации // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2009. № 4. С. 109–120.

8. Капитонова Н.К. Британия в поисках новой роли: неоимперский и глобальный проекты тори в свете Брекзита // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. 2020. № 1(105). С. 24–27.

9. Шариков П.А. «Трампизм» как доминирующее движение в Республиканской партии США в 2020-е годы // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16, № 4. С. 70-94.

10. Медушевский А.Н. Имперское президентство: как трампизм меняет политическую систему США // Политическая наука. 2019. № 4. С. 284–311.

11. Гольцов А.Г. Неоимперская геополитика в Латино-Карибской Америке: современные проблемы и перспективы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Политология. Международные отношения. 2015. № 3. С. 113–126.

12. Шишков В. В. Неоимперские центры в политической проектности XXI века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 5-2(19). С. 223–227.

13. Бабурин С.Н. Мир империй: территория государства и мировой порядок. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. 769 с.

14. Сигачёв М.И., Харин А., Скакун П. Теоретическое и проектное осмысление российской государственности сквозь призму концепции неоимперии // Тетради по консерватизму: Альманах. № 2. М.: Ин-т социально-эконом. и полит. исслед. (Фонд ИСЭПИ), 2022. С. 287–310.

15. Дугин А.Г. Геополитическое будущее России: многополярность и основные стратегические перспективы в XXI в. // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2011. № 2. С. 68–97.

16. Аваков Ю.С. Глобальный имперский проект: политико-правовой анализ институционального транзита. Таганрог: Таганрог. ин-т управления и экономики, 2009. 159 с.

17. Цыбаков Д.Л. Вектор милитаризма в процессе формирования субъектов международной политики на постсоветском пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2012. № 3. С. 80–87.

18. Емельянов В.Н. Применение при строительстве Союзного государства зарубежного опыта управления // Дизайн и технологии. 2012. № 30 (72). С. 127–133.

19. Суздальцев А.И. Республика Беларусь: эволюция политики балансирования между Союзным государством Белоруссии и России и Евразийским экономическим союзом // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 1 (109). С. 193–232.

20. Караткевич А.Г., Головин Ю.А. Процесс интеграции Российской Федерации и Республики Беларусь в рамках Союзного государства // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. 2014. № 6. С. 290–296.

References

1. Bakhlova O.V., Bakhlov I.V. Scenarios of the evolution of the Union State of Belarus and Russia: values and pragmatics. *Gumanitarii: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniya = Humanities: current problems of humanities and education*. 2022;22(1):9-26. (In Russ.)

2. Vittenberg E.Ya. Twenty-five years of Community between Russia and Belarus: results and prospects. *Vestnik RGGU. Seriya: Evrazijskie issledovaniya. Istoriya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya = RSUN/RGGU Bulletin. Series: Eurasian studies. History. Political Science. International Relations*. 2021;(3):63-90. (In Russ.)

3. Myasnikovich M.V. The current agenda for the development of the Belarusian economy in the context of integration. Minsk: Belarusskaya nauka; 2017. 278 p. (In Russ.)

4. Grachev N.I. Empire as a form of state: the concept and signs. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Yurisprudentsiya = Bulletin of the Volgograd State University. Series 5: Law*. 2012;(2):18-28. (In Russ.)

5. Svetlov R.V., Fedorov A.A. Between Empire and the nation-State - the modern context of K.N. Leontiev's concept. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya = Vestnik of St. Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*. 2024;40(1):111–120. (In Russ.)

6. Borishpolets K.P. The Competition of Great Powers in the 21st century: Russian approaches and russian discourse. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political research.* 2022;(1):150-165. (In Russ.)

7. Damirchiev E.I. Methodological problems of research of the imperial type of political organization. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki = Bulletin of the Moscow University. Series 12: Political Science*. 2009;(4):109-120. (In Russ.)

8. Kapitonova N.K. Britain in search of a new role: the neo-imperial and global projects of the Tories in the light of Brexit. *Vestnik Rossiiskogo fonda fundamental'nykh issledovanii = Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research*. 2020;(1):24-27. (In Russ.)

9. Sharikov P. A. "Trumpism" as the dominant movement in the US Republican Party in the 2020s. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika = Lomonosov World Politics Journal*. 2024;16(4):70-94. (In Russ.)

10. Medushevskii A.N. The Imperial presidency: How trumpism is changing the US political system. *Politicheskaya nauka = Political Science*. 2019;(4):284-311. (In Russ.)

11. Gol'tsov A.G. Neo-imperial geopolitics in Latin Caribbean America: Current problems and prospects. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6: Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya = Vestnik of Saint Petersburg University. Series 6: Political Science. International relations*. 2015;(3):113-126. (In Russ.)

12. Shishkov V.V. Neo-imperial centers in the political projection of the 21st century. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, Philosophical, Political and law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practic*e. 2012;(5-2):223-227. (In Russ.)

13. Baburin S.N. The world of empires: the territory of the state and the world order. St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press; 2005. 769 p. (In Russ.)

14. Sigachev M.I., Kharin A., Skakun P. Theoretical and design understanding of Russian statehood through the prism of the concept of neo-empire. In: Notebooks on conservatism. Is. 2. Moscow: In-t sotsial'no-ekonom. i polit. issled. (Fond ISEPI); 2022. P. 287-310. (In Russ.)

15. Dugin A.G. Russia's geopolitical future: Multipolarity and the main strategic prospects in the 21st century. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya = Bulletin of the Moscow University. Series 18: Sociology and Political Science*. 2011;(2):68-97. (In Russ.)

16. Avakov Yu.S. The Global imperial Project: a political and legal analysis of institutional transit. Taganrog: Taganrog. in-t upravleniya i ekonomiki; 2009. 159 p. (In Russ.)

17. Tsybakov D.L. The vector of militarism in the process of formation of subjects of international politics in the post-Soviet space. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya = RUDN Journal of Political Science*. 2012;(3):80-87. (In Russ.)

18. Emel'yanov V.N. The use of foreign management experience in the construction of the Union State. *Dizain i tekhnologii = Design and Technology*. 2012;(30):127-133. (In Russ.)

19. Suzdal'tsev A.I. The Republic of Belarus: the evolution of the policy of balancing between the Union State of Belarus and Russia and the Eurasian Economic Union. *Aktual'nye problemy Evropy = Actual Problems of Europe*. 2021;(1):193-232. (In Russ.)

20. Karatkevich A.G., Golovin Yu.A. The process of integration of the Russian Federation and the Republic of Belarus within the framework of the Union State. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N.A. Nekrasova = Vestnik of Kostroma State University named after N.A. Nekrasov*. 2014;(6):290-296. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Ливцов Виктор Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории, политологии и государственной политики, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Орел, Российская Федерация,
e-mail: ivcov@orel.ranepa.ru,
ORCID: 0000-0001-5247-7968

Victor A. Livtsov, Doctor of Sciences (Historical), Professor, Professor of the Department of History, Political Science and Public Policy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Central Russian Institute of Management, a branch of the RANEPA), Orel, Russian Federation,
e-mail: livcov@orel.ranepa.ru,
ORCID: 0000-0001-5247-7968

Музалевский Александр Леонидович, аспирант, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Орел, Российская Федерация,
email: Justmesunny1211@gmail.com,
ORCID: 0009-0005-4561-3542

Alexander L. Muzalevsky, Postgraduate Student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Central Russian Institute of Management, a branch of the RANEPA), Orel, Russian Federation,
e-mail: Justmesunny1211@gmail.com,
ORCID: 0009-0005-4561-3542

Оригинальная статья / Original article

УДК 93/94

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-177-188

CC BY 4.0

Отход и его роль в изменении характера потребления алкоголя крестьянством в пореформенной России (1860–1890-е годы)

Н.Е. Горюшкина[1]✉

[1]Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉e-mail: gor046@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *Статья посвящена исследованию отходничества как фактора изменений в характере потребления алкоголя крестьянским населением пореформенной России. Актуальность темы определяется необходимостью изучения последствий отмены крепостного права и отмены откупов, включая перемены в культуре пития. Несмотря на то, что факт увеличения потребления алкоголя среди отходников уже отмечался в отечественной историографии, механизмы и характер этой связи остаются недостаточно осмысленными.*

Цель *работы – рассмотрение отходничества как специфического фактора пореформенного времени, обусловившего изменение характера потребления алкоголя крестьянами.*

Задачи*: охарактеризовать особенности и типологию отходничества; установить причинно-следственную связь между вовлечением в отхожие промыслы и изменением алкогольных практик; указать функции алкоголя в среде отходников, повлекшие трансформацию традиционных алкогольных практик.*

Методология *исследования включает принципы историзма, научной объективности и системности, дополненные анализом статистических данных об отходничестве и потреблении алкоголя (статистический метод) и изучением источников, по которым реконструировались мотивы и обстоятельства потребления алкоголя отходниками (нарративный метод).*

Результаты. *Отмена крепостного права, малоземелье и низкие доходы толкали крестьян на промыслы, разрушая привычные социальные связи. В условиях тяжелого физического труда, оторванности от общины и семьи алкоголь приобретал для отходников новые функции: он служил стимулятором для поддержания работоспособности, средством психологической разрядки, способом преодоления стресса, а также элементом групповой солидарности и адаптации в новой социальной среде.*

Вывод. *Отходничество выступило мощным фактором, трансформировавшим традиционную спорадическую культуру пития крестьянством в систематическое потребление алкоголя в отходе, связанное с необходимостью адаптации в изменившейся социально-экономической обстановке. Этот процесс оказал существенное влияние на социальную структуру пореформенной России.*

Ключевые слова: *пореформенная Россия; крестьянство; отходничество; алкоголь; социальная адаптация; культура пития.*

Финансирование: *Работа выполнена в рамках Государственного задания «Правовые меры обеспечения стратегических приоритетов по противодействию угрозам национальной безопасности» (FENM-2025-0010). Регистрационный номер 1024031900131-7-5.5.1*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Горюшкина Н.Е. Отход и его роль в изменении характера потребления алкоголя крестьянством в пореформенной России (1860–1890-е годы) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 3. С. 177–188. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-177-188.

Поступила в редакцию 28.04.2025 Принята к публикации 29.05.2025 Опубликована 16.06.2025

© Горюшкина Н.Е., 2025

Waste and its role in changing the nature of alcohol consumption by the peasantry in post-reform Russia (1860–1890s)

Natalia E. Goryushkina[1] ✉

[1]Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉e-mail: gor046@yandex.ru

Abstract

Relevance. *The article is devoted to the study of otkhodnichestvo as a factor in changes in the nature of alcohol consumption by the peasant population of post-reform Russia. The relevance of the topic is determined by the need to study the consequences of the abolition of serfdom and the abolition of tax farming, including changes in the culture of drinking. Despite the fact that the fact of increased alcohol consumption among otkhodnichestvo has already been noted in Russian historiography, the mechanisms and nature of this connection remain insufficiently understood.*

The purpose *of the work is to consider otkhodnichestvo as a specific factor of the post-reform period, which determined the change in the nature of alcohol consumption by peasants.*

Objectives *to characterize the features and typology of otkhodnichestvo; to establish a cause-and-effect relationship between involvement in seasonal work and changes in alcohol practices; to indicate the functions of alcohol among otkhodnichestvo, which entailed the transformation of traditional alcohol practices.*

The research methodology *includes the principles of historicism, scientific objectivity and consistency, supplemented by the analysis of statistical data on seasonal work and alcohol consumption (statistical method) and the study of sources used to reconstruct the motives and circumstances of alcohol consumption by seasonal workers (narrative method).*

Results. *The abolition of serfdom, land shortages and low incomes pushed peasants to work, destroying their traditional social ties. In the conditions of heavy physical labor, isolation from the community and family, alcohol acquired new functions for seasonal workers: it served as a stimulant to maintain performance, a means of psychological release, a way to overcome stress, as well as an element of group solidarity and adaptation in a new social environment.*

Conclusion. *Seasonal work was a powerful factor that transformed the traditional sporadic drinking culture of the peasantry into systematic alcohol consumption in the wasteland, associated with the need to adapt to the changed socio-economic situation. This process had a significant impact on the social structure of post-reform Russia.*

Keywords: *post-reform Russia; peasantry; seasonal work; alcohol; social adaptation; drinking culture.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Goryushkina N.E. Waste and its role in changing the nature of alcohol consumption by the peasantry in post-reform Russia (1860–1890s). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(3):177–188. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-177-188.

Received 28.04.2025 Accepted 29.05.2025 Published 16.06.2025

***

Введение

Крестьянская реформа коренным образом изменила жизнь российской деревни. Скудный земельный надел, низкая доходность крестьянского хозяйства, тягость налогов вынудили многих крестьян оставить дом и отправиться на заработки. Отхожие промыслы было принято делить на земледельческие, в этом случае крестьяне нанимались артелями для ручной косьбы травы и хлеба, вспашки и молотьбы, работы со скотом и в огороде, рытья канав и прудов, сбора лекарственных трав, и промыслы, не имевшие земле-

дельческого характера, когда крестьяне выдвигались в города на «черные», реже – квалифицированные работы.

Отход крестьян серьезно влиял не только на экономику, но и на социальную жизнь пореформенной деревни. В частности, изменился характер потребления алкоголя крестьянским населением пореформенной России. Рассмотреть отход как специфический фактор пореформенного времени и его роль в изменении характера потребления алкоголя крестьянством призвана данная работа.

Методология

Продуктивными принципами исследования стали: историзм, научная объективность и системность, которые были выбраны ввиду особенностей объекта изучения и решаемых задач. Первый – позволил рассмотреть отходничество в условиях отмены крепостного права и отмены винных откупов. Тесно взаимосвязанные между собой принципы объективности и системности дали возможность заметить, что отход действительно повлиял на рост потребления алкоголя крестьянством в результате сложного взаимодействия самых разных факторов. Свое применение нашел статистический метод из-за необходимости анализа статистических данных об отходничестве и потреблении алкоголя. Востребован был и нарративный метод, использованный при анализе источников для реконструкции мотивов и обстоятельств потребления алкоголя отходниками.

Надо признать, что в дореволюционный период отходничество внимательно изучалось (В.И. Чаславский [1], Е. Карцев [2], Б. Ленский [3], Л. П. Весин [4] и др.) Серьезному анализу были подвергнуты причины, формы, продолжительность отхода, но последствия отходничества, включая его влияние на культуру потребления алкоголя крестьянством, освещались только попутно. Более внимательно к этой проблеме отнеслись экономисты начала XX в. (С.А. Первушин [5], В.К. Дмитриев [6]). Они первыми указали на различия в объемах потребления алкогольной продукции в городе и в деревне, но объясняли этот факт в основном наличием у рабочих свободных денег. В советское время к проблеме отхода крестьян обращался П.Г. Рындзюнский, рассматривая его в контексте влияния на градообразование [7]. О росте потребления алкоголя крестьянами-отходниками стали писать современные исследователи (Л.И. Земцов, И.А. Шевченко [8], А.В. Николаев [9]). Однако причинно-следственная связь между отходом и потреблением алкоголя в пореформенной России остается до сих пор не освещенной, механизмы и характер этой связи в должной мере не раскрыты.

Результаты и их обсуждение

Не вызывает сомнения, что сила противостояния жизненным невзгодам велика в российском крестьянстве. Оказавшись в тяжёлых жизненных обстоятельствах после отмены крепостного права, крестьяне стали активнее искать возможность заработать за пределами своего родного села. «Я удивляюсь, – писал И.С. Аксаков, – как русский человек отважно отправляется на дальний промысел в места, совершенно чуждые, а потом возвращается на родину, как будто ни в чем не бывало» [10, с. 32].

Рассказы о разбогатевших на стороне земляках передавались в селах из уст в уста. Повсюду можно было услышать истории про то, как некий бедняк через 10–15 лет превратился в «тысячника», как «какой-то генерал подарил понравившемуся питерщику[1] 1000 рублей», «бездетный старик-благодетель оставил своему приказчику 100000 рублей; один питерщик „банкрут делал“ десять раз, другой нашел на улице много тысяч, тре-

[1] «Питерщик» (просторечное выражение) – крестьянин, уходивший на заработки в Петербург (Питер) и работавший там в течение некоторого времени.

тий обделал своего хозяина, четвертый нажился, будучи душеприказчиком» и пр. [11, с. 45-46]

Разнообразие местностей, куда отправлялись на заработки крестьяне, отдаленность их от мест жительства и одного от другого достигало порой значительных размеров. Привлекательным местом для отхода были столичные Москва и Санкт-Петербург, а также крупные города Киев, Одесса, Варшава. Там без проблем можно было устроиться каменщиком, штукатуром, плотником, столяром, кровельщиком, маляром, сапожником, мебельщиком, грузчиком, дворником, сторожем, пойти в личное услужение, заняться торговлей вразнос или вразвоз. В фабрично-заводских рабочих всегда нуждались растущие индустриальные центры России, донецкому бассейну требовались «каменоугольщики», моря и большие реки ждали рыбаков, лесные районы – дровосеков, пильщиков, корчевщиков пней. Немалая часть отходников занялась строительством железных дорог. Точильщики пил выбирали местом приложения сил привислинские губернии. Плотники и судостроители направлялись в Петербург и Кронштадт, Тюмень и Барнаул. Каменщики находили работу в Пермском крае, Закаспийском крае, Бухаре; крючники – на Волге от Нижнего Новгорода до Астрахани; пастухи – в Оренбургской губернии, рыболовы – на Волге и Каспийском море. Главным направлением отхода крестьян центрально-черноземных губерний были Донбасс, Новороссия, Северный Кавказ, юго-западные губернии.

Определить размеры отходничества в пореформенной России можно только приблизительно, точные данные отсутствуют. В 1896 г. в журнале «Русское богатство» была опубликована статья экономиста и статистика Н.А. Карышева [12, с. 2], где был представлен его расчет размеров отходничества, произведенный на основании данных 131 уездов 19 губерний Центральной России в начале 1890-х гг. (табл.).

Таблица 1. Доля отходников в губерниях Центральной России, %

Table 1. The share of otkhodniks in the provinces of Central Russia, %

Губернии	Процент мужского рабочего населения, уходившего на промыслы
Смоленская	42,5
Московская	40,2
Нижегородская	36,3
Рязанская	32,1
Орловская	29,5
Вятская	28,8
Петербургская	27,9
Курская	27,6
Бессарабская	24,2
Тверская	18,9
Екатеринославская	13,6
Черниговская	12,5
Воронежская	12,3
Саратовская	11,6
Новгородская	10,7
Херсонская	6,8
Самарская	6,3
Полтавская	5,6
Пермская	4,0

Из таблицы 1 видно, что размер отхожих промыслов в разных губерниях Центральной России был весьма различным. Первенствовали в этом отношении Смоленская и Московская, Нижегородская и Рязанская губернии, где в отходе находилось более трети мужского населения. Значительную долю отходников давали Орловская, Вятская, Петербургская, Курская и Бессарабская губернии. На заработки из этих губерний отправлялась примерно четверть мужского населения. Меньшие размеры отходничества (около 1/6 мужского рабочего населения) были зафиксированы в Тверской, Екатеринославской, Черниговской, Воронежской, Саратовской губерниях. В меньшей степени отход был развит в южных и степных губерниях.

Отправлялись крестьяне на промысел артелями и поодиночке, смотря по роду промысла, «где пешком, где на чугунке, где на плоту спустятся или на лодке, а где и присоседятся на облучке проезжей телеги». Оставлявшие дом работники находились в полном безденежье, потому в дороге не позволяли себе лишнего, а порой лишали себя и самого необходимого [13, с. 5].

Чем дальше уходил крестьянин на заработки, тем продолжительнее был срок отхода. Почти всегда дата ухода и возвращения определялась каким-то церковным праздником. Чаще всего крестьяне отправлялись в путь в день памяти апостола Филиппа (27 ноября) и прибывали в родные места к Благовещенью (7 апреля).

«Пройти пешком пространство в несколько сот верст, – писал Е. Карцев, – нельзя иначе, как с затратою времени и материальных издержек, не говоря уже об усталости и истощении физических сил» [2, с. 267]. Со временем отход превращался в круглогодичное занятие. Один из корреспондентов Владимирского земства сообщал: «Фабричный колокол не знает времени года и звонит с педантичной точностью, призывая крестьян, бросивших соху, к бездушной машине, а если кто уйдет с фабрики на летние работы; того зимой уже не берут» [14, с. 14].

Точный размер заработка отходников указать сложно, он был неодинаковым и зависел во многом от сезонности и урожайности года, численности предлагавшихся на рынке труда рабочих рук, личности самого отходника, его трудолюбия, целеустремлённости, наличия вредных привычек. Опрос более 1000 человек «отхожих», сделанный в 1882 г. статистом Н.П. Ползыковым на Курско-Харьково-Азовской железной дороге, показал, что 84% опрошенных ушли из дому на срок от 2-х до 6-ти месяцев; средний заработок их составлял 38,2 руб., расходы – 21,8 руб., чистый доход был равен 16,4 руб. в месяц, или 13–14 коп. в день [15, с. 63–64].

Крестьянин, отправившийся на земледельческие промыслы, хотя и становился опытнее, увереннее односельчанина, благодаря тому, что знакомился с новыми местами, людьми, иной жизнью и иными устоями, не особо отличался от «однодеревцев». Он торопился вернуться домой, срок его отхода не превышал 3–8 месяцев. Неземледельческие промыслы меняли крестьянина в большей мере. На заработках в городе он проводил продолжительное время (иногда по 1,5–5 лет). Овладев новыми профессиями, усвоив особые производственные навыки, крестьянин отвыкал от земледельческих занятий и откладывал свое возвращение домой, полученные в городе навыки для села были непригодными [11, с. 16].

В городской среде отходникам было непросто, многие из них чувствовали себя чужаками. Масштаб и темп жизни города впечатлял. Чувство комфорта пропадало. Продолжительность процесса адаптации у каждого крестьянина была различной. «Выбитые нуждой из вековой земледельческой рутины, они теряются на каменных мостовых больших городов, в дыму фабричных труб, пред ослепи-

тельным светом бессемеровских конвертеров, в глубинах угольных шахт» [16, с. 484]. Со временем крестьянин менял костюм, становился самостоятельным в суждениях, учился грамоте и «благородным» манерам.

Менялся и способ потребления алкоголя. Если в деревне крестьянин потреблял алкоголь на праздник (Рождество, Масленица, Святки, Пасха, Троица) или по особому случаю (свадьба, именины, проводы в армию, похороны), то выпивка в фабрично-заводской среде становилась явлением обыденным и регулярным. Причина, по мнению В.К. Дмитриева, заключалась в том, что «в городских условиях жизни водка переставала быть для потребителя редкостью и переходила в число обычных, ежедневных продуктов потребления [6, с. 211].

Каков был уровень среднедушевого потребления алкоголя в пореформенной России в акцизное время, демонстрирует рисунок (рис. 1).

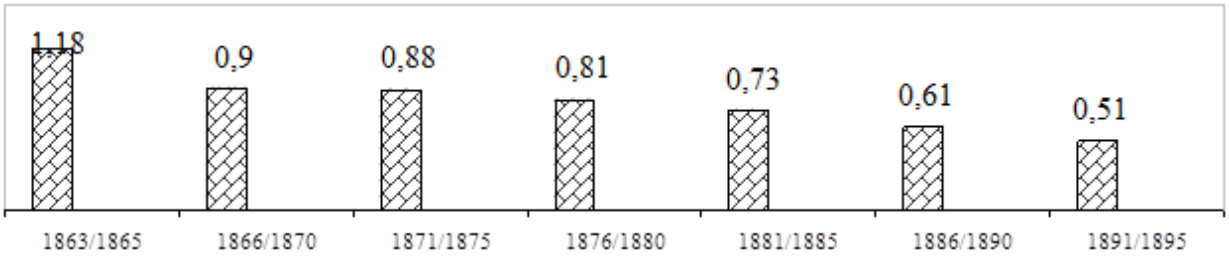

Рис. 1. Душевое потребление алкоголя в пореформенной России, ведро 40° [17, с. 12]

Fig. 1. Per capita alcohol consumption in post-reform Russia, bucket 40° [17, p. 12]

Анализ представленных на рисунке 1 данных свидетельствует об устойчивом снижении душевого потребления алкоголя. В начале рассматриваемого периода (1863–1865 гг.) среднедушевое потребление составляло 1,18 ведра 40° алкоголя. К середине 1870-х гг. потребление снизилось до уровня 0,88–0,9-ведра, продолжая устойчиво убывать в последующие годы. В период 1881–1885 гг. этот показатель составлял уже 0,73 ведра, а к концу исследуемого времени (1891–1895 гг.) он достиг минимального значения в 0,51 ведра.

Но статистические сведения убедительно доказывают, что душевое потребление в городах заметно отличалось от душевого потребления в сельской местности.

Вполне убедительными выглядят данные, приведенные экономистом В.И. Покровским (табл. 2).

Таблица 2. Расчет размеров потребления алкоголя в зависимости от места проживания, ведро 40° [18, с. 32]

Table 2. Calculation of alcohol consumption depending on the place of residence, bucket 40° [18, s. 32]

Потребитель	В деревне	В городе	В столицах
Мужчина	$1 - {}^{1}/_{5}$	4	7
Семья в 5 человек	2	$6{}^{3}/_{4}$	10

Таблица 2 наглядно показывает дифференциацию в уровне потребления спиртных напитков между жителями деревень, городов и столиц. В деревне мужчина потреблял в среднем $1 - {}^{1}/_{5}$ ведра алкоголя. В городе этот показатель возрастал до 4 ведер, что примерно в 3,33 раза выше, чем в сельской местно-

сти. В столицах уровень потребления алкоголя достигал 7 ведер. Семья из пяти человек в деревне потребляла в год примерно 2 ведра алкоголя. В городе уровень потребления поднимался до $6^3/_4$ ведра алкоголя, он почти в 3,4 раза превышал деревенский уровень. В столицах семейное потребление достигало 10 ведер, что в 5 раз больше, чем в деревне.

Представленные данные отражают количественные различия в потреблении алкоголя и, пусть косвенно, указывают на культурные расхождения, имевшие место между разными видами поселений. Это явление нельзя объяснить ни распространенностью в городах питейных заведений, ни особым возрастным составом городского населения.

Определенно, что в пореформенное время менялась культура потребления алкоголя.

Каковы были причины этого явления?

Во-первых, в городских условиях алкоголь переставал быть редкостью, переходил в число обычных, ежедневных продуктов. «В Питере что? Свобода, и соблазнов много, и деньги всегда шевелятся в кармане, а здесь в деревне и кабак-то не скоро найдешь, да и деньги-то достаются труднее. Там тебя и остановить-то, поддержать некому, ну а здесь семья», – привел слова вернувшегося с заработков крестьянина этнограф Д.Н. Жбанков [11, с. 35].

К примеру, в 1883 г. при населении около 30 тыс. человек в Иваново-Вознесенске потреблялось спиртных напитков на сумму 935 тыс. руб., следовательно, по 5 руб. тратил в месяц каждый горожанин мужского пола при заработке от 8 руб. до 100 руб. Примечательно, что алкоголь становился обычным продуктом потребления не только для хорошо зарабатывавших рабочих, но и для тех, кто перебивался случайными заработками и едва находил средства для существования [19, с. 48–49].

Во-вторых, алкоголь стал элементом групповой солидарности и адаптации отходников в новой социальной среде. Переезд из деревни в город неминуемо сопровождался отрывом от традиционных общинных связей. Отходник менял ритм жизни, у него появлялись новые формы досуга, где алкоголь играл более заметную роль.

Алкоголь помогал обрести товарищей, «прописаться» в коллективе. К примеру, на иваново-вознесенских фабриках действовала так называемая система «магарычей». Заключалась она в том, что рабочие и даже мастера «опаивали» каждого поступавшего на работу. В случае уклонения от магарыча, новичка подвергали жестким ругательствам, высмеиванию, клевете, а порой и кулачной расправе. Совместная выпивка подтверждала получение крестьянином нового звания – звания рабочего.

В-третьих, алкоголь служил стимулятором для поддержания работоспособности, снимал напряжение, помогал расслабиться, забыть о тяжелой доле. Выполняя однообразные операции, проживая в холодных землянках, питаясь впроголодь, многие из них попадали в такое психическое состояние, которое толкало их к получению искусственных средств возбуждения. Без алкоголя пройти этот путь было невозможно. Некоторые категории рабочих тратили на водку от 20% до 30% расходного бюджета, делалось это за счет ухудшения одежды, замены алкоголем других продуктов питания. «Решающим моментом, определяющим у нас уровень потребления в стране алкоголя, по мнению В.К. Дмитриева, является не „Господин Урожай“, а – уж если употреблять образное выражение, – „Господин Капитал“: всякое торжество капитала, всякое распространение его власти на новые массы крестьян, вышедших – по своей ли воле, или в силу необходимости, – из-под “власти земли”, отражается на уровне душевого потребления алкоголя повышением этого уровня,

как бы при этом ни складывались прочие обстоятельства» [6, с. 28].

Известный в дореволюционной России психиатр И.А. Сикорский писал: «Раньше было пьянство, а с XIX века начался алкоголизм с его неизбежными последствиями» [20, с. 24]. Земские врачи фиксировали увеличение числа болезней, вызываемых алкоголем, среди которых значились «упадок сил вследствие кутежей», «ослабление способностей ума», «расположение к болезням души», «склонность к помешательству» (около 15% душевных болезней развивалось на фоне злоупотребления алкоголем) [21].

Росло число смертей от «неумеренного потребления спиртных напитков». Данные по Европейской России за период с 1870 по 1887 г. показывают, что из 363 085 случайных смертей 85 200 (или 23,5%) имели причину «опой водкой» (т.е. в среднем 5 тыс. человек в год) [22, с. 18]. Другие случайные смерти из категорий «самоубились», «отравились», «замерзли», что, как правило, сопровождалось опьянением погибшего, но в этом случае пьянство как причина, повлекшая смерть, не указывалась, хотя таковой являлась [23]. Недостаточная статистика по России не позволяет определить точную цифру, показывающую количество лечившихся от алкоголизма лиц. Определенно известно, что за период с 1886 по 1897 г. в больницах Европейской России лечилось от алкоголизма 20 508 мужчин и 2534 женщины [22, с. 18].

Возвращение отходника – важное событие для деревни. Тут уже удовлетворялись (с крестьянской точки зрения) мечты. «Интересно проследить одновременное возвращение, положим, плотника и чернорабочего. Первый, заработав рублей сто с лишком, позволяет себе чайку попить с булкой, водки выпьет и колбасой закусит; он и десяток папирос раскурит, а домой везет жене, или дочке в подарок платок шерстяной, а то и шелковый, да еще бус прибавит! Второй, заработав 30–40, едет скромно, водки, конечно, выпьет, а поест хлеба с квасом и луком, но колбасы и папирос не купит, домой же везет ситцевый платок, пряник или бублики», – рассказывал А.А. Тилло [13, с. 6].

Все сказанное относилось к трезвым и бережливым крестьянам. Любители выпить денег приносили мало или не приносили их совсем. Пьянствовать они начинали еще в пути на родину. Выручка от каторжного труда в этом случае оставалась у буфетчика. Шумное возвращение поморов описывал А. Александров: «Высадившись на берег, первым долгом выражая, по-видимому, радость, что не погибли в волнах, пьют „привально“. Привально продолжается для многих целыми неделями и тогда в селе воцаряется форменный ад: пьют, дерутся, просыпаются, опохмеляются, а иные и на-веки засыпают. А семьи вместо радости после долгой разлуки, охают и мечутся по селу, разыскивая своих кормильцев» [24, с. 692].

Вернувшийся крестьянин старался выглядеть горожанином, был горделив и щедр. Его возвращение означало конец тягостной разлуки и не обходилось без подарков и гостинцев всем членам семьи, разговоров о полученных впечатлениях и, конечно, выпивки. «Крестьяне все дома, вернувшись с промыслов, и деньги и вещи, у всех целы. Нельзя поверить, что видишь крестьян и крестьянок: так роскошно они одеты и так разгульно проводят время. Красивые санки, лошадь в бубенчиках и в щегольской сбруе, в санях сидят муж, одетый часто в енотовой шубе и бобровой шапке, подпоясан шерстяным яркого цвета кушаком; на нем высокие щегольские сапоги; жена в шубке, покрытой материей яркого шелку, мех лисий, а воротник, иногда и соболий, сарафан на ней шелковый... Просто боярыня прежних времен! В трактирах, в залах и во всех нумерах полно: все крестьяне и крестьянки, пьют, едят и кутят. Всю зиму работ почти нет, одна сплошная гулянка; к весне, когда идти надо на промысел, полное оскудение, едва на хлеб есть, а

шелк, мех, сбруя и все прочее заложено у кабатчика или кулака», – так описывал вернувшихся с заработков крестьян А.А. Тилло [13, с. 7-8].

Бывали и курьезные случаи. Д.Н. Жбанков был свидетелем, как в костромскую деревню отходник «прикатил зимой на тройке, напоил всю деревню допьяна, пробыл дома 5 часов, пока кормились лошади и, не поздоровавшись хорошенько с женой и семьей, снова укатил в Питер» [11, с. 48].

Этот сюжет, хотя и носит частный характер, раскрывает суть перемен, которые родило отходничество. Кто-то из отходников, попьянствовав несколько дней, возвращался к крестьянскому труду, а кто-то становился завсегдатаем кабака. Пропой заработанных на стороне денег осуждался односельчанами. «От того, что ходят, бывает только опущенство, – с презрением и досадой говорил мне волостной старшина, – уходят, ничего не зарабатывают, ничего не приносят, сами чуть что не голые, без штанов возвращаются. Не то жаль, что они, подлецы, ничего не посылают домой, я то жаль, что у них, подлецов, у самих ничего не оказывается» [16, с. 483].

В целом отход как массовое явление пореформенной России обеспечил глубокие социальные и культурные изменения в деревне. Отходничество привело к качественному сдвигу в культуре пития – от традиционного спорадического к новому, «городскому», систематическому потреблению. Возвращаясь в родные села, отходники несли с собой измененные нормы и привычки и, транслируя городскую культуру, размывали традиционные устои деревни. Лишь немногие из отходников возвращались к прежней модели потребления алкоголя.

Таким образом, отходничество стало ключевым фактором, который не только увеличил объемы потребления спиртного, но и фундаментально изменил характер и социальные функции алкоголя для значительной части российского крестьянства в рассматриваемый период.

Помимо пьянства, отходники приносили с собой городские обычаи, манеры, моду одежды и стиль поведения, а также бытовые привычки и нравы городских обывателей. Сельская молодёжь охотно перенимала городские установки. К прежним хороводам, пляскам и песням добавились в качестве развлечений карусели, качели, кукольные и цирковые балаганы, частушки. Кроме того, отходники везли из больших городов предметы быта и даже роскоши: керосиновые лампы, самовары, мебель, модную одежду, граммофоны, что ассоциировалось у крестьян с городской жизнью.

В крестьянском понимании у выпивки должен быть повод: праздник, свадьба, похороны, проводы. Если человек выпивал «просто так», то считался пьяницей и бездельником. Рабочий люд в городе не пренебрегал ежедневным потреблением спиртных напитков, что для сельского жителя было неприемлемо.

Выводы

Отходничество, ставшее массовым явлением в пореформенной России, привело к глубоким социальным и культурным изменениям в крестьянской среде. Вырванные из привычного деревенского уклада, оторванные от семейных и общинных связей, крестьяне-отходники сталкивались на новом месте с тяжелыми условиями труда и быта. Алкоголь из атрибута праздников и ритуалов превращался в способ регулярного, порой ежедневного, расслабления. Он становился средством снятия усталости и стресса, способом забыться, поднять настроение, «влиться» в рабочий коллектив.

Отходничество привело к качественному сдвигу в культуре пития – от традиционного спорадического к новому, «городскому», систематическому потреблению. Возвращаясь в родные села, отходники несли с собой измененные нормы и привычки и, транслируя городскую куль-

туру, размывали традиционные устои деревни. Лишь немногие из отходников возвращались к прежней модели потребления алкоголя.

Таким образом, отходничество стало ключевым фактором, который изменил характер и социальные функции алкоголя в отношении значительной части российского крестьянства. Именно отходничество обусловило отказ от праздничноритуального потребления в пользу систематического приема алкоголя как элемента адаптации к новым условиям жизни.

Список литературы

1. Чаславский В.И. Земледельческие отхожие промыслы в связи с переселением крестьян. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1875. 31 с.

2. Карцев Е. Экономические этюды. Отхожий промысел // Наблюдатель. 1882. № 3. С. 247-269.

3. Ленский Б. Отхожие неземледельческие промыслы в России // Отечественные записки. 1877. № 12. С. 207-258.

4. Весин Л. П. Значение отхожих промыслов в жизни русского крестьянства // Дело. Г. 19. 1886. № 7. С. 127-155; 1887. Г. 20. № 2. С. 102-124.

5. Первушин С.А. Опыт теории массового алкоголизма в связи с теорией потребностей. СПб.: Изд. Комиссии по вопросу об алкоголизме, 1912. 102 с.

6. Дмитриев В.К. Критические исследования о потреблении алкоголя в России. М.: В.П. Рябушинский, 1911. 283 с.

7. Рындзюнский П.Г. Крестьянский отход и численность сельского населения в 80-х годах XIX века // Проблемы генезиса капитализма. М.: Наука, 1970. 245 с.

8. Земцов Л.И., Шевченко И.А. Потребление алкоголя и борьба за трезвость в великорусской деревне на рубеже XIX – XX веков: монография. Липецк: Липецк. гос. пед. ун-т им. Семенова-Тян-Шанского, 2015. 171 с.

9. Николаев А.В. Русское пьянство: от традиции к политике: монография. Тольятти: Тольят. гос. ун-т сервиса, 2007. 151 с.

10. Аксаков И.С. Письма из провинции. Присутственный день в уголовной палате. М.: Правда, 1991. 544 с.

11. Жбанков Д.Н. Бабья сторона: Статистико-этнографический очерк. Кострома: Губ. тип., 1891. 137 с.

12. Карышев Н.А. К изучению наших отхожих промыслов // Русское богатство, 1896. № 7. XXXV. С. 1-24.

13. Тилло А.А. Кустарные и отхожие промыслы Костромской губернии. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1883. 235 с.

14. Александров Л.Я. К вопросу о положении земледелия во Владимирской губернии (Краткий историко-статистический очерк). Владимир-на-Клязьме: Типо-литогр. Губ. зем. управы, 1903. 48 с.

15. Ползыков Н.П. Отчет об исследовании отхожего промысла между Харьковом и Таганрогом по Курско-Харьково-Азовской ж. д. от 15 до 31 мая 1881 года. Харьков: Изд. Харьков. стат. комитета, 1882. 73 с.

16. Струве Л.Б. Из летних наблюдений // На разные темы (1893-1901): сборник статей. СПб.: Тип. Дома презрения малолетних. 1902. С. 465-486.

17. Антропов П.А. Финансово-статистический атлас России. СПб.: А. Ф. Маркс, 1898. 45 л.

18. Покровский В.И. Несколько статистических данных по вопросу о потреблении алкоголя. Доклад Комиссии по вопросу об алкоголизме 11 апреля 1907 г. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1907. 34 с.

19. Дадонов В. «Русский Манчестер» (Письма об Иваново-Вознесенске) // Русское богатство. 1900. № 12. С. 46-67.

20. Сикорский И.А. Основы алкогольной политики в России. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1912. 24 с.

21. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2669. Л. 98, 213-215 об.

22. Норов В. Казенная винная монополия при свете статистики. СПб.: Тип. Н.Н. Клобукова, 1905. 120 с.

23. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 574. Оп. 1. Д. 269. Л. 121 об.

24. Александров А. Грамотность и пьянство в Поморье // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1911. № 8-9. С. 687-695.

References

1. Chaslavskii V.I. Agricultural latrines in connection with the resettlement of peasants. St. Petersburg: Tip. V. Bezobrazova i K°; 1875. 31 p. (In Russ.)

2. Kartsev E. Economic studies. Latrine fishing. *Nablyudatel' = The Observer*. 1882;(3):247-269. (In Russ.)

3. Lenskii B. Non-agricultural latrines in Russia. *Otechestvennye zapiski = Domestic notes.* 1877;(12):207-258. (In Russ.)

4. Vesin L.P. The importance of latrines in the life of the Russian peasantry. *Delo = A business*. G. 19. 1886;(7):127-155; 1887;20(2):102-124. (In Russ.)

5. Pervushin S.A. The experience of the theory of mass alcoholism in connection with the theory of needs. St. Petersburg: Izd. Komissii po voprosu ob alkogolizme; 1912. 102 p. (In Russ.)

6. Dmitriev V.K. Critical research on alcohol consumption in Russia. Moscow: V.P. Ryabushinskii; 1911. 283 p. (In Russ.)

7. Ryndzyunskii P.G. Peasant withdrawal and the number of rural population in the 80s of the XIX century. In: *Problems of the genesis of capitalism*. Moscow: Nauka; 1970. 245 p. (In Russ.)

8. Zemtsov L.I., Shevchenko I.A. Alcohol consumption and the struggle for sobriety in the Great Russian countryside at the turn of the 19th – 20th centuries. Lipetsk: Lipetsk. gos. ped. un-t im. Semenova-Tyan-Shanskogo; 2015. 171 p. (In Russ.)

9. Nikolaev A.V. Russian Drunkenness: from Tradition to Politics. Tol'yatti: Tol'yat. gos. un-t servisa; 2007. 151 p. (In Russ.)

10. Aksakov I.S. Letters from the provinces. Office day at the Criminal Chamber. Moscow: Pravda; 1991. 544 p. (In Russ.)

11. Zhbankov D.N. The Indian Side: A statistical and ethnographic essay. Kostroma: Gub. tip.; 1891. 137 p. (In Russ.)

12. Karyshev N.A. Towards the study of our latrine crafts. *Russkoe bogatstvo = Russian wealth*. 1896;7(XXXV):1-24. (In Russ.)

13. Tillo A.A. Handicrafts and latrines of Kostroma province. St. Petersburg: Tip. V. Kirshbauma; 1883. 235 p. (In Russ.)

14. Aleksandrov L.Ya. On the situation of agriculture in the Vladimir province (A brief historical and statistical sketch). Vladimir-na-Klyaz'me: Tipo-litogr. Gub. zem. upravy; 1903. 48 p. (In Russ.)

15. Polzykov N.P. Report on the study of the latrine fishery between Kharkov and Taganrog along the Kursko-Kharkov-Azovskaya railway from May 15 to May 31, 1881. Khar'kov: Izd. Khar'kov. stat. komiteta; 1882. 73 p. (In Russ.)

16. Struve L.B. From summer observations. In: *Na raznye temy (1893-1901): sbornik statei = On various topics (1893-1901): collection of articles*. St. Petersburg: Tip. Doma prezreniya maloletnikh; 1902. P. 465-486. (In Russ.)

17. Antropov P.A. Financial and statistical atlas of Russia. St. Petersburg: A.F. Marks; 1898. 45 l. (In Russ.)

18. Pokrovskii V.I. There are several statistics on alcohol consumption. Report of the Commission on Alcoholism on April 11, 1907. St. Petersburg: Tip. P.P. Soikina; 1907. 34 p. (In Russ.)

19. Dadonov V. Russian Russian Manchester (Letters about Ivanovo-Voznesensk). *Russkoe bogatstvo = Russian wealth*. 1900;(12):46-67. (In Russ.)

20. Sikorskii I.A. Fundamentals of alcohol policy in Russia. Kiev: Tip. S.V. Kul'zhenko; 1912. 24 p. (In Russ.)

21. GAKO (The State Archive of the Kursk region). F. 1. Op. 1. D. 2669. L. 98, 213-215 ob. (In Russ.)

22. Norov V. State-owned wine monopoly in the light of statistics. St. Petersburg: Tip. N.N. Klobukova; 1905. 120 p. (In Russ.)

23. RGIA (Russian State Historical Archive). F. 574. Op. 1. D. 269. L. 121 ob. (In Russ.)

24. Aleksandrov A. Literacy and drunkenness in Pomerania. *Izvestiya Arkhangel'skogo obshchestva izucheniya Russkogo Severa = Proceedings of the Arkhangelsk Society for the Study of the Russian North*. 1911;(8-9):687-695. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Горюшкина Наталья Евгеньевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: gor046@ya.ru,
ORCID: 0000-0003-4042-3529

Natalia E. Goryushkina, Doctor of Sciences (Historical), Associate Professor, Professor of the Department of History and Socio-Cultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: gor046@ya.ru,
ORCID: 0000-0003-4042-3529

Оригинальная статья / Original article

УДК 930:85

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-189-199

(cc) BY 4.0

Привилегированные стратегические партнеры: история формирования культурных и дипломатических отношений России и Индии в XVII-XIX веках

И.К. Черёмушникова[1]✉

[1]Волгоградский государственный медицинский университет
пл. Павших борцов, д. 1, г. Волгоград 400131, Российская Федерация

✉e-mail: inhabitus@mail.ru

Резюме

Актуальность. *В современной практике международных контактов оформился новый тренд, который отбрасывает прежнюю толерантность, а предыдущий исторический опыт взаимодействия стран и народов, стереотипы коллективной памяти становятся важнейшей основой, на которой выстраивается современная конфигурация связей. Реконструкция истоков этих отношений, их качества и характера представляется весьма актуальной.*

Целью исследования *является восполнение представлений об интенсивности и направленности культурных и дипломатических контактов России и Индии в XVII–XIX веках, а также вопрос о том, как они повлияли на современные отношения двух стран.*

Задачи*: на основе анализа большого корпуса документов Посольского приказа создать ретроспективу ключевых событий русско-индийских культурных и дипломатических контактов на протяжении XVII–XIX веков; отдельно проанализировать группу документов, отражающих научные взгляды Герасима Лебедева, основателя русской индологии.*

Методология. *При проведении исследования автором применялись принципы объективности и историзма. Для решения поставленных задач использовались историко-генетический, историко-сравнительный, ретроспективный методы.*

Особое внимание в анализе текста уделено стилистике и тону документов, которые доказывают, что русско-индийские отношения изначально мыслились как дружеские и партнерские, никогда не имели и следа колониального превосходства.

Результаты. *Изучение уникальных источников позволило реконструировать российско-индийские связи на протяжении долгого исторического времени, показать позитивное влияние стереотипов коллективной памяти народов России и Индии на современные отношения двух стран, которые являются привилегированными стратегическими партнерами.*

Выводы. *Исторические контакты России и Индии на протяжении XVII–XIX веков нельзя считать лишь занимательными, но малозначимыми эпизодами. Это хорошо оформленное направление в российской внешней политике. Контакты этого периода чрезвычайно важны, поскольку в них сформировались цели контактов двух стран, представление народов друг о друге, представление о чертах национального характера, степень уважения народов друг к другу, что повлияло на современные связи России и Индии.*

Ключевые слова: *русско-индийские отношения; посольства в Индию; дипломатические отношения; российская индология; Герасим Лебедев.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Черёмушникова И.К. Привилегированные стратегические партнеры: история формирования культурных и дипломатических отношений России и Индии в XVII-XIX веках // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 3. С. 189–199. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-189-199.

Поступила в редакцию 25.03.2025 Принята к публикации 30.04.2025 Опубликована 16.06.2025

© Черёмушникова И.К., 2025

Privileged strategic partners: The history of the establishment of cultural and diplomatic relations between Russia and India in XVII-XIX century

Irina K. Cheremushnikova[1] ✉

[1]Volgograd State Medical University
1 Pavshikh Bortsov sq., Volgograd 400131, Russian Federation

✉e-mail: inhabitus@mail.ru

Abstract

Relevance. *A new trend in modern international practice discards the previous tolerance. The previous historical experience of communication between the two countries is becoming the imperative basis on which the modern configuration of relations is being constructed. These relations are significantly influenced by the perception of peoples by each other, which fixed in the ethnic consciousness. Reconstruction of the roots of these relations, their character and nature makes research relevant.*

The purpose *of the study is to reveal notion about the intensity and direction of cultural and diplomatic contacts between Russia and India in the XVII-XIX centuries, as well as the question on how t this contacts influenced the modern relations of two countries.*

Objectives: *based on the analysis of a large corpus of documents of the Posolsky Prikaz (Embassy) (orders to ambassadors, reports of ambassadors, testimonies of Russian travelers); to create a retrospective of the key events of Russian-Indian cultural and diplomatic contacts during the 17th-19th centuries.*

Methodology*. The author applied the principles of objectivity and historicism. To solve the tasks, historical-genetic, historical-comparative, and retrospective methods were used. The author pays special attention to the analysis of the text, the style and tone of the documents, which prove that Russian-Indian relations initially were regarded as partnership, built on respectful and fair principles, and never had even a sign of colonial superiority.*

Results. *The study of unique sources made it possible to reconstruct Russian-Indian relations during a long historical period, to show the positive impact of stereotypes of the collective memory of the peoples of Russia and India on modern relations between the two countries, which are privileged strategic partners.*

Conclusions. *Historical contacts between Russia and India during the 17th-19th centuries cannot be represented as curious, but insignificant episodes. This is a well-formed direction in Russian foreign policy. Contacts of this period are extremely important, since they formed the goals of contacts between the two countries, the notion of the peoples about each other, the view on the traits of the national character, the respect of the peoples for each other, which influenced the modern relations between Russia and India.*

Keywords: *Russian-Indian relations; embassies in India; diplomatic relations; Russian Indology; Gerasim Lebedev.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Cheremushnikova I.K. Privileged strategic partners: The history of the establishment of cultural and diplomatic relations between Russia and India in XVII-XIX century. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(3):189–199. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-189-199.

Received 25.03.2025 Accepted 30.04.2025 Published 16.06.2025

***

Введение

Индия является важнейшим экономическим и стратегический партнером России, при этом всегда подчеркивается долгая историческая традиция и привилегированный характер отношений двух стран. В современной практике прямых контактов стран и лидеров государств оформился новый тренд – апелляция к предыдущему историческому опыту, который становится (и это особо подчеркивается) важнейшей основой, на которой выстраивается современная конфигурация связей. Значительно влияет на эти отношения исторически закрепившееся

восприятие народов друг другом, которое стало частью коллективного сознания.

Этнические представления народов друг о друге представляют собой итог обработки информации, воспринимаемой в ходе долгих исторических связей. Результат ее обработки и стереотипы восприятия, которые возникают на основе этой информации, часто оказывают позитивное или негативное влияние на взаимодействие между нациями, этническими группами и государствами [1, с. 69]. Первые исторические контакты особо важны, поскольку в них закладывается представление о чертах национального характера, степень уважения народов друг к другу, оформляются цели контактов, формируется модус дипломатических и культурных связей. Представление о качестве ранних исторических связей России и Индии, их глубине и стилистике делает актуальным исследования на подобную тему.

Целью статьи является восполнение представлений об интенсивности и направленности культурных и дипломатических контактов России и Индии в XVI–XIX вв., а также вопрос о том, как они повлияли на современные отношения двух стран. Необходимо также более подробно остановиться на вкладе Герасима Лебедева и показать его роль в формировании науки о культуре.

Методология

Если обратиться к историографии вопроса, то нужно заметить, что русско-индийские отношения стали предметом исследования уже в 1920-30-е гг. Индийская колония была описана Н.Н. Пальмовым в «Этюдах по истории приволжских калмыков» [2]. В 1940–50-е гг. русско-индийские отношения исследовались в работах Н.М. Гольдберга[1] и А.Д. Малиновского [3]. В это же время появился интерес к фигуре Г.С. Лебедева [4]. В 1957 г. в журнале «Вопросы истории» вышла статья А.И. Юхта, также целиком посвященная астраханской колонии индийских купцов и отражающая восточное направление во внешней политике русского государства [5].

В 1958 и 1965 гг. произошли важные для отечественной индологии события – Центральным государственным архивом древних актов и Институтом востоковедения АН СССР было опубликовано 2 сборника документов, отражающих русско-индийские связи в течение XVII – середине XIX в. [6; 7] и содержащих 260 и 275 документов соответственно.

Что касается последних десятилетий, то начиная с 1990-х гг. русско-индийские связи были не самой актуальной темой, а «поворот на Восток» чаще всего означал обращение к истории и культуре Китая. В последние несколько лет ситуация медленно меняется и вновь разворачивается в сторону Индии. Появляются статьи о жизни индийского купечества в Астрахани [8; 9], исследование различных аспектов деятельности Афанасия Никитина [10], Герасима Лебедева [11; 12], а также посвященные другим аспектам в отношениях двух стран.

Наша статья является продолжением серии исследований, сделанных на основе анализа упомянутых выше сборников документов по истории русско-индийских связей XVII–XIX вв. При проведении исследования применялись принципы объективности и историзма, историко-генетический, историко-сравнительный и ретроспективный методы. Особое внимание при анализе текста уделено стилистике и тону документов, которые доказывают, что русско-индийские отношения изначально мыслились как дружеские и партнерские, никогда не имели и следа колониального превосходства.

Документы можно условно разделить на три группы. Первая группа связана с деятельностью Астраханской колонии индийских купцов и охватывает период XVII–XVIII вв. Согласно Ключарев-

[1] Гольдберг Н.М. Русско-индийские отношения в XVII в. М., 1949.

ской летописи, составленной в начале XIX в., первые индийские купцы прибыли из Ирана и Закавказья и обосновались в Астрахани в 1615–1616 гг. [13] Среди документов – данные о количестве проживающих купцов, обращения индийских купцов к местным и центральным властям, документы таможни, списки товаров, описание нравов и обычаев индийцев. Колония просуществовала в Астрахани вплоть до середины XIX в. и сыграла важную роль в знакомстве народов друг с другом. Эти связи, несмотря на конкуренцию русских и индийских торговцев, сформировали у русского населения дружеское восприятие Индии. Жизни индийской колонии нами была посвящена отдельная статья [14], поэтому здесь мы приведем лишь основной вывод о ее роли в русско-индийских связях. Эти контакты дали народам двух стран первый бесценный опыт знакомства с культурой, языком, религией, обычаями, чертами национального характера друг друга, стали источником сближения двух культур.

Вторая группа документов связана с деятельностью Посольского приказа, который готовил посланников в Индию. Она содержит наказы послам, в том числе наказы царей, а также содержит донесения и отчеты послов, бесценные свидетельства русских путешественников, побывавших в Индии. Истории русских посольств в Индию также была посвящена отдельная статья [15], главный вывод которой заключался в том, что восточное направление было важной частью внешней политики России, а сведения послов и путешественников расширяли знания русских об Индии, ее народе, традициях, верованиях.

Отдельно можно выделить группу документов, связанных с путешествием и научными изысканиями Герасима Степановича Лебедева, который заложил основы подлинно научного подхода к изучению «чужой» культуры и стал основоположником русской гуманистической индологии.

Результаты и обсуждение

Чаще всего точкой отсчета русско-индийских отношений является путешествие Афанасия Никитина, который первым побывал в Индии в XV в. Между тем об Индии на Руси знали гораздо раньше. Страна «Инди» упоминается в «Повести временных лет, а в XII веке пришло на Русь «Сказание об Индии богатой» [9, с. 583]. Вплоть до XVII в. контакты с Индией носили эпизодический характер, оставались более-менее случайными акциями, предпринятыми одиночками на свой страх и риск, а сведения о них были не вполне достоверными.

Контакты с иностранцами имело очень ограниченное количество наших соотечественников. Большая часть из них формировала свое представление о «чужой культуре» далекой Индии, слушая «сказки» путешественников, безотчетно доверяя оценкам очевидцев и также безотчетно усваивая их позицию. Роль этих «сказок», которые составили целый жанр в литературе, заключается в том, что они собирают разрозненные впечатления в единую картину [16, с. 234], которая затем становится коллективно разделяемой установкой для этноса в целом, а позже может повлиять на формирование стиля внешнеполитических контактов современных государств. Путешественники часто высказывают свое впечатление о нравах и национальном характере индийцев. Национальный характер – это особый культурный феномен, механизм, посредством которого выбирается реакция этноса в конкретной историко-культурной реальности. Эта реакция впоследствии проявляет себя как на индивидуально-психологическом, так и на общеисторическом уровне [17, с. 64]. В ранних контактах проявилась одна из лучших черт русского национального характера – отсутствие враждебности и всепоглощающего прагматизма, что положительно повлияло на восприятие русских индийцами.

В XVII–XVIII вв. заметна интенсификация этих контактов, которая происходит уже по государственной, а не по частной инициативе. В Индию было отправлено четыре посольства, а последнее из них увенчалось настоящим успехом.

Документы Посольского приказа не оставляют сомнения в том, что стремление установить дипломатические отношения с Индией были не эпизодическими случайными акциями, а вполне оформившимся направлением в российской внешней политике. Индия к этому времени уже воспринималась не как сказочная страна, а как государство, с которым выгодно иметь прямые торгово-экономические связи. Кроме того, Россия старалась извлечь выгоды из своего географического положения и стать посредником в торговле между Востоком и Западом.

Первое посольство 1646 г. возглавили казанский купец Никита Сыроежин и астраханский купец Василий Тушканов. Купцы-посланники представляли не свои, а государственные интересы, поэтому наказы инструктировали их особым образом: послам запрещалось *«отдавать грамоты вместо государя приказным людям», «кланяться мертвому камню»* до появления самого шаха. Особый запрет был на обряд *«целовать шаха в ногу»,* поскольку *«всех государей христианских и мусурманских целовали в руку».* Послам наказывали на все вопросы отвечать *«остерегательно, чтоб государеву имени было к чести»* [6, с. 54, 69]. Им поручалось узнать *«сколько сильна индейская земля людьми и казною», «родится ли в-Ындее хлеб и в колько мере»* [6, с. 58]. Им также надлежало выяснить *«как относится шах-Джаган к русскому царю… и в любви и ссылке быть хочет ли».* К сожалению, это хорошо подготовленное посольство застряло в Персии, а послы были вынуждены вернуться на Родину [6, с. 80].

Однако дипломатические попытки не прекратились, и пять лет спустя в 1651 г. «*для отведывания торгового промыслу*» снаряжено было новое посольство во главе с купцами Родионом Пушниковым и Иваном Деревенским. И снова персидские власти «*чинили русским купцам большие убытки*», запретили проезд в Индию и «*с дороги воротили назад*» [6, с. 117].

В 1675 г. во время правления Аурангзеба снаряжено было третье посольство. Его возглавил мусульманин из Астрахани Мухаммед Юсуф Касимов. Царский наказ посланникам стал более настойчивым: слова «*проведать*», «*испросить*», «*узнать*» заменялись словами «*домогатца всякими меры накрепко!*». Если раньше царя интересовала экзотика, к примеру «*каменья*», «*ткани камчатые*», «*слоны и бабры*» (тигры) для дворцового зверинца, то теперь послам следовало разузнать о таких «*семенах, зверях и птицах*», которые в Российском государстве можно разводить в больших количествах в целях развития торговли и «*чаять быти приплоду*» [6, с. 242]. Через Бухару Касимов прошел благополучно и даже прибыл в Кабул, первый из крупных городов Великих Моголов. Однако здесь его ждала неудача – правитель Аурангзеб велел выдать русским послам 2000 рупий в знак особой милости, но повернул их назад. Единственное, что удалось выполнить Касимову – вызволить 40 русских пленников.

Единственная результативная попытка установить отношения с Индией относится уже к периоду правления Петра Первого. Она состоялась в 1695 г. и возглавлял ее опытный купец Семён Мартынович Маленький. Купца и его спутников ждал крупный успех. Они не только достигли Индии, но и побывали на аудиенции у правителя Индии Аурангзеба, получили от него «фирман» на право беспошлинной торговли. Аурангзеб в знак особого расположения передал в дар русскому царю «*слона малинькова*» [6, с. 372]. Они пробыли в Индии 5 лет, посетили крупнейшие города страны, включая Ак-Парабат (Агру) и Дилли (Дели), закупили товары на сумму 30 тыс. рублей. Эти товары (в основном драгоценные ткани, красители и специи)

были погружены на 2 корабля, один из которых на пути домой был отбит арабами в Персидском заливе, а другой добрался до Исфахана, где Семен Маленький внезапно заболел и умер. Остальные члены экспедиции вернулись в Москву и даже, согласно предоставленному отчету, распродали индиго на 17568 рублей [6, с. 370].

При преемниках Петра I попытки установить прямые контакты с Индией продолжились. *Стиль и слог документов становился более четким, сжатым, носил на себе отпечаток петровских реформ*. На смену реальным экспедициям пришло огромное количество проектов по созданию Русской Ост-Индской компании. Подобные проекты и планы образовали целый корпус документов [8, док. № 109, 17, 165, 170, 178, 170, 195]. Простое перечисление авторов проектов показывает, что ими занимались серьёзные государственные мужи: губернатор Оренбурга И.И. Неплюев, графы А.Ф. Воронцов и Ф.С. Салтыков. Не обошел своим вниманием этот вопрос и М.В. Ломоносов. Во времена правления Анны Иоанновны в 1734–1736 гг. появился проект И.К. Кириллова, который указывал на коммерческую ценность Оренбурга, поскольку «*из него до Индии ходу только 3 месяца*» [7, с. 136]. Позже Екатерина II также давала полную свободу оренбургским губернаторам относительно коммерции и наказывала «*показывать всякую милость, ласку и удовольствие купцам… лишь бы торговля оная могла простираться до Индии»* [7, с. 140–141]. Однако эти проекты не были воплощены по причине недостатка денег в казне.

Начало XIX в. можно считать периодом формирования российской индологии. Особую роль в знакомстве российской общественности с Индией, ее языками и культурой сыграл великий русский путешественник, гуманист, музыкант, лингвист и просветитель Герасим Степанович Лебедев, чья деятельность пришлась на время правления Екатерины II и Александра I.

Он восхищался Екатериной II за то, что «*сия Мудрая законодательница почитала за нужное иметь знание о языках*» [7, с. 493]. Интерес Лебедева к Индии возник вместе с развитием русской общественной мысли, с возросшим вниманием к Востоку образованных людей России. Именно его можно считать родоначальником отечественной гуманистической индологии. Не лишним будет заметить, что в XIX в. зазор между знаниями об Индии в Западной Европе и России всегда был минимальным или практически отсутствовал [18, с. 198]. При этом активное изучение экономики и культуры Индии со стороны Англии диктовалось практическими потребностями установления колониального господства, в то время как Герасим Лебедев продемонстрировал интерес подлинного ученого-культуролога к стране и ее народу и культуре.

Особое внимание необходимо обратить на гуманитарные воззрения Герасима Лебедева. На его глазах формировалось английское господство в Индии, которое держалось на деспотизме колониальных властей по отношению к местному населению. И хотя как ученый он приветствовал идеи европейского просвещенного абсолютизма, наблюдая за колониальной политикой Англии, он разочаровался в «*хвалостлавящихся английских законах*» [7, с. 462], поскольку британцы не пытались распространять эти прогрессивные законы на индийцев. Лебедев считал такое отношение британцев несправедливым и писал, что «*они* (индийцы) *ни мало на диких не похожи… и сию укоризну следует приписать тем, кто жесточайше с ними обходится, нежели самые лютые звери*». Он также был весьма высокого мнения о древней культуре Индии и считал, что индийцы, наследники великой культуры, «*чужова похищать* /копировать/ *…не расположены и завидовать никакой нации не имеют нужды»* [19].

Мечта побывать в Индии поселилась в нем еще в детские годы, а возможность

осуществить мечту появилась только в 1785 г. благодаря графу С.Р. Воронцову, русскому посланнику в Лондоне, который помог будущему ученому отправиться в Индию на корабле Ост-индской компании. Герасим Лебедев путешествовал по Индии целых 12 лет «*преодолевая трудности и изнурив здоровье ради пользы Российского государства в Восточной Индии… издержал более 50000 рупей, платя учителям за учение восточных языков… и тратил деньги на постройку собственного театра*» [7, с. 473].

Его миссия началась довольно удачно в Мадрасе. Слава хорошего музыканта обеспечила ему популярность и высокий доход. С самого начала он ставил целью изучить местные языки. Сначала «мальбарский (малаялам или тамильский), позже – бенгальский. В 1787 г. он переехал в Калькутту и стремился выучить священный язык санскрит, который дает ключ к понимаю основ индийской философии и культуры. Однако санскритом владели только брахманы и вначале, пишет Герасим Лебедев, они не желали идти на контакт, т. к. опыт общения с британскими властями заставил их смотреть «*на европейцев не инако как на бесчеловечных гонителей*» [7, с. 431]. Позже русский ученый установил контакты с представителями разных групп, сословий и каст, в том числе и с брахманами. И все они признали в нем не колонизатора, а друга.

У Лебедева на первый план выступил именно научный интерес к Индии. Обладая широким взглядом на значение науки, он полагал, что изучение стран и народов, их быта, истории, языков и верований должно способствовать установлению мирных взаимоотношений между странами и народами. Лебедев сам сформулировал цель своей миссии и всех оставленных им научных трудов. Он верил, что его работы «*удостоятся внимания не только соотчичей моих, но и разностранцев, …что они укрепят взаимную связь желаемого между народами дружелюбия»* [8, с. 540]. Как гуманист, он мечтал о «*всемирном благе», о «союзе рода человеческого… рассеянного по лицу земли»* [8, с. 541].

Освоение языков позволило ему составить словари, грамматики, написать несколько пьес и диалогов для театра, который он открыл в Калькутте. Хорошо понимая культуру Индии, он стремился сделать пьесы, понятные местному населению, перенося действие в индийские города Калькутту и Лакхнау. Индийский исследователь П.Н. Чоудхури пишет, что Лебедев тем самым пробуждал национальную гордость индийского народа [21, с. 54]. Однако популярность и первые же успехи театральных представлений Лебедева вызвали зависть и недовольство индийских властей. Очень быстро они довели его театр до разорения, была даже попытка сжечь театр. В мае 1797 г. он был вынужден закрыть театр, распродать все костюмы и декорации [7, с. 438–442].

Его возвращение из Индии в Россию было очень трудным, полным обид, потерь и унижения. Его бесценный багаж с образцами тканей и художественных промыслов Индии был испорчен. Он возвращался на корабле Ост-Индской компании через мыс Доброй Надежды и сначала прибыл Лондон. В Лондоне ему удалось опубликовать некоторые свои исследования по индийским языкам и на вырученные деньги он в 1801 г. наконец вернулся в Россию.

Последние годы своей жизни он прожил в Петербурге и занимался научной и издательской деятельностью. Герасим Лебедев обратился к императору Александру I с просьбой «*позволить обнародовать публике труды за казенный кошт*» [7, с. 495], а также предложил использовать его знания и способности на дипломатической службе России. Его просьба была удовлетворена, и Указом императора Александра I Лебедев был причислен к Академии наук со званием профессора восточных языков. В 1817 г., незадолго до смерти, он стал кавалером Ордена Святого Владимира четвертой степени и надворным советником.

Герасим Лебедев оставил заметный след в науке. Он не только составил сло-

вари восточных языков, создал шрифты этих языков для типографий, но и искал способы транскрибирования, исправлял ошибки предшественников-лингвистов, высказал идею о санскрите как о языке-первооснове, а Индию считал прародиной человечества. В его смелой историко-культурной концепции индуизм предстает как забытое «первоначальное христианство» [11, с. 190]. Главным недостатком «порченых» английских грамматик он считал то, что при английском транскрибировании искажался подлинный смысл слов. Заинтересовавшись сложной проблемой, практически неразрешимой для лингвистической науки того времени, он нашел русский алфавит наиболее подходящим для этой цели. В предисловии к своей главной книге «Безпристрастное созерцание…» он писал: «*…все индийские речения писал я не европейскому, но индийскому последуя произношению*» [19, с. 11].

Он немало сделал и для утверждения сравнительного метода в науке и считал, что для установления истины необходимы «*взаимные, а не одним человеком проводимые исследования»* [7, с. 430]. Как ученый он понимал важность междисциплинарных исследований культуры и уделял внимание не только языкам, но и индийской мифологии, литературе, космогонии, математике, астрономии и другим наукам.

Примечательно, что его главный труд, вышедший в 1805 г., называется «*Беспристрастное созерцание систем восточной Индии брагменов, священных обрядов их и народных обычаев*». Уже само слово «беспристрастное» отражает понимание того, что культуры нельзя сравнивать с целью обесценивания, а все его повествования проникнуты глубочайшим интересом, уважением и симпатией к культуре Индии. В первой и второй главах содержатся сведения о главных богах, храмах и праздниках. Особый интерес представляет пятая глава «О нравах и обычаях индийцев». Его восхищает, что индийцы «*отвращаются от пиянства*», что у них «*супружеские союзы… свято наблюдаются*», что «*совесть они имеют весьма нежную*», «*наклонны к справедливости*» и «*присягу свято наблюдают».* Если же они *«плутуют в торговле»,* то *«тому обману обучены европейцами»* [19].

Он весьма близко подошел к современному пониманию касты как сословной категории, подчеркивая ее замкнутость: «*каждый класс …к своему званию так привязан, что никогда род жизни или рукомеслие на другой переменить не согласится*» [19, с. 37]. Он выделил и описал 4 основных касты и многочисленные группы внутри них. В описании касты ремесленников-шудр он выделил людей 36 профессий – от лекарей до «дрянечистителей».

Описывая богатства и экономические возможности Индии, он приходит к выводу, что Индия «*почитаться может материю всеобщей коммерции*». Даже простое перечисление европейских стран, борющихся за колониальное первенство в Индии, показывает, что Лебедев хорошо разбирался в экономической политике: он перечисляет их в порядке значимости. Его особенно возмущает, что русскими товарами в Индии торгуют англичане, «*из чего не трудно усмотреть… коликих мы лишаемся выгод*» [19, с. 76].

Выводы

Можно смело утверждать, что в начале XIX в. не было более крупного знатока Индии, чем Герасим Степанович Лебедев. И стоит лишь пожалеть о том, что он не успел осуществить все задуманное, опубликовать свои уникальные труды. Личность и вся жизнь этого «буреборственного путешественника», как называли его современники, – памятник и символ добрых традиций, которые сделали Индию и Россию привилегированными партнерами.

Еще раз хочется обратить внимание на тон цитируемых документов. Он ясно демонстрирует, что отношение к Индии, ее народу и правителям с момента уста-

новления первых прямых контактов никогда не было ни пренебрежительным, ни заискивающим. Русские цари могли выразить настойчивость и нетерпение в установлении связей, но политика России по отношению к Индии от самых ее истоков предполагала равенство позиций и не ставила целью ограбление или превращение в колонию. В своих грамотах они обращались к правителям Индии как равные к равным, и не иначе как «*к брату нашему».* Будущие торговые отношения, к которым так стремилась Россия, изначально мыслились как дружеские и партнерские, на уважительных и справедливых началах. К культуре Индии русские путешественники относились с интересом и уважением: нами не встречено ни одного высокомерного или уничижительного комментария о нравах и обычаях индийцев.

Что же касается общих выводов, то контакты России и Индии на протяжении XVII–XIX вв. не могут быть оценены как ряд занимательных, но малозначимых эпизодов. Это вполне оформившиеся культурные связи, которые повлияли на искренний и дружеский характер современных отношений двух стран и двух народов.

Список литературы

1. Панягин А.А. Стереотипы национальной культуры в межкультурном общении // Вестник Мордовского университета. 2008. Т. 18, № 3. С. 6–73.

2. Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. I-IV. Астрахань: Калмыцкий обл. испол. ком., 1926-1932.

3. Малиновский А.Д. Известия об отправлениях в Индию российских посланников, гонцов и купчин с товарами и о приездах в Россию индийцев с 1469 по 1751 г. // Глазами друзей: Русские об Индии: сборник. М.: Госполитиздат, 1957. 408 с.

4. Воробьев-Десятовский В.С. Русский индианист Герасим Степанович Лебедев (1749–1817) // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 2. М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1956. С. 36–73.

5. Юхт А.И. Индийская колония в Астрахани // Вопросы истории. 1957. № 3. С. 135–143.

6. Русско-индийские отношения в XVII в.: сборник документов / [сост. К.А. Антонова, Н.М. Гольдберг, Т.Д. Лавренцова]. М.: Наука, 1958. 453 с.

7. Русско-индийские отношения в XVIII в.: сборник документов / [сост.: Р.В. Овчинников, М.А. Сидоров]. М.: Наука, 1965. 656 с.

8. Магомедов Н.А., Маграмов Н.А. Индийское купечество в развитии торговых контактов Дербента с Астраханью в XVII в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 8(46), ч. 2. С. 105–108.

9. Мейтарова О. Д. История торговых, культурных и духовных отношений России и Индии с древних времен до конца XIX века // Гуманитарное пространство. 2017. Т. 6, № 3. С. 583–591.

10. Лосева Н.В. Российско-индийские взаимоотношения: через культуру к взаимопониманию (Афанасий Никитин как центр притяжения Твери и Индии) // Грани культуры: актуальные проблемы истории и современности: материалы XIX Всероссийской научной конференции с международным участием. М., 2025. С. 195–202.

11. Васильков Я.В. Новое о первом русском индологе: письма Герасима Лебедева И.Ф. Крузенштерну // Письменные памятники Востока. 2012. № 1(16.) С. 188–206.

12. Волошина О.А. Индийский мечтатель (о путешествии Герасима Лебедева в Индию) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2013. № 5. С. 114–129.

13. Васильев К. Ключаревская летопись: история о начале и возобновлении Астрахани, случившихся в ней бунтах, об архиереях в оной бывших, а также о воеводах, градоначальниках и губернаторах. Астрахань: Астрах. Кирилло-Мефодиев. о-во, 1887. 89 с.

14. Черёмушникова И.К., Петров А.В. "Из-Ындеи в Астрахань, в Казань, на Москву": из истории культурных, торговых и дипломатических связей России и Индии в XVII в. // Общество: философия, история, культура. 2023. № 10 (114). С. 175-180.

15. Черёмушникова И.К., Петров А.В. «…Быти в брацкой дружбе, любви и ссылке с-Ындеей желаем: как знакомились Россия и Индия (из истории культурных и дипломатических связей в XVII-XVIII вв.) // Вестник культуры и искусств. 2023. № 3 (75). С. 87–96.

16. Веденин Ю.А. Культурно-географический подход к изучению литературных путешествий // Наследие и современность. 2022. Т. 5, № 3. С. 232–257.

17. Лурье С. В поисках русского национального характера // Отечественные записки. 2002. № 3. С. 62–68.

18. Тараканов В.В., Черёмушникова И.К., Киселев А.А. История и культура Индии в исследованиях волгоградских востоковедов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22, № 3. С. 194–200.

19. Лебедев Г.С. Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии брагменов, священных обрядов их и народных обычаев. Ярославль: Академия развития, 2009. 128 с.

20. Чоудхури Прабир Наг. Первый российский индолог // Азия и Африка сегодня. 1982. № 12. С. 52-58.

References

1. Panyagin A.A. Stereotypes of national culture in intercultural communication. *Vestnik Mordovskogo universiteta = Bulletin of the Mordovian University*. 2008;18(3):6-73. (In Russ.)

2. Pal'mov N.N. Studies on the history of the Volga Kalmyks. pt. I-IV. Astrakhan': Kalmytskii obl. ispol. kom.; 1926-1932. (In Russ.)

3. Malinovskii A.D. The news about the departure of Russian envoys, messengers and merchants with goods to India and about the arrival of Indians in Russia from 1469 to 1751. *Glazami druzei: Russkie ob Indii: sbornik = Through the eyes of friends: Russians about India: collection*. Moscow: Gospolitizdat; 1957. 408 p. (In Russ.)

4. Vorob'ev-Desyatovskii V.S. Russian indianist Gerasim Stepanovich Lebedev (1749-1817). *Ocherki po istorii russkogo vostokovedeniya = Essays on the History of Russian Oriental Studies*. Is. 2. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR; 1956. P. 36-73. (In Russ.)

5. Yukht A.I. Indian colony in Astrakhan. *Voprosy istorii = History issues*. 1957;(3):135-143. (In Russ.)

6. Antonova K.A., Gol'dberg N.M., Lavrentsova T.D. Russian-Indian relations in the 17th century: a collection of documents. Moscow: Nauka; 1958. 453 p. (In Russ.)

7. Ovchinnikov R.V., Sidorov M.A. Russian-Indian relations in the XVIII century: a collection of documents. Moscow: Nauka; 1965. 656 p. (In Russ.)

8. Magomedov N.A., Magramov N.A. Indian merchants in the development of trade contacts between Derbent and Astrakhan in the 17th century. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie = Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Theory and Practice*. 2014;(8-2):105-108. (In Russ.)

9. Meitarova O. D. The history of trade, cultural and spiritual relations between Russia and India from ancient times to the end of the 19th century. *Gumanitarnoe prostranstvo = Humanitarian Space*. 2017;6(3):583-591. (In Russ.)

10. Loseva N.V. Russian-Indian relations: through culture to mutual understanding (Afanasy Nikitin as the Center of attraction between Tver and India). *Grani kul'tury: aktual'nye problemy istorii i sovremennosti: materialy XIX Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem = Facets of Culture: current problems of History and modernity: proceedings of the 19th All-Russian scientific conference with International Participation*. Moscow; 2025. P. 195-202. (In Russ.)

11. Vasil'kov Ya.V. New information about the first Russian Indologist: letters from Gerasim Lebedev to I.F. Kruzenstern. *Pis'mennye pamyatniki Vostoka = Written Monuments of the East.* 2012;(1):188-206. (In Russ.)

12. Voloshina O.A. The indian dreamer (about Gerasim Lebedev's journey to India). *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost' = East. Afro-Asian Societies: History and modernity*. 2013;(5):114-129. (In Russ.)

13. Vasil'ev K. Klyucharev Chronicle: the story of the beginning and renewal of Astrakhan, the riots that took place in it, the former bishops, as well as the voivodes, mayors and governors. Astrakhan': Astrakh. Kirillo-Mefodiev. o-vo; 1887. 89 p. (In Russ.)

14. Cheremushnikova I.K., Petrov A.V. "From India to Astrakhan, to Kazan, to Moscow": from the history of cultural, trade and diplomatic relations between Russia and India in the 17th century. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura = Society: Philosophy, History, Culture*. 2023;(10):175-180. (In Russ.)

15. Cheremushnikova I.K., Petrov A.V. "...We wish you to be in brotherly friendship, love and exile with your family: how Russia and India got acquainted (from the history of cultural and diplomatic relations in the 17th-18th centuries). *Vestnik kul'tury i iskusstv = Culture and Arts Herald*. 2023;(3):87-96. (In Russ.)

16. Vedenin Yu.A. A cultural and geographical approach to the study of literary travel. *Nasledie i sovremennost' = Heritage and Modern Times*. 2022;5(3):232-257. (In Russ.)

17. Lur'e S. In search of the Russian national character. *Otechestvennye zapiski = Domestic notes*. 2002;(3):62-68. (In Russ.)

18. Tarakanov V.V., Cheremushnikova I.K., Kiselev A.A. The history and culture of India in the studies of volgograd orientalists. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya = Sciences Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations*. 2017;22(3):194-200. (In Russ.)

19. Lebedev G.S. An unbiased contemplation of the systems of the East Indian Brahmins, their sacred rituals and folk customs. Yaroslavl': Akademiya razvitiya; 2009. 128 p. (In Russ.)

20. Choudkhuri Prabir Nag. The first russian indologist. *Aziya i Afrika segodnya = Asia and Africa Today*. 1982;(12):52-58. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Черёмушникова Ирина Кабдрахимовна, доктор философских наук, профессор кафедры истории и культурологии, Волгоградский государственный медицинский университет, г. Волгоград, Российская Федерация,
e-mail: inhabitus@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-7211-0503,
Author ID: 472073

Irina K. Cheremushnikova, Doctor of Sciences (Philosophical), Professor of the History & Culture Science Department, Volgograd State Medical University, Volgograd, Russian Federation,
e-mail: inhabitus@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-7211-0503,
Author ID: 472073

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47)

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-200-210

(cc) BY 4.0

Из опыта работы комсомольских паровозов на Курском железнодорожном узле в 1930-1950-е годы

С.А. Душкин[1]✉, А.Н. Манжосов[2]

[1]Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

[2]Совет ветеранов Железнодорожного округа города Курска
ул. Станционная, д. 15, г. Курск, 305044, Российская Федерация

✉e-mail: serezha.dushkin65@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *Исторический опыт участия молодежи в восстановлении разрушенных войной предприятий достаточно полно отражен в научной литературе. Но продолжают оставаться малоизученными отдельные аспекты реализации молодежных инициатив на транспорте с учетом региональной специфики. Объективный анализ деятельности локомотивных бригад Курского железнодорожного узла, работавших на комсомольских паровозах в 1940-1950-е годы, позволяет раскрыть новаторские подходы в профессиональной деятельности бригад комсомольского паровоза Э^{у} 712-14, возглавляемых фронтовиками И.А. Гладилиным и И.А. Старосельцевым, что может успешно использоваться в современных условиях при организации производственных процессов на железных дорогах страны.*

Цель исследования *состоит в комплексном рассмотрении на основе вновь выявленных документальных источников передовых практик производственной деятельности молодых курских машинистов.*

Задачи*: раскрыть специфику работы молодых железнодорожников на восстановлении магистралей Курской области в рассматриваемый период, отразить связь их боевых биографий с успехами в трудовой деятельности.*

Методология*. В качестве методологической основы авторы ориентировались на принципы объективности и историзма. С целью решения поставленных задач использовались историко-системный, биографический и ретроспективный методы.*

Результаты*. Комплексное исследование на основе архивных и печатных источников позволило создать четкое представление о роли молодежи Курского узла в использовании передовых технологий и эффективных методов производства в ходе эксплуатационной работы на Курском отделении Московско-Курской железой дороги в 1930-1950-е годы.*

Выводы*. Трудовые традиции по вождению комсомольских паровозов, зародившиеся на Курском железнодорожном узле ещё в середине 1930-х годов, получили массовое развитие в послевоенный период. Это способствовало усилению активности молодых локомотивщиков, которые обеспечили ускоренное восстановление паровозного хозяйства и совершенствование работы паровозного парка. В годы послевоенного восстановления предприятий железнодорожного транспорта важную роль играло добросовестное и творческое отношение молодежи к своим должностным обязанностям.*

Ключевые слова*: комсомольские паровозы; восстановительный период; железнодорожный транспорт; суточный пробег; локомотив.*

Конфликт интересов*: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Душкин С.А., Манжосов А.Н. Из опыта работы комсомольских паровозов на Курском железнодорожном узле в 1930-1950-е годы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 3. С. 200–210. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-200-210.

Поступила в редакцию 19.04.2025 Принята к публикации 05.05.2025 Опубликована 16.06.2025

© Душкин С.А., Манжосов А.Н., 2025

From the experience of komsomol steam locomotives at the Kursk railway junction in the 1930-1950s

Sergey A. Dushkin[1] ✉, Alexander N. Manzhosov[2]

[1] Southwest State University
50 let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

[2] Council of Veterans of the Kursk Railway District
15 Stancionnaya Str., Kursk 305044, Russian Federation

✉e-mail: serezha.dushkin65@yandex.ru

Abstract

Relevance. *The historical experience of youth participation in the restoration of war-torn enterprises is quite fully reflected in the scientific literature. However, certain aspects of the implementation of youth initiatives in transport, taking into account regional specifics, remain poorly studied. An objective analysis of the activities of locomotive crews of the Kursk railway junction, working on Komsomol steam locomotives in the 1940-1950s, allows us to reveal innovative approaches in the professional activities of the crews of the Komsomol steam locomotive EU 712-14, led by front-line soldiers I.A. Gladilin and I.A. Staroseltsev, which can be successfully used in modern conditions when organizing production processes on the country's railways.*

The purpose *of the study is to comprehensively examine, based on newly identified documentary sources, the best practices of the production activities of young Kursk engineers.*

Objectives: *to reveal the specifics of the work of young railway workers on the restoration of the main lines of the Kursk region in the period under review, to reflect the connection of their combat biographies with successes in their work.*

Methodology. *As a methodological basis, the authors focused on the principles of objectivity and historicism. In order to solve the problems, historical-systemic, biographical and retrospective methods were used.*

Results*. A comprehensive study based on archival and printed sources allowed us to create a clear idea of the role of the Kursk junction youth in the use of advanced technologies and efficient production methods during operational work at the Kursk branch of the Moscow-Kursk Railway in the 1930s-1950s.*

Conclusions. *The labor traditions of driving Komsomol steam locomotives, which originated at the Kursk railway junction in the mid-1930s, were widely developed in the post-war period. This contributed to the increased activity of young locomotive drivers, who ensured the accelerated restoration of the locomotive economy and the improvement of the locomotive fleet. During the years of post-war restoration of railway enterprises, an important role was played by the conscientious and creative attitude of young people to their job responsibilities.*

Keywords: *Komsomol steam locomotives; recovery period; railway transport; daily mileage; locomotive.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Dushkin S.A., Manzhosov A.N. From the experience of komsomol steam locomotives at the Kursk railway junction in the 1930-1950s). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(3):200–210. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-200-210.

Received 19.04.2025 Accepted 05.05.2025 Published 16.06.2025

***

Введение

На современном этапе экономического развития Российской Федерации значительно повышается роль железнодорожного транспорта. Проблемы функционирования железных дорог, особенно в экстремальных условиях, т. е. в периоды военных действий и восстановления разрушенной транспортной инфраструктуры, требуют детального и всестороннего исследования историков, в частности на региональном уровне.

К сожалению, трудовая деятельность молодых железнодорожников в период первых пятилеток и первые послевоенные годы, их участие в восстановлении и стабилизации работы железных дорог, особенно пострадавших в период немецко-фашистской оккупации, советскими и российскими историками изучалась недостаточно. Даже в фундаментальных изданиях, освещающих историю комсомола в довоенный и послевоенный периоды [1], эти проблемы не получили достаточного освещения [2]. Лишь единичные аспекты изучаемой проблемы получили освещение в работах курских историков В.В. Коровина [3], А.В. Величко [4], Е.А. Головина [5], А.Н. Манжосова [6] и других [7].

Методология

В основу исследования были положены принципы объективности и историзма, предполагающие всесторонний анализ выявленных документальных источников, а также выявление как положительных, так и отрицательных аспектов изучаемого явления в его развитии. Для решения поставленных задач авторы использовали следующие методы: историко-системный – позволил рассмотреть деятельность комсомольских паровозных бригад Курского железнодорожного узла как часть исторического процесса, взаимосвязанного с социально-экономическими и политическими тенденциями 1930–1950-х годов; биографический – способствовал изучению личных историй участников событий, их вклада в развитие железнодорожного транспорта, а также связи их боевых и трудовых биографий; ретроспективный – обеспечил восстановление картины производственной деятельности молодых железнодорожников на основе архивных данных и воспоминаний.

Выявленная в источниках информация была систематизирована и проанализирована, что позволило провести комплексное исследование деятельности комсомольских паровозных бригад Курского железнодорожного узла в 1930–1950-е годы.

Результаты и их обсуждение

Руководители транспортных предприятий поддерживали разнообразные молодежные инициативы, направленные на повышение производительности труда, обеспечение бесперебойной работы транспортного конвейера. В паровозном депо Курск Московско-Курской железной дороги бывшие фронтовики – молодые локомотивщики в первые послевоенные годы возродили практику вождения комсомольских паровозов. Такая инициатива среди молодых курских железнодорожников зародилась еще в годы предвоенных пятилеток.

Так, в августе 1931 г. в паровозном депо Курск-Северное была организована первая комсомольская бригада, которая перевела паровоз $Э^{У}$ 680-11 на хозяйственный расчет. В состав этой бригады входили: машинист А.Д. Кондратьев, помощник машиниста П.З. Гончаров и кочегар М.А. Булатников [8, с. 26].

Весной 1932 г. по решению узлового комитета комсомола (секретарь – И.М. Снегирев) был оборудован пассажирский локомотив $С^{У}$9682. На этот паровоз в качестве машинистов были переведены комсомольцы А.Д. Кондратьев и А.М. Шаталов [9, с. 174].

Вскоре комсомольская бригада $С^{У}$-9682 добилась значительных результатов в выполнении суточного пробега паровоза, в экономии топлива и смазке[1]. Вступив в соревнование с локомотивными бригадами комсомольских паровозов Московско-Курской железной дороги, А.Д. Кондратьев и А.М. Шаталов довели межпромывочный пробег своего паровоза до 4644 км, сэкономили 8,7 т топлива.

Вскоре почин машинистов А.Д. Кондратьева и А.М. Шаталова поддержали паровозные бригады товарного паровоза

[1] Свободный путь. 1933. 29 марта.

Э^{У} 680-11 во главе с машинистом В.В. Табачковым. Бригады этого паровоза добились значительной экономии топлива. Обеспечили ликвидацию опозданий поездов.

В середине 1933 г. молодые курские железнодорожники – участники третьего Всесоюзного конкурса спаренных паровозных бригад организовали три комсомольские бригады пассажирских и семь бригад товарных паровозов.

С развитием стахановско-кривоносовского движения на Курском железнодорожном узле в число лидеров соревнования выдвинулась бригада комсомольского паровоза ФД 20-411 старшего машиниста Г.Е. Старосельцева.

В речи, произнесенной 14 ноября 1935 года на Первом Всесоюзном совещании рабочих и работниц – стахановцев, народный комиссар путей сообщения Л.М. Каганович подчеркнул, что «стахановско-кривоносовское движение широко развернулось среди паровозных машинистов. В результате инициатив передовых железнодорожников… техническая скорость в среднем поднялась в октябре [1935 г.] до 27,4 км/час, т. е. на 21,7% выше, чем была скорость в 1934 г. Поднятие производительности труда, увеличение технической скорости позволили… обходиться меньшим числом локомотивных бригад» [10, с. 195].

26 сентября 1935 г. локомотивная бригада комсомольского паровоза ФД 20-411 (машинист Г.Е. Старосельцев, помощник машиниста В.Г. Маркин, кочегар И. Калуцкий) первой в паровозном депо Курск-Северное провела поезд весом 1722 т со скоростью 43 км/час (при нормативе на Московско-Курской ж.д. 35,8 км/час), а 27 сентября 1935 г. бригада Г.Е. Старосельцева добилась увеличения технической скорости до 45,5 км/час[1].

Уже к концу октября 1935 г. бригада Г.Е. Старосельцева добилась самой высокой в день скорости – около 60 км/час[2].

14 октября 1935 г. дорожная газета «Ударник Курской» в статье «Лучший кривоносовец-марковец Курска – машинист Старосельцев» отметила: «В авангарде марковцев Курска идет машинист комсомольского паровоза ФД 20-411 тов. Старосельцев. Изо дня в день он перевыполняет заданную на участке Курск – Поныри скорость в 35,8 км/час. 7 октября Старосельцев установил техническую скорость 54,33 км/час, а 9 октября – 59,3 км/час…».

Выступая на страницах узловой газеты «Свободный путь», машинист Г.Е. Старосельцев указывал, что «надо чувствовать себя на мощном паровозе, от которого ты должен взять всё…»[1].

В октябре 1935 г. курская областная газета «Молодая гвардия» посвятила несколько номеров описанию рекордов, установленных бригадой комсомольского паровоза ФД 20-411.

В январе 1936 г., узнав об инициативе тульских машинистов А.С. Огнева и В.П. Миронова о повышении межпромывочного пробега паровоза более чем в 4 раза (т. е. до 13 тыс. км в месяц), бригады комсомольского паровоза Г.Е. Старосельцева взяли на себя обязательства: к открытию X съезда ВЛКСМ (апрель 1936 г.) достичь 13 тыс. км пробега своего паровоза[3].

Весной 1936 г. бригады комсомольских паровозов в депо Курск одними из первых начали водить тяжеловесные поезда. Так, 9 апреля 1937 г. на участке Курск-Орел молодой машинист И.В. Жданов провел тяжеловесный состав в 4136 т, превысив весовые нормативы более чем два раза[4].

В преддверии 20-й годовщины ВЛКСМ 1 октября 1938 г. молодые машинисты депо Курск включились в со-

[1] Свободный путь. 1935. 2 октяб.

[2] Молодая гвардия. 1935. 20 нояб.

[3] Свободный путь. 1936. 5 янв.; 9 февр.

[4] Свободный путь. 1937. 14 апр.

ревнования за достижение высоких межпромывочных пробегов. Так, машинисты комсомольского паровоза ИС 20-143 (ст. машинист А.Д. Кондратьев), ИС 20-09 (ст. машинист В.Г. Маркин) установили всесоюзные рекорды межпромывочных пробегов паровозов более чем в 60 тыс. км, превысив нормативы в 12-13 раз при значительной экономии угля (от 85 до 110 т).

2 октября 1938 г. машинисты комсомольского паровоза ФД 20-411 В.А. Михайлов, Ф.Г. Каширцев, А.Ф. Яковенко завершили рейс, посвященный XX-летию комсомола, увеличив пробег грузового паровоза почти в пять раз[1].

28 марта 1939 г. бюро Курского горкома ВЛКСМ рассмотрело опыт работы бригады комсомольского паровоза Э^{Ш}-4013 (машинист И.П. Чуйков, помощник машиниста И.М. Печенев, кочегар Шутко) и рекомендовало его к широкому применению [11, л. 45–46]. Вскоре машинист И.П. Чуйков был награжден именными часами начальника дороги имени Ф.Э. Дзержинского.

5 августа 1940 г. Курский обком ВЛКСМ принял постановление «О праздновании пятой годовщины стахановского движения». Всем горкомам и райкомам комсомола области было предложено «проведение пятой годовщины стахановского движения организовать так, чтобы каждая первичная комсомольская организация ежедневно занималась вопросами развития стахановского движения среди комсомольцев и молодежи…, контролируя выполнение взятых обязательств по социалистическому соревнованию» [12, л. 190].

В числе лидеров производственного соревнования на IV Курской городской комсомольской конференции осенью 1940 г. была отмечена бригада комсомольского паровоза ИС 20-142 (машинист Г.Е. Старосельцев, помощник машиниста Г.М. Гладилин и кочегар Н.М. Бородавченко), которая увеличила пробег своего паровоза до 7590 км [13, л. 10].

20 октября 1940 г. отделенческая газета «По Сталинскому пути» опубликовала фотоснимок, на котором изображены Г. Старосельцев и его помощник Г. Гладилин, стоявшие возле паровоза. Они досрочно обеспечили подготовку своего локомотива к работе в зимних условиях.

Отметим, что большинство курян – членов бригад комсомольских паровозов в годы Великой Отечественной войны принимали участие в обеспечении воинских перевозок на фронтовых участках железных дорог.

Так, весной 1947 г. бригады комсомольского паровоза Э^{У} 701-75, на котором трудились участники войны, молодые машинисты И.И. Агенков, В.А Брюховецкий и В.Ф. Лятач, провели 57 большегрузных поездов[2], достигнув месячного пробега паровоза до 1000 км [14, л. 35 об.].

Включившись в соревнование по достойной встрече тридцатилетия комсомола, молодые работники паровозного депо Курск добились повышения производительности труда на 36%. Суточный пробег комсомольско-молодежных локомотивов был увеличен на 10% из экономии топлива до 400 т угля [15, л. 45–46].

Инициатива молодых курян по вождению и обслуживанию паровозов комсомольскими бригадами получила развитие на всей Московско-Курской железной дороге [16]. Комсомольцы и молодежь паровозного депо Курск приняли повышенные обязательства по достойной встрече XI съезда ВЛКСМ. Бюро Курского горкома комсомола одобрило инициативу комсомольцев депо и обязало все комсомольские организации города обсудить обращение работников депо Курск [17, с. 266].

В числе лидеров производственного соревнования были бригады комсомольского паровоза Э^{У} 714-12, с 1947 по 1949 г.

[1] По Сталинскому пути. 1938. 24, 29 окт.

[2] Курский железнодорожник. 1947. 1 мая.

возглавляемые старшим машинистом В.А. Брюховецким [18, с. 32]. 22 марта 1949 г. «за активное участие в социалистическом соревновании и достижение высоких производственных показателей» Секретариат ЦК ВЛКСМ наградил комсомольско-молодежную бригаду паровозного депо Курск (ст. машинист – В.А. Брюховецкий) Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ [19, с. 54–55, 57].

В настоящее время грамота ЦК ВЛКСМ хранится в музее боевой и трудовой славы Курского железнодорожного узла.

В январе 1949 г. старший машинист паровоза Э^{у} 714-12 В.А. Брюховецкий был избран делегатом VI областной комсомольской конференции[1]. Конференция работала с 17 по 19 января 1949 г.

6 февраля 1949 г. областная газета «Курская правда» отмечала, что в паровозном депо Курск уже сформирована колонна паровозов имени XI съезда ВЛКСМ. В колонне, которой руководил участник войны, дважды почетный железнодорожник, машинист паровоза ИС 20-316 А.А. Алексеев, состояло два товарных, семь пассажирских и маневровый паровоз. Локомотивные бригады взяли обязательства: в подарок XI съезду комсомола сэкономить 169 т топлива, сберечь по хозрасчету 18 тыс. рублей, обеспечить десять промывочных ремонтов. 19 марта 1949 г., выступая на страницах газеты «Курская правда», секретарь узлового комитета комсомола В.А. Брюховецкий указывал, что машинистами колонны сэкономлено 190 т угля и двадцать тысяч рублей по хозрасчету при ремонте паровозов. Лидером соревнования в колонне стал паровоз ИС 20-540 участника Великой Отечественной войны старшего в колонне машиниста И.К. Рябухи [20, с. 149].

Трудовая биография В.А. Брюховецкого изобилует уникальными фактами. Необходимо отметить, что лидер деповского комсомола В.А. Брюховецкий доблестно трудился в годы Великой Отечественной войны на тыловых магистралях. Профессиональную деятельность он начал в 1941 г., работая кочегаром паровоза на Оренбургской железной дороге. 3 октября 1943 г. В.А. Брюховецкий был переведен помощником машиниста в паровозное депо Курск Московско-Курской железной дороги. Вскоре он возглавил бригаду комсомольского паровоза Э^{у} 701-55 [6, с. 157; 21, л. 48]. В послевоенные годы (с 1947 по 1948 г.) В.А. Брюховецкий работал машинистом комсомольского паровоза Э^{у} 701-75. В 1949–1951 гг. он избирался секретарем комитета комсомола Курского железнодорожного узла. Вскоре свою трудовую деятельность Владимир Андреевич связал с работой судьи после окончания в 1959 г. Всесоюзного заочного юридического института. Владимир Брюховецкий был избран народным судьей и занял пост народного судьи 8-го судебного участка Курска.

С 1960 по 1963 г. Владимир Андреевич работал судьей Курского городского суда, с 1963 г. – председателем Кировского районного суда г. Курска. С 1993 г. работал в должности доцента кафедры конституционного права КГТУ. Имея активную жизненную позицию, В.А. Брюховецкий совмещал профессиональную деятельность с участием в общественной работе. Как грамотный юрист и правовед, единственный в Центральном Черноземье, в 1996 г. он был удостоен высокой награды Министерства юстиции Российской Федерации – диплома и почетной медали им А.Ф. Кони. В 1999 г. он был удостоен звания «Заслуженный юрист Российской Федерации» [22, с. 56–59].

В 1951 г. машинистами комсомольского паровоза Э^{у} 712-12 были утверждены бывшие фронтовики, машинисты И.А. Гладилин и И.А. Старосельцев. Характеристика трудовой деятельности этих людей была бы неполной без описания их боевого пути в годы Великой Отечественной войны.

[1] Курская правда. 1949. 16 янв.

В предвоенные годы комсомолец Иван Гладилин обучался в Курском железнодорожном училище. В октябре 1941 г., в связи с угрозой оккупации города немецко-фашистскими захватчиками, училище было эвакуировано в Ташкент. В августе 1942 г. Туркестанским райвоенкоматом Казахской ССР И. Гладилин был призван в Красную армию. В составе 4-й гвардейской стрелковой воздушно-десантной дивизии в феврале-апреле 1943 г. он сражался на Северо-Западном фронте. 14 апреля 1943 г. 4-я гвардейская ВДД была переброшена в район Понырей, в состав 13-й армии Центрального фронта. В июле 1943 г. в составе саперного взвода 12-го воздушно-десантного полка младший сержант И.А. Гладилин участвовал в боях на северном фасе Курской дуги, отражая смертельный натиск гитлеровских танковых полчищ. «В начале июля 1943 года в поселке Поныри и вокруг железнодорожной станции шли ожесточенные бои, – позднее вспоминал И.А. Гладилин. – Наша дивизия занимала позиции в районе станции. Ночью 7 июля при наступлении сумерек на исходные позиции вышли два наших взвода. Перед высотой находились полуразрушенные траншеи, в которых мы и расположились. Враг был застигнут врасплох. Среди вражеских наблюдателей началась паника. Поднялась стрельба, но было уже поздно – наши бойцы ворвались во вражеское расположение.

Вражеская наблюдательная установка была уничтожена. При осмотре территории мы обнаружили наблюдательные приборы, при помощи которых велось наблюдение с высоты за расположением наших войск» [23, с. 71; 24, с. 49].

В рядах 4-й гвардейской стрелковой воздушно-десантной стрелковой дивизии И.А. Гладилин прошел с боями по территории Украины, участвовал в освобождении Киева и Овруча. 17 ноября 1943 г. приказом № 057/н командира 4-й гвардейской Овручской стрелковой воздушно-десантной дивизии генерал-майора А.Д. Румянцева сержант И.А. Гладилин был отмечен орденом Красной Звезды [25, л. 36]. В 1945 г. он был демобилизован и направлен на работу в депо Курск помощником машиниста [26, л. 141].

В сентябре 1941 г. гвардии ефрейтор И.А. Старосельцев был призван в ряды РККА с должности слесаря паровозного депо Курск. Он сражался на Западном (июль 1941 – февраль 1942), Сталинградском (июль – февраль 1943), Воронежском, 2-м и 3-м Украинских фронтах (июль 1943 – май 1945).

Будучи скромным человеком, Иван Афанасьевич Старосельцев редко делился своими воспоминаниями о фронтовом быте. На одной из встреч с молодежью он рассказал, как в условиях весенней распутицы 1944 г. умело со своей машиной двигался за боевыми порядками пехоты. В ходе одной из бомбежек автомашина была выведена из строя, ей требовался заводской ремонт. Но благодаря настойчивости Старосельцева в течение трех дней ее удалось отремонтировать даже в полевых условиях.

В ходе боев 25 марта 1944 г., в районе деревни Чечулень Калоражского района И.А. Старосельцев захватил в плен двух гитлеровцев. За находчивость и мужество в апреле 1944 г. он был награжден медалью «За отвагу» [27, л. 103].

14 августа 1945 г. приказом по 449-й артиллерийской бригаде шофер 6-й батареи 171-го гвардейского Кишиневского пушечного артиллерийского полка гвардии ефрейтор И.А. Старосельцев был награжден орденом Красной Звезды [28, л. 194].

В его наградном листе отмечалось, что «11.04.1945 года в боях за Вену тов. Старосельцев при перевозке орудия на огневую позицию попал под сильный артиллерийский огонь противника. В результате попадания мины машина загорелась. Но тов. Старосельцев, несмотря на сильный обстрел, ликвидировал все неисправности в машине и в минимально короткое время доставил орудие на огневую позицию. Будучи обожженным, тов.

Старосельцев не покинул поля боя…» [28, л. 200].

29 апреля 1946 г. И.А. Старосельцев был принят в паровозное депо Курск поездным кочегаром [29, л. 104]. Вскоре он был направлен на учебу в дорожную-техническую школу машинистов, после окончания которой получил право управления локомотивом.

Заслуженный ветеран локомотивного депо Курск, почетный железнодорожник И.А. Старосельцев вспоминал: «В 1951 году меня перевели машинистом на комсомольский паровоз $Э^{У}$ 714-12. Старшим машинистом работал на нем Иван Матвеевич Руцкой. В депо он славился как образцовый паровоз. Машинистами паровоза работали Иван Алексеевич Гладилин и я. В депо о нас так и говорили: “Три Ивана”.

Паровоз $Э^{У}$ 714-12 содержался в отличном культурном и техническом отношении. Ответственным за культурное состояние паровоза мы назначили помощника машиниста Ю.К. Бынева. Три наших бригады водили тяжеловесные поезда, повышая вес водимых поездов на 200 тонн на участке Курск – Льгов и на 300 тонн на участке Курск – Мармыжи. Часто комсомольский коллектив брал повышенные обязательства, которые с честью выполнял. За паровозом мы ухаживали по-мужски… Неоднократно наши фотографии помещались на страницах газеты “Курская правда” и в дорожной газете “За образцовую магистраль”» [25, с. 32–33].

В 1960–70-е гг. машинисты первого класса И.А. Гладилин и И.А. Старосельцев водили на электровозах пассажирские поезда. Они стали активными участниками движения за экономию электроэнергии, за вождение пассажирских поездов строго по графику.

За достижение высоких показателей в обеспечении перевозок народнохозяйственных грузов и пассажиров Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 мая 1971 г. машинист И.А. Гладилин был награжден орденом Ленина.

19 сентября 1974 г. приказом № 389 министра путей сообщения СССР Б.П. Бещева машинист И.А. Старосельцев был отмечен знаком «Почетному железнодорожнику». В представлении на его награждение указывалось: «Строго выполняя правила технической эксплуатации, придавая первостепенное значение безопасности движения поездов, в 1973 г. он предотвратил 4 случая возможных аварий. 3 августа 1971 г., следуя с поездом № 26 на перегоне Глазуновка – Змеевка, предотвратил наезд на трактор. 23 декабря 1973 г. на перегоне Чернь – Выползово заметил горящую буксу у встречного поезда, о чем сообщил его машинисту. Были приняты срочные меры по отцепке цистерны с горевшей буксой…» [30, л. 47–48].

В 1964 г. заочно, без отрыва от основной работы И.А. Гладилин окончил Курский железнодорожный техникум. До ухода на пенсию И.А. Гладилин и И.А. Старосельцев работали машинистами в локомотивном депо Курск. В марте 1985 г. как участники Великой Отечественной войны И.А. Гладилин и И.А. Старосельцев были награждены орденами Отечественной войны II степени. В июле 2003 г. И.А. Гладилину было присвоено звание «Почетный ветеран Московской железной дороги».

Бывшие фронтовики И.А. Гладилин и И.А. Старосельцев принимали активное участие в военно-патриотической работе с молодежью Курского узла. В мае 2000 г. И.А. Гладилин стал участником Парада Победы на Красной площади в Москве.

Выводы

Участники Великой Отечественной войны – машинисты комсомольских паровозов депо Курск И.И. Агенков, В.Ф. Лятач, А.А. Алексеев, И.К. Рябуха, И.А. Гладилин, И.А. Старосельцев трудились так же добросовестно, как и за-

щищали Родину на фронте. Они остаются достойным примером для молодежи эксплуатационного депо Курск. В целом научная реконструкция послевоенных судеб фронтовиков является одним из актуальных и перспективных направлений современных военно-исторических исследований.

Список литературы

1. Славный путь Ленинского комсомола: в 2 т. Т. 2. М.: Молодая гвардия, 1974. 784 с.

2. Тяжельников Е.М., Ацаркин А.Н., Ганичев В.Н. Славный путь Ленинского комсомола: история ВЛКСМ: [60-летию ВЛКСМ посвящается]. 2-е изд., доп. М.: Молодая гвардия, 1978. 552 с.

3. Величко А.В., Коровин В.В., Манжосов А.Н. Патриотическое движение молодых железнодорожников Курской области на завершающем этапе войны (1943 – май 1945 г.) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2015. № 4. С. 87-96.

4. Слава стоявшим на трудных постах. Трудовая деятельность железнодорожников магистралей Западного и Южного направлений в годы Великой Отечественной войны / В.В. Коровин, А.В. Величко, А.Н. Манжосов [и др.]; Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2017. 232 с.

5. Социально-политические факторы развития отечественного железнодорожного транспорта в 1940-1960-е годы: (По материалам Курской области) / В.В. Коровин, Е.А. Масуфранова, А.В. Величко [и др.]; Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2017. 300 с.

6. «Время выбрало нас…»: Вклад молодых курян в Великую Победу (1941–1945 гг.) / В.В. Коровин, А.Н. Манжосов, Е.А. Головин [и др.]; Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2018. 300 с.

7. «Пронесли в боях мы предков наших славу…»: Участие молодежи Курской области в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. / В.В. Коровин, А.В. Величко, Е.А. Головин [и др.]; Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2018. 283 с.

8. Горбовцев М. Кондратьевские паровозы // Комсомольцы. К 20-летию ВЛКСМ. Курск: Курск. кн. изд-во, 1938. 39 с.

9. В боях и в труде. Из истории Курской областной комсомольской организации: (Воспоминания, цитаты, очерки, документы). Курск: Курск. кн. изд-во, 1959. 322 с.

10. Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц-стахановцев 14-17 ноября 1935 года. Стенографический отчет. М.: Партиздат 1935. 388 с.

11. ГАОПИКО (Государственный архив общественной политической истории Курской области). Ф. П-40. Оп. 1. Д. 182.

12. ГАОПИКО. Ф. П-131. Оп. 1. Д. 61.

13. ГАОПИКО. Ф. П-40. Оп. 1. Д. 194.

14. ОА МЖД (Объединенный архив Московской железной дороги) (г. Курск). Ф. 3. Оп. 1-Л. Д. 23.

15. ГАОПИКО. Ф. П-40. Оп.1. Д. 280.

16. В битвах закаленный комсомол…: 90-й годовщине Ленинского комсомола посвящается // Курский край. Научно исторический журнал. 2008. №14 (115). С. 61.

17. Из истории Курской областной комсомольской организации (1918–1970 гг.) / под ред. В.Е. Шарова. Курск: Курская правда, 1972. 468 с.

18. Этапы большого пути. Из истории трудовых традиций железнодорожников Курского отделения Московской железной дороги: 1945–1995 гг. / А.Н. Манжосов, В.К. Гладких, Г.В. Ильин [и др.]. Курск: Курскинформпечать, 1996. 272 с.

19. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. М-1. Оп. 4. Д. 1057.

20. Страницы истории города Курска. Важнейшие события и даты с древнейших времен до наших дней. Воронеж: Центр.-Черн. кн. изд-во, 1981. 190 с.

21. ОА МЖД (г. Курск). Ф. 3. Оп. 1-л. Д. 3.

22. Масуфранова Е.А. От машиниста паровоза до правозащитника: посвящается В.А. Брюховецкому // Права человека: история, теория и практика. Курск: Университетская книга, 2015. С. 56-59.

23. Гладилин И. Жаркие дни июля // Книга памяти. Т. 14. Курск: Курскинформпечать, 2003. 262 с.

24. Чистяков А.В. Десантура соловьиного края. Курск: Курск. гор. тип., 2014. 400 с.

25. ЦА МО РФ (Центральный архив Министерства обороны РФ). Ф. 33. Оп. 686044. Д. 3125.

26. ОА МЖД (г. Курск). Ф. 3. Оп. 1-Л. Д. 17.

27. ЦА МО РФ. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 3558.

28. ЦА МО РФ. Ф. 33. Оп. 687572. Д. 1198.

29. ОА МЖД (г. Курск). Ф. 3. Оп. 1-Л. Д. 77.

30. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. Р-377. Оп. 5. Д. 77.

References

1. The Glorious path of the Lenin Komsomol. Vol. 2. Moscow: Molodaya gvardiya; 1974. 784 p. (In Russ.)

2. Tyazhel'nikov E.M., Atsarkin A.N., Ganichev V.N. The glorious path of the Lenin Komsomol: the history of the Komsomol: [dedicated to the 60th anniversary of the Komsomol]. 2nd ed. Moscow: Molodaya gvardiya; 1978. 552 p. (In Russ.)

3. Velichko A.V., Korovin V.V., Manzhosov A.N., Patrioticheskoe dvizhenie molodykh zheleznodorozhnikov Kurskoi oblasti na zavershayushchem etape voiny (1943 – mai 1945 g.). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2015;(4):87-96. (In Russ.)

4. Korovin V.V., Velichko A.V., Manzhosov A.N., et al. Glory to those who stood at difficult posts. Labor activity of railway workers of the Western and Southern directions during the Great Patriotic War. Kursk: Yugo-Zap. gos. un-t; 2017. 232 p. (In Russ.)

5. Korovin V.V., Masufranova E.A., Velichko A.V., et al. Socio-political factors of the development of domestic railway transport in the 1940s and 1960s: (Based on materials from the Kursk region). Kursk: Yugo-Zap. gos. un-t; 2017. 300 p. (In Russ.)

6. Korovin V.V., Manzhosov A.N., Golovin E.A., et al. "Time has chosen us...": The contribution of young Kuryans to the Great Victory (1941-1945). Kursk: Yugo-Zap. gos. un-t; 2018. 300 p. (In Russ.)

7. Korovin V.V., Velichko A.V., Golovin E.A., et al. "We carried the glory of our ancestors in the battles ...": The participation of the youth of the Kursk region in the Great Patriotic War of 1941-1945. Kursk: Yugo-Zap. gos. un-t; 2018. 283 p. (In Russ.)

8. Gorbovtsev M. Kondratievsky steam locomotives. In: Komsomoltsy. On the 20th anniversary of the Komsomol. Kursk: Kursk. kn. izd-vo; 1938. 39 p. (In Russ.)

9. In battle and in labor. From the history of the Kursk regional Komsomol organization: (Memoirs, quotations, essays, documents). Kursk: Kursk. kn. izd-vo; 1959. 322 p. (In Russ.)

10. The first all-union meeting of stakhanovite workers and women workers on november 14-17, 1935. Verbatim report. Moscow: Partizdat; 1935. 388 p. (In Russ.)

11. GAOPIKO (The State Archive of Socio-political History of the Kursk region). F. P-40. Op. 1. D.182. (In Russ.)

12. GAOPIKO. F. P-131. Op. 1. D. 61. (In Russ.)

13. GAOPIKO. F. P-40. Op. 1. D. 194. (In Russ.)

14. OA MZhD (The United Archive of the Moscow Railway) (g. Kursk). F. 3. Op. 1-L. D. 23. (In Russ.)

15. GAOPIKO. F. P-40. Op. 1. D. 280. (In Russ.)

16. The battle-hardened Komsomol...: Dedicated to the 90th anniversary of the Lenin Komsomol. *Kurskii krai. Nauchno istoricheskii zhurnal = Kursk Region. Scientific and Historical journal*. 2008;(14):61. (In Russ.)

17. Sharova V.E. (ed.) From the history of the Kursk regional komsomol organization (1918-1970). Kursk: Kurskaya Pravda; 1972. 468 p. (In Russ.)

18. Manzhosov A.N., Gladkikh V.K., Il'in G.V., et al. The stages of a long journey. From the history of the labor traditions of the railway workers of the Kursk branch of the Moscow Railway: 1945-1995. Kursk: Kurskinformpechat'; 1996. 272 p. (In Russ.)

19. RGASPI (The Russian State Archive of Socio-Political History). F. M-1. Op. 4. D. 1057. (In Russ.)

20. Pages of the history of the city of Kursk. The most important events and dates from ancient times to the present day. Voronezh: Tsentr.-Chern. kn. izd-vo; 1981. 190 p. (In Russ.)

21. OA MZhD (g. Kursk). F. 3. Op. 1-l. D. 3. (In Russ.)

22. Masufranova E.A. From locomotive engineer to human rights activist, dedicated to V.A. Bryukhovetsky. In: *Human rights: history, theory and practice*. Kursk: Universitetskaya kniga; 2015. P. 56-59. (In Russ.)

23. Gladilin I. Hot days of July. In: Book of Memory. Vol. 14. Kursk: Kurskinformpechat'; 2003. 262 p. (In Russ.)

24. Chistyakov A.V. Landing of the Nightingale region. Kursk: Kursk. gor. tip.; 2014. 400 p. (In Russ.)

25. TsA MO RF (Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation). F. 33. Op. 686044. D. 3125. (In Russ.)

26. OA MZhD (g. Kursk). F. 3. Op. 1-L. D. 17. (In Russ.)

27. TsA MO RF. F. 33. Op. 690155. D. 3558. (In Russ.)

28. TsA MO RF. F. 33. Op. 687572. D. 1198. (In Russ.)

29. OA MZhD (g. Kursk). F. 3. Op. 1-L. D. 77. (In Russ.)

30. GAKO (The State Archive of the Kursk r). F. R-377. Op. 5. D. 77. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Душкин Сергей Александрович, аспирант кафедры конституционного права, преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: serezha.dushkin65@yandex.ru

Манжосов Александр Николаевич, кандидат исторических наук, заместитель председателя, Курский городской Совет ветеранов войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: zhdadmkursk@yandex.ru

Sergey A. Dushkin, Postgraduate Student of the Department of Constitutional Law, Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: serezha.dushkin65@yandex.ru,

Alexander N. Manzhosov, Candidate of Sciences (History), Deputy Chairman, Kursk City Council of Veterans of War, Labor, the Armed Forces and Law Enforcement Agencies, Kursk, Russian Federation,
e-mail: zhdadmkursk@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 93/94

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-211-222

CC BY 4.0

Вклад приходского духовенства Воронежской епархии в борьбу с голодом 1891–1892 годов

С.А. Иконников[1]✉

[1]Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I
ул. Мичурина, д. 1, г. Воронеж 394087, Российская Федерация

✉e-mail: ikonnikovsergey88@mail.ru

Резюме

Актуальность. *В дореволюционной истории России в периоды кризисов и народных бедствий православные священно- и церковнослужители нередко становились опорой государства, не только оказывая духовную поддержку прихожанам, но и выполняя важнейшие идеологические и социальные функции. Исследование опыта приходского духовенства Воронежской епархии по оказанию помощи населению в годы голода 1891–1892 позволит найти механизмы наиболее успешного взаимодействия Церкви, власти и общества в условиях масштабных социальных вызовов.*

Цель исследования *заключается в изучении вклада православного приходского духовенства в поддержку крестьянского населения Воронежской губернии, а также в рассмотрении основных форм организации благотворительной, социальной и просветительской деятельности клириков в период голода 1891–1892 годов.*

Задачи: *охарактеризовать особенности социальной и благотворительной деятельности приходского духовенства; рассмотреть формы пастырского служения по оказанию моральной поддержки крестьян в годы вызванного неурожаями народного бедствия.*

Методология. *Работа основана на комплексном рассмотрении источников и научной литературы. Автор в ходе решения поставленных задач применял такие методы исследования, как контент-анализ, историко-сравнительный, историко-генетический, историко-статистический.*

Результаты. *Рассмотрены основные формы организации социально-благотворительной деятельности приходского духовенства Воронежской епархии по оказанию помощи крестьянскому населению губернии в условиях «царь-голода» 1891–1892 годов. Проанализирована реализация синодального определения от 21 августа 1891 года об организации епархиальных комитетов по сбору помощи пострадавшим от неурожаев, а также личный вклад православных священнослужителей в дело оказания помощи населению.*

Вывод. *В период крестьянского голода 1891–1892 годов приходское духовенство Воронежской епархии внесло существенный вклад в борьбу с масштабным народным бедствием. Воронежский епархиальный комитет по сбору пожертвований в пользу пострадавших от неурожая провел огромную работу по привлечению средств, продовольствия и их распределению среди нуждающихся.*

Ключевые слова*: Российская империя; Православная российская церковь; Воронежская епархия; приходское духовенство; голод.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Иконников С.А. Вклад приходского духовенства Воронежской епархии в борьбу с голодом 1891–1892 годов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 3. С. 211–222. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-211-222.

Поступила в редакцию 18.03.2025 Принята к публикации 06.05.2025 Опубликована 16.06.2025

© Иконников С.А., 2025

Parish clergy of Voronezh diocese in the fight against famine of 1891–1892

Sergey A. Ikonnikov[1]✉

[1]Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter the Great
1 Michurina Str., Voronezh 394087, Russian Federation

✉e-mail: ikonnikovsergey88@mail.ru

Abstract

Relevance. *In times of crisis, Orthodox clergy often became the backbone of the state, not only providing spiritual support to parishioners, but also performing the most important ideological and social functions. A study of the experience of the parish clergy of the Voronezh diocese in providing assistance to the population during the famine of 1891-1892 will help find mechanisms for the most successful interaction between the Church, government and society in the context of large-scale social challenges.*

The purpose *of the article is to study the contribution of the Orthodox parish clergy to supporting the peasant population of the Voronezh province, as well as to examine the main forms of organizing charitable, social and educational activities of the clergy during the famine of 1891-1892.*

The objectives *are to characterize the features of social and charitable activities of parish clergy and to consider the forms of pastoral service to provide moral support to peasants during the years of national disaster caused by crop failures.*

Methodology. *The article is based on a comprehensive review of sources and scientific research. The author used content analysis, historical-comparative, historical-genetic, historical-statistical methods in solving the tasks.*

Results. *The author examined the main forms of organizing social and charitable activities of the Voronezh parish clergy to provide assistance to peasants during the "tsar famine" of 1891-1892. The implementation of the synodal definition of August 21, 1891 on the organization of diocesan committees to support people, as well as the personal contribution of Orthodox clergy to charity, are analyzed.*

Conclusion. *During the peasant famine of 1891-1892, the Voronezh parish clergy made a significant contribution to the fight against the large-scale national disaster. The Voronezh diocesan committee for supporting the population carried out a huge amount of work to attract funds and food for the starving people.*

Keywords: *Russian Empire; Russian Orthodox Church; Voronezh diocese; parish clergy; famine.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Ikonnikov S.A. Parish clergy of Voronezh diocese in the fight against famine of 1891–1892. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(3):211–222. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-211-222.

Received 18.03.2025 Accepted 06.05.2025 Published 16.06.2025

***

Введение

Масштабный голод 1891–1892 гг. стал для Российской империи одним из тяжелейших испытаний, потребовавших максимальной мобилизации не только государственного аппарата, но и консолидации всех общественных сил. Недороды в Центрально-Черноземных губерниях стали причиной обнищания населения, панических настроений, холерной эпидемии, поразившей города и села огромной по площади территории страны. Воронежская губерния оказалась среди прочих, столкнувшихся с общенародным бедствием.

Причины страшных неурожаев заключались в крайне неблагоприятных погодных условиях, имевших место быть с осени 1890 г. На протяжении нескольких лет наблюдалась сухая, с резкими температурными колебаниями погода. Дожди

отсутствовали полностью, что не позволило крестьянам вовремя засеять хлеб. Последовавшие суровые и практически бесснежные зимы лишь усугубили ситуацию, не дав возможность взойти озимым. На следующий сельскохозяйственный год ситуация повторилась. Как писал знаменитый историк и земский статист Ф.А. Щербина: «Настал второй сельскохозяйственный год – и снова условия погоды неблагоприятные сложились для земледелия. Губительные морозы зимой, засухи и бездождье с осени, весною и летом, появление саранчи и хлебного жука во время роста и созревания хлебов и вообще полевой растительности местами сильно понизили сбор хлеба, а местами обусловили полный его неурожай» [1, с. 3].

Рост хлебов в Воронежской губернии местами оказался настолько незначительным, что их невозможно было косить, а копны создавались из небольших кучек, которые не представлялось возможным связать в снопы [2, с. 14]. Несмотря на то, что посевная площадь хлебов в 1891 г. увеличилась по сравнению с предыдущим на 33 410 десятин, урожайность оказалась намного ниже. Даже относительно устойчивая к неблагоприятным климатическим условиям рожь, составлявшая 47% всего посева, едва позволила возвратить затраченные семена (ее урожайность составила сам 1,2). Урожайность озимой пшеницы оказалась на уровне сам 1,1, а яровой – 0,1. Гречиха почти полностью погибла, ячмень в целом по губернии также позволил лишь вернуть семена. По сравнению с прошлыми годами недобор урожая хлебов в губернии составил 11 121 580 четвертей [2, с. 15–16].

Государство бросило на помощь жителям пострадавших от неурожаев губерний значительные силы [3]. Православная российская церковь не осталась в стороне от чрезвычайного народного бедствия. Приходские клирики, монашеское духовенство, архипастыри и миряне объединились и внесли свой посильный вклад в поддержку населения в период тяжелого для страны испытания.

Тема крестьянского голода 1891–1892 гг. и организации помощи населению в Воронежской губернии получила определенное освещение в научно-исследовательской литературе. К проблеме обращались такие ученые, как М.Д. Карпачев [4], М.Д. Книга [5], А.О. Мещерякова [6], В.А. Мязин [7]. Между тем вклад приходского духовенства Воронежской епархии в дело поддержки населения до сих пор нельзя назвать широко изученным.

Методология

В качестве методов исследования использовались традиционные для исторической науки контент-анализ, историко-сравнительный, историко-генетический, историко-статистический подходы. С целью формирования полноценной картины вклада приходского духовенства Воронежской епархии в борьбу с голодом 1891–1892 гг. автор анализировал как опубликованные источники, прежде всего материалы журнала «Воронежские епархиальные ведомости», так и архивные документы. Из неопубликованных источников для характеристики социальной и благотворительной деятельности православных священно- и церковнослужителей, а также настроений населения губернии в период неурожаев привлекались дела из фондов Канцелярии Воронежского губернатора (ф. И-6), Воронежской духовной консистории (ф. И-84) Государственного архива Воронежской области. Документы содержат распоряжения консисторского начальства относительно рекомендованных к исполнению приходским духовенством мер по поддержке населения, а также информацию о моральном состоянии паствы в неурожайные годы.

Результаты и их обсуждение

Как только стало понятно, что неурожай будет иметь серьезные последствия, священноначалие призвало духо-

венство принять самое деятельное участие в оказании помощи населению. 21 августа 1891 г. Святейший Синод издал определение № 2139, согласно которому всем епархиям Православной российской церкви предписывалось:

– возносить специальные молитвенные прошения об избавлении от голода;

– установить особый кружечный сбор в пользу пострадавших от неурожая;

– монастырям и лаврам выделить имеющиеся средства для помощи голодающим;

– учредить особые комитеты для сбора пожертвований и их распределения в пострадавших от неурожая регионах;

– публиковать в церковной печати отчеты о сборах средств в пользу пострадавших от неурожая лиц [8, с. 279–281].

Епархиальные власти ответили на распоряжение синодального начальства незамедлительно. Начать было решено с создания Воронежского епархиального комитета по сбору пожертвований в пользу пострадавших от неурожая. Он был открыт 27 сентября 1891 г. под председательством правящего архиерея епископа Анастасия (Добрадина). Должность казначея исполнял протоиерей Димитрий Адамов, секретаря – преподаватель духовной семинарии иеромонах Климент. Функции комитета, согласно постановлению от 4 октября 1891 г., сводились к нескольким направлениям деятельности. Во-первых, учреждение координировало и осуществляло сбор пожертвований в пользу страдающих от голода. При этом принимались как денежные взносы, так и приношения продуктами, мукой, зерном, хлебом, одеждой и прочими вещами. Благочинным, настоятелям храмов, а также церковным старостам выдавались специальные учетные книжки, в которых фиксировались все поступающие средства. Вещевые пожертвования принимались в трех специально открытых в городе Воронеже пунктах при мужском Митрофановском (ответственным назначался наместник обители архимандрит Василий), Покровском женском (ответственным назначалась игуменья Маргарита) монастырях, а также Троицком кафедральном соборе (ответственным назначался протоиерей Иоанн Адамов).

Во-вторых, в обязанности Комитета входил сбор и уточнение сведений о лицах, в первую очередь нуждавшихся в оказании помощи. Учитывая, что проблемы с продовольствием в стране были значительными, указанная функция имела ключевое значение. От грамотного распределения помощи зависела эффективность работы благотворительных учреждений. Церковь, имея развитую сеть приходов и значительную численность образованных священников, играла в этом вопросе ключевую роль.

В-третьих, именно Комитет непосредственно распределял пособия нуждающимся, отправляя продукты благочинным, а те, в свою очередь, нуждающимся крестьянам [9, с. 67].

Для более успешного функционирования Комитета на низовом уровне решением от 28 октября 1891 г. создавались благочиннические комитеты и приходские попечительские советы (числились при приходских церквях). Благодаря грамотной организации, епархиальный комитет смог в кратчайшие сроки организовать работу, начав сбор и распределение значительных по объему средств.

Следует заметить, что в Воронежской губернии с целью оказания помощи голодающему населению действовало несколько специальных учреждений, в частности: Особое губернское попечительство при Воронежском управлении Российского общества Красного Креста; Дамский комитет при Воронежском управлении Российского общества Красного Креста; Воронежский епархиальный комитет по сбору пожертвований в пользу пострадавших от неурожая [9, с. 57]. Епархиальный комитет являлся одним из наиболее эффективных общественных учреждений.

Согласно отчетным ведомостям о приходе и расходе пожертвований, поступивших в пользу пострадавших от неурожая, всего с октября по декабрь 1891 г. в Воронежский епархиальный комитет поступила сумма в 39 929 руб., из которой 26 431 руб. 62 коп. было прислано от иноепархиальных комитетов, 10 497 руб. 45 коп. удалось собрать от местных попечителей, 3000 руб. значились как экстраординарные поступления [9, с. 74]. Из общей суммы учреждение израсходовало 11 941 руб. 66 коп. Отпускались указанные средства следующим образом: на пособия беднейшим членам клира – 2715 руб.; на организацию приходских попечительств – 200 руб.; на покупку ячменя – 9000 руб.; на канцелярские расходы – 26 руб. 66 коп.

Помимо денежных сумм, комитет собирал продовольствие для нуждающихся. В 1891 г. в пользу голодающих удалось собрать: 826 пудов пшеницы, 660 пудов 31 фунт ржи, 169 пудов овса, 16 пудов 15 фунтов гороха, 261 пуд 31 фунт ячменя, 646 пудов 8 фунтов ржаных сухарей, 73 пуда 1 фунт ржаной муки, а также купить свыше 12 000 пудов ячменя [9, с. 74].

Из приведенных выше цифр видно, что средства, которые епархиальный комитет смог привлечь на поддержку голодающих, были весьма значительными. Губернское попечительство в том же году смогло собрать 115 155 руб. 80 коп., а дамский комитет 4301 руб. 50 коп. Как видно, общая сумма привлеченных благотворительными учреждениями губернии средств составила 159 386 руб. 37 коп. Из общей суммы епархиальный комитет собрал 25% средств, что, безусловно, говорит о значительном вкладе в дело поддержки пострадавшего от неурожая населения губернии.

Эффективность епархиального комитета неудивительна. В Воронежской губернии в 1892 г. служило 60 протоиереев, 1066 приходских священников, 436 дьяконов и 1221 псаломщик [10, л. 7]. Таким образом, духовенство представляло собой заметную общественную силу, способную не только совершать богослужение и религиозные обряды, но и организовать масштабную социальную работу.

Не стоит забывать, что поддержку населению клирики оказывали, несмотря на сокращение собственных доходов в голодные годы. Благочинный Нижнедевицкого уезда Александр Муравлев в рапорте за 1892 г. утверждал, что из-за неурожаев и обеднения населения доходы живущих за счет требоисполнения клириков сократилось вдвое [11, л. 28]. То же самое в 1891 г. правящему архиерею докладывал благочинный Бирюченского уезда Михаил Богоявленский, утверждавший, что средний доход священника в его благочинии в урожайные годы доходил до 450 руб., тогда как из-за недорода сократился до 200 руб. в год [12, л. 465 об.].

Между тем, несмотря на сокращение собственных доходов, пастыри стремились изыскать средства для поддержки своих прихожан. К примеру, заметную помощь жителям села Старая Кирсановка Новохоперского уезда оказал местный священник А. Иларионов. Крестьяне столкнулись с сильным недородом, их положение оказалось критическим. «Ни на полях, ни в огородах ничего не родилось, и крестьяне в настоящее время, за исключением очень немногих, своего хлеба не имеют. Многие покупают отруби, мешают с мукой и из этой смеси пекут хлеб; а другие уже давно не имеют и этого скудного утешения», – так характеризовал обстановку в селе настоятель местного храма [13, с. 333]. Священник организовал для голодающих кирсановцев сбор помощи, лично обходил всех,

кто мог оказать хоть какую-то посильную поддержку. В итоге удалось собрать 56 руб. 45 коп., на которые закупили 45 пудов муки к храмовому празднику Рождества Христова. Сорок пять наиболее бедствовавших семей, таким образом, получили к престольному торжеству по 1 пуду муки. Конечно, это лишь отдельный эпизод, ограничивающийся относительно небольшим объемом помощи, но в голодное время значение благотворительной деятельности приходского пастыря сложно переоценить.

Отдельным направлением помощи в голодные годы стала организация народных столовых. Священноначалие делало все возможное, чтобы выделять на организацию бесплатных обедов дополнительные средства. Значение подобного рода работы понимали и сами клирики, создавая столовые своими силами. Примером может послужить столовая, открытая 17 февраля 1891 г. священником слободы Саловки Валуйского уезда Стефаном Кошелевым. Жители села стали испытывать нужду еще задолго до Рождества 1891 г. В годы неурожая практически все семьи жили за счет отпускаемого земством в виде ссуды хлеба, а также небольшой помощи от попечительства Красного Креста. Хлеба не хватало для всех, потребление было сокращено до минимума. Из-за недостатка пищи развивалась цинга. Местные жители делились впечатлениями об удручающем положении односельчан: «Бедный народ! Наступает рабочее время, а хороших работников буквально нет: тот больной, тот какой-то чахлый, изможденный; дети не по летам серьезны, задумчивы – все это производит удручающее впечатление» [14, с. 453]. В условиях нехватки продовольствия общественная столовая играла важнейшую роль. В Саловской столовой, организованной священником и его дочерью, питались преимущественно старики, увечные люди и дети. На питание одного человека в день расходовалась совершенно незначительная сумма – 4 копейки (в сумму входила стоимость пищи, расход дров и т. п.). Для нуждающихся каждый день готовился один прием пищи: либо жидкая каша, либо борщ. В постные дни обед готовился с постным маслом, в скоромные дни – с салом и солониной. Ежедневно в столовой, устроенной при храме, питалось около 150 человек.

Эффективность столовой была показательной. Столь значительная польза при скромном расходовании средств стала возможной благодаря умелой организации дела. Пример общественной столовой, созданной иереем Стефаном Кошелевым, рассматривался как крайне успешный. Священноначалие стремилось поделиться им на страницах епархиальных ведомостей, призывая остальных пастырей не оставаться в стороне и создавать подобные столовые на своих приходах. «Можно утвердительно сказать: если наши священники будут так же проявлять истинно-пастырские отношения к этому делу, то эти благодетельные учреждения принесут несомненно великую помощь нашим братьям, несчастным голодающим. Вся основа, на чем зиждется благоразумное ведение дела в столовых – это любовь к делу, неподкупная честность и добросовестность лиц, взявших на себя эту обязанность. А в селах на кого же можно прежде всего положиться в этом отношении, как не на пастырей церкви?», – так местное епархиальное начальство обращалось к приходским пастырям посредством церковной периодической печати [14, с. 454].

Отдельное внимание в период «царь-голода» клирики уделяли созданию детских приютов для крестьян, работающих на полях в сезон уборки урожая. Жители сел уходили на уборку на целый день, часто оставляя детей без присмотра, ведь в

голодное время приходилось трудиться особенно долго. Часто из-за отсутствия родительского контроля дети баловались с огнем, что приводило к серьезным пожарам. Возникла острая необходимость организации надзора за детьми на время сезонных работ. С инициативой выступил священник села Конь-Колодезя Задонского уезда Андрей Никитин. Пастырь предложил организовать приют, в котором бы могли в течение дня на полном пансионе содержаться дети под присмотром ответственных воспитателей. С поддержкой инициативы выступили председательница Дамского комитета города Воронежа Куровская и земский начальник Б.Д. Гаршин. С их помощью удалось собрать необходимые средства. Приют, рассчитанный на 200 детей, открылся летом 1892 г. Его заведующим и организатором стал иерей Андрей Никитин.

С самого раннего утра перед работой матери отводили детей в возрасте от 2 до 7 лет в приют, где их принимали монахини и священник. Собравшись, дети совершали вместе с воспитателями общую молитву. Затем следовал завтрак (тарелка кулеша и полфунта хлеба). После завтрака проходили занятия по Закону Божьему. Обед начинался в 12 часов. В промежутке от обеда до ужина, начинавшегося в 7 часов вечера, дети проводили в играх с воспитателями [15, с. 580]. Учитывая тяжелейшие условия неурожайных лет, значение подобного рода поддержки для населения сложно переоценить.

Значительный вклад приходское духовенство сделало в укрепление морального состояния населения Воронежской губернии. Настроения отличались крайней степенью пессимизма. Голод вызвал эпидемию холеры, наводившую на крестьян настоящий ужас [16]. В народе рождались невероятные слухи, мистификации, распространялись откровенные предрассудки. Порой нелепые поверья приводили к масштабным беспорядкам. В 1892 г. в селе Макарове Новохоперского уезда вспыхнули настоящие волнения. Согласно распоряжению Комитета общественного здравия в населенном пункте при земской больнице началось строительство барака для лечения зараженных холерой людей. Крестьяне встретили идею местных властей враждебно. На молебне по случаю закладки присутствовали лишь официальные лица, никто из местных жителей не принял участие в церемонии. Люди упорно настаивали на нецелесообразности строительства барака. Поползли слухи о том, что в сооружаемом помещении доктора будут специально морить население и что распоряжение об умышленном заражении жителей села Макарова уже дано [17, л. 55–55 об.]. Губернатор Е.А. Куровский в докладе министру внутренних дел подчеркивал крайне шаткое моральное состояние населения, истощенного продолжавшимися неурожаями. Любой слух мог стать началом беспорядков.

12 июня 1892 г. после литургии толпа крестьян в несколько тысяч человек направилась к недостроенному бараку, разгромила его, после чего двинулась к земской больнице, которая также в итоге была уничтожена. От нее остались лишь обломки кирпичей. В отчете губернатора говорилось: «Двери, окна, медикаменты, хирургические инструменты, все было истреблено, исковеркано, разрушено, словно стихийною силою. Ту же картину представляла и квартира фельдшера, успевшего укрыться вместе с женою» [17, л. 57]. Находившийся в больнице врач Смирнов чудом избежал смерти. Ему пришлось убегать от толпы. Несколько десятков буйных крестьян гнались за ним на протяжении трех верст. Спас несчастного случайно оказавшийся на месте помещик Алексеев, успев посадить бежавшего доктора в свой экипаж. 14 июня по

личному распоряжению губернатора в село Макарово были введены подразделения 141 пехотного Можайского полка. Благодаря привлечению войск крестьян в итоге удалось утихомирить [17, л. 57].

Бунт в селе Макарово наглядно демонстрирует царившие среди крестьян настроения. Неурожаи, голод и болезни приводили к панике, потере надежды на будущее. В этой связи пастырская проповедь могла иметь крайне важное, благотворное воздействие на прихожан. В августе 1891 г. Воронежская духовная консистория издала определение, призывающее приходских священников уделять в проповедях теме неурожаев отдельное внимание. Клирикам предписывалось разъяснять народу причины бедствия, поддерживать настроение мирян [18, л. 20]. Духовенство живо откликнулось на призыв священноначалия. В проповедях клирики стремились разделить с прихожанами их переживания, мотивируя людей не отчаиваться и надеяться на милосердие Божие. Примером может послужить опубликованное в «Воронежских епархиальных ведомостях» поучение священника Алексеева [19]. Пастырь начал свое слово с того, что постарался разделить душевную скорбь по случаю народного бедствия со своими прихожанами: «Рано началась весна, и все ожидали ранних трав, хлебов и разных овощей, но надежды наши не оправдались. Весна, а затем и лето не радость принесли нам, а тугу душевную и скорбь сердечную. Печальную поэтому картину представляют поля, унылый вид имеют луга; не ароматом несет с них, которым бывало дышишь – не надышишься, а пылью, гарью, от которых задыхаешься» [19, с. 595–596].

Однако, по словам проповедника, ситуацию отягощали не только климатические условия, но и психологическое состояние населения. Отчаяние, страх и беспомощность охватили крестьян. Желания идти на работу не было никакого. У прихожан возникали вопросы: как пережить предстоящую зиму, чем кормить своих детей? Безнадежность заключалась в том, что бездождие продолжалось, в глубине души все прекрасно понимали, что голод продлится еще долго.

Священник Алексеев призывал крестьян не падать духом даже в столь сложной ситуации, находя утешение в молитве и взаимопомощи. Равнодушное отношение к чужой беде способно лишь усугубить ситуацию, тогда как поддержка друг друга позволит пережить самое тяжелое испытание. Некоторые нерадивые крестьяне, пользуясь всеобщей бедой, стремились заработать, задирая цены на товары, которые в былые времена стоили незначительно. «Много греха в торговле. Обман там возводится в необходимость: «не обманешь», говорят, «не продашь», а чтобы он не так был заметен, раз пять побожатся и перекрестятся», – отмечал проповедник [19, с. 600].

Основным лейтмотивом проповеди был призыв не отчаиваться и надеяться на Промысел Божий. Согласно ветхозаветному повествованию, после трех с половиной лет засухи Господь внял молитвам пророка Илии и ниспослал дождь на землю израильскую. Пройдет засуха и на Воронежской земле. Естественно, подобные поучения поддерживали крестьян в трудную минуту, давали хоть и незначительную, но все же надежду на будущее. Проповеди клириков позволяли труженикам села чувствовать себя не одинокими и не брошенными в беде.

Не стоит забывать и о религиозной поддержке населения. Как уже было сказано выше, продолжавшиеся неурожаи вызвали в народе настоящую панику. Надежда на решение проблемы собственными силами покидала людей. Церковь стала для паствы настоящим прибежи-

щем, молитвенно укрепляя крестьян в трудное время. Насколько значимой являлась духовная поддержка приходских пастырей, можно видеть на примере жителей села Поповка Богучарского уезда. Ситуация в селе ухудшилась особенно после Пасхи 1892 г. Весь запас семян посеяли, заработок для крестьян прекратился совершенно. Всю весну стояла засуха, наводившая на население настоящую панику. Жители пали духом и не знали, что делать. Ничего хорошего впереди не ожидалось. Единственная надежда оставалась на Бога. По селу прошел слух, что уже почитаемый в те годы отец Иоанн Кронштадтский советовал прибегать в таких случаях к детской молитве. Крестьяне решили отреагировать незамедлительно.

На третий день после праздника Святой Троицы на общественный молебен собрали свыше 100 детей села Поповка. «Жаль было смотреть на этих безвинных страдальцев, все время молебна они стояли на коленях, а грудные дети раздирающим душу криком оглашали воздух», – вспоминали очевидцы [20, с. 514]. Собравшиеся с детьми родители также горячо молились. Панический настрой в скором времени сменился надеждой, особенно после того, как 8 июня 1892 г. пошел долгожданный дождь. «Народ ожил, снова явилась маленькая надежда на урожай», – писал в отчете местный священник.

27 апреля 1892 г. по благословению епископа Воронежского и Задонского Анастасия (Добрадина) в г. Воронеже был организован общественный молебен по случаю бездождия и засухи [21, с. 382]. Инициатива архипастыря нашла живой отклик среди воронежцев. На общественное богослужение явились тысячи горожан. Силами приходского духовенства удалось устроить общий крестный ход из разных церквей к Благовещенскому собору, где совершалось моление перед Смоленской иконой Божьей Матери. «Вся Московская улица от монастыря до заставы была покрыта сплошною массою народа, набожно крестившегося пред иконами и усердно молившегося. Молились старцы и юноши, матери и дети, сироты и вдовицы, молились граждане и пришельцы, торговцы и земледельцы, богатые и бедные», – вспоминал участник крестного хода [21, с. 386]. Общественное богослужение имело не только духовное, но и огромное моральное значение. Местная власть с благодарностью относилась к инициативе правящего архиерея. На молебне присутствовали воронежский губернатор Е.А. Куровский, вице-губернатор Д.М. Позняк, председатель губернской земской управы И.А. Лисаневич, городской голова И.В. Титов, а также представители всех правительственных, общественных и образовательных учреждений города. Очевидцы отмечали подъем настроения среди горожан, получавших посредством участия в общественном богослужении духовную поддержку и утешение.

Выводы

Проведенное исследование показало, что в период крестьянского голода 1891–1892 гг. приходское духовенство Воронежской епархии внесло существенный вклад в борьбу с масштабным народным бедствием. Воронежский епархиальный комитет по сбору пожертвований в пользу пострадавших от неурожая провел огромную работу по привлечению средств и продовольствия, оказав нуждающимся лишь за несколько месяцев 1891 г. весомую поддержку на сумму более 40 тыс. руб. Священнослужители стремились оказать крестьянам помощь, несмотря на ухудшение собственного материального положения. Клирики организовывали бесплатные столовые, приюты

для детей работавших в полях крестьян и, конечно же, поддерживали пошатнувшееся в годы неурожаев и холерной эпидемии моральное состояние своих прихожан. Церковь стала для населения пристанищем, дающим надежду на изменение ситуации к лучшему. Пастыри совершали общественные богослужения и организовывали крестные ходы, собиравшие тысячи молящихся, призывали объединяться и оказывать друг другу поддержку, разъясняли населению, что не стоит отчаиваться и опускать руки. Документы показывают, насколько массовым был народный отклик, люди обращались в храмы за помощью и получали утешение. Анализ источников показал, что в условиях продолжительного голода помощь, оказанная Церковью, являлась весьма существенной и выражалась не только в удовлетворении религиозных потребностей прихожан, но и в организации эффективной социально-благотворительной работы.

Список литературы

1. Щербина Ф.А. Хозяйственные нужды и задачи Воронежского края // Памятная книжка Воронежской губернии на 1894. Воронеж: Типолитогр. губ. правления, 1894. Отд. III. С. 1–14.

2. Обзор Воронежской губернии за 1891 год. Воронеж: Типолитогр. губ. правления, 1892. 58 с.

3. Степанов В.Л. Министр финансов И.А. Вышнеградский и голод 1891–1892 гг. // Российская история. 2023. № 5. С. 47–69.

4. Карпачев М.Д. Крестьянский голод 1891–1892 гг. в Воронежской губернии и его последствия // Общество и власть: история и современность: материалы Тринадцатой региональной научной конференции. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2019. С. 108–120.

5. Книга М.Д. Деятельность правительственных и земских учреждений России в борьбе с голодом 1891–1892 гг. // Теория и практика инновационных технологий в АПК: материалы национальной научно-практической конференции. Ч. II. Воронеж: Воронеж. гос. аграрный ун-т, 2020. С. 7–11.

6. Мещерякова А.О. Благотворительная деятельность Русской православной церкви во время голода 1891–1892 гг. в Воронежской губернии // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 09–10. С. 31–35.

7. Мязин В.А. Продовольственная программа помощи в Воронежской губернии во время голода 1891–1892 гг. // Общество и власть: века минувшие и день сегодняшний: материалы Четырнадцатой региональной научной конференции. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2020. С. 85–90.

8. О распоряжениях Святейшего Синода по поводу неурожая хлеба в некоторых губерниях от 21-го августа 1891 г. за № 2139// Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде. 1891. № 31. С. 279–281.

9. Организация общественной помощи населению Воронежской губернии, пострадавшему от неурожая // Памятная книжка Воронежской губернии на 1892 год. Воронеж: Типолитогр. губ. управления, 1892. Отд. I. С. 57–72.

10. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 796. Оп. 440. Д. 54.

11. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1384.

12. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1374.

13. Иларионов А., свящ. Корреспонденция из села Старой Кирсановки Новохоперского уезда // Воронежские епархиальные ведомости. 1892. № 8. С. 333.

14. Корреспонденция из слободы Саловки (Федоровка) // Воронежские епархиальные ведомости. 1892. № 11. С. 452–454.

15. Приют для малолетних // Воронежские епархиальные ведомости. 1892. № 15. С. 580.

16. Иконников С.А. «Береженого Бог бережет»: приходское духовенство Воронежской епархии в борьбе с холерной эпидемией 1892–1893 годов // Научный диалог. 2021. № 2. С. 292–307. https://doi.org/10.24224/2227-12951-2021-2-292-307.

17. ГАВО (Государственный архив Воронежской области). Ф. И-6. Оп. 1. Д. 80.

18. ГАВО. Ф. И-84. Оп. 1. Д. 1945.

19. Алексеев, свящ. Поучение во время засухи и неурожая // Воронежские епархиальные ведомости. 1891. № 17. С. 595–604.

20. Слобода Поповка // Воронежские епархиальные ведомости. 1892. № 13. С. 512–514.

21. Общественное в городе Воронеже молебствие по случаю бездождия и засухи // Воронежские епархиальные ведомости. 1892. № 9. С. 382–387.

References

1. Shcherbina F.A. Economic needs and tasks of the Voronezh region. In: Commemorative book of the Voronezh province for 1894. Voronezh: Tipolitogr. gub. pravleniya; 1894. Otd. III. P. 1-14. (In Russ.)

2. Review of the Voronezh province for 1891. Voronezh: Tipolitogr. gub. pravleniya; 1892. 58 p. (In Russ.)

3. Stepanov V.L. Minister of finance I.A. Vyshnegradsky and the famine of 1891–1892. *Rossijskaya istoriya = Russian history*. 2023;(5):47-69. (In Russ.)

4. Karpachev M.D. Peasant famine of 1891–1892 in the Voronezh province and its consequences Society and power. In: *Obshchestvo i vlast': istoriya i sovremennost': materialy Trinadcatoj regional'noj nauchnoj konferencii = Society and power: History and modernity: proceedings of the Thirteenth regional scientific conference.* Voronezh: Voronezh. gos. un-t; 2019. P. 108-120. (In Russ.)

5. Kniga M.D. Activities of government and zemstvo institutions of Russia in the fight against the famine of 1891–1892. In: *Teoriya i praktika innovacionnyh tekhnologij v APK: materialy nacional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii = Theory and practice of innovative technologies in APK: proceedings of the national scientific and practical conference.* Pt. II. Voronezh: Voronezh. gos. agrarnyi un-t; 2020. P. 7-11. (In Russ.)

6. Meshcheryakova A.O. Charitable activities of the Russian Orthodox Church during the famine of 1891–1892 in the Voronezh province. In: *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki = Modern Science: Current Problems of Theory and Practice. Series: Humanities*. 2015;(09–10):31-35. (In Russ.)

7. Myazin V.A. Food aid program in the Voronezh province during the famine of 1891–1892. In*: Obshchestvo i vlast': veka minuvshie i den' segodnyashnii: materialy Chetyrnadtsatoi regional'noi nauchnoi konferentsii = Society and power: Centuries past and today: proceedings of the Fourteenth Regional Scientific Conference*. Voronezh: Voronezh. gos. un-t; 2020. P. 7–11. (In Russ.)

8. On the orders of the Holy Synod regarding the grain harvest failure in some provinces From August 21, 1891, No. 2139. *Cerkovnye vedomosti, izdavaemye pri Svyatejshem Pravitel'stvuyushchem Sinode = Church Bulletin, published under the Holy Governing Synod.* 1891;(31):279-281. (In Russ.)

9. Organization of public assistance to the population of the Voronezh province condemned by crop failure. In: *Pamyatnaya knizhka Voronezhskoj gubernii na 1892 = Commemorative book of the Voronezh province for 1892*. Voronezh: Tipolitogr. gub. pravleniya; 1894. Otd. I. P. 57-72. (In Russ.)

10. RGIA (Russian State Historical Archive). F. 796. Op. 440. D. 54. (In Russ.)

11. RGIA. F. 796. Op. 442. D. 1384. (In Russ.)

12. RGIA. F. 796. Op. 442. D. 1374. (In Russ.)

13. Ilarionov A., priest. Correspondence from the village of Staraya Kirsanovka, Novokhopersk district. *Voronezhskie eparhial'nye vedomosti = Voronezh Diocesan Bulletin.* 1892;(8):333. (In Russ.)

14. Correspondence from the village of Salovka (Fedorovka). *Voronezhskie eparhial'nye vedomosti = Voronezh Diocesan Bulletin.* 1892;(11):452-454. (In Russ.)

15. Shelters for small children. *Voronezhskie eparhial'nye vedomosti = Voronezh Diocesan Bulletin.* 1892;(15):580. (In Russ.)

16. Ikonnikov S.A. Parish clergy of Voronezh diocese in fight against the cholera epidemic of 1892–1893. *Nauchnyi dialog = Scientific dialogue*. 2021;(2):292-307. (In Russ.) https://doi.org/10.24224/2227-12951-2021-2-292-307.

17. GAVO (The State Archive of the Voronezh region). F. I-6. Op. 1. D. 80. (In Russ.)

18. GAVO. F. I-84. Op. 1. D. 1945. (In Russ.)

19. Alekseev, priest. Teaching during drought and crop failure. *Voronezhskie eparhial'nye vedomosti = Voronezh Diocesan Bulletin.* 1891;(17):595-604. (In Russ.)

20. Sloboda Popovka. *Voronezhskie eparhial'nye vedomosti = Voronezh Diocesan Bulletin.* 1892;(13):512-514. (In Russ.)

21. Public prayer service in Voronezh on the occasion of lack of rain and drought. *Voronezhskie eparhial'nye vedomosti = Voronezh Diocesan Bulletin.* 1892;(9):382-387. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Иконников Сергей Анатольевич, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, философии и социально-политических дисциплин, Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I, г. Воронеж, Российская Федерация,
e-mail: ikonnikovsergey88@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-3094-9271

Sergey A. Ikonnikov, Doctor of Sciences (Historical), Associate Professor, Head of the Department of History, Philosophy and Socio-Political Disciplines, Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter the Great, Voronezh, Russian Federation,
e-mail: ikonnikovsergey88@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-3094-9271

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47)"1800/1850":001.32

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-223-236

CC BY 4.0

Формирование академического сообщества исследователей статистики в первой половине XIX века

А.Ю. Скрыдлов[1]✉

[1]Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук
Университетская наб., д. 5, литера Б, г. Санкт-Петербург 199034, Российская Федерация

✉e-mail: askrydlov@gmail.com

Резюме

Актуальность. *В первой половине XIX века в Российской империи происходило постепенное оформление статистики как исследовательской дисциплины с устойчивыми институциональными рамками, профессиональными нормами и коммуникационными практиками. Изучение формирования сообщества статистиков позволяет глубже понять механизмы институционализации науки в России, выявить особенности взаимодействия академических учреждений, государственных ведомств и научных обществ, а также проследить процесс становления профессиональной идентичности исследователей статистики.*

Цель исследования *– реконструировать процесс становления академического сообщества статистиков в России первой половины XIX века, выявив его организационные основы, институциональные формы и каналы научной коммуникации.*

Задачи: *проследить институционализацию статистики в Академии наук и Русском географическом обществе, определить ключевых акторов, влиявших на формирование научного сообщества; охарактеризовать формы научной коммуникации между исследователями статистики, включая переписку, совместную работу над изданиями, рецензирование и редактуру; проанализировать значение премиальных практик и научной периодики для укрепления профессиональной среды статистиков.*

Методология. *В ходе исследования применялись методы историко-генетического и институционального анализа, с опорой на источниковедческий подход, изучение актовых и делопроизводственных документов и материалов официальной периодики.*

Результаты. *Установлено, что формирование статистического сообщества происходило посредством взаимодействия членов Академии наук, Русского географического общества, преподавателей университетов и чиновников государственных ведомств. Ведущую роль в этом процессе сыграли академики К.Ф. Герман и П.И. Кёппен, при участии которых были созданы ключевые каналы научного общения. Раскрыты основные механизмы включения новых участников в научную среду, которое происходило через систему корреспондентских связей, участие в академических изданиях, представление работ на Демидовский конкурс.*

Выводы. *В первой половине XIX века в России сложилось академическое сообщество статистиков, характеризующееся институциональной поддержкой, общими профессиональными стандартами и международными контактами. Этот процесс заложил основы для последующего развития государственной и земской статистики во второй половине XIX века.*

Ключевые слова: *история статистики; Академия наук; Русское географическое общество; Демидовская премия; статистическая периодика.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Скрыдлов А.Ю. Формирование академического сообщества исследователей статистики в первой половине XIX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 3. С. 223–236. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-223-236.

Поступила в редакцию 29.04.2025 Принята к публикации 23.05.2025 Опубликована 16.06.2025

© Скрыдлов А.Ю., 2025

Formation of the academic community of statistics researchers in the first half of the 19th century

Andrei Yu. Skrydlov[1]✉

[1]Saint-Petersburg Branch of S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of Russian Academy of Sciences
5B Universitetskaya Emb., Saint Petersburg 199034, Russian Federation

✉e-mail: askrydlov@gmail.com

Abstract

Relevance. *In the first half of the 19th century, statistics in the Russian Empire gradually took shape as a scholarly discipline, supported by institutional structures, professional standards, and established forms of scientific communication. Studying the emergence of the statistical research community offers deeper insight into the mechanisms of scientific institutionalization in Russia, highlights the interaction between academic institutions, government agencies, and learned societies, and traces the formation of professional identity among statisticians.*

Purpose. *The aim of this study is to reconstruct the development of the academic community of statisticians in Russia during the first half of the 19th century by identifying its organizational foundations, institutional frameworks, and channels of scientific communication.*

Objectives: *To examine the institutionalization of statistics within the Academy of Sciences and the Russian Geographical Society, and to identify the key actors involved in shaping the scholarly community; To analyze the forms of scientific communication among statisticians, including correspondence, joint publishing efforts, peer review, and editorial work; To assess the role of academic awards and scientific periodicals in consolidating the professional environment of statisticians.*

Methodology. *The research employs historical-genetic and institutional analysis, along with a source-critical approach based on official correspondence, regulatory documents, and periodical publications.*

Results. *The formation of the statistical community occurred through the interaction of the Academy of Sciences, the Russian Geographical Society, universities, and state institutions. Academicians K.F. Hermann and P.I. Köppen played a leading role in establishing key channels of scholarly communication. The study reveals the main mechanisms through which new members were integrated into the academic environment–through networks of correspondence, participation in academic publishing, and receipt of the Demidov Prize. Particular attention is paid to professional communication, including peer review and collaborative work on statistical collections.*

Conclusions. *By the mid-19th century, a distinct academic community of statisticians had emerged in Russia, marked by institutional support, shared professional standards, and international contacts. This process laid the foundation for the development of state and zemstvo statistics in the second half of the 19th century.*

Keywords: *history of statistics; Academy of Sciences; Russian Geographical Society; Demidov Prize, statistical periodicals.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Skrydlov A.Yu. Formation of the academic community of statistics researchers in the first half of the 19th century. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(3):223–236. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-223-236.

Received 29.04.2025 Accepted 23.05.2025 Published 16.06.2025

***

Введение

В истории науки формирование академических сообществ [1] рассматривается как важный элемент процесса институционализации и профессионализации научных дисциплин [2]. Первая половина XIX в. была временем становления многих новых областей знания, среди которых особое место занимают статистические исследования [3]. В Российской империи именно в этот период статистика

прошла путь от описательного государствоведения («Staatenkunde») [4] к аналитической науке, располагающей собственными методологическими основаниями, профессиональными нормами и специализированными институциями [5]. Обращение к теме формирования профессионального сообщества российских статистиков обусловлено тем, что этот процесс до сих пор не получил достаточного освещения. В отечественной историографии основное внимание исследователей традиционно фокусировалось на организационных формах производства статистического знания [6], научном наследии [7] и биографиях отдельных выдающихся ученых-статистиков [8], таких как К.Ф. Герман [9], А.К. Шторх [10], П.И. Кеппен [11]. Между тем изучение процесса становления научного сообщества, под которым понимается устойчивая группа исследователей, объединенных общими целями, предметом изучения, интересами и коммуникативными практиками, позволяет глубже понять механизмы институционализации статистики в России.

Методология

В основу исследования положены принципы историзма и междисциплинарного подхода, предполагающие анализ научных процессов в их институциональном, социальном и интеллектуальном контексте. Применены методы историко-генетического и институционального анализа, направленные на реконструкцию механизмов формирования академического сообщества статистиков в России первой половины XIX в. Исследование строится на сопоставлении данных о составе научных и административных учреждений, анализе регламентирующих документов, биографических сведений, а также практик научного взаимодействия – переписки, коллективной работы над публикациями, премиального поощрения и международных контактов. Особое внимание уделено выявлению каналов научной коммуникации и форм сотрудничества между академической и административной средой, что позволяет рассматривать развитие статистики как результат комплексного взаимодействия научного знания и государственной политики.

Результаты и их обсуждение

Первым центром организации науки в России стала Санкт-Петербургская академия наук. На протяжении второй половины XVIII в. в главном научном учреждении страны постепенно складывались предпосылки для институционального оформления статистических исследований. Деятельность Географического департамента и академические экспедиции 1760–1770-х гг. способствовали накоплению обширного массива первичных данных о территории, населении и экономике страны [12]. Были опробованы методы сбора статистических сведений посредством анкетирования местных администраций, запросов в центральные органы государственной власти. В 1759 г. по инициативе академиков Г. Миллера и М.В. Ломоносова возник институт членов-корреспондентов, задачей которых был сбор информации о территории страны, необходимой для картографических и статистических работ Академии [13]. Теория государствоведения, получившая распространение в России благодаря приглашенным немецким ученым, предлагала стройную систему расположения данных и обоснование их практической полезности. Тезис о связи собираемых статистиками фактов о государстве с практикой государственного управления переводил эту деятельность из разряда факультативных исследований отдельных ученых в плоскость общественно полезных занятий. В этом отношении статистические исследования отвечали задачам, сформулированным в нормативных документах Академии наук. В конце 1770-х гг. термин «статистика» впервые появился в исследовательских программах

Академии наук [14]. В 1780-1790-е гг. академики по другим специальностям – минеролог И.Ф. Герман, астроном Л.Ю. Крафт уже рассматривали статистику как часть своего исследовательского поля [3, с. 62–99]. Дальнейшую институционализацию этой дисциплины сдерживали нормы Академического регламента 1747 г., который не предусматривал штатного академика по классу статистики.

Новый регламент Академии наук 1803 г. закрепил статистику в числе академических дисциплин. В штате были предусмотрены должности ординарного академика и адъюнкта по статистике и политической экономии. Кроме того, документ позволял принимать в Академию воспитанников для обучения у ординарных академиков [15, с. 64]. Таким образом, Академия наук стала первым интеллектуальным центром статистических исследований, вокруг которого начал формироваться круг профессиональных учёных-статистиков. Символическое начало этому процессу было положено 1 февраля 1804 г., когда состоялись первые выборы академика по классу политической экономии и статистики. На эту должность был избран Андрей Карлович Шторх (1766–1835) [16, л. 14–14 об.]. Происходивший из остзейских немцев, он получил образование в Йене и Гейдельберге – признанных центрах немецкой камералистики. По окончании обучения при содействии Н.П. Румянцева Шторх начал преподавать в Сухопутном кадетском корпусе. Его первые труды по статистике, в числе которых «Описание Петербурга» (1794), «Материалы к познанию Российской империи» (1796–1798), помогли ему завоевать авторитет в научном сообществе. Заслуги Шторха были признаны Академией наук, которая в 1796 г. удостоила его звания корреспондента [10, с. 165–190].

Хотя Шторх обладал значительным опытом в сфере описательной статистики, после своего избрания в Академию наук он сосредоточил свои усилия преимущественно на разработке вопросов политэкономии. Исследования в области государствоведения были возложены на адъюнкта, которым 27 марта 1805 г. был избран Карл Федорович Герман (1767–1838) – уроженец Данцига, выпускник Геттингенского университета, ученик известного немецкого историка и статистика А.Л. Шлёцера [9, с. 433–451].

Одним из первых предприятий Германа стал выпуск при Академии наук «Статистического журнала», который был нацелен на популяризацию статистических знаний внутри страны. В Предуведомлении к первому номеру редактор сообщал, что для работы над журналом «некоторые любители учености составили между собою общество, и каждый избрал для себя предмет, чем будет в особенности заниматься. Таким образом, разделив по частям труд сей, и полагаясь на соединенные силы просвещенных людей, издатель ласкает себя надеждою выполнить в точности принимаемые им обязательства пред публикою» [17, с. IV]. Круг авторов, которых К.Ф. Герману удалось объединить для работы над журналом, был весьма представительным, среди них: академик И.Ф. Герман, профессор Педагогического института М.А. Балугьянский, видный специалист «по части коммерции» Ф.Х. Вирст. За 1806–1808 гг. удалось издать 4 выпуска журнала, далее его выпуск прекратился.

Важнейшим достижением К.Ф. Германа стало признание статистических знаний необходимой составляющей эффективного государственного управления. При поддержке министра А.Д. Балашева академик создал и возглавил первый в России орган административной статистики – Статистическое отделение Министерства полиции. Среди его сотрудников значились как чиновники министерства, так и ученые. Наиболее заметный из них – экономист Людвиг Кондратьевич Якоб (1759–1827) – профессор Харьковского университета, член Комиссии по составлению законов, с 1810 г. –

член-корреспондент Академии наук. В 1819 г. Балашёв и Герман попытались закрепить положение статистического органа в структуре центрального управления империи. При этом, помимо государственного статистического ведомства, было предложено создать Статистическое общество – объединение просвещенных интеллектуалов, заинтересованных в изучении статистики [18, с. 47–55]. Согласно проекту, общество должно было состоять из действительных и почетных членов, комиссионеров и корреспондентов, ему следовало обзавестись «приличной библиотекой» и «издавать журнал Статистический и прочие статистические сочинения» [19, л. 671 об.]. Проект Балашёва не нашел поддержки в Комитете министров, и его предложения не были реализованы.

Важнейшим условием для расширения статистического сообщества стало начало преподавания статистики в университетах. Университетские уставы, утвержденные 5 ноября 1804 г., предусматривали в отделениях словесных наук Московского, Казанского и Харьковского университетов учреждение кафедр всемирной истории, статистики и географии, а также истории, статистики и географии Российского государства. В столичном Педагогическом институте курс статистики первоначально также был совмещен с историей и географией. В 1816 г., после преобразования в Главный педагогический институт, здесь возникла первая самостоятельная кафедра статистики, которую занял К.Ф. Герман. Вкладом академика в организацию статистического обучения стала подготовка учебных пособий «Краткое руководство ко всеобщей теории статистики» (1808) и «Всеобщая теория статистики» (1809). Эти издания стали первыми теоретическими сочинениями по государствоведению в России.

Как отмечалось выше, академический Регламент 1803 г. допускал зачисление в состав Академии наук до 20 воспитанников, которые составляли «первую степень академическую» [20, с. 105–114]. Каждый из них закреплялся за ординарным академиком и проходил у него обучение по соответствующей дисциплине. 5 июня 1811 г. воспитанником по кафедре статистики и политической экономии был принят Андрей Владиславлев, выпускник Педагогического института. Его руководителем был назначен академик Шторх. По завершении обучения в 1817 г. Владиславлеву доверили читать публичные лекции по статистике и политэкономии. На составленную им программу лекций Герман дал положительное заключение. Однако реализовать этот план, по-видимому, не удалось в декабре 1818 г. Шторх сообщил о смерти своего ученика от чахотки [21, с. 95–151]. Еще одного воспитанника за Шторхом закрепили в июне 1824 г. Им стал сын академика по анатомии и физиологии П.А. Загорского Михаил, выпускник историко-филологического отделения Петербургского университета. Однако и его ждала печальная судьба – Загорский скончался, не отучившись в Академии и года [22].

Шторху и Герману пришлось искать преемника за пределами академической корпорации. Наиболее очевидным кандидатом мог бы стать Константин Иванович Арсеньев (1789–1865) – выпускник Главного педагогического института, ученик К.Ф. Германа и его преемник на посту начальника Статистического отделения МВД. Ученый был автором ряда новаторских работ по экономическому районированию России [23], которые вызывали широкую дискуссию в печати и научных кругах. В 1825 г. Арсеньев был избран корреспондентом Академии наук, однако кафедру статистики и политической экономии так и не занял.

Вместо него место в академическом штате занял Петр Иванович Кёппен (1793–1864) – на тот момент чиновник Министерства государственных имуществ. Его научные интересы были весьма разнообразны и охватывали лингвистику, археологию, географию и статистику. Исследования Кёппена уже в

1820-е гг. привлекли внимание Академии наук. В 1825 г. он, наряду с Арсеньевым, был избран корреспондентом; в 1832 г. работа Кёппена о статистике винной торговли была отмечена комиссией по вручению Демидовской премии [24, с. 24–26]. Исследования в южных российских губерниях и публикация «Крымского сборника» (1837) укрепили авторитет Кёппена как исследователя. По приглашению президента Академии С.С. Уварова Кёппен с 1834 г. помогал с редактурой немецкоязычной версии «Санкт-Петербургских ведомостей». Предположительно, он же предложил кандидатуру Кёппена на открывшуюся вакансию адъюнкта в 1837 г. Таким образом, К.Ф. Герман получил перспективного помощника, однако в этом составе кафедра просуществовала недолго. После кончины Германа в 1838 г. Кёппен остался единственным исследователем статистики в Академии. В 1839 г. он был избран экстраординарным академиком, а в 1843 г. – ординарным. Между тем вакансия адъюнкта оставалась незанятой вплоть до начала 1850-х гг. За это время академик многократно обращался с предложением увеличить число ученых по своему направлению. В 1842 г. он предложил разделить кафедру и избрать двух академиков – по политической экономии и по статистике, однако это предложение не нашло поддержки [25, л. 460–461 об.].

Расширение исследовательских задач, стоявших перед статистикой в 1840-е гг., требовало объединения неравнодушных к этой отрасли знаний представителей интеллектуальной элиты. Понимая ограниченность ресурсов Академии наук, Кёппен предпринял усилия по консолидации исследователей на неформальном уровне. С 1843 г. в его квартире начали проходить так называемое «вечерние собрания статистиков и путешественников» («Die Abend-Versammlungen der Statistikes und Reisenden»), в которых принимали участие ученые и чиновники, заинтересованные в развитии статистики, среди них: А.П. Заблоцкий-Десятовский, Н.А. Милютин, Н.И. Надеждин, Г.П. Небольсин, А.К. Мейендорф, Ю.А. Гагемейстер, А.М. Шерген, К.М. Бэр, К.И. Арсеньев, Ф.П. Литке, А.Ф. Миддендорф и др. [26, с. 118] Встречи у Кёппена сыграли значимую роль в укреплении горизонтальных связей между исследователями. В ходе профессионального общения закладывались основы общих представлений о целях, задачах и методах статистических исследований. Именно в этой неформальной интеллектуальной среде возникли предпосылки для институционального оформления объединения статистиков, которое состоялось в 1845 г. в рамках Русского географического общества.

Согласно Временному уставу РГО, в составе общества было образовано Отделение статистики России. Академик Кёппен был избран его первым управляющим. Анализ состава отделения позволяет проследить, как формировался и расширялся круг исследователей статистики, и уточнить его социальную и профессиональную структуру. По состоянию на 1846 г. к отделению приписалось 32 действительных члена, что делало его вторым по численности в РГО. Чуть более многочисленным было отделение Географии России (33 члена), два других ему существенно уступали (Отделение общей географии – 21 член, Отделение этнографии – 13 членов) [27, с. 1–8]. Анализ состава показывает, что из 32 персоналий 8 были причислены к штату Министерства государственных имуществ (П.И. Кёппен, А.П. Заблоцкий-Десятовский, К.К. Венцель, А.И. Левшин, Е.А. Петерсон, И.И. Шопен, И.Ф. Штукенберг, Е.А. Энгельгардт), 6 – к Министерству финансов (К.Ф. Бергштрессер, Ю.А. Гагемейстер, П.В. Зиновьев, А.К. Мейендорф, Г.П. Небольсин, А.А. Шерер), 4 – к Министерству внутренних дел (К.И. Арсеньев, С.В. Сафонов, И.Г. Сенявин, Я.В. Ханыков). По одному члену служили в Сенате (К.В. Чевкин) и Государственном

совете (В.П. Бутков), еще 5 человек представляли губернскую бюрократию разного уровня (П.А. Азбукин, И.Ф. Бларамберг, Н.А. Жеребцов, М.Д. Завелейский, А.М. Фадеев). Семеро служили в научных и высших учебных заведениях (Ф.К. Брун, А.Д. Озерский, В.С. Порошин, О.П. Резвой, Н.П. Смецкой, Ф.Б. Фишер, П.Н. Фусс), к этой же группе могут быть отнесены Кёппен и Арсеньев, которые совмещали министерскую службу с должностями ординарных академиков [28].

В течение последующего года Отделение статистики прирастало быстрее других и вскоре стало крупнейшим в составе общества. К лету 1847 г. его численность выросла до 67 человек, опередив Отделение географии России (56 членов), Отделение общей географии (40 членов) и Отделение этнографии (28 членов) [29]. Общая численность представителей Министерства государственных имуществ выросла до 14 человек (новые члены – М.Б. Бульмеринг, К.С. Веселовский, А.А. Война-Куринский, К.Г. Холодовский, Д.П. Хрущов, И.П. Шульгин), Министерства финансов – до 10 (новые члены – А.И. Бутовский, А.Я. Голохвастов, А.А. Скалон, Н.И. Юханцов), Министерства внутренних дел – до 9 (новые члены – А.В. Веневитинов, А.К. Гирс, Н.А. Милютин, Н.И. Надеждин, В.В. Скрыпицын). Кроме того, в состав отделения вошли чиновники Главного управления путей сообщения и публичных зданий (И.П. Арапетов, М.Г. Дестрем), Министерства иностранных дел (А.Б. Рихтер), Военного министерства (А.Г. Строганов), Министерства юстиции (Н.М. Голицын), Почтового департамента (Ф.И. Прянишников). Увеличилось число сенаторов (С.И. Давыдов, П.И. Дегай) и членов Государственного совета (А.Ф. Голицын). Пополнились ряды губернской бюрократии (П.А. Валуев, П.И. Мельников, Н.М. Муравьев, А.П. Языков), высших учебных заведений. Представителем ученого сословия на тот момент являлся профессор Императорской военной академии Д.А. Милютин, кроме того, сенатор Дегай преподавал в Училище правоведения. Существенную долю новых членов Отделения составляли военные и статские чины в отставке, а также частные лица, в этот период не состоявшие на службе (А.А. Кариевский, В.И. Карнеев, С.К. Мельцер, Е.К. Мейендорф, И.И. Панаев, В.П. Романов) [30].

Таким образом, Отделение статистики РГО выступило площадкой консолидации широкого круга лиц, профессионально или интеллектуально вовлечённых в статистическую работу. Оно объединило чиновников ключевых министерств, занимавшихся сбором и обработкой статистических данных, и представителей академической среды, способных к их методологическому осмыслению. Эта модель сотрудничества обеспечивала, с одной стороны, доступ к административной инфраструктуре и информационным ресурсам государства, с другой – возможность использовать научный инструментарий для систематизации и анализа данных. Как подчеркнул сам Кёппен в одном из своих выступлений, «делателей между нами довольно, в числе г[оспод] членов нашего общества немало таких, которым в точности известны разные ветви статистических знаний и современное положение этих частей в России» [31, л. 19 об.].

О том, как выстраивалась коммуникация между членами отделения, дает представление отчет Кёппена «О сношениях с разными лицами по предметам Отделения», который был представлен на заседании Отделения статистики 25 января 1847 г. [32, л. 69–80] Управляющий перечислял сочленов, с которыми ему довелось взаимодействовать в ходе научной работы. Всего в документе перечислено 27 персоналий (П.А. Азбукин, А.П. Шипов, К.С. Арсеньев, П.А. Языков, С.И. Барановский, И.Ф. Бларамберг, Ф.К. Брун, В.Ф. Бутков, К.К. Венцель, К.С. Веселов-

ский, Ю.А. Гагемейстер, И.Я. Горлов, М.Д. Завелейский, П.И. Мельников, А.К. Мейендорф, Н.А. Милютин, Н.Н. Мурзакевич, А.Д. Озерский, И.Я. Павловский, Е.А. Петерсон, Ф.И. Прянишников, Г. Рейн, А.П. Рославский-Петровский, С.В. Сафонов, А.М. Фадеев, Ф.Б. Фишер, К.В. Чевкин). Из отчета следует, что Кёппен обращался к своим сочленам по широкому кругу вопросов. Они помогали уточнить эмпирические данные в губерниях, готовили для отделения собственные статистические описания отдельных частей империи и отраслей хозяйства. Некоторые из членов Отделения включились в работу по редактированию научных публикаций, другие рецензировали поступавшие в РГО материалы. Кёппен отмечал, что «сочлены наши готовы принимать участие в занятиях отделения, содействуя нам или собственными своими трудами, или же открытием частных и общественных сокровищниц, в которых хранятся богатые статистические материалы» [32, л. 79 об.]. Отчет Кёппена наглядно иллюстрирует формирование устойчивой системы научной коммуникации, основанной на регулярной переписке, обмене данными и экспертными мнениями. Разнообразные формы участия, от полевых исследований до редактуры и рецензирования сочинений, свидетельствуют о профессионализации этого сотрудничества.

Особый интерес представляет взаимосвязь между Отделением статистики РГО и Академией наук, которая осуществлялась посредством института почетных членов и корреспондентов. Академический регламент 1803 г. предусматривал избрание в почетные члены «знатных особ, которые своими познаниями и любовью к наукам возбудят в Академии желание принять их в члены, а также из неопределенного числа российских ученых, известных с хорошей стороны своими сочинениями» [15, с. 78]. Кроме того, допускалось избрание «известнейших своей ученостью чужестранцев, от присоединения которых Академия, отдавая сим образом принадлежащую честь достоинству, могла бы вместе заимствовать себе славу и доставить некоторое содействие» [15, с. 78]. Звания корреспондента мог быть удостоен российский или зарубежный ученый, который «не столько еще известен, чтобы мог требовать чести быть почетным членом, но своими полезными сочинениями или познаниями, или же ревностью и старанием, оказав полезные Академии услуги, обратил на себя отличное ее внимание» [15, с. 78]. Эти нормы без существенных изменений были воспроизведены в Уставе 1836 г. [15, с. 108]. На практике избрание в почетные члены чаще всего было направлено на укрепление статуса Академии внутри страны и за ее пределами, этого звания удостаивались видные государственные деятели или выдающиеся зарубежные ученые. Звание корреспондента носило более демократичный характер и служило поощрением для ученых в их будущих научных занятиях.

Продолжая традицию, начатую в 1759 г. избранием первого корреспондента Академии П.И. Рычкова, главное научное учреждение страны в первой половине XIX в. продолжало присваивать это звание представителям губернской интеллектуальной элиты, которые занимались сбором статистических данных. Так, в 1801 г. корреспондентом был избран саратовский чиновник А.И. Лохтин, в 1810 г. – директор училищ Иркутской губернии И.Е. Миллер. В 1850-е гг. Академия признала научные заслуги создателя главного статистического комитета Новороссийского края А.А. Скальковского и профессора Киевского университета Н.Х. Бунге. Однако большинство отечественных почетных членов и корреспондентов, связанных со статистикой, служили в центральных государственных учреждениях в Петербурге. После основания РГО все они, прежде чем получить академическое звание, становились членами Общества и были связаны с Отде-

лением статистики. Так, почетные члены Ф.Ф. Берг и А.И. Лёвшин были членами-основателями Общества; Д.А. Милютин (корреспондент Академии наук с 1853 г.) и Ю.А. Гагемейстер (корреспондент Академии наук с 1855 г.) на момент избрания являлись членами Совета РГО; А.П. Заблоцкий-Десятовский (корреспондент Академии наук с 1856 г.) в 1847–1859 гг. был управляющим Отделением статистики; Е.И. Ламанский (корреспондент Академии наук с 1859 г.) с 1852 г. был секретарем Отделения [33]. Таким образом, институт почетных членов и корреспондентов стал важным каналом академической легитимации исследователей статистики, деятельность которых выходила за рамки Академии наук, но отвечала её научным задачам. Через корреспондентские связи складывался расширенный круг статистиков, включавший как академиков и профессоров, так и чиновников, путешественников, редакторов, участвовавших в сборе и обработке статистических данных.

В 1854 г. Кёппен предпринял еще одну попытку оформить в рамках Академии наук площадку для регулярного взаимодействия исследователей статистики. Он подготовил проект «Об учреждении статистической обсерватории», который предполагал направить министру народного просвещения А.С. Норову. Академик писал, что «употребил немалую часть жизни» на собирание сведений «о предметах отечественных и преимущественно таких, которые состоят в связи со статистикой России», и выражал надежду, что эти материалы могли бы стать полезными будущим исследователям. Суть предложений Кёппена сводилась к организации при Академии помещения для хранения накопившихся статистических материалов со свободным доступом туда «каждому члену Императорской Академии наук, профессорам университетов и вообще каждому лицу, известному по статистическим своим трудам» [34, л. 1]. Для содержания в порядке этих материалов и помощи в дальнейшем собирании сведений «особенно по разным ведомствам, и при вырезке статей из газет, или при изготовлении кратких выписок и при составлении сводов» Кёппен просил закрепить за обсерваторией писца со знанием иностранных языков: «Такой писец пред сим состоял при академике по части статистики, но, к сожалению, в ущерб науке, был уволен для сбережения расходов». Кроме того, «в пособие при занятиях статистических, особенно для посторонних лиц» ученый просил закупить «нужнейшие справочные словари для точного определения предметов и поверки показаний, относящихся до наук, так и для вразумления технических терминов и точного значения» [34, л. 2]. Предложения Кёппена, по-видимому, не были официально представлены министру и инициатива не получила развития. Институциональный центр притяжения исследователей статистики при Академии наук так и не был создан.

Важным механизмом поддержки формировавшегося академического круга статистиков стали периодические издания Академии наук. К началу XIX в. Академия наук уже обладала значительным опытом издания периодики, где публиковались труды по широкому спектру дисциплин, включая работы по государствоведению. Как отмечалось выше, первые академики-статистики Шторх и Герман предприняли попытку наладить выпуск специализированных статистических изданий – «Russland unter Alexander I» и «Статистический журнал». Несмотря на непродолжительный период издания они способствовали популяризации государствоведения среди просвещённой бюрократии и в более широких кругах российского общества. В 1840-е – начале 1850-х гг. академик Кёппен неоднократно пытался возобновить выпуск статистической периодики при Академии наук, однако эти инициативы остались без поддержки [35, л. 2–8]. В результате площадкой для публикации таких мате-

риалов стало РГО, где в 1851–1858 гг. Отделение статистики выпускало «Сборник статистических сведений о России» [36, с. 132–142]. В ходе работы над этим коллективным трудом исследователи обсуждали структуру материалов, договаривались о единой форме представления данных, вырабатывали общие критерии достоверности статистических сведений. Всё это способствовало стандартизации практик и укреплению профессиональных связей между действительными членами отделения.

Другим значимым элементом академической инфраструктуры, который способствовал консолидации исследователей статистики, стала премиальная система Академии наук. Учрежденная в 1831 г. Демидовская премия предназначалась для поощрения научных трудов по разным отраслям знаний, включая статистику. Среди лауреатов Демидовской премии оказывались чиновники государственных ведомств (В.Н. Григорьев, А.И. Левшин, А.А. Скальковский, Я.А. Соловьев, И.И. Шопен), преподаватели учебных заведений (К.Ф. Берштрессер, Ф.К. Брун, Д.А. Милютин, А.Г. Ободовский) и другие видные интеллектуалы того времени (И.С. Аксаков, Н.Я. Бичурин, П.И. Небольсин) [37, с. 280–309]. Их работы существенно повлияли на методологическое и тематическое развитие статистических исследований в России. Демидовские премии способствовали становлению института профессиональной репутации исследователей, предоставляя публичное подтверждение значимости их научных достижений.

Важным звеном премиальной системы было рецензирование представленных на конкурс работ. Оно осуществлялось как академиками-статистиками, так и сторонними экспертами, которых привлекали, если сочинение выходило «из круга собственных занятий Академии». Так, статистические описания Китая, подготовленные Иакинфом (Бичуриным), рецензировали востоковеды Казанского университета – Даниил (Сивиллов) и О.М. Ковалевский; работу И.С. Аксакова, посвящённую украинским ярмаркам, оценивал профессор Н.Х. Бунге из Киевского университета; исследование П.И. Небольсина о торговле России со Средней Азией – начальник пограничной экспедиции Оренбургского края, востоковед В.В. Гри-горьев; обзор по крестьянскому хозяйству П.А. Шторха – чиновник МГИ К.С. Веселовский; сочинение Д.А. Милютина о военной статистике – профессор Санкт-Петербургского университета И.Я. Горлов. Выбор рецензентов, как правило, определялся не только научной компетентностью, но и их профессиональной близостью к Академии. Многие из них в дальнейшем оказались интегрированы в академическое пространство: Бунге, Горлов и Ковалевский ранее сами получали Демидовскую премию, а после рецензирования продолжили карьеру в академической сфере. Веселовский впоследствии занял кафедру статистики и политической экономии в Академии наук, а Григорьев стал профессором Петербургского университета. Характерно, что уже в следующем году после подготовки отзыва Бунге был избран корреспондентом Академии. Практика рецензирования конкурсных сочинений стала важным каналом включения новых исследователей статистики в академическую среду. Она закрепляла экспертные роли, способствуя укреплению профессионального сообщества.

Одним из признаков зрелости российского сообщества статистиков стало установление международных контактов с европейскими учеными. Это выразилось, прежде всего, в избрании зарубежных статистиков почетными членами и корреспондентами Академии наук. Среди них закономерно преобладали представители немецкой статистической традиции. В разные годы почетными членами и корреспондентами Академии было избрано 7 немецких ученых-статистиков – А.Л. Шлёцер, А.Ф. В. Кроме, И.Л. Круг,

Г. Сарториус, Г. Гассель, И.Г. Гофман, Ф.В. Шуберт [33, с. 114–314]. Все они были авторами университетских курсов, учебников и сочинений по государствоведению, активно используемых в преподавании и публикациях российских учёных. Их избрание свидетельствовало о том, что формирующееся российское сообщество статистиков осмысляло себя как часть более широкой научной школы. Заметную роль играли и связи с представителями французской школы политической экономии. В качестве академических почетных членов и корреспондентов были избраны Ж.-Б. Сей, Ж. Сисмонди, П. Дюпен, И.Г. Шницлер, М. Шевалье – мыслители, активно использовавшие статистические данные для анализа социальных процессов, производства и торговли. Эти контакты позволяли российским статистикам расширить круг методологических ориентиров, сопоставить описательную традицию с аналитическим подходом. Знаковым событием стало избрание корреспондентом в 1847 г. бельгийского учёного Адольфа Кетле. Это решение символизировало наметившийся переход от описательного государствоведения к количественной статистике, основанной на выявлении закономерностей массовых социальных явлений. Таким образом, практика избрания зарубежных статистиков в Академию наук формировала поле научных ориентиров для российских учёных. Для сообщества это означало не только получение доступа к новым идеям, но и осознание собственного положения в пространстве европейской науки.

Выводы

Таким образом, в первой половине XIX в. сообщество исследователей статистики представляло собой сеть сотрудничества между академиками, чиновниками, преподавателями и публицистами. Их объединял общий практический интерес к сбору, систематизации и анализу и открытой публикации статистических данных о России. Хотя сообщество формировалось не вокруг одного института, а через взаимосвязанные платформы – Академию наук, РГО, профильные министерства и университетские кафедры, решающую организационную роль в этом процессе сыграли академики К.Ф. Герман и П.И. Кёппен. Благодаря их усилиям были созданы каналы научного общения, вырабатывались практики совместной работы и профессиональные ориентиры. Это послужило основой для дальнейшего институционального развития административной и земской статистики во второй половине XIX в.

Список литературы

1. Merton R. The sociology of science: Theoretical and empirical investigations. Chicago: University of Chicago Press, 1973. 605 p.

2. Crane D. Invisible colleges: Diffusion of knowledge in scientific communities. Chicago: University of Chicago Press, 1972. 213 p.

3. Скрыдлов А.Ю. Государствоведение в Академии наук. СПб.: Скифия-принт, 2025. 288 с.

4. Птуха М.В. Очерки по истории статистики в СССР. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 471 с.

5. Птуха М.В. Очерки по истории статистики в СССР. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 476 с.

6. Елисеева И.И., Дмитриев А.Л. Очерки по истории государственной статистики России. СПб.: Росток, 2016. 287 с.

7. Елисеева И.И. Основополагающие экономико-статистические исследования Петербургской Академии наук во второй половине XVIII – начале XIX в. // Вклад Академии наук в познание России. СПб.: С.-Петерб. науч. центр РАН, 2002. С. 7–25.

8. Дмитриев А.Л., Елисеева И.И. Ученые-статистики в Академии наук: к 300-летию РАН // Вопросы статистики. 2024. № 2. С. 84–100.

9. Дмитриев А.Л. Карл Федорович Герман: статистик и экономист (к 250-летию со дня рождения) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2024. Т. 33, вып. 3. С. 433–451.

10. Якутин Ю.В. Труды и научные заслуги А.К. Шторха (1766–1835) – первого российского академика в области политэкономии и статистики // Менеджмент и администрирование. 2020. № 3. С. 165–208.

11. Сухова Н.Г., Красникова О.А. К биографии П.И. Кеппена (1793–1864) // Деятели русской науки XIX–XX веков. Вып. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 31–61

12. Гнучева В.Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века. М.: Изд-во АН СССР, 1946. 446 с.

13. Смагина Г.И. Петербургская Академия наук и провинциальные любители наук в XVIII в. // «Служение на пользу Отечества»: Петербургская Академия наук в XVIII веке: статьи и материалы. СПб.: Росток, 2021. С. 108–135.

14. Начертание общего топографического и физического описания Российской империи. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1778. 52 с.

15. Уставы Академии наук СССР / отв. ред. Г.К. Скрябин. М.: Наука, 1974. 207 с.

16. СПбФ АРАН (Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук). Ф. 1. Оп. 1. Д. 55. Л. 14–14 об.

17. Статистический журнал, издаваемый Карлом Германом. Т. 1, ч. 1. СПб.: Тип. Акад. наук, 1806. С. I-VII.

18. Скрыдлов А.Ю. Административная статистика в дореформенной России. 1802–1852. СПб.: Изд-во Ассоциации вузов, 2022. 282 с.

19. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1263. Оп. 1. Д. 189. Л. 671 об.

20. Императорская академия наук на пути обновления в 1801–1855 гг.: исторические очерки / под ред. Е.Ю. Басаргиной. СПб.: Нестор-История, 2021. 679 с.

21. Летопись Академии наук. Т. II. 1803–1860 / отв. ред. М.Ф. Хартанович. СПб.: Наука, 2002. 621 с.

22. СПбФ АРАН. Ф. 5. Оп. 1 (1824). Д. 102.

23. Арсеньев К.И. Начертание статистики Российского государства. Ч. 1–2. СПб.: Тип. Имп. воспитательного дома, 1818–1819.

24. Отчет Императорской С.-Петербургской академии наук о втором присуждении премий учрежденных Двора Е. И. В. Камергером П. Н. Демидовым за 1832 год. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1833. 27 с.

25. РГИА. Ф. 733. Оп. 12. Д. 8. Л. 460–461 об.

26. Вальская Б.А. Собрания статистиков и путешественников в Санкт-Петербурге в 40-х годах XIX в. // Известия Русского географического общества. 1992. Т. 124, вып. 2. С. 118.

27. Состав Русского географического общества // Записки Русского географического общества. 1846. Кн. 1. С. 1–8.

28. Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи на 1846 г. Ч.1. СПб.: При Имп. акад. наук, 1846. 308 с.

29. Состав Русского географического общества по 10 июля 1847 года // Записки Русского географического общества. 1847. Кн. 2. С. 341–654.

30. Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи на 1847 г. Ч. 1. СПб.: При Имп. акад. наук, 1847. 323 с.

31. СПбФ АРАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 206.

32. НА РГО (Научный архив Русского географического общества). Ф. 1-18. Л. 69–80.

33. Список членов Императорской академии наук. 1725–1907 / сост. Б.Л. Модзалевский. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1908. VIII, 404 с.

34. СПбФ АРАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 192.

35. СПбФ АРАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 200. Л. 2–8.

36. Вальская Б.А. Первые попытки описания России Географическим обществом // Вопросы географии. 1953. Т. 31. С. 132–142.

37. «За утверждение наук в Отечестве»: к 300-летию Академии наук / отв. ред. А.И. Рудской. СПб.: Политех-Пресс, 2024. 440 с.

References

1. Merton R.K. The sociology of science: Theoretical and empirical investigations. Chicago: University of Chicago Press; 1973. 605 p.

2. Crane D. Invisible colleges: Diffusion of knowledge in scientific communities. Chicago: University of Chicago Press; 1972. 213 p.

3. Skrydlov A.Yu. State science in the Academy of sciences. St. Petersburg: Skifiya-print; 2025. 288 p. (In Russ.)

4. Ptukha M.V. Essays on the history of statistics in the USSR. Vol. 1. Moscow: Izd-vo AN SSSR; 1955. 471 p. (In Russ.)

5. Ptukha M.V. Essays on the history of statistics in the USSR. Vol. 2. Moscow: Izd-vo AN SSSR; 1959. 476 p. (In Russ.)

6. Elisseeva I.I., Dmitriev A.L. Essays on the history of state statistics in Russia. St. Petersburg: Rostok; 2016. 287 p. (In Russ.)

7. Eliseeva I.I. Fundamental economic and statistical research of the St. Petersburg Academy of sciences in the late 18th – early 19th century. In: The contribution of the Academy of Sciences to the study of Russia. St. Petersburg: St. Petersb. nauch. centr RAN; 2002. P. 7-25. (In Russ.)

8. Dmitriev A.L., Eliseeva I.I. Academic statisticians in the Academy of sciences: to the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences. *Voprosy statistiki = Statistical Issues*. 2024;(2):84-100. (In Russ.)

9. Dmitriev A.L. Karl Fyodorovich Hermann: statistician and economist (on the 250th anniversary of his birth). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika = Bulletin of Saint Petersburg University. Economics*. 2024;33(3):433-451. (In Russ.)

10. Yakutin Yu.V. Works and scientific achievements of A.K. Storch (1766–1835) – the first Russian academician in political economy and statistics. *Menedzhment i administrirovanie = Management and Administration*. 2020;(3):165-208. (In Russ.)

11. Sukhova N.G., Krasnikova O.A. On the biography of P.I. Keppen (1793–1864). In: Figures of Russian Science XIX–XX century. Is. 1. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin; 2000. P. 31-61. (In Russ.)

12. Gnucheva V.F. The Geographical department of the Academy of sciences in the 18th century. Moscow: Izd-vo AN SSSR; 1946. 446 p. (In Russ.)

13. Smagina G.I. The St. Petersburg Academy of Sciences and provincial science enthusiasts in the 18th century. In: Service for the Benefit of the Fatherland: The St. Petersburg Academy of sciences in the 18th century. St. Petersburg: Rostok; 2021. P. 108-135. (In Russ.)

14. General topographic and physical description of the Russian Empire. St. Petersburg: Tip. Imp. Acad. nauk; 1778. 52 p. (In Russ.)

15. Skryabin G.K. (ed.) Charters of the Academy of sciences of the USSR. Moscow: Nauka; 1974. 207 p. (In Russ.)

16. SPbF ARAN (St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences). F. 1. Op. 1. D. 55. L. 14-14 rev. (In Russ.)

17. Statistical Journal published by Karl Hermann. Vol.1, pt. 1. St. Petersburg: Tip. akad. nauk; 1806. P. I-VII. (In Russ.)

18. Skrydlov A.Yu. Administrative statistics in pre-reform Russia. 1802–1852. St. Petersburg: Izd-vo Assotsiatsii vuzov; 2022. 282 p. (In Russ.)

19. RGIA (Russian State Historical Archive). F. 1263. Op. 1. D. 189. L. 671 rev. (In Russ.)

20. Basargina E.Yu. (ed.) The Imperial academy of sciences on the path of renewal, 1801–1855: Historical essays. St. Petersburg: Nestor-Istoriya; 2021. 679 p. (In Russ.)

21. Khartanovich M.F. (ed.) Chronicle of the Academy of sciences. Vol. II: 1803–1860. St. Petersburg: Nauka; 2002. 621 p. (In Russ.)

22. SPbF ARAN. F. 5. Op. 1 (1824). D. 102. (In Russ.)

23. Arsen′ev K.I. Outline of the statistics of the Russian State. Pt. 1–2. St. Petersburg: Tip. Imp. Vospitatel′nogo doma; 1818–1819. (In Russ.)

24. Report of the Imperial St. Petersburg Academy of Sciences on the second awarding of prizes established by the court chamberlain P.N. Demidov for 1832. St. Petersburg: Tip. Imp. akad. nauk; 1833. 27 p. (In Russ.)

25. RGIA. F. 733. Op. 12. D. 8. L. 460-461 rev. (In Russ.)

26. Valskaya B.A. Meetings of statisticians and travelers in St. Petersburg in the 1840s. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva = Proceedings of the Russian Geographical Society*. 1992;124(2):118. (In Russ.)

27. Composition of the Russian Geographical Society. *Zapiski Russkogo geograficheskogo obshchestva = Proceedings of the Russian Geographical Society*. 1846;1:1-8. (In Russ.)

28. Address calendar or general staff of the Russian Empire for 1846. Pt. 1. St. Petersburg: Pri Imn. akad. nauk; 1846. 308 p. (In Russ.)

29. Composition of the Russian Geographical Society as of 10 July 1847. *Zapiski Russkogo geograficheskogo obshchestva = Proceedings of the Russian Geographical Society*. 1847;2:341-654. (In Russ.)

30. Address calendar or general staff of the Russian Empire for 1847. Pt. 1. St. Petersburg: Pri Imn. akad. nauk; 1847. 323 p. (In Russ.)

31. SPbF ARAN. F. 30. Op. 1. D. 206. (In Russ.)

32. NA RGO (Scientific Archive of the Russian Geographical Society). F. 1-18. L. 69-80. (In Russ.)

33. Modzalevsky B.L. List of members of the Imperial Academy of sciences. 1725-1907. St. Petersburg: Tip Imn. akad. nauk; 1908. VIII, 404 p. (In Russ.)

34. SPbF ARAN. F. 30. Op. 1. D. 192. (In Russ.)

35. SPbF ARAN. F. 30. Op. 1. D. 200. L. 2-8. (In Russ.)

36. Valskaya B.A. First attempts to describe Russia by the Geographical Society. *Voprosy geografii = Issues of Geography*. 1953;31:132-142. (In Russ.)

37. Rudskoy A.I. (ed.) Contribution to the consolidation of science in the Fatherland: To the 300th anniversary of the Academy of sciences. St. Petersburg: Politekhnika-Press; 2024. 440 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Скрыдлов Андрей Юрьевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий Сектором истории Академии наук и научных учреждений, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: askrydlov@gmail.com,
ORCID: 0000-0001-9913-3580,
Researcher ID: K-1820-2018

Andrei Yu. Skrydlov, Candidate of Sciences (Historical), Leading Researcher, Head of the Department of the History of the Academy of Sciences and Scientific Institutions, Saint Petersburg Branch of the S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation,
e-mail: askrydlov@gmail.com,
ORCID: 0000-0001-9913-3580,
Researcher ID: K-1820-2018

Оригинальная статья / Original article

УДК 93/94

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-237-247

CC BY 4.0

Деятельность Ставки Верховного главнокомандующего по взаимодействию войск вооруженных сил Российской империи при подготовке Варшавско-Ивангородской операции

П.В. Пантелеев [1] ✉

[1]Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооружённых сил Российской Федерации (НИИ (ВИ) ВАГШ ВС РФ)
Университетский пр-т, д. 14, г. Москва 119330, Российская Федерация

✉ e-mail: panteleew.p@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *Деятельность Ставки Верховного главнокомандующего по взаимодействию войск является одной из ключевых составных частей подготовки операций различного масштаба. Знание структуры, содержания и порядка взаимодействия при подготовке Варшавско-Ивангородской операции позволит изучить опыт по организации взаимодействия и возможностям использования полученных знаний в современных условиях.*

Целью *статьи является ознакомление с деятельностью Ставки Верховного главнокомандующего по взаимодействию войск при подготовке Варшавско-Ивангородской операции, а также частной наступательной операцией в Восточной Пруссии в районе города Августова, проводимой войсками Северо-Западного фронта.*

Задачами *статьи являются: раскрытие сроков, содержания взаимодействия войск на различных этапах подготовки операции, проблемных вопросов согласования на каждом этапе и необходимых мероприятий по окончательной подготовке к ведению боевых действий; определение значения деятельности Ставки Верховного главнокомандующего, полевых управлений Северо-Западного и Юго-Западного фронтов при подготовке последующих операций (после первых – Восточно-Прусской и Галицийской операций), а также проблемных вопросов по согласованию их действий.*

Методология. *Применение основных методов современных исследований, таких как историко-системный и историко-типологический, позволило провести исследование достаточно большого количества исторических документов Ставки Верховного главнокомандующего, Северо-Западного и Юго-Западного фронтов.*

Результаты. *В исследовании раскрывается последовательность и содержание деятельности Ставки Верховного главнокомандующего, полевых управлений фронтов по взаимодействию войск при подготовке Варшавско-Ивангородской операции.*

Выводы. *На основании рассмотренных исторических и аналитических документов: раскрывается структура деятельности Ставки Верховного главнокомандующего по взаимодействию войск при подготовке Варшавско-Ивангородской операции; делаются выводы о содержании взаимодействия войск, применяемым формам, способам, методам и приемам организации взаимодействия по согласованию усилий различных родов войск на различных этапах подготовки Варшавско-Ивангородской операции.*

Ключевые слова: *вооруженные силы; Ставка Верховного главнокомандующего; частная наступательная организация; организация взаимодействия.*

Благодарности: *Автор выражает благодарность руководству Военной академии Генерального штаба ВС РФ и редакции журнала «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право» за внимание к рассматриваемой теме.*

Конфликт интересов*: Автор декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Пантелеев П.В. Деятельность Ставки Верховного главнокомандующего по взаимодействию войск вооруженных сил Российской империи при подготовке Варшавско-Ивангородской операции // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 3. С. 237–247. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-237-247.

Поступила в редакцию 18.04.2025 Принята к публикации 12.05.2025 Опубликована 16.06.2025

© Пантелеев П.В., 2025

Activities of the Supreme Commander-in-Chief's Headquarters for the Interaction of the Armed Forces of the Russian Empire in preparation for the Warsaw-Ivangorod operation

Pyotr V. Panteleev[1]✉

[1]Scientific Research Institute (Military History) Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation (Research Institute (VI) VAGSH of the Armed Forces of the Russian Federation)
14 Universitetskiy Ave., Moscow 119330, Russian Federation

✉ e-mail: panteleew.p@yandex.ru

Abstract

Relevance. *The activities of the Supreme Commander-in-Chief's Headquarters for the interaction of troops is one of the key components of the preparation of operations of various scales. Knowledge of the structure, content and order of interaction in the preparation of the Warsaw-Ivangorod operation will allow us to study the experience of organizing interaction and the possibilities of using the acquired knowledge in modern conditions.*

The purpose *of the article is to familiarize with the activities of the Supreme Commander-in-Chief's Headquarters on the interaction of troops in preparation for the Warsaw-Ivangorod operation, as well as the private offensive operation in East Prussia in the Augustow area conducted by the troops of the Northwestern Front.*

The objectives *of the article are: disclosure of the timing and content of the interaction of troops at various stages of the preparation of the operation, problematic issues of coordination at each stage and the necessary measures for the final preparation for combat operations; determining the importance of the activities of the Supreme Commander's Headquarters, the field offices of the Northwestern and Southwestern fronts in the preparation of subsequent operations (after the first East Prussian and Galician operations), as well as problematic issues in coordinating their actions.*

Methodology. *The application of the basic methods of modern research, such as historical-systemic and historical-typological, allowed us to study a fairly large number of historical documents of the Headquarters of the Supreme Commander-in-Chief, the North-Western and South-Western fronts.*

Results. *The study reveals the sequence and content of the activities of the Headquarters of the Supreme Commander-in-Chief, the field offices of the fronts for the interaction of troops in the preparation of the Warsaw-Ivangorod operation.*

Conclusions. *Based on the reviewed historical and analytical documents: the structure of the activities of the Supreme Commander-in-Chief's Headquarters on the interaction of troops in preparation for the Warsaw-Ivangorod operation is revealed; conclusions are drawn about the content of the interaction of troops, the forms, methods, methods and techniques used to organize interaction to coordinate the efforts of various branches of the armed forces at various stages of the preparation of the Warsaw-Ivangorod operation.*

Keywords: *armed forces; Supreme Commander-in-Chief's Headquarters; private offensive operation; organization of interaction.*

Acknowledgements: *The author expresses gratitude to the leadership of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation and the editorial board of the journal "Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law" for their attention to the topic under consideration.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Panteleev P.V. Activities of the Supreme Commander-in-Chief's Headquarters for the interaction of the Armed Forces of the Russian Empire in preparation for the Warsaw-Ivangorod operation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(3):237–247. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-237-247.

Received 18.04.2025 Accepted 12.05.2025 Published 16.06.2025

***

Введение

Варшавско-Ивангородская операция являлась одной из крупнейших операций Первой мировой войны [1, с. 508]. Её подготовка осуществлялась в сложных условиях еще не завершённых первых

операций Первой мировой войны (Восточно-Прусской и Галицийской операций) и проводилась с 15 (28) сентября по 26 октября (8 ноября) 1914 г. [1, с. 495–509] Результаты первых операций двух фронтов были различны. Неудачи Северо-Западного фронта, связанные с гибелью 2-й армии, отходом 1-й армии из Восточной Пруссии и достаточно успешные действия Юго-Западного фронта, заключающиеся в овладении Львовом и Галичем, разгромом противника и продолжением наступления в форме преследования австро-венгерских войск [2, с. 9], оказали серьезное влияние на последующие операции. Каждый фронт действовал как бы на отдельном (изолированном) направлении, самостоятельном театре войны (промежуток между фронтами составлял около 200 км) и каждый считал свой театр важнейшим (главным). Кроме положения и состояния войск на Северо-Западном и Юго-Западном фронтах после более чем месячных тяжелых и изнурительных боев, влияние на подготовку оказывало состояние и положение французской армии на р. Эн и у Вердена, являющейся союзником России [2, с. 9].

Ставке Верховного главнокомандующего в этих условиях необходимо было принять решение о проведении дальнейших действий и решении двух основных задач. Первая и важнейшая заключалась в стабилизации обстановки в Восточной Пруссии по недопущению дальнейшего продвижения 8-й германской армии. Вторая заключалась в умелом использовании результатов успешных операций Юго-Западного фронта.

Данная статья будет посвящена вопросам последовательности, содержания и деятельности Ставки Верховного главнокомандующего по организации взаимодействия войск Северо-Западного и Юго-Западного фронтов на каждом этапе подготовки Варшавско-Ивангородской операции.

Методология

Распространенные в современных исследованиях историко-системный метод [3, с. 197–205] и историко-типологический метод [4, с. 180–185] позволили провести исследование достаточно большого количества исторических документов Ставки Верховного главнокомандующего, Северо-Западного и Юго-Западного фронтов и определить на их основе существовавший в то время порядок функционирования полевых управлений, их оперативных составов и оказанное влияние на деятельность полевых управлений всех уровней по взаимодействию войск при подготовке Варшавско-Ивангородской операции.

Результаты и их обсуждение

Деятельность Ставки Верховного главнокомандующего по взаимодействию войск вооруженных сил Российской империи при подготовке Варшавско-Ивангородской операции [2, с. 9] осуществлялось в целях своевременных, совместных, самоотверженных, совокупных и продуманных действий разных родов войск, проводимых в определенные (установленные) время и место при решении различных задач в интересах достижения общей цели операции [5, с. 7–12]. Вся деятельность была подчинена необходимости скорейшей и согласованной подготовки войск Северо-Западного и Юго-Западного фронтов для решения возложенных задач на каждом этапе подготовки Варшавско-Ивангородской операции:

– на этапе завершения первых операций (Восточно-Прусской и Галицийской операций) и определения плана последующих действий армий фронтов [6, с. 13–19];

– в ходе осуществления перемещения (перегруппировки) крупных войсковых масс на необходимые направления (районы, рубежи) [6, с. 19–24];

– в ходе занятия районов для ведения боевых действий [6, с. 40–41].

Для подготовки планов следующих действий (операций) при завершении первых операций необходимо было провести всестороннюю оценку обстановки (состояния, положения и планируемый характер действий войск противника, его возможности по созданию резервов, перемещения на необходимые направления, состояние, положение своих войск, характер действий войск союзников и т. д.). На основе проведенных мероприятий необходимо было разработать план Верховного командования вооружёнными силами Российской империи и осуществить подготовку необходимых войск для выполнения принятого решения (создание группировок войск для проведения последующих операций [2, с. 9–10]).

К 15 (28) сентября штабом Ставки Верховного главнокомандующего с достаточной степенью достоверности были определены три основные группы войск противника:

– первая группа – 8-я германская армия действовала в Восточной Пруссии;

– вторая группа сосредотачивалась после перегруппировки и развертывалась за Вислой на рубеже Калиш, Ченстохов;

– третья группа последовательно отступала в направлении на Краков, частью сил в Венгрию после неудачных для них боев в Галиции.

Планом германо-австрийского командования предусматривалось:

– 8-й германской армии – охрана и оборона Восточной Пруссии от нового вторжения русских войск;

– австро-венгерским войскам (4-й, 3-й и 2-й армиям) – ведением наступления сковать действия русских войск с фронта;

– 9-й германской армии – проведением самостоятельной операции во взаимодействии с 1-й австрийской армией и нанесением флангового удара во фланг в направлении на Ивангород и Варшаву и тыл наступающим соединениям и частям остановить продвижение и нанести поражение войскам Юго-Западного фронта.

Группировка германских и австро-венгерских войск для нанесения удара включала: 9-ю германскую армию (12,5 пехотных и 1 кавалерийская дивизия), 1-ю австро-венгерскую армию (11,5 пехотных и 5 кавалерийских дивизий). Всего 470 тыс. пехоты, 50 тыс. кавалерии, 2400 орудий, без крепостных) [2, с. 10–13].

Планом Ставки Верховного главнокомандующего Российской империи, определенным директивой от 15 (28) сентября 1914 г. за подписью начальника штаба Ставки генерал-лейтенанта Н.Н. Янушкевича [2, с. 33–34], предусматривалось проведение наступательной операции двух фронтов (Северо-Западного и Юго-Западного) в целях нанесения поражения войскам противника на направлении Средней Вислы, Верхний Одер и глубокого вторжения в Германию.

Для выполнения задуманного плана Ставки Верховного главнокомандующего необходимо было создать сильную группировку для нанесения удара в указанном направлении, а для этого требовалось перемещение на избранное направление не менее трех армий. В целях прикрытия левого фланга наступающей группировки необходимо было развернуть и обеспечить достаточное количество сил с их широкими и активными действиями против австро-венгерских войск в Галиции, а при необходимости иметь возможность и силы для нанесения удара в направлении на Краков и за Карпаты [2, с. 10, 33–34]. Для обеспечения прикрытия правого фланга наступающей группировки и недопущения переброски войск противника из Восточной Пруссии был определен Северо-Западный фронт [1, с. 498].

Этим же документом вследствие сосредоточения сил противника и перехода его на рубеж Радом, устье р. Вислоки [7, с. 157] Верховный главнокомандующий подтверждал ранее отданные указания (от 13 (26) сентября 1914 г.):

1) по немедленной подготовке армий Юго-Западного фронта к совершению перемещения на другие направления и наступлению;

2) по возможности быстрой переброски не менее двух армий для участия в составе наступательной группировки с занятием районов вблизи Ивангорода и устья р. Сан;

3) важнейшей задачей необходимо было считать удержание важнейших участков в Галиции – Львова, Ярослава, Перемышля, а действия по овладению Перемышлем считать наиважнейшими [8, л. 50, 50 об.];

4) оборонительные действия со стороны Венгрии должны были быть организованы на широком фронте и при возможно высокой активности действий.

Окончательное решение на операцию [1, с. 498] было доведено директивой Ставки Верховного главнокомандующего от 18 сентября (1 октября) за подписью генерал-лейтенанта Н.Н. Янушкевича [2, с. 39–40], в которой, исходя из оценки группировок противника, предполагаемого характера его действий, а также давнейшей мысли и мечты Великого князя генерал-адъютанта Николая о наступлении в сердце Германии, была определена задача по вторжению и развитию операции в направлении на Берлин [9, с. 256].

Ближайшей целью наступления являлось отражение наступления противника, наступающего по левому берегу Вислы в левый фланг Юго-Западного фронта, нанесение ему поражения и создание условий для выполнения последующей основной задачи по наступлению в глубь и сердце Германии [2, с. 39].

Для выполнения этой ближайшей цели и последующих задач Верховным главнокомандующим были отданы повеления главнокомандующим Северо-Западного и Юго-Западного фронтов о немедленной и согласованной подготовке войск к предстоящей операции [11, с. 118–124]:

1. 2-ю армию (2-й сибирский, 1-й, 23-й корпуса, 6 кавалерийская дивизия) необходимо было спешно сосредоточить в районе Варшавы с использованием по возможности железной дороги с переподчинением главнокомандующему Юго-Западного фронта с 12 часов ночи с 18 на 19 сентября 1914 г. С того же срока в состав фронта включался Варшавский отряд и крепость Новогеоргиевск.

2. Руководство войсками, развертываемыми на Висле, должно было быть подчинено главнокомандующему армиями Юго-Западного фронта генерал-адъютанту Н.И. Иванову.

3. Северо-Западный фронт должен был обеспечить успешные действия правого фланга и тыла Юго-Западного фронта и быть в готовности выделить дополнительные силы в составе 2-х корпусов для участия в операции на Висле.

4. Были доведены разграничительные линии между фронтами и порядок использования важнейших рокадных маршрутов и дорог.

5. Определены были и вопросы снабжения войск, включая и переданных в состав фронта 2-й армии и Варшавского отряда, с возложением ответственности за их всестороннее обеспечение на Северо-Западный фронт.

6. Общее руководство войсками в Галиции было приказано возложить на одного из командующих армиями.

Перемещения армий Юго-Западного фронта (4-я, 9-я и 5-я армии с рубежа р. Сан на участок Ивангород) были осуществлены под прикрытием укреплений Варшавы и Ивангорода [12, с. 112] (рис. 1):

– 4-й армии с 10 (23) сентября по 17 (30) сентября 1914 г. в район Ивангорода по решению главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта;

– 9-й армии с 15 (28) сентября по 20 сентября (3 октября) 1914 г. на основании указаний Верховного главнокомандующего;

– 5-й армии с 16 (28) сентября по 20 сентября (3 октября) 1914 г. в район Люблина, с последующей перевозкой в район Ивангорода на основании директивы штаба Ставки Верховного главнокомандующего от 19 сентября (2 октября) 1914 г. [1, с. 500–502]

Рис. 1. Варшавско-Ивангородская операция. 15(28) сентября – 26 октября (8 ноября) 1914 г.

Fig. 1. Warsaw-Ivangorod operation. September 15(28) – October 26 (November 8), 1914

Организация управления и взаимодействия [13, с. 112] при подготовке операции (рис. 2) осуществлялось на основе тщательной всесторонней оценки обстановки (положение и предполагаемый характер действий германских и австро-венгерских войск, положение и состояние своих войск, оценка района операции) в ходе взаимных писем от начальника штаба Ставки Верховного главнокомандующего главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта (от 7 (20), 12 (25) сентября 1914 г.) и Северо-Западного (от 10 (23), 12 (25) сентября 1914 г.) фронтов, с обратными докладами – доводами (разъяснениями, убеждениями) от главнокомандующего армиями Юго-Западного (от 8 (21), 12 (25) сентября 1914 г.), Северо-Западного (от 11 (24) сентября 1914 г.) фронтов начальнику штаба Ставки Верховного главнокомандующего, а также и по линии начальников штабов фронтов (от 11 (24) сентября 1914 г.).

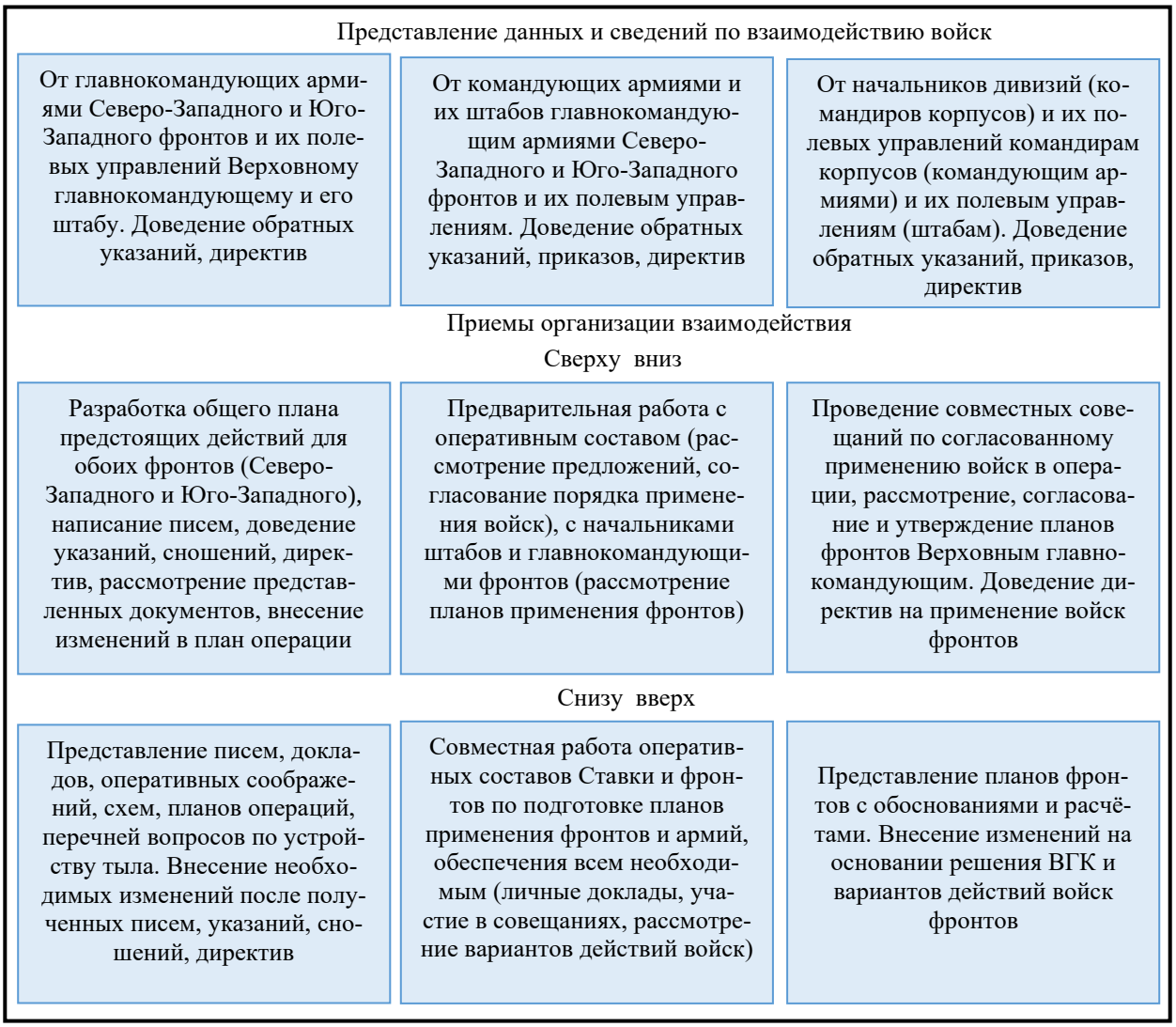

Рис. 2. Организация управления и взаимодействия войск при подготовке Варшавско-Ивангородской операции [2, с. 45-104; 6, с. 3-16; 8, л. 50-50 об.; 10, л. 36-88]

Fig. 2. Organization of management and interaction of troops in preparation for the Warsaw-Ivangorod operation [2, p. 45-104; 6, p. 3-16; 8, l. 50-50 ob.; 10, l. 36-88]

Важным в ходе проведения согласования всех вопросов подготовки операции было рассмотрение предложений, поступающих из войск (армий, корпусов [13, с. 34], дивизий). Предложения поступали в форме писем, докладов, оперативных соображений, схем, планов по своим линиям подчинённости [14, с. 1–11] (см. рис. 2):

– от начальников дивизий и их полевых управлений командирам корпусов и их полевым управлениям [15, с. 45–46];

– от командиров корпусов и их управлений командующим армиями и их штабам [14, с. 65–74];

– от командующих армиями и их штабов главнокомандующим армиями Северо-Западного и Юго-Западного фронтов и их полевым управлениям [15, с. 54–63];

– от главнокомандующих армиями Северо-Западного и Юго-Западного фронтов и их полевых управлений Верховному главнокомандующему и его штабу [15, с. 11–51].

По результатам проведенной работы с неоднократным рассмотрением доводов Главнокомандующих армиями и их штабов был разработан замысел (идея) последующей операции, первоначальное решение по которой было доведено указаниями Верховного главнокомандующего от 15 (28) сентября, а окончательное от 18 сентября (1 октября) 1914 г. за подписью начальника штаба Ставки [2, с. 24–34].

Основной задачей Ставки Верховного главнокомандующего на этом этапе являлась необходимость учета мнений главнокомандующих армиями Северо-Западного и Юго-Западного фронтов [11, с. 112] с учетом в том числе личностных особенностей взаимоотношений между генералом Ивановым и генералом Рузским (назначенный с должности командующего 3-й армией Юго-Западного фронта на должность главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта) [7, с. 157].

Кроме того, предлагаемые различные варианты действий и применения войск фронтов рассматривались на неоднократных совместных совещаниях в Холме [7, с. 19] (штаб главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта) [13, с. 253] (рис. 3):

– первый вариант (определен директивой Ставки) – удар 4-й и 9-й армий с фронта с одновременным ударом 2-й армией во фланг наступающему противнику;

– второй вариант (более осторожный вариант главнокомандующего Юго-Западным фронтом) – ведение вначале обороны по удержанию указанных районов и рубежей, в последующем переход в контрнаступление [2, с. 40–41]).

Рис. 3. Структура деятельности Ставки Верховного главнокомандующего по взаимодействию войск при подготовке Варшавско-Ивангородской операции [2, с. 45-104; 6, с. 3-16; 8, л. 50-50 об.; 10, л. 36-88]

Fig. 3. The structure of the Supreme Commander-in-Chief's Headquarters for the interaction of troops in preparation for the Warsaw-Ivangorod operation [2, p. 45-104; 6, p. 3-16; 8, l. 50-50 ob.; 10, l. 36-88]

Рассматривались направления действий (принаревская группа и главные силы) по распределяемым силам и средствам (соединения и части для принаревской группы и главных сил) и предназначению в действиях (ведение оборонительных действий Юго-Западным фронтом и отвлекающих действий – ведением наступательной операции Северо-Западным фронтом [2, с. 29–39]).

В ходе осуществления перегруппировок армий в указанные районы сосредоточения и занятия ими районов для наступления осуществлялся контроль выполнения мероприятий и вносились необходимые изменения и дополнения в решение на операцию [16, с. 301–303], связанные в первую очередь с ускорением их прибытия в назначенные районы (перевозкой железнодорожным транспортом), подготовкой ведения и ведением различных боевых действий войсками прикрытия, основных сил, их обеспечения всем необходимым как при ведении оборонительных действий, так и последующих наступательных операций (разговор Данилова с Бонч-Бруевичем [2, с. 40–41]), о выделении дополнительных сил в состав Юго-Западного фронта (письмо главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта от 19 сентября (3 октября) и т. д.) [2, с. 41–44].

Таким образом, организация взаимодействия являлась важной составной частью подготовки [17, с. 21–29] Варшавско-Ивангородской операции и осуществлялась между Ставкой Верховного главнокомандующего и фронтами (Северо-Западным и Юго-Западным) доведением указаний, сношений в целях разработки общего плана предстоящих действий фронтов и доведением оперативных задач в операции директивами. В целях более полного и тщательного согласования усилий обоих фронтов в операции была применена форма выезда Верховного главнокомандующего и оперативного состава Ставки в штаб Юго-Западного фронта для проведения совместного совещания с привлечением и главнокомандующего и оперативного состава Северо-Западного фронта (см. рис. 2).

Порядок и последовательность действий войск отрабатывались последовательно (в начале в Ставке Верховного главнокомандующего, затем в штабах фронтов (Северо-Западном и Юго-Западном), с обратными докладами по вертикали подчинённости с представлением многовариантности действий всех родов войск и прогнозированием возможных результатов действий, а в ходе практической работы на совместных совещаниях отдачей указаний с определением мер по обеспечению согласованных действий (см. рис. 3).

В ходе работы по организации взаимодействия между Ставкой Верховного главнокомандующего и полевыми управлениями фронтов использовались методы рассмотрения поступивших докладов от главнокомандующих армиями фронтов, их штабов, других должностных лиц по своим вертикалям управления. После рассмотрения поступивших докладов следовали указания с обязательным доведением мер по обеспечению согласованных действий всех войск фронтов.

Выводы

Рассмотренные выше положения основных документов подготовки операции, ряд архивных документов, а также приведенные исторические примеры позволяют сделать ряд выводов.

1. Подготовка последующей за первыми операциями (Восточно-Прусской и Галицийской) Варшавско-Ивангородской операции занимала непродолжительное время и осуществлялась в сложнейших условиях их завершения (продолжающихся боев, боевых действий и сражений в армиях и корпусах Северо-Западного и Юго-Западного фронтов).

2. Деятельность Ставки Верховного главнокомандующего по взаимодействию войск вооруженных сил Российской империи при подготовке операции была направлена на скорейшую подготовку привлекаемых войск по согласованному

их применению в ходе осуществления перегруппировок в назначенные районы, подготовке к ведению различных боевых действий (оборонительных и наступательных), а также учет мнений союзника (Франции) по скорейшему началу операций по оттеснению австро-германских войск от Вислы и облегчению положения французов на Западном фронте.

3. К сожалению, общий план действий так и не был принят в связи с различными представлениями сложившегося положения дел на фронте и различными разногласиями в выходе из создавшегося положения, но необходимые коррективы в действия фронтов внесены все же были. За основу был принят план командования Юго-Западного фронта, а Северо-Западному фронту, проведением частной наступательной операции в районе г. Августов, была отведена роль по недопущению дополнительной переброски германских войск в Польшу для участия против войск Юго-Западного фронта.

4. Организация взаимодействия являлась важной составной частью подготовки Варшавско-Ивангородской операции и от умело проведенного согласования действий войск зависел успех в действиях всех армий, корпусов, дивизий Северо-Западного и Юго-Западного фронтов, их различных родов войск в ходе ведения боевых действий на каждом её этапе.

Список литературы

1. Вооруженные силы России в Первой мировой войне (1914–1917). Т. 1 / под общ. ред. В.В. Герасимова. М.: Мегаполис, 2014. 743 с.

2. Варшавско-Ивангородская операция: сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914–1917 гг.). М.: Изд. и 1 тип. Воениздат, 1938. 512 с.

3. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2003. 485 с.

4. Гаврилов А.Г., Прямицын В.Н. Установление многоаспектной и многоуровневой типизации на примере исследования истории метеорологического обеспечения Военно-воздушных сил Красной армии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 5. С. 178–188.

5. Устав полевой службы: [Высочайше утвержден 27 апреля 1912 года]. СПб.: Изд. В. Березовский, 1912. 276 с.

6. Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 2: Период с 1 (14) сентября по 15(28) ноября 1914 года / сост. Г.К. Корольков. М.: Высш. воен. ред. совет, 1923. 186 с.

7. Российская империя: победы и поражения на фронтах Первой мировой войны / ред. -сост.: В.П. Бугромеев, В.В. Бугромеев. М.: ОлмаМедиаГрупп, 2014. 448 с.

8. РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 2067. Штаб главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. Оп. 1. Управление генерал-квартирмейстера. Д. 9. Приказы армиям Юго-Западного фронта.

9. Атлас офицера: географический атлас / [А.Н. Асабаев и др.]. М.: Красная звезда, 2021. 303 с.

10. РГВИА. Ф. 2019. Штаб главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта. Оп.1. Управление генерал-квартирмейстера. Д. 5. Директивы и распоряжения Верховного главнокомандующего по ведению военных действий.

11. История военной стратегии России / под ред. В.А. Золотарев. М.: Кучково поле: Полиграфресурсы, 2000. 592 с.

12. Строков А.А. Вооруженные силы и военное искусство в Первой мировой войне. М.: Воениздат, 1974. 616 с.

13. Микрюков В.Ю. Война: наука и искусство. Кн. 4. Вооруженные силы: монография. М.: РУСАЙНС. 2023. 344 с.

14. Положение о полевом управлении войск в военное время. СПб.: Военная тип. имп. Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1914. 154 с.

15. Мечетный Т.С. Организация взаимодействия между подразделениями органов военного управления // Актуальные исследования. Международный научный журнал. 2024. № 7 (189). URL: https://arni.ru/article/8461/ (дата обращения: 15.03.2025).

16. Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. М.: Кучково поле, 2001. 434 с.

17. Петров С. П. Организация и поддержание взаимодействия войск в наступательном бою // Военно-исторический журнал. 1976. № 5. С. 21–29.

References

1. Gerasimov V.V. (ed.) The Russian Armed forces in the First World War (1914-1917). Vol. 1. Moscow: Megapolis; 2014. 743 p. (In Russ.)

2. Warsaw-Ivangorod operation: a collection of documents of the World Imperialist War on the Russian Front (1914-1917). Moscow: Izd. i 1 tip. Voenizdat; 1938. 512 p. (In Russ.)

3. Koval'chenko I.D. Methods of historical research. 2nd ed., supplement. Moscow: Nauka; 2003. 485 p. (In Russ.)

4. Gavrilov A.G., Pryamitsyn V.N. The establishment of a multidimensional and multilevel typification based on the example of a study of the history of meteorological support for the Red Army Air Force during the Great Patriotic War (1941-1945). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022;12(5):178-188. (In Russ.)

5. The Charter of the field service: [Highly approved on April 27, 1912.]. St. Petersburg: Izd. V. Berezovskii; 1912. 276 p. (In Russ.)

6. Korol'kov G.K. (ed.) Strategic outline of the War of 1914-1918. Part 2. The period from September 1 (14) to November 15 (28), 1914. Moscow: Vyssh. voen. red. sovet; 1923. 186 p. (In Russ.)

7. Bugromeev V.P., Bugromeev V.V. (eds.) The Russian Empire: victories and defeats on the fronts of the First World War. Moscow: OlmaMediaGrupp; 2014. 448 p. (In Russ.)

8. RGVIA (Russian State Military Historical Archive). F. 2067. Headquarters of the Commander-in-Chief of the armies of the Southwestern Front. Op. 1. Office of the Quartermaster General. D. 9. Orders to the armies of the Southwestern Front. (In Russ.)

9. Asabaev A.N., et. al. Officer's Atlas: a geographical atlas. Moscow: Krasnaya zvezda; 2021. 303 p. (In Russ.)

10. RGVIA. F. 2019. Headquarters of the Commander-in-Chief of the armies of the North-Western Front. Op.1. Office of the Quartermaster General. D. 5. Directives and orders of the Supreme Commander-in-Chief on the conduct of military operations. (In Russ.)

11. Zolotarev V.A. (ed.) The history of Russia's military strategy. Moscow: Kuchkovo pole: Poligrafresursy; 2000. 592 p. (In Russ.)

12. Strokov A.A. The Armed forces and the art of war in the First World War. Moscow: Voenizdat; 1974. 616 p. (In Russ.)

13. Mikryukov V.Yu. War: science and art. Book 4. The armed forces. Moscow: RUSAINS; 2023. 344 p. (In Russ.)

14. Regulations on the field administration of troops in wartime. St. Petersburg: Voen. tip. imp. Ekateriny Velikoi (v zdanii Glavnogo Shtaba); 1914. (In Russ.)

15. Mechetnyi T.S. Organization of interaction between units of military administration bodies. *Aktual'nye issledovaniya. Mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal = Current research. International Scientific Journal*. 2024;7(189). (In Russ.) Available at: https://arni.ru/article/8461/ (accessed 15.03.2025).

16. Golovin N.N. Russia's military efforts in World War II. Moscow: Kuchkovo pole; 2001. 434 p. (In Russ.)

17. Petrov S. P. Organizing and maintaining the interaction of troops in offensive combat. *Voenno-istoricheskii zhurnal = Military Historical Journal*. 1976;(5):21-29. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Пантелеев Пётр Валентинович, кандидат военных наук, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооружённых сил Российской Федерации (НИИ (ВИ) ВАГШ ВС РФ), г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: panteleew.p@yandex.ru

Pyotr V. Panteleev, Candidate of Sciences (Military), Senior Researcher at the Scientific Research Institute (Military History) Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation (Research Institute (VI) VAGSH of the Armed Forces of the Russian Federation), Moscow, Russian Federation,
e-mail: panteleew.p@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47)

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-248-256

(cc) BY 4.0

К вопросу об уровне жизни мещан города Курска в первой половине XIX века

Р.Л. Рянский[1], Л.М. Рянский[2]✉, М.Л. Рянская[3]

[1] Курский государственный университет
ул. Радищева, д. 33, г. Курск 305000, Российская Федерация

[2]Курское региональное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры
ул. Дзержинского, д. 19, г. Курск 305000, Российская Федерация

[3]МБОУ «Средняя общеобразовательная школа №51»
ул. Веспремская, д. 1а, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉e-mail: ryanskiy@internet.ru

Резюме

Актуальность. *Объективная оценка уровня жизни податного населения дореформенной России в отечественной исторической науке, включая ее региональный сегмент, нуждается в дальнейшем исследовании, при этом мещанское сословие, в отличие от крестьянства, находилось на втором плане.*

Цель. *На основе изучения широкого круга различных архивных и печатных источников дать комплексную оценку жизненного уровня мещан города Курска в конце XVIII – первой половине XIX века.*

Задачи: *исходя из информации, имеющейся в распоряжении авторов, попытаться отойти от сложившихся в советской исторической традиции стереотипов; проанализировать информацию о различных сферах жизнедеятельности мещан.*

Методология. *Статья основывается на принципах объективности и историзма. Отсутствие сведений, позволяющих напрямую оценить жизненный уровень мещан Курска, потребовало применения системного подхода, а наличие антропометрических данных, являющихся интегральными показателями, способствовало привлечению статистических методов.*

Результаты. *Вопрос о благосостоянии рядовых жителей города Курска в первой половине XIX века исследуется на основе разнообразных источников, позволяющих осветить различные сферы жизни мещан. Авторы приводят конкретные свидетельства и количественные данные о продовольствии, занятиях, имуществе, источниках доходов и поступления жизненных средств, образовании и медицинском обслуживании курских мещан. Разумеется, представленная проблема решена не с исчерпывающей полнотой, при этом и сказанное не согласуется с оценками уровня жизни и бытовых условий мещан в первой половине XIX века, господствовавшими в отечественной исторической науке. Дана обоснованная оценка благосостояния мещан на базе антропометрических данных, почерпнутых из впервые введенных в научный оборот источников.*

Вывод. *Установлено, что средний дефинитивный рост мещан в целом соответствовал всероссийской норме. Это может свидетельствовать о том, что базовые потребности курских мещан удовлетворялись, вероятно, в достаточной мере, соответствующей уровню социально-экономического развития России первой половины XIX века.*

Ключевые слова: *антропометрия; мещане; торговля; ремесло; дефинитивный рост; рекрутская повинность.*

Конфликт интересов*: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Рянский Р.Л., Рянский Л.М., Рянская М.Л. К вопросу об уровне жизни мещан г. Курска в первой половине XIX в. // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 3. С. 248–256. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-248-256.

Поступила в редакцию 08.04.2025 Принята к публикации 07.05.2025 Опубликована 16.06.2025

© Рянский Р.Л., Рянский Л.М., Рянская М.Л., 2025

On the question of the standard of living of the bourgeoisie of Kursk in the first half of the 19th century

Roman L. Ryansky[1], Leonid M. Ryansky[2]✉, Maria L. Ryanskaya[3]

[1]Kursk State University
33 Radishchev Str., Kursk 305000, Russian Federation

[2]Kursk Regional Branch of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments
19 Dzerzhinsky Str., Kursk 305000, Russian Federation

[3]Secondary school No. 51
1a Veszprem Str., Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: ryanskiy@internet.ru

Abstract

Relevance. *An objective assessment of the standard of living of the tax-paying population of pre-reform Russia in Russian historical science, including its regional segment, needs further research. At the same time, the bourgeoisie, unlike the peasantry, was in the background.*

The purpose *– based on the study of a wide range of different archival and printed sources, to give a comprehensive assessment of the living standards of the burghers of the city of Kursk in the late XVIII – first half of the XIX centuries.*

Objectives: *based on the information available to the authors, try to move away from the stereotypes that have developed in the Soviet historical tradition, analyze information about various spheres of life of the burghers.*

Methodology. *The article is based on the principles of objectivity and historicism. The lack of information that makes it possible to directly assess the standard of living of the burghers of Kursk required the use of a systematic approach, and the availability of anthropometric data, which are integral indicators, contributed to the use of statistical methods.*

Results. *The issue of the well-being of ordinary residents of Kursk in the first half of the 19th century is studied on the basis of various sources that make it possible to highlight various spheres of life of the burghers. The authors provide specific evidence and quantitative data on food, occupations, property, sources of income and income, education and medical care for Kursk burghers. Of course, the problem presented has not been solved exhaustively, and what has been said does not agree with the assessments of the standard of living and living conditions of the bourgeoisie in the first half of the 19th century, which prevailed in Russian historical science. A reasonable assessment of the well-being of the burghers is given on the basis of anthropometric data obtained from sources introduced into scientific circulation for the first time.*

Conclusion. *It was found that the average definitive height of the burghers generally corresponded to the All-Russian norm. This may indicate that the basic needs of the Kursk burghers were probably satisfied to a sufficient extent, corresponding to the level of socio-economic development of Russia in the first half of the 19th century.*

Keywords: *anthropometry; philistines; trade; craft; definitive growth; conscription.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Ryansky R.L., Ryansky L.M., Ryanskaya M.L. On the question of the standard of living of the bourgeoisie of Kursk in the first half of the 19th century. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(3):248–256. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-248-256.

Received 08.04.2025 Accepted 07.05.2025 Published 16.06.2025

***

Введение

Благосостояние или уровень жизни рядовых горожан г. Курска в период с конца XVIII в. до 1861 г. относится к числу практически не изученных проблем региональной истории. В советской историографии оно оценивалось преимущественно негативно. Так, в книге «Курск. Очерки истории города» читаем:

Курск «был городом, где “барство дикое” творило свои черные дела, где совершалось жесточайшее насилие над простым человеком» [1, с. 75]. О социально-экономическом положении курян в этой книге сказано: «Положение городских тружеников было нелегким. Голод и холод были их вечными спутниками» [1, с. 103]. Однако при этом никаких конкретных данных, подтверждающих эти оценочные суждения, не приводится. Справедливости ради стоит отметить, что нам тоже не удалось обнаружить в архивах массовых источников, содержащих статистические сведения о жизненном уровне мещан г. Курска.

Сословной группе мещан в книге «Курск. Очерки истории города» дано следующее определение: в неё «вошли в 1775 году те, кто не имел достаточного капитала для записи в купечество: мелкие торговцы, ремесленники, наемные работные люди.

Мещане не освобождались от телесных наказаний по суду, облагались подушной податью и были связаны между собой круговой порукой в отношении уплаты податей. Подавляющая масса их относилась к трудящимся слоям городского населения» [1, с. 49]. Принципиально важно добавить в контексте рассматриваемого вопроса, что мещане несли ещё и рекрутскую повинность, т. к. именно с ней связано наличие источников, необходимых для изучения поставленной проблемы.

Методология

Для достижения цели и задач исследования были применены базовые принципы исторической науки. Соблюдение принципа историзма позволило дать объективную оценку различным показателям жизнедеятельности курских мещан на фоне происходивших в первой половине XIX в. социально-экономических процессов в Российской империи. Принцип объективности помог беспристрастно продемонстрировать специфику занятий мещанского сословия. Принцип системности в настоящей работе дал возможность представить содержание категории «уровень жизни» как совокупности взаимосвязанных элементов. Неотъемлемой частью методологического инструментария стал статистический метод, использование которого стало условием анализа антропометрических данных мещанства в заявленных хронологических и территориальных рамках.

Результаты и их обсуждение

Современная наука рекомендует использовать для оценки уровня жизни населения большое количество параметров: занятость, условия труда, жилищные условия, доходы, расходы, цены, медицинское обслуживание, образование, культура и др. [2, с. 19] Однако приоритетное значение, особенно в прошлом, имели количество и качество питания, а также уровень физических нагрузок. В частности, Б.Н. Миронов отмечает по этому поводу: «Даже самое обильное питание может оказаться неадекватным, если физические нагрузки очень велики, и наоборот, плохое питание при незначительных нагрузках может оказаться достаточным» [2, с. 77].

Имеющиеся в нашем распоряжении данные свидетельствуют, что у мещан г. Курска был целый ряд источников получения средств существования в широком смысле этого слова, включающем в том числе и то, что перечислено выше.

Едва ли не важнейшим видом деятельности и источником дохода курских мещан, обеспечивавших их существование, была торговля. По данным топографического описания И. Башилова, в конце XVIII в. в Курске насчитывалось мещан 2303 души мужского пола и 2228 душ женского, купцов – 1919 и 1690 душ соответственно. Относительно же торговых занятий в «Описании» отмечено: «Мещане же и небогатые купцы многие, отъезжая с мелочными товарами по уездам, торгуют на ярмарках и в слободах, как и в своем городе» [3, л. 149].

К 1859 г. численность курских мещан возросла до 11 631 души мужского и 12 149 душ женского пола, в то время как число купцов сократилось до 544 и 552 душ [4, с. 170–182]. По всей видимости, основная часть выбывших купцов пополнила собой мещанское сословие. Кроме того, прирост численности данной категории населения осуществлялся и за счет крестьян. В течение первой половины XIX в. роль торговли в жизни мещан ещё более возросла. В содержательном военно-статистическом описании сообщается: «**Большая часть мещан** (выделено нами. – *Авт.*) ездят по селениям для закупки сельских продуктов у местных жителей… для перепродажи приезжим купеческим приказчикам; …производят эту закупку для известных капиталистов-купцов» [5, с. 70–71]. При этом они «стараются воспользоваться нуждою сельского обывателя, дабы как можно дешевле купить у него; для сего иногда привозят они с собой… шелка, платки и прочие безделицы… иногда же употребляют непростительные хитрости, чтоб его обмерить или обвесить, водка и пиво в подобных случаях разыгрывают главные роли». Но если мещане имеют постоянных покупателей, то тогда торгуют добросовестно [5, с. 72].

Разумеется, мещане вели не только «развозную» мелкую розничную торговлю, но и торговали на многочисленных городских и сельских ярмарках. Также в городах довольно интенсивно развивалась стационарная торговля, в которой мещане наверняка участвовали наряду с купцами. И если в конце XVIII в. в Курске насчитывалось 160 лавок, харчевен и «питейных домов» [3, л. 2], то в 1862 г. в городе функционировали 16 «торговых магазинов», 545 лавок, 8 харчевен, 2 кондитерские [6, л. 3–4].

Какая-то часть мещан существовала за счет доходов от промышленного предпринимательства, в первую очередь мелкого мануфактурного. В «Журнале мануфактур и торговли» отмечается, что «купечество и мещане упражняются наиболее в простых и грубых работах: салотопении, мыловарении и кожевенном деле», при этом общие масштабы данных отраслей промышленного производства были весьма существенными. Например, в 1829 г. на 34 салотопенных предприятиях было забито 42,5 тыс. голов рогатого скота, из которых вытоплено 552 тыс. пудов жира (порядка 9 000 тонн. – *Авт.*), проданного за 4 млн руб. ассигнациями, в том числе свечно-сальным и мыловаренным заведениям [7, с. 3].

В 1859 г. в Курске действовали 4 салотопенных предприятия с оборотом 600 тыс. руб. серебром, 31 кожевенное (100 тыс. руб.), 4 свечно-восковых (12 тыс. руб.), 6 свечно-сальных (21 тыс. руб.), 6 крупчатых (3 тыс. руб.), 3 маслобойных (1 тыс. руб.), 1 пивоваренное (6 тыс. руб.), 2 канатных (35 тыс. руб.), 2 медоваренных (2 тыс. руб.), 1 чугунолитейный (4 тыс. руб.), 23 кирпичных (14 тыс. руб.), 3 кафельных (5 тыс. руб.), 1 экипажное (3 тыс. руб.), 1 фортепианное (4 тыс. руб.), 3 фотографических заведения [4, с. 145–146, 149]. К сожалению, не удалось установить, какое количество перечисленных предприятий принадлежало представителям курского мещанства.

По мере роста доходов мещане могли переходить в купеческое сословие, хотя, как уже отмечалось, происходил гораздо более масштабный обратный процесс.

За первую половину XIX в. в Курске намного возросло количество ремесленников, в числе которых были и выходцы из мещанского сословия.

По данным топографического описания 1784 г., хранящегося в Российском государственном военно-историческом архиве, в Курске насчитывалось 356 ремесленников. Среди них наиболее многочисленными были сапожники (83 чел.), плотники (45), кузнецы (23), бондари (13), портные (14), «масленники» (22), «шапочники» (26), «серебряники» (17) (ювелиры. – *Авт.*) [8, с. 132–133].

В 1859 г. в городе было зарегистрировано 2044 ремесленника, в том числе 498 мастеров, 844 рабочих, 702 ученика.

Несколько позднее, по данным однодневной переписи 1865 г., в Курске насчитывалось 1 тыс. сапожников, 341 кожевник, 330 столяров и токарей, 226 булочников, 193 кузнеца, 142 «веревочника» и много других специалистов [7, с. 130, 143]. Резкое увеличение числа ремесленников объясняется тем, что, как справедливо отметила Л.А. Медведская, до переписи 1865 г. многие из них, в сущности, находились в статистическом небытии. Участник этой переписи отмечал: «2/3 мастеров занимаются ремеслами без особенного надзора и контроля» [1, с. 103].

Помимо местных, мещане занимались также и «отхожими» промыслами (т. е. были заняты профессиональной деятельностью не по месту формальной регистрации. – *Авт*.). Так, в частности, в 1861 г. городская дума выдала мещанам 1215 паспортов и 1443 «краткосрочных билета» [1, с. 104]. Подобные документы до реформы 1861 г. позволяли представителям податных сословий легально работать за пределами губернии, не опасаясь проблемных ситуаций с полицией.

Не установленная нами часть мещан имела земельные наделы, очевидно потому, что в прошлом они или их предки были крестьянами, в первую очередь государственными. Однако свои наделы сами они обрабатывали редко: современник отмечал, что они «отдают их поселянам в оброчное содержание или за половину урожая», правда, летом мещанки всё же нанимались на сельскохозяйственные работы [5, с. 53, 69].

Издавна Курск славился своими садами. По данным И. Башилова, в городе насчитывалось 125 больших садов и 95 малых, а за городом были еще и «овощные огороды», и бахчи, где вызревали «преизрядные дыни и арбузы». Куряне выращивали даже «украинские кияшки» (кукурузные початки) [8, с. 133]. Некоторые купцы и мещане выполняли заказы разводить своими прививками сады не только в своей или соседних губерниях, «но и за многие сотни верст» [5 с. 90], т. е. имели в данном виде деятельности признание, по сути, на общероссийском уровне.

По нашему мнению, мещане г. Курска в основной массе имели достаточные финансовые возможности, по крайней мере, для удовлетворительного питания. В губернии производился такой объем продовольствия, который превышал местные потребности. С другой стороны, вследствие неразвитости инфраструктуры, до строительства железных дорог имелись весьма ограниченные возможности для его вывоза за пределы губернии. По этим причинам хлеб и другие сельскохозяйственные продукты стоили на общероссийском фоне вполне умеренно и даже дешево, хотя цены на них постепенно возрастали. Так, в 1850 г. в Курске четверть ржи стоила 1,75 руб. серебром, овса – 1,87 руб., гречихи – 1,4 руб., гороха – 3,5 руб., пшеницы – 5,0 руб., пуд сала – 3,6 руб., пуд конопляного масла – 2,8 руб., пуд мёда – 4,0 руб. В то же время в малоурожайном 1861 г. «среднесложная цена» четверти ржи составила 3,1 руб. [2, с. 204] У мещан имелись возможности и для приобретения мясных продуктов. Например, откормленная овца стоила 1,75 руб., свинья – от 3,0 до 4,28 руб., одна голова крупного рогатого скота – от 4 до 10 руб., а откормленный бычок – от 11 до 15 руб. [9, с. 190–192] Кроме того, определенное количество продовольствия мещане получали от собственного приусадебного хозяйства и от сдаваемой в аренду земли.

Выше уже отмечалось, что одним из индикаторов оценки уровня жизни населения является образование. В конце XVIII в. оно находилось, можно сказать, в зачаточном состоянии. В 1783 г. «попечением» бывшего генерал-губернатора Прозоровского, курского губернатора Зубова и орловского действительного статского советника Неплюева было открыто училище, в котором преподавались «учение закона», российская грамматика, география, немецкий и французский языки, рисование, танцы, фехтование и музыка. Данное учебное заведение функциониро-

вало «иждивением обеих губерний дворян» (т. е. Курской и Орловской). Пример оказался заразительным: курский купец Иван Голиков, «положа знатную сумму, застраивает каменное училище подле дому своего для купеческого и мещанского юношества, которое, сверх учения и содержания, будет его, Голикова иждивением…» [8, с. 147–148].

В 1786 г. было открыто главное народное училище, в следующем – малое народное училище [4, с. 42].

На рубеже 50–60-х годов XIX века в Курске работало уже несколько учебных заведений. Самым крупным и развитым была мужская гимназия с благородным пансионом, реальными классами, фундаментальной библиотекой, физическим кабинетом и лабораторией естественных наук. Она была основана еще в 1808 г. Кроме того, в городе функционировали: уездное училище, уездно-приходское духовное училище, 3 женских пансиона, несколько «частных первоначальных школ грамотности», «курсы приготовления народных учителей» [4, с. 145–149; 6, л. 3–4 об.]. Дети мещан и лиц других сословий могли обучаться в реальных классах гимназии, не говоря уже об училищах. В двухгодичных реальных классах достаточно подготовленные ученики должны были изучать «полный курс реальных наук». Завершившие обучение освобождались от телесных наказаний и всего за 500 руб. ассигнациями увольнялись от рекрутчины [1, с. 108].

6 декабря 1861 г. в Курске было открыто женское училище первого разряда, преобразованное уже в 1870 г. в женскую гимназию [1, с. 108].

Что касается медицинского обслуживания городских жителей, то оно было представлено 17 врачами, 2 дантистами, 6 повивальными бабками. Также действовали 5 аптек, в их числе 2 казенные и 3 частные [4, с. 148].

Приведенные нами сведения, надо признать весьма лапидарные, позволяют получить лишь поверхностное представление об условиях жизни курян, но их, безусловно, недостаточно для измерения уровня жизни населения в целом.

К счастью, в настоящее время положение исследователей рассматриваемой важной проблемы вовсе не безнадежно. Современная наука предлагает новые подходы и источники информации, предоставляющие возможности адекватно оценить совокупность параметров благосостояния населения, содержащихся в интегральном антропометрическом показателе – среднем росте людей.

В отечественной историографии одним из первопроходцев и признанным авторитетом в использовании антропометрических показателей для оценки благосостояния населения является Б.Н. Миронов. Он отмечает, что финальный («дефинитивный») рост человека «принимается в экономической науке в качестве замещающего индикатора уровня жизни, получившего в специальной литературе название биологического статуса» (биостатуса). Дефинитивный средний рост людей характеризует степень удовлетворения их базисных потребностей [2, с. 20]. В то же время, по мнению Б.Н. Миронова, жизненный уровень людей во многом привязан к годам их рождения, а не к годам измерения роста или каким-либо другим годам, поскольку именно в первый год жизни закладываются основы будущего биологического развития [2, с. 83].

К числу сторонников использования антропометрических данных в исторических исследованиях можно отнести американского историка С.Л. Хока [10, с. 28–54]. А.В. Островский, напротив, подверг точку зрения Б.Н. Миронова резкой критике [11, с. 119–140]. М. Эллман считал, что эти данные использовать все же можно, если рассматривать рост мужчины показателем благосостояния не в год его рождения (как полагал Б.Н. Миронов), а в период «пубертатного скачка» («всплеска роста») [12, с. 164]. Такую же позицию занимает и С.А. Нефедов [13, с. 78–80]. По нашему мнению, нет веских резонов отказываться от использования антропо-

метрических данных как показателя благосостояния населения. Они реально отражали динамику жизненного уровня жителей, если имелось достаточное количество таких данных [14, с. 126]. Ответы Б.Н. Миронова на критические оценки оппонентов изложены в его статье «Страсти по исторической антропометрии» [15, с. 124].

Применительно к изучаемому периоду массовые данные о росте людей содержатся в формулярных списках новобранцев в армию (рекрутов), хранящихся в архивах. В Государственном архиве Курской области эти документы отложились в фондах губернского и уездных рекрутских присутствий и казенной палаты. В ходе целенаправленного поиска нам удалось отыскать сведения о росте более чем 700 курских рекрутов из мещанского сословия г. Курска за период с 1811 по 1850 г.

Результаты обработки этих данных приводятся в таблице 1.

Таблица 1. Динамика среднего роста рекрутов-мещан г. Курска в первой половине XIX в. [16]

Table 1. The dynamics of the average growth of recruits from the bourgeoisie of Kursk in the first half of the 19th century [16]

Показатели	Годы рождения			
	1811–1820	1821–1830	1831–1840	1841–1850
Число рекрутов	62	237	155	272
Средний рост, см	166,7	165,3	164,3	165,2

Итак, самыми высокими были рекруты, родившиеся в 1811–1820 гг., если, конечно, смириться с мыслью, что небольшая численность совокупности (62 чел.) вряд ли дает достаточно точный результат. В следующем десятилетии средний рост новобранцев понизился на целых 1,4 см, а в 30-х гг. – еще на 0,2 см, но в 40-х гг., наоборот, он повысился почти на 1 см. Однако следует иметь в виду, что в течение первой половины XIX в. минимальный ростовой ценз рекрутов понижался. До 1832 г. он составлял 36 вершков (160 см), в 1845 г. – 35,5 вершков (157,8 см), в 1854 г. – 35 вершков (155,6 см), и это, на наш взгляд, необходимо учитывать при сравнении интересующего нас показателя в различные периоды. Правда, официально установленный ростовой ценз не всегда выдерживался, и поэтому минимальный рост рекрутов в 1811–1820 гг., согласно сведениям источников, равнялся 157,8, а не 160 см. Вот почему необходимо для достижения корректных сравнений исключить из подсчетов данные обо всех рекрутах ниже 157,8 см. Кроме того, следует признать, что данные за 1811–1820 гг., скорее всего, являются завышенными, тогда как показатели за последующее десятилетие близки к реальному среднему росту мужского населения, поскольку в них включены показатели, касающиеся не только среднерослых и высокорослых, но и призывников, которых следует исключать. Данные, учитывающие эти изменения в ростовом цензе рекрутов, представлены в таблице 2.

Таблица 2. Динамика среднего роста рекрутов-мещан г. Курска в первой половине XIX в. с учетом изменений ростового ценза [16]

Table 2. Dynamics of the average growth of recruits from the bourgeoisie of Kursk in the first half of the 19th century, taking into account changes in the growth qualification [16]

Показатели	Годы рождения			
	1811–1820	1821–1830	1831–1840	1841–1850
Число рекрутов	62	223	134	251
Средний рост, см	166,7	165,9	165,6	166,0

Исходя из представленных соображений и внесенных корректив, мы видим, что понижение роста в 1821–1830 гг. составило всего 0,8 см, а с учетом возможного завышения показателя за 1811–1820 гг., вероятно, никакого понижения роста не происходило вообще. В 1830-е гг. показатель понизился лишь на 0,3 см, а в 40-е годы имела место слабо выраженная тенденция к его повышению. По большому счету, в первой половине XIX в. средний рост рекрутов представлял собой стабильную величину, а значит, положение мещан г. Курска, вероятно, не ухудшилось.

Как можно оценить средний рост курских мещан в рассматриваемый период? Разумеется, к этому вопросу нельзя подходить с современными мерками. Единственно адекватным может быть только сопоставление этого показателя с аналогичными показателями, относящимися к тому же самому временному отрезку. По данным Б.Н. Миронова, средний рост мещан и цеховых России в период с 1801 по 1860 г. составлял 165,2 см [8, с. 214]. Значение среднего роста курских мещан в 1811–1850 гг., исчисленное по данным таблицы 1, составило те же 165,2 см, т. е. целиком соответствовало общероссийской норме.

Выводы

Приведенные факты и полученные результаты резко контрастируют с продемонстрированными в начале данной статьи оценками авторов книги «Курск. Очерки истории города», которые в свое время, конечно, не знали, да и не могли знать информационных потенций антропометрических данных, содержащихся в документации из фондов рекрутских присутствий и казенной палаты, хранящихся в Государственном архиве Курской области, а также других использованных нами документальных материалов.

Список литературы

1. Курск. Очерки истории города. Изд. второе, перераб. и доп. Воронеж: Центр.-Черноозем. кн. изд-во, 1968. 279 с.

2. Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М.: Новый хронограф, 2010. 911 с.

3. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. Р-30 (личный). Оп. 1. Д. 22.

4. Памятная книжка Курской губернии на 1860 год. Курск: В Тип. Курск. губ. правления, 1860. 363 с.

5. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XIII, ч. 3. Курская губерния / сост. Дуброво и Рельн. СПб.: Тип. Деп. ген. штаба, 1850. 248 с.

6. ГАКО. Ф. 1555. Оп. 5. Д. 11.

7. Журнал мануфактур и торговли. 1829. № 10. 128 с.

8. Из истории Курского края: сборник документов и материалов. Воронеж: Центр.-Черноозем. кн. изд-во, 1965. 408 с.

9. Журнал Министерства государственных имуществ. 1850. Ч. 37, № 12. 624 с.

10. Хок С.Л. Мальтус: рост населения и уровень жизни в России. 1861–1914 годы // Отечественная история. 1996. № 2. С. 28–54.

11. Островский А.В. О модернизации России в книге Б.Н. Миронова // Вопросы истории. 2010. № 10. С. 119–140.

12. Эллман М. Витте, Миронов и ошибочное использование антропологических данных // Экономическая история. Обозрение. 2005. Вып. 11. С. 159–165.

13. Нефедов С.А. О причинах демографической стагнации в России накануне отмены крепостного права // Вопросы истории. 2010. № 8. С. 78–81.

14. Рянский Л.М. Источниковедческий анализ – фундамент исторического исследования // Вопросы истории. 2011. № 5. С. 121–126.

15. Миронов Б.Н. Страсти по исторической антропометрии // Вопросы истории. 2011. № 4. С. 122–140.

16. ГАКО. Ф. 69. Оп. 1. Д. 2 (I), 11, 14, 17, 22, 25, 56, 70, 79, 95, 110, 112, 116, 136.

References

1. Kursk. Essays on the history of the city. Second edition, revised. and add. Voronezh: Tsentr.-Chernozem. kn. izd-vo, 1968. 279 p. (In Russ.)

2. Mironov B.N. The welfare of the population and the Revolution in Imperial Russia: XVIII – early XX century. Moscow: Novyi khronograf; 2010. 911 p. (In Russ.)

3. GAKO (The State Archive of the Kursk region). F. R-30 (lichnyi). Op. 1. D. 22. (In Russ.)

4. Commemorative book of Kursk province in 1860. Kursk: V Tip. Kursk. gub. pravleniya; 1860. 363 p. (In Russ.)

5. Dubrovo, Rel'n (eds.) Military statistical review of the Russian Empire. Vol. XIII, pt 3. Kursk province. St.-Petersburg: Tip. Dep. gen. Shtaba; 1850. 248 p. (In Russ.)

6. GAKO. F. 1555. Op. 5. D. 11. (In Russ.)

7. Journal of Manufactures and Trade. 1829;(10):128. (In Russ.)

8. From the history of the Kursk region. Collection of documents and materials. Voronezh: Tsentr.-Chernozem. kn. izd-vo; 1965. 408 p. (In Russ.)

9. Journal of the Ministry of State Property. 1850;37(12):624. (In Russ.)

10. Khok S.L. Malthus: population growth and standard of living in Russia. 1861-1914. *Otechestvennaya istoriya = Russian History*. 1996;(2):28-54. (In Russ.)

11. Ostrovskii A.V. About the modernization of Russia in the book by B.N. Mironov. *Voprosy istorii = History issues*. 2010;(10):119-140. (In Russ.)

12. Ellman M. Witte, Mironov and the erroneous use of anthropological data. *Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie = Economic history. Review*. 2005;(11):159-165. (In Russ.)

13. Nefedov S.A. On the causes of demographic stagnation in Russia on the eve of the abolition of serfdom. *Voprosy istorii = History issues*. 2010;(8):78-81. (In Russ.)

14. Ryanskii L.M. Source analysis is the foundation of historical research. *Voprosy istorii = History issues*. 2011;(5):121-126. (In Russ.)

15. Mironov B.N. The Passion for Historical Anthropometry. *Voprosy istorii = History issues*. 2011;(4):122-140. (In Russ.)

16. GAKO. F. 69. Op.1. D. 2 (I), 11, 14, 17, 22, 25, 56, 70, 79, 95, 110, 112, 116, 136. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Рянский Роман Леонидович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник НИИ археологии Юго-востока Руси, Курский государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: roman-ryansky@yandex.ru

Roman L. Ryansky, Doctor of Sciences (Historical), Senior Researcher at the Scientific Research Institute of Archeology of the South-East of Russia, Kursk State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: roman-ryansky@yandex.ru

Рянский Леонид Михайлович, доктор исторических наук, Курское региональное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: ryanskiy@internet.ru
ORCID: 0009-0003-2861-9446

Leonid M. Ryansky, Doctor of Sciences (Historical), Kursk Regional Branch of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments, Kursk, Russian Federation,
e-mail: ryanskiy@internet.ru,
ORCID: 0009-0003-2861-9446

Рянская Мария Леонидовна, кандидат исторических наук, учитель технологии, МБОУ «Средняя общеобразовательная школа №51», г. Курск, Российская Федерация
e-mail: RyanskayaM@yandex.ru

Maria L. Ryanskaya, Candidate of Sciences (Historical), Teacher of Technology, MBOU Secondary School No. 51, Kursk, Russian Federation,
e-mail: RyanskayaM@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(470):355.48

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-257-269

CC BY 4.0

Оборонительное сражение на юго-западных подступах к Курской области в конце сентября 1941 года: малоизвестные страницы обороны города Сумы

С.А. Никифоров[1] ✉

[1]Курский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации ул. Карла Маркса, д. 3, г. Курск 305041, Российская Федерация

✉e-mail: s.nikiforoff@rambler.ru

Резюме

Актуальность *В 2025 году исполняется 80 лет Победы в Великой Отечественной войне. В этой связи вопросы изучения различных аспектов войны приобретают особую актуальность. В статье изложены результаты исследования боевых действий, развернувшихся к западу от города Сумы 27-28 сентября 1941 года.*

Цель *статьи состоит в изучении наступательных действий XXXXVIII моторизованного корпуса, предпринятых с целью захвата города Сумы 27-28 сентября 1941 года, и организации обороны противостоявших ему частей и соединений РККА.*

Задачи *исследования: оценка сил и средств, задействованных сторонами в ходе боевых действий на подступах к Сумам; изучение направлений главного и вспомогательного ударов XXXXVIII моторизованного корпуса; анализ целей сторон и оценка достигнутых результатов.*

Методология. *Методологической основой настоящего исторического исследования стали принципы объективности и историзма. Для достижения поставленных целей проведен сравнительный анализ документов воинских частей и соединений, принимавших участие в боях на подступах к городу Сумы в сентябре 1941 года.*

Результаты *Быстрое занятие города Сумы силами XXXXVIII моторизованного корпуса оказалось невозможным. Немецкие войска столкнулись с упорным сопротивлением частей и соединений Юго-Западного фронта. Соединения корпуса понесли ощутимые потери. Наступление на Сумы было остановлено. Корпус был отведен и передислоцирован для поддержки правого фланга наступающей на Москву 2-й танковой группы.*

Выводы *Первая попытка захвата города Сумы немецко-фашистскими войсками была предпринята еще до начала Сумско-Харьковской оборонительной операции – 27-28 сентября 1941 года. Войска Юго-Западного фронта не допустили прорыва частей и соединений XXXXVIII моторизованного корпуса ни на одном участке фронта. Сражение на подступах к Сумам в конце сентября 1941 года имеет признаки самостоятельной операции оперативно-тактического уровня и заслуживает наименования Сумской оборонительной операции 1941 года.*

Ключевые слова: *Великая Отечественная война; оккупация; боевые действия; Сумы; оборонительная операция; Юго-Западный фронт.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Никифоров С.А. Оборонительное сражение на юго-западных подступах к Курской области в конце сентября 1941 года: малоизвестные страницы обороны города Сумы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 3. С. 257–269. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-257-269.

Поступила в редакцию 31.03.2025 Принята к публикации 09.05.2025 Опубликована 16.06.2025

© Никифоров С.А., 2025

The defensive battle on the southwestern approaches to the Kursk region at the end of september 1941: Little-known pages of the defense of Sumy

Sergey A. Nikiforov[1] ✉

[1]Kursk State Medical University
3 Karla Marksa Str., Kursk 305041, Russian Federation

✉e-mail: s.nikiforoff@rambler.ru

Abstract

Relevance. *2025 marks the 80th anniversary of Victory in the Great Patriotic War. In this regard, the issues of studying various aspects of the war are becoming particularly relevant. The article presents the results of a study of the fighting that unfolded west of Sumy on September 27-28, 1941.*

The purpose *of the article is to study the offensive actions of the XXXXVIII Motorized Corps, undertaken to capture Sumy on September 27-28, 1941, and to organize the defense of the Red Army units and formations opposing it.*

Objectives*: assessment of the forces and means involved by the parties during the fighting on the outskirts of Sumy; study of the directions of the main and auxiliary strikes of the XXXXVIII motorized corps; analyzing the objectives of the parties and evaluating the results achieved.*

Methodology. *The principles of objectivity and historicism have become the methodological basis of this historical research. To achieve these goals, a comparative analysis of the documents of military units and formations that took part in the battles on the outskirts of Sumy in September 1941 was carried out.*

Results. *The rapid occupation of Sumy by the XXXXVIII Motorized Corps proved impossible. German troops faced stubborn resistance from units and formations of the Southwestern Front. The hull connections suffered significant losses. The attack on Sumy was stopped. The corps was withdrawn and relocated to support the right flank of the 2nd Tank Group advancing on Moscow.*

Conclusion. *The first attempt to capture Sumy by Nazi troops was made even before the beginning of the Sumy-Kharkov defensive operation, on September 27-28, 1941. The troops of the Southwestern Front prevented the breakthrough of units and formations of the XXXXVIII Motorized Corps in any sector of the front. The battle on the outskirts of Sumy at the end of September 1941 has the characteristics of an independent operation of an operational and tactical level and deserves the name Sumy Defensive operation 1941.*

Keywords: *Great Patriotic War; occupation; military operations; Sumy; defensive operation; southwestern.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Nikiforov S.A. The defensive battle on the southwestern approaches to the Kursk region at the end of september 1941: Little-known pages of the defense of Sumy. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(3):257–269. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-257-269.

Received 31.03.2025 Accepted 05.05.2025 Published 16.06.2025

***

Введение

Сражения 1941 г. на советско-германском фронте привлекают гораздо меньшее внимание со стороны отечественных историков, нежели операции 1942–1945 гг. Именно в 1941 г. Красная армия потерпела наибольшее количество поражений в крупнейших сражениях. Горечь поражений 1941 г. сопровождалась потерей огромной по площади территории (наиболее развитой в экономическом отношении и наиболее заселенной), попаданием в плен до 1,5 млн военнослужащих. Из семи «котлов», в которых были окружены суммарно более двух миллионов красноармейцев, пять немецкие войска смогли реализовать именно в 1941 г. (Бе-

лостокско-Минский, Уманский, Киевский, Смоленский и Вяземско-Брянский).

На осень 1941 г. приходится начальный период оккупации Курской области и областного центра. Значительную роль в оккупации области сыграл XXXXVIII моторизованный (переименован 21 июня 1942 г. в танковый) корпус вермахта. Именно он осуществил операции по захвату Рыльска, Дмитриева, Фатежа и Курска.

В конце сентября 1941 г. бои развернулись непосредственно у границ Курской области. Противник подошел к пределам региона с западного и юго-западного направлений.

В отечественной историографии боевые действия в районе Сум в период с 30 сентября по конец октября 1941 г. получили наименование Сумско-Харьковской оборонительной операции (она же Харьковская оборонительная операция). Эта операция мало известна специалистам в области военной истории. Так, в Кратком историческом справочнике «Великая Отечественная война, 1941-1945. События. Люди. Документы» обороне Сум посвящены две строки. В разделе «Хроника событий. 22 июня 1941 г. – 3 сентября 1945 г.» указано: «*Сентябрь, 30. Войска Юго-Западного фронта начали оборонительные бои на харьковском и сумском направлениях против войск группы армий "Юг"*» [1, с. 51].

В семисотстраничном издании «Военная история России» упоминание о боях за г. Сумы отсутствует [2]. Нет информации об обороне на сумском направлении в Обзорном томе Всероссийской Книги памяти [3, с. 100–103]. Не нашлось места даже упоминанию боев под Сумами осенью 1941 г. в фундаментальном шеститомнике «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.», изданном в 1960-х гг. [4] Аналогичный вывод приходится сделать при анализе еще более солидного исследования – «Великая Отечественная война 1941–1945 годов» (в 12 томах) [5].

Нет упоминания о Сумско-Харьковской (Харьковской) оборонительной операции и в специализированных энциклопедиях. В восьмитомной «Советской военной энциклопедии» соответствующей информации нет [6; 7]. В энциклопедии «Великая Отечественная война», изданной в 1985 г., сведения ни о Харьковской, ни о Сумско-Харьковской оборонительной операции также не приведены. В данном издании вниманию читателя предлагается статья «Сумы», в которой, помимо прочего, указано, что население города на 1939 г. составляло 64 тыс. человек, а также приведены краткие сведения об обороне города в 1941 г. Согласно представленной информации в конце августа 1941 г. начались бои на дальних подступах к Сумам. Областной центр защищали 293-я стрелковая дивизия, сформированная в городе в преддверии боев, и Сводный отряд особого назначения Харьковского ВО, в который вошли курсанты Сумского артиллерийского училища. Из текста следует, что после упорных оборонительных боев с превосходящими силами противника и в связи с возникшей угрозой окружения советские войска оставили Сумы 10 октября 1941 г. Об участии в обороне Сум других соединений Красной армии в статье ничего не сказано [8, с. 696]. Между тем на подступах к Сумам сражались несколько советских дивизий 40-й армии, которые сыграли более значительную роль в обороне города, нежели упомянутые в статье воинские соединения.

Примечательно, что упоминание об оставлении г. Сумы отсутствует в сводках Советского информбюро [9].

Вызывает удивление отсутствие описания оборонительных боев за Сумы, происходивших в 1941 г., в сборнике документов и материалов «Сумская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945 гг.)». В издании не приведена дата начала оккупа-

ции областного центра Сумской области. В то же время дата освобождения города указана – 2 сентября 1943 г. [10] К документам, свидетельствующим о тяжелых оборонительных боях на подступах к Сумам в 1941 г., пожалуй, можно отнести лишь один документ, опубликованный в сборнике, – извлечение из наградного листа М.П. Криворотова, представленного к званию Героя Советского Союза, от 17 октября 1941 г. Данный документ свидетельствует о героизме советских танкистов, проявленном в боях за с. Штеповка 1 октября 1941 г. [10, с. 87]

Не проясняет вопрос о дате начала оккупации Сум сборник документов и материалов «Сумская область в период Великой Отечественной войны», опубликованный во второй половине 1980-х гг. В отличие от издания 1963 г., в указанном сборнике уделено большее внимание боям на подступах к Сумам. В частности, представлены: извлечение «из оперативной сводки штаба 40-й армии об оборонительных боях на сумском направлении, сосредоточении танков противника в районе Штеповки» от 28 сентября 1941 г. [11, с. 70], извлечение «из донесения начальника политотдела 21-й армии политуправлению Юго-Западного фронта о достигнутых боевых успехах в разгроме штеповской группировки противника, героизме и самоотверженности бойцов и командиров» [11, с. 70–71], документы о красноармейцах, совершивших воинские подвиги в боях к западу от г. Сумы.

Боевые действия на территории Сумской области в сентябре-октябре 1941 г. отчасти затронуты в работе А.В. Исаева «Котлы 41-го. История ВОВ, которую мы не знали». Однако освещение получили события, происходившие до наступления на Сумы, предпринятого XXXXVIII моторизованным корпусом 27–28 сентября, и действия войск после начала наступления танковой группы Гудериана на Москву (после 30 сентября) [12, с. 198–279]. Очевидно, внимание автора было сосредоточено на явных неудачах в обороне советских войск, повлекших образование «котлов», уничтожение частей и соединений Красной армии. Между тем окружения частей и соединений РККА в ходе немецкого наступления на Сумы, на которое надеялись генералы вермахта, не состоялось.

Характеризуя степень изученности проблемы, необходимо упомянуть диссертационное исследование курского историка А.Д. Немцева «Боевые действия советских войск на территории Центрального Черноземья осенью 1941 – летом 1942 гг.: По материалам Курской области». Несмотря на то, что в работе главным образом анализируются боевые действия на территории Курской области, автор уделил внимание и боям на подступах к границам региона. В диссертации содержится отдельный параграф «Обстановка на советско-германском фронте у границ Курской области к началу битвы под Москвой». А.Д. Немцев довольно подробно описывает события, произошедшие на юго-западных подступах к Курской области вплоть до 26 сентября 1941 г. Однако наступление, предпринятое силами XXXXVIII моторизованного корпуса 27–28 сентября, изложено лишь в общих чертах. По сути, автор ограничился цитатой из книги Г. Гудериана «Воспоминания солдата»[1]. Анализ хода боевых действий, развернувшихся на подступах к Сумам, в исследовании отсутствует, что, вероятно, связано с тем, что изучение вопросов, связанных с наступлением немецко-фашистских войск на г. Сумы, выходит за географические рамки исследования.

Краткая информация об оборонительной операции на харьковском и сумском направлениях представлена на портале «Память Народа». В частности, в разделе «Боевые операции» указано, что

[1] Немцев А.Д. Боевые действия советских войск на территории Центрального Черноземья осенью 1941 – летом 1942 гг.: По материалам Курской области: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2006. 432 с.

упомянутая операция проходила в период с 30.09.1941 г. по 29.10.1941 г. Приведены сведения о воинских соединениях, участвовавших в операции: Юго-Западный фронт (командующий – маршал Советского Союза С.К. Тимошенко), 6-я армия (командующий – генерал-лейтенант Р.Я. Малиновский), 21-я армия (командующие – генерал-полковник Я.Т. Черевиченко и генерал-майор В.Н. Гордов), 38-я армия (командующий – генерал-майор В.В. Цыганов), 40-я армия (командующий – генерал-майор К.П. Подлас). Относительно результата операции интернет-ресурс сообщает следующее: «*Войска фронта, ведя оборонительные бои, во второй половине октября оставили города Сумы, Белгород, Харьков и к концу октября по приказу Ставки Верховного Главнокомандования отошли на рубеж восточнее Прохоровка, Волчанск, восточнее Изюм*»[1]. Также на интернет-странице приведены схемы операции. На наш взгляд, данные схемы содержат некоторые неточности. Согласно схемам немецкий XXXXVIII моторизованный корпус не принимал участия в наступлении на Сумы, развернувшись для движения в северо-восточном на-правлении. Однако данное соединение предприняло самостоятельное наступление на Сумы за несколько дней до начала Сумско-Харьковской оборонительной операции, а в начальный период операции некоторые воинские части корпуса удерживали позиции на дальних подступах к Сумам и противостояли контратакам советских войск.

Таким образом, в научной литературе не получило должного освещения оборонительное сражение за г. Сумы, имевшее место осенью 1941 г. Немецкое наступление, предпринятое для захвата Сум в последних числах сентября 1941 г., вовсе выпало из поля зрения историков.

Целью данной статьи является изучение наступательных действий XXXXVIII моторизованного корпуса, предпринятых с целью захвата г. Сумы, и организация обороны противостоявших ему частей и соединений РККА.

В статье впервые проведен анализ боевых действий, имевших место в нескольких десятках километров к западу от г. Сумы в период, непосредственно предшествовавший началу Сумско-Харьковской оборонительной операции.

Методология

Методологической основой настоящего исторического исследования стали принципы объективности и историзма. Для достижения поставленных целей проведен сравнительный анализ документов воинских частей и соединений, принимавших участие в боях на подступах к г. Сумы в сентябре 1941 г. В качестве первичных источников использовались журналы боевых действий немецких и советских корпусов и дивизий, разведывательные и оперативные сводки, боевые приказы, распоряжения, донесения, рапорты и иные документы командования частей и соединений. В ходе проведения исследования особое внимание было уделено тщательному изучению аутентичных карт и схем, отображающих расположение и передвижение воинских частей на местности в ходе осуществления действий наступательного и оборонительного характера. При написании научной статьи был проведен анализ публикаций мемуарно-автобиографического характера, авторами которых являются участники описываемых событий.

Результаты и их обсуждение

В июне-августе 1941 г. XXXXVIII моторизованный корпус, находясь в составе 1-й танковой группы группы армий

[1] Оборонительная операция на харьковском и сумском направлениях // Информационная система «Память народа»: сайт. Москва. URL: https://pamyat-naroda.ru/ops/oboronitelnaya-operatsiya-na-kharkovskom-i-sumskom-napravleniyakh/?static_hash=bbe521ba507e32fc212cf8377d2ea484v3 (дата обращения: 01.02.2025).

«Юг», вел бои в районе Дубно, Ровно, Бердичева, Умани и Киева. Командовал корпусом опытный генерал танковых войск В. Кемпф, участвовавший в Польской кампании и отличившийся во Французской кампании. Летом 1941 г. дивизии корпуса в течение нескольких недель принимали активное участие в уничтожении окруженных в районе Умани 6-й и 12-й армий РККА. В дальнейшем части корпуса участвовали в боях за Николаев. 23 августа по приказу командующего группы армий «Юг» генерал-полковника Г. фон Рундштедта корпус был направлен для отдыха и пополнения в район Кировограда (совр. Кропивницкий). В Кировограде, разрушения в котором оказались незначительными, удалось отремонтировать технику и дать отдых личному составу [13, л. 139–140].

В начале сентября 1941 г., перед участием в операциях к востоку от Киева, в состав XXXXVIII моторизованного корпуса были переданы 9-я танковая дивизия (командир – генерал-майор А. фон Хукицки) и полк СС «Адольф Гитлер». 22 сентября 1941 г. корпус в составе 9-й танковой дивизии, 16-й моторизованной дивизии (командир – генерала пехоты Ф.-В. фон Шаппюи) и 25-й моторизованной дивизии (командир – генерал-лейтенант Э. Клёсснер) был передан в подчинение генерал-полковника Г. Гудериана, командовавшего 2-й танковой группой (в составе группы армий «Центр»). Дивизии XXXXVIII корпуса должны были усилить соединения Гудериана, нацеленные на Тулу и Москву [13, л. 139–140].

После разгрома основных сил Юго-Западного фронта Красной армии в Киевском котле немецкие войска к 20 сентября 1941 г. вышли на подступы к Сумам. В полосе советской обороны образовалась брешь шириной до ста километров. Войска Юго-Западного фронта пытались выстроить новую линию обороны и закрыть образовавшийся разрыв.

В конце сентября 1941 г. перед XXXXVIII моторизованным корпусом командованием была поставлена задача быстро захватить г. Сумы, а затем сосредоточиться в окрестностях Путивля. Из района Путивля корпус должен был наступать в северо-восточном направлении, прикрывая правый фланг наступающей на Орел и Тулу 2-й танковой группы. Корпусу была поставлена задача захватить Крупец, Рыльск и Дмитриев в первые дни октября 1941 г.

Целью захвата Сум было уничтожение остатков группировки войск Красной армии в этом районе и обеспечение правого фланга наступающей через Брянск и Орел основной танковой группировки. Операция по захвату Сум по расчетам немецкого командования должна была занять не более двух дней. Командующий 2-й танковой группой Гейнц Гудериан, очевидно, был крайне заинтересован в успешном результате операции. Он лично 27 сентября 1941 г. посетил штаб XXXXVIII моторизованного корпуса и его передовые позиции в районе г. Недригайлов [14, с. 307–308].

Наступление XXXXVIII моторизованного корпуса непосредственно предшествовало Сумско-Харьковской оборонительной операции. В ходе наступления дивизии корпуса, наносившие удары в восточном и северо-восточном сходящихся направлениях, должны были достичь города Сумы и овладеть им.

XXXXVIII моторизованный корпус под прикрытием позиций, занимаемых полком «Великая Германия», приданным корпусу (западнее Сум, на участке Терны-Николаевка), был в кратчайшие сроки развернут для наступления. 27 сентября 1941 г. соединения корпуса начали движение из района с. Ромны, где располагался штаб корпуса, в направлении на Сумы. Левый (северный) фланг наступающих дивизий прикрывал полк «Великая Германия», который участия в наступлении не принимал и занимал оборонительные позиции. Первая фаза наступа-

тельной операции прошла успешно. Однако уже 28 сентября 1941 г., буквально на следующий день, командованию корпуса и 2-й танковой группы стало очевидно, что при подготовке операции были допущены просчеты. Вместо разреженных оборонительных позиций Юго-Западного фронта, считавшегося фактически разгромленным, уже на дальних подступах к Сумам дивизии вермахта столкнулись с ожесточенным сопротивлением частей 40-й и 21-й армий Юго-Западного фронта. Выяснилось, что всего за несколько дней советскому командованию удалось восстановить фронт. 40-я армия успела занять рубеж Юрьев – Белополье – Виры, на расстоянии от 30 до 60 км к западу и северо-западу от г. Сумы. На наш взгляд, главную роль в срыве планов немецкого командования сыграла 1-я гвардейская мотострелковая Московская дивизия под командованием Героя Советского Союза полковника А.И. Лизюкова. Дивизия А.И. Лизюкова была передана в состав 40-й армии из резерва Ставки Верховного Главнокомандования в конце сентября, сразу после переформирования, и обладала высокой боеспособностью.

21 сентября 1941 г. народным комиссаром обороны СССР И.В. Сталиным и начальником Генерального штаба Красной армии маршалом Б.М. Шапошниковым был подписан приказ о переименовании 1-й Московской мотострелковой дивизии в Первую гвардейскую Московскую мотострелковую дивизию. Основанием для переименования стали *«боевые подвиги, организованность, дисциплина и примерный порядок»* в дивизии [15, л. 37].

Изучив журналы боевых действий, оперативные сводки, боевые приказы советских частей и соединений, действовавших в районе к западу от г. Сумы, мы пришли к выводу, что разведка XXXXVIII моторизованного корпуса не допустила ошибок в оценке противостоящих сил Красной армии накануне наступления. 1-я гвардейская мотострелковая дивизия 40-й армии начала развертывание под Сумами лишь 27 сентября, когда немецкое наступление уже началось.

25 сентября дивизия начала погрузку в эшелоны на железнодорожной станции Можайск. Последний эшелон с личным составом и имуществом соединения (в том числе командир дивизии и оперативная группа штаба соединения) отправился из Можайска 27 сентября в 7 часов утра. Первые составы с частями дивизии прибыли в Сумы 26 сентября. 27 и 28 сентября происходила разгрузка и сосредоточение дивизии к западу от Сум. Штаб дивизии разместился в с. Ульяновка, в 5 км к северо-западу от с. Николаевка и в 20 км к северу от с. Штеповка. 175-й мотострелковый полк занял позиции западнее Ульяновки, 6-й мотострелковый полк сосредоточился к западу от Николаевки, 13-й артиллерийский полк прикрыл Николаевку с южного направления, заняв позиции на окраине села [15, л. 7]. 5-я танковая бригада, находившаяся в подчинении А.И. Лизюкова, представляла собой резерв. Она сосредоточилась в ближайшем тылу – в лесу к северо-востоку от Николаевки (рядом с хутором Красный) [16, л. 1]. Дивизии также был придан 1042-й стрелковый полк (полк избежал окружения под Киевом в сентябре 1941 г. и находился в качестве отдельного полка в подчинении 40-й армии). 1042-й стрелковый полк занял оборону на западных и северо-западных окраинах Ульяновки. Таким образом, дивизия 27–28 сентября 1941 г. взяла под свой контроль дорогу, ведущую из Тернов на Сумы через Николаевку.

Соседями 1-й гвардейской мотострелковой дивизии на правом фланге были 227-я, 293-я (!) стрелковые дивизии и 3-й воздушно-десантный корпус 40-й армии. Оборонительные позиции этих соединений находились напротив полка «Великая Германия» и не подверг-

лись атакам противника в конце сентября 1941 г.

Слева соседями 1-й гвардейской мотострелковой дивизии были 9-я кавалерийская дивизия (командир – генерал-майор А.Ф. Бычковский) и 5-я кавалерийская дивизия (командир – полковник В.К. Баранов) 21-й армии. Обе дивизии входили в состав 2-го кавалерийского корпуса (командующий – генерал-майор П.А. Белов). Под командованием П.А. Белова также находились приданные корпусу 1-я отдельная танковая бригада (командир – полковник А.М. Хасин) и 129-я танковая бригада (командир – полковник Г.И. Копылов). Незадолго до начала немецкого наступления на Сумы соединения, подчиненные П.А. Белову, предприняли попытку наступления на с. Ромны и г. Лохвица. Наступательная операция проходила с 18 по 23 сентября 1941 г. Успеха она не принесла – части Красной армии столкнулись с соединениями XXXXVIII моторизованного корпуса вермахта, понесли серьезные потери и были вынуждены с боями отступить. Таким образом, «свежая» 1-я гвардейская мотострелковая дивизия значительно усилила оборонительные позиции РККА к западу от Сум.

16-я моторизованная дивизия, находившаяся на правом фланге наступающего XXXXVIII моторизованного корпуса, действовала довольно успешно. Уже 27 сентября 1941 г. она заняла г. Гадяч (в 80 км к юго-западу от г. Сумы). 883-й стрелковый полк 295-й стрелковой дивизии, выделенный для обороны города, был отброшен. 16-я дивизия продолжила наступление в северо-восточном направлении между рекой Псёл и её правым притоком – рекой Грунь. Наступление дивизии носило вспомогательный характер. Его главной задачей было прикрытие правого фланга главного удара, наносимого силами 25-й моторизованной дивизии, занимавшей центр, и 9-й танковой дивизии, наступавшей на левом фланге.

28 сентября 1941 г. 16-я моторизованная дивизия натолкнулась на оборонительные позиции 295-й стрелковой дивизии (командир – полковник И.Ф. Лунев). Рубежи 295-й дивизии были расположены на линии Сватки – Цепки – Броварки. Оборону дивизии поддерживала артиллерия. Оборонительную линию немцам надо было штурмовать «в лоб», возможностей для обхода не имелось (этому препятствовали реки, находившиеся на флангах, и осенняя распутица). Кроме того, советская авиация нанесла серию ударов по наступающим подразделениям дивизии. Немцы понесли существенные потери, прежде всего в вооружении и военном имуществе. 16-я моторизованная дивизия, не сумев решить задачи по прорыву фронта, но сохранив высокую боеспособность, 30 сентября была отведена в тыл и направлена в район Путивля. Потери понесли и оборонявшиеся части РККА, вынужденные с боями постепенно отходить на восток. Так, погиб начальник штаба 295-й стрелковой дивизии майор Я.С. Гниденко, был ранен командир 883-го стрелкового полка С.В. Зайцев.

25-я моторизованная дивизия также начала наступление 27 сентября. Дивизия выдвинулась из района села Липовая Долина в направлении на северо-восток. Целью удара было с. Штеповка, являвшееся важным транспортным узлом. В районе Штеповки также находился стык обороняющихся 21-й и 40-й армий Юго-Западного фронта. Слева от 25-й моторизованной дивизии наступали части 9-й танковой дивизии. Данная дивизия атаковала в двух расходящихся направлениях: вдоль дороги Недригайлов – Ольшана-Штеповка – Сумы (на восток) и на Николаевку (на северо-восток).

27 сентября 1941 г. 9-я танковая дивизия атаковала позиции 5-й кавалерийской дивизии к югу от с. Козельное и к вечеру вышла на западную окраину Козельного. Ухудшение погодных условий (участились дожди, прошёл первый сне-

гопад) тормозило продвижение частей XXXXVIII моторизованного корпуса. 28 сентября 9-я танковая дивизия, задействовав до 20 танков, сумела отбросить с занимаемых позиций части 5-й кавалерийской дивизии в районе с. Ольшана. Немецкие танки в середине дня вышли на подступы к Николаевке с юго-запада. Здесь они натолкнулись на позиции 13-го артполка. Орудия полка били прямой наводкой. Артиллеристам удалось подбить 5 немецких танков. Атака была остановлена. Более того, подразделения 1-й гвардейской мотострелковой дивизии предприняли контратаку с целью уничтожения отошедших немецких танков. Контратака была предпринята силами роты Т-34 5-й танковой бригады. В ходе контратаки пять немецких танков были подбиты [11, с. 70].

Ожесточенный характер боев за Николаевку 28 сентября 1941 г. подтверждается записями в журналах боевых действий как с советской, так и с немецкой стороны (в документах XXXXVIII моторизованного корпуса [13, л. 162] и 1-й гвардейской мотострелковой дивизии [16, л. 7]). В мемуарах советского писателя П.П. Вершигоры (в период боев на подступах к Сумам – военного корреспондента политотдела 40-й армии и командира бригады фронтовых фотокорреспондентов), лично наблюдавшего за ходом боев, отмечено: «*В районе восточнее Сум, впервые за эту войну, я увидел, как бегают немцы. Это было 28 сентября 1941 года*» [18, с. 29].

Однако нейтрализовать угрозу потери Николаевки советским танкистам не удалось. Подразделения 1-й гвардейской мотострелковой дивизии понесли потери. Один из Т-34, участвовавших в контратаке, был уничтожен вместе с экипажем.

Вечером 9-я танковая дивизия повторно атаковала Николаевку. На этот раз противник задействовал более крупные силы. Танковая атака была поддержана батальоном мотопехоты и ударами артиллерии. 6-й стрелковый полк отошёл на восточную окраину Николаевки [16, л. 7]. Немцы взяли населенный пункт под свой контроль.

9-я танковая дивизия, помимо Николаевки, предприняла атаку на Штеповку, оборону которой держали части 9-й кавалерийской дивизии. По итогам боев Штеповка также была захвачена противником 28 сентября 1941 г. Таким образом, 9-я танковая дивизия из числа соединений XXXXVIII моторизованного корпуса достигла максимального продвижения по направлению к Сумам в ходе наступления 27-28 сентября 1941 г. 9-я кавалерийская дивизия, в свою очередь, была вынуждена с боями отойти на позиции к востоку и юго-востоку от Штеповки [18, л. 1]. Встретив упорное сопротивление частей Красной армии, командование 2-й танковой группы отказалось от продолжения наступления. Подразделениям 9-й танковой дивизии XXXXVIII моторизованного корпуса было приказано прекратить наступление и отойти с передовых рубежей в тыл.

Подразделения 25-й моторизованной дивизии, наступая на Штеповку, к вечеру 27 сентября, не дойдя до этого села, натолкнулись на линию обороны, занимаемую частями 5-й кавалерийской дивизии. К юго-западу от села Васильевки завязались кровопролитные встречные бои. Немцев атаковали танки 1-й отдельной танковой бригады РККА. 28 сентября 1941 г. 25-я дивизия была вынуждена отражать контратаки кавалерии и тяжелых танков Красной армии. Успешно действовала и советская авиация. В ходе боев, развернувшихся в районе села Капустинцы, 25-я моторизованная дивизия понесла серьезные потери. Наступление XXXXVIII моторизованного корпуса и на главном направлении захлебнулось.

Когда командованию 2-й танковой группы стало понятно, что силами корпуса быстрое занятие г. Сумы невозможно, а дельнейшее наступление не только приведет к росту потерь в личном составе и технике, но и к связыванию частей

XXXXVIII моторизованного корпуса в боях к западу от Сум (это стало ясно 28 сентября), командир танковой группы Г. Гудериан отдал приказ о немедленном выводе корпуса из боев и передислокации дивизий корпуса в район Путивля для решения более важной задачи – поддержки наступления танковой группы на Москву [14, с. 308]. Уже 29 сентября 1941 г. штаб XXXXVIII моторизованного корпуса (начальник штаба – полковник В. Фрибе) прибыл в Путивль, где был оборудован передовой командный пункт корпуса. Генерал В. Кемпф был вынужден в боевом журнале отметить, что корпус «*не смог достичь намеченной цели наступления*» [13, л. 162].

30 сентября 1941 г. 9-я танковая и 16-я моторизованная дивизии передислоцировались в район Путивля. Передислокация проходила под прикрытием полка «Великая Германия», остававшегося на прежних позициях. Для сохранения новой конфигурации линии фронта, сформировавшейся в ходе наступления XXXXVIII моторизованного корпуса, и удержания занятых населенных пунктов на короткое время была выделена 25-я моторизованная дивизия. Подразделения дивизии заняли передовые позиции, оставленные 9-й танковой и 16-й моторизованной дивизиями, отправленными в Путивль. Планировалось, что части 25-й моторизованной дивизии быстро сменят пехотные соединения XXXIV армейского корпуса. Дивизия получила приказ после ротации вслед за другими соединениями корпуса проследовать в Путивль. Однако сделать это вовремя не удалось. Прибытие частей XXXIV корпуса задерживалось.

Между тем соединения РККА, прикрывавшие Сумы, ожидали продолжения немецкого наступления после короткой перегруппировки. Командование 1-й гвардейской мотострелковой дивизии 40-й армии РККА, считая, что 9-я танковая дивизия вермахта нанесет удар на Ульяновку, в течение ночи и первой половины дня 29 сентября подтягивало резервы и проводило перегруппировку – перед 175-м мотострелковым полком была поставлена задача не допустить дальнейшего продвижения немцев, 6-й мотострелковый полк должен был вернуть под свой контроль Николаевку [17, л. 1].

Однако немцы отказались от продолжения наступления на Сумы силами XXXXVIII моторизованного корпуса, задействовав соединения корпуса для поддержки наступления на Москву.

Выводы

Таким образом, первая попытка захвата г. Сумы немецко-фашистскими войсками была предпринята еще до начала Сумско-Харьковской оборонительной операции. Воинские части РККА в ходе немецкого наступления на Сумы, предпринятого 27–28 сентября 1941 г., не допустили прорыва частей и соединений XXXXVIII моторизованного корпуса 2-й танковой группы ни на одном участке фронта. Замысел быстрого и мощного удара из районов Недригайлова и Липовой Долины на Сумы не был реализован.

Командование 2-й танковой группы считало, что оставшиеся в составе Юго-Западного фронта соединения не способны оказать серьезного сопротивления частям XXXXVIII моторизованного корпуса. Планировалось, что за два дня 9-я танковая, 16-я и 25-я моторизованные дивизии, фактически без боев, преодолеют 50–60 км и займут Сумы. После этого немцам открывался путь в южные и юго-западные районы Курской области. Дорогу немецким танкам и мотопехоте преградили в основном стрелковые и кавалерийские соединения Красной армии. В их числе: 1-я гвардейская мотострелковая дивизия с приданным ей 1042-м стрелковым полком, 9-я, 5-я кавалерийские дивизии 2-го кавалерийского корпуса и 295-я стрелковая дивизия Юго-Западного фронта. Оборона была усилена танковыми соединениями (1-я отдельная танковая бригада, 5-я танковая и 129-я танковая бри-

гады). Позиции танкистов располагались позади рубежей, занятых пехотой и кавалерией (как правило, в ближайших лесных массивах). Танки использовались командованием соединений РККА в случаях возникновения непосредственных угроз прорыва линии фронта для проведения контратак.

Таким образом, каждая из противостоящих сторон в рассмотренном сражении за Сумы задействовала по несколько десятков тысяч человек – довольно крупные силы.

27–28 сентября 1941 г. шли интенсивные бои на участке фронта шириной более 70 км. За два дня частям и соединениям XXXXVIII моторизованного корпуса вермахта удалось занять несколько десятков населенных пунктов к западу от г. Сумы, в том числе довольно крупные – г. Гадяч, с. Штеповка, с. Васильевка, с. Ольшана, с. Николаевка. Тем не менее немецкая наступательная операция завершилась неудачно. Войска вермахта на момент начала Сумско-Харьковской оборонительной операции (на 1 октября 1941 г.) по-прежнему оставались на дальних подступах к Сумам.

Части Красной армии, прикрывавшие Сумы на направлении главного удара XXXXVIII моторизованного корпуса, были вынуждены отступить в восточном направлении на 20–30 км. При этом командование советских соединений не допустило окружения вверенных им частей. Дивизии и бригады РККА сохранили боеспособность и были готовы к продолжению боевых действий. 1-я гвардейская мотострелковая Московская дивизия под командованием опытных офицеров смогла не только удержать фронт, но и сохранила силы для контратаки. Соединения 2-го кавалерийского корпуса генерал-майора П.А. Белова были вынуждены отступить под давлением 16-й моторизованной и 9-й танковой дивизий вермахта, но также не допустили прорыва немцев ни в собственный тыл, ни в тылы своих соседей. Наиболее серьезные потери понесла 295-я стрелковая дивизия. 30 сентября дивизия была расформирована, 1 октября 1941 г. началось её второе формирование в составе 21-й армии. Переформирование соединения было связано не только с потерями в боях против 16-й моторизованной дивизии 27 и 28 сентября 1941 г., но и с уничтожением её основных сил в Киевском котле в сентябре того же года.

В ходе сражения за Сумы 27 и 28 сентября 1941 г. с немецкой стороны в наступлении были задействованы три дивизии XXXXVIII моторизованного корпуса, в том числе одна танковая, которые в преддверии боев получили возможность отдохнуть и отремонтировать технику. Ударным соединениям вермахта противостояли одна мотострелковая, одна стрелковая и две кавалерийские дивизии, поддерживаемые тремя танковыми бригадами и некоторыми другими частями Юго-Западного фронта.

Накануне сражения некоторые советские соединения были переброшены на значительное расстояние. Так, 1-я гвардейская мотострелковая Московская дивизия была передислоцирована в район г. Сумы из Можайска, находящегося более чем в 500 км (по прямой) от мест боев. Для транспортировки личного состава и имущества дивизии было задействовано более 20 железнодорожных эшелонов. Распоряжение о выделении резервов для обороны Сум было принято на высшем уровне – 1-я гвардейская мотострелковая дивизия была направлена в состав 40-й армии из резерва Ставки Верховного Главнокомандования.

Двухдневное сражение имело важное значение для сторон. На наш взгляд, сражение на подступах к Сумам в конце сентября 1941 г. имеет признаки самостоятельной операции оперативно-тактического уровня и заслуживает наименования Сумской оборонительной операции 1941 г. Дополнительную значимость оборонительной операции придает ее успешный характер, столь редкий для

операций советского командования в 1941 г., – Красной армии удалось сдержать врага, не дав ему не только захватить Сумы, но и не позволив ему выйти на ближние подступы к городу.

Практически сразу после окончания первой попытки вермахта захватить Сумы началось наступление немецких войск на Москву. Расстановка сил и приоритеты сторон резко изменились. Несмотря на успех, достигнутый советскими войсками при обороне города в конце сентября, долго удерживать Сумы Красная армия не имела возможности ввиду недостатка резервов и переброски наиболее боеспособных частей и соединений для защиты Москвы.

Список литературы

1. Великая Отечественная война, 1941–1945. События. Люди. Документы: Краткий ист. справочник. М.: Политиздат, 1990. 464 с.

2. Золотарев В.А., Саксонов О.В., Тюшкевич С.А. Военная история России. М.: Кучково поле, 2002. 736 с.

3. Всероссийская Книга памяти, 1941-1945: Обзорный том. М.: Воениздат, 1995. 554 с.

4. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг.: в 6-ти т. Т. 2. Отражение советским народом вероломного нападения фашистской Германии на СССР. Создание условий для коренного перелома в войне (июнь 1941 г. – ноябрь 1942 г.). М.: Воениздат, 1961. 681 с.

5. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны. М.: Кучково поле, 2012. 864 с.

6. Советская военная энциклопедия. Т. 7. Радиоконтроль – Тачанка. М.: Воениздат, 1980. 686 с.

7. Советская военная энциклопедия. Т. 8. Ташкент – Ячейка. М.: Воениздат, 1980. 687 с.

8. Великая Отечественная война 1941–1945: энцикл. М.: Сов. энцикл., 1985. 832 с.

9. От Советского информбюро. Сводки 1941–1945: в 8 кн. Кн. 1 (июнь – декабрь, 1941). М.: МИА «Россия Сегодня», 2016. 603 с.

10. Сумская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1941-1945 гг.). Харьков: Харьков. кн. изд-во, 1963. 455 с.

11. Сумская область в период Великой Отечественной войны 1941-1945. Сборник документов и материалов. Изд. 2-е, доп. Киев: Наукова думка, 1988. 443 с.

12. Исаев А.В. Котлы 41-го. История ВОВ, которую мы не знали. М.: Яуза: Эксмо, 2005. 400 с.

13. ЦАМО РФ (Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации). Ф. 500. Оп. 12475. Д. 287 (1).

14. Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск: Русич, 1999. 656 с.

15. ЦАМО РФ. Ф. 3467. Оп. 1. Д. 1.

16. ЦАМО РФ. Ф. 1044. Оп. 1. Д. 8.

17. ЦАМО РФ. Ф. 395. Оп. 9136. Д. 16.

18. Вершигора П.П. Люди с чистой совестью. Т. 1. М.: Воениздат, 1947. 408 с.

19. ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 161. Д. 177.

References

1. The Great Patriotic War, 1941-1945. Events. People. Documents: Brief history guide. Moscow: Politizdat; 1990. 464 p. (In Russ.)

2. Zolotarev V.A., Saksonov O.V., Tyushkevich S.A. The military history of Russia. Moscow: Kuchkovo pole; 2002. 736 p. (In Russ.)

3. The All-Russian Book of Memory, 1941-1945: An overview volume. Moscow: Voenizdat; 1995. 554 p. (In Russ.)

4. The History of the Great Patriotic War of the Soviet Union 1941-1945. Vol. 2. Reflection by the Soviet people of the treacherous attack of Fascist Germany on the USSR. Creating conditions for a radical turning point in the war (June 1941–November 1942). Moscow: Voenizdat; 1961. 681 p. (In Russ.)

5. The Great Patriotic War of 1941-1945. Vol. 3. Battles and battles that changed the course of the war. Moscow: Kuchkovo pole; 2012. 864 p. (In Russ.)

6. The Soviet Military Encyclopedia. Vol. 7. Radio control – Tachanka. Moscow: Voenizdat; 1980. 686 p. (In Russ.)

7. The Soviet Military Encyclopedia. Vol. 8. Tashkent – Cell. Moscow: Voenizdat; 1980. 687 p. (In Russ.)

8. The Great Patriotic War 1941-1945. Moscow: Sov. entsikl; 1985. 832 p. (In Russ.)

9. From the Soviet Information Bureau. Summaries 1941-1945. Book 1 (June – December, 1941). Moscow: MIA “Rossiya Segodnya”; 2016. 603 p. (In Russ.)

10. Sumy region during the Great Patriotic War of the Soviet Union (1941-1945). Khar'kov: Khar'kov. kn. izd-vo, 1963. 455 p. (In Russ.)

11. Sumy region during the Great Patriotic War 1941-1945 Collection of documents and materials. 2nd ed. Kiev: Naukova dumka; 1988. 443 p. (In Russ.)

12. Isaev A.V. Boilers of the 41st. The story of the Second World War, which we did not know. Moscow: Yauza, Eksmo; 2005. 400 p. (In Russ.)

13. CAMO RF (The Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation). F. 500. Op. 12475. D. 287 (1). (In Russ.)

14. Guderian G. Memories of a soldier. Smolensk: Rusich; 1999. 656 p. (In Russ.)

15. TsAMO RF. F. 3467. Op. 1. D. 1. (In Russ.)

16. TsAMO RF. F. 1044. Op. 1. D. 8. (In Russ.)

17. TsAMO RF. F. 395. Op. 9136. D. 16. (In Russ.)

18. Vershigora P.P. People with a clear conscience. Vol. 1. Moscow: Voenizdat; 1947. 408 p. (In Russ.)

19. TsAMO RF. F. 229. Op. 161. D. 177. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Никифоров Сергей Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, Курский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: s.nikiforoff@rambler.ru,
ORCID: 0000-0003-0853-0842

Sergey A. Nikiforov, Candidate of Sciences (Historical), Associate Professor of the Department of Philosophy, Kursk State Medical University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: s.nikiforoff@rambler.ru,
ORCID: 0000-0003-0853-0842

Оригинальная статья / Original article

УДК 93/94(394)

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-270-283

(cc) BY 4.0

Аграрный вопрос как фактор политической борьбы в России в период Гражданской войны: дилемма Белого движения

А.А. Колупаев[1] ✉

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉e-mail: kolupaev79@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Настоящая статья посвящена ключевому и в то же время недостаточно исследованному историческому аспекту – анализу аграрной политики Белого движения в период Гражданской войны в России. В условиях, когда крестьянство составляло большую часть населения, аграрный вопрос определял политическую лояльность народных масс. Изучение подходов Белого движения к решению земельного вопроса позволяет понять причины его поражения и выявить стратегические просчеты, а также оценить влияние аграрной политики на социально-политические процессы в России.*

Цель. *На основе комплексного анализа исторических источников и историографических данных выявить и систематизировать основные противоречия в аграрной политике Белого движения в период Гражданской войны в России.*

Задачи*: анализ основных подходов к решению аграрного вопроса среди различных политических сил в составе Белого движения; изучение эволюции аграрной политики Белого движения на различных этапах Гражданской войны.*

Методология. *В статье для анализа эволюции аграрной политики Белого движения были использованы историографический, сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы.*

Результаты. *В ходе исследования выявлены ключевые противоречия аграрной политики Белого движения и оценено их влияние на отношения с крестьянством в период Гражданской войны. Анализ историографии показал эволюцию подходов белых правительств: от реставрационных тенденций и откладывания решения к компромиссам и, наконец, к попытке радикальной реформы. Исследование подтвердило, что неспособность белых разрешить аграрный вопрос и игнорирование интересов крестьянства стали одной из ключевых причин их поражения.*

Выводы. *Аграрная политика Белого движения, эволюционировавшая от реставрационных тенденций к попыткам реформ, характеризовалась непоследовательностью и запоздалостью. Эта неспособность разрешить аграрный вопрос, игнорирование интересов крестьянства и, как следствие, неспособность заручиться его поддержкой, явились одной из ключевых причин поражения Белого движения в Гражданской войне. Данный исторический опыт подчеркивает исключительную важность учета аграрного вопроса для любой политической силы, стремящейся к успеху в России.*

Ключевые слова: *аграрный вопрос; Белое движение; Гражданская война; крестьянство; реформы; землевладение; собственность.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Колупаев А.А. Аграрный вопрос как фактор политической борьбы в России в период Гражданской войны: дилемма Белого движения // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 3. С. 270–283. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-270-283.

Поступила в редакцию 21.04.2025 Принята к публикации 26.05.2025 Опубликована 16.06.2025

© Колупаев А.А., 2025

The agrarian question as a factor of political struggle in Russia during the Civil war: The dilemma of the White movement

Andrei A. Kolupaev[1]✉

[1]Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: kolupaev79@mail.ru

Abstract

Relevance. *This article is devoted to a key and at the same time insufficiently studied historical aspect - the analysis of the agrarian policy of the White movement during the Civil War in Russia. In conditions when the peasantry constituted the majority of the population, the agrarian question determined the political loyalty of the masses. Studying the approaches of the White movement to solving the land issue allows us to understand the reasons for its defeat and identify strategic miscalculations, as well as assess the impact of agrarian policy on socio-political processes in Russia.*

Purpose. *Based on a comprehensive analysis of historical sources and historiographic data, is to identify and systematize the main contradictions in the agrarian policy of the White movement during the Civil War in Russia.*

Objectives*: analysis of the main approaches to solving the agrarian question among various political forces within the White movement; study of the evolution of the agrarian policy of the White movement at various stages of the Civil War.*

Methodology. *In the article, historiographic, comparative-historical and problem-chronological methods were used to analyze the evolution of the White movement's agrarian policy.*

Results. *The study identified key contradictions in the White movement's agrarian policy and assessed their impact on relations with the peasantry during the Civil War. The analysis of historiography showed the evolution of the approaches of the White governments: from restoration tendencies and postponing decisions to compromises and, finally, to an attempt at radical reform. The study confirmed that the inability of the Whites to resolve the agrarian issue and ignoring the interests of the peasantry became one of the key reasons for their defeat.*

Conclusions. *The conducted research revealed that the agrarian policy of the White movement, evolving from restoration tendencies to attempts at reform, was characterized by inconsistency and belatedness. This inability to resolve the agrarian question, ignoring the interests of the peasantry and, as a result, the inability to enlist its support, were one of the key reasons for the defeat of the White movement in the Civil War. This historical experience emphasizes the exceptional importance of taking into account the agrarian question for any political force striving for success in Russia.*

Keywords: *agrarian question; White movement; Civil war; peasantry; reforms; land ownership; property.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Kolupaev A.A. The agrarian question as a factor of political struggle in Russia during the Civil war: The dilemma of the White movement. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(3):270–283. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-270-283.

Received 21.04.2025 Accepted 26.05.2025 Published 16.06.2025

***

Введение

Настоящая статья посвящена комплексному анализу аграрной политики Белого движения в период Гражданской войны в России – одному из наиболее значимых, но вместе с тем недостаточно изученных аспектов истории этого трагического периода. В условиях, когда подавляющее большинство населения составляло крестьянство, аграрный вопрос являлся ключевым фактором, определявшим политическую лояльность и, как следствие, исход вооруженного противостояния. В этой связи исследование подходов различных белых правительств к решению земельного вопроса, выявление

дилемм и противоречий в их политике, а также оценка влияния этих противоречий на взаимоотношения с крестьянством представляются чрезвычайно важными для понимания причин поражения Белого движения.

Методология

Методологическая база настоящего исследования призвана обеспечить всесторонний и объективный анализ аграрной политики белых правительств в период Гражданской войны, выявить ее противоречия и оценить последствия для крестьянства и исхода вооруженного противостояния. Сравнительно-исторический метод позволил провести сопоставление аграрной политики различных белых правительств и их подходов к решению земельного вопроса. С помощью проблемно-хронологического метода была рассмотрена эволюция аграрной политики Белого движения в хронологической последовательности с выделением ключевых проблем и дилемм. Метод классификации и систематизации позволил выделить и систематизировать основные направления и противоречия в аграрной политике Белого движения. Принцип историзма способствовал изучению аграрной политики белых правительств в контексте конкретной исторической обстановки, учитывая особенности Гражданской войны, социально-экономические условия, политическую борьбу и настроения населения, а принцип объективности способствовал беспристрастному анализу источников, избегая предвзятых оценок и идеологических штампов. Таким образом, настоящее исследование опирается на совокупность методологических принципов и подходов, призванных обеспечить объективность и всесторонность анализа.

Результаты и их обсуждение

В период Гражданской войны в России аграрный вопрос являлся ключевой детерминантой политической борьбы и оказал существенное влияние на лояльность широких масс населения. Крестьянство, составлявшее доминирующую часть социума, интерпретировало политические процессы сквозь призму земельных отношений. Следовательно, политические лозунги, апеллирующие к удовлетворению земельных потребностей крестьянства, обладали наибольшим мобилизационным потенциалом.

Крестьянство, движимое насущной потребностью в земле, видело в радикальном лозунге «Грабь награбленное!» не просто призыв к насилию, а легитимный путь к удовлетворению своих насущных нужд. В противоположность этому идея «Единой, Великой и Неделимой России», продвигаемая Белым движением, казалась крестьянам чем-то далеким и непрактичным, не имеющим отношения к их повседневной борьбе за выживание, и не вызывала позитивного отклика, поскольку не затрагивала их непосредственных земельных интересов [1, с. 76].

Позиция руководства Белого движения по земельному вопросу отличалась осторожностью и нерешительностью. Генералитет и офицерский корпус, осознавая остроту проблемы, тем не менее предпочитали отложить ее разрешение на неопределенный срок. Белые лидеры, такие как А.В. Колчак, А.И. Деникин, Н.Н. Юденич и П.Н. Врангель, наивно полагали, что военная победа над большевиками автоматически приведет к разрешению земельного конфликта и восстановлению дореволюционной системы [2, с. 185]. Однако, будучи преимущественно профессиональными военными, они продемонстрировали недостаточную политическую компетентность, недооценив глубокое идеологическое значение крестьянского вопроса в условиях гражданского противостояния. В результате Белое движение не смогло своевременно предложить конкретных решений по земельному вопросу, запаздывая с ними более чем на год [3, с. 56].

Перед лидерами Белого движения возникла объективная дилемма. С одной стороны, требовалось легитимизировать уже состоявшийся передел земли, чтобы избежать недовольства крестьян, участвовавших в захватах. С другой стороны, необходимо было предотвратить возмущение бывших землевладельцев, чьи права были нарушены [4, с. 27].

К началу 1919 г. в Белом движении начало формироваться понимание необходимости разработки четкой аграрной политики, способной обеспечить социальную базу и поддержку крестьянства. Внутри Всероссийского Национального центра, сформированного кадетами, вызревало осознание того, что ставка исключительно на военную силу обречена на провал. Признавая насущную необходимость социальной опоры, они начали кропотливый поиск путей завоевания доверия крестьянства, предлагая меры, которые резонировали бы с психологией крестьянина-собственника. При этом они дистанцировались от популистских методов большевиков, которые в 1917 г., играя на чаяниях народа, сумели привлечь его на свою сторону обещаниями земли и мира. А.А. Червен-Водали, один из идеологов центра, подчеркивал, что победа над большевизмом невозможна без мер, которые не только убедят население в преимуществах нового порядка, но и обеспечат ему реальные выгоды. Он предлагал создать специальные комиссии для распределения освобождающейся земли с возможностью ее выкупа крестьянами [5, с. 31].

Подчинение генерала А.И. Деникина адмиралу А.В. Колчаку фактически означало принятие его подхода к земельному вопросу: де-факто легализация пользования захваченными крестьянами землями до момента созыва Национального учредительного собрания. А.В. Колчак, с его прагматичным, но упрощенным военным мышлением, не придавал первостепенного значения разработке законодательных актов, полагая, что военный триумф автоматически аннулирует все социальные и политические разногласия, включая и земельный вопрос [1, с. 77–78].

Белое правительство, формально декларируя намерения по наделению безземельных крестьян землей, откладывало их практическую реализацию в долгий ящик, демонстрируя тем самым отсутствие стратегического видения и реальной готовности решать этот насущный вопрос. Окончательное решение земельного вопроса возлагалось на Национальное собрание [6, с. 518].

Подобная неопределенность и откладывание решения аграрного вопроса, возможно, и не вызывали острого отторжения в относительно спокойной Сибири, где проблема малоземелья и помещичьего гнета не носила столь выраженного характера, однако оказались совершенно неприемлемыми для крестьян Европейской России, особенно ее центральных и южных регионов, где этот вопрос был катализатором социальной напряженности и недовольства. Неспособность Белого движения предложить конкретное и оперативное решение аграрной проблемы явилась одним из ключевых факторов, обусловивших его поражение в Гражданской войне [1, с. 78].

Колчаковское правительство, позиционировавшее себя в качестве общероссийского, в течение более чем годичного периода своего функционирования на обширных территориях страны продемонстрировало выраженную инертность в сфере аграрной политики. Руководители Совета министров, последовательно представленные П.В. Вологодским и В.Н. Пепеляевым, очевидно, не придавали земельному ведомству приоритетного значения в государственной деятельности. Осенью 1919 г. министр земледелия Н.И. Петров в своем докладе председателю Совета министров выразил глубокое неудовлетворение неэффективностью государственной власти, резюмируя свое заключение тезисом о необходимости отставки в случае неспособности осу-

ществления властных функций. Фактически, статус министра земледелия был девальвирован до второстепенного, а решения, касающиеся его ведомства, зачастую принимались без его участия, что свидетельствовало о системной дисфункции управленческого аппарата. В частности, вопреки возражениям Петрова, Совет министров санкционировал выделение значительных финансовых средств Иркутскому губернскому земству, игнорируя аргументацию министра о нецелевом использовании выделенных ассигнований [6, с. 518].

Декларативные заявления колчаковского правительства, не имевшие практической значимости для сибирского крестьянства, не сталкивавшегося с феноменом помещичьего землевладения, оставались столь же абстрактными и для крестьянства Европейской России. В отличие от перенаселенных и испытывающих дефицит земельных ресурсов европейских регионов Сибирь, располагавшая избытком пригодных для обработки земель, не характеризовалась столь выраженным социальным напряжением, обусловленным аграрным вопросом. А.В. Колчак, по всей видимости, недооценил фундаментальные различия в аграрной структуре между указанными регионами [1, с. 79].

В телеграмме от 23 октября 1919 г., адресованной генералу А.И. Деникину, А.В. Колчак выразил опасения относительно возможной интерпретации проводимой им политики как реставрации помещичьего землевладения. Он подчеркнул необходимость законодательного закрепления за крестьянами фактически находящихся в их пользовании земельных участков, что, по его мнению, обеспечило бы лояльность крестьянского населения и предотвратило бы антиправительственные выступления. Несмотря на провозглашенные намерения, А.В. Колчак оказался неспособен имплементировать заявленные аграрные планы. Неопределенность в земельной политике его правительства не только пролонгировала решение насущных проблем, но и привела к парадоксальной ситуации, что лишь усилило отторжение и спровоцировало массовые крестьянские восстания, тем самым усугубляя и без того шаткое положение режима. Указ А.В. Колчака от 21 июня 1919 г., предписывавший конфискацию надельных земель жителей сел Тасеево и Степной Баджей, уличенных в антиправительственных выступлениях, и передачу их военнослужащим, проявившим лояльность режиму, являлся вопиющим примером репрессивной сущности колчаковской власти. Подобная практика недвусмысленно демонстрировала карательный характер его правления [6, с. 518].

Ситуация усугублялась тем, что А.В. Колчак оказался не способен осуществлять действенный контроль над казачьими атаманами, такими как Г.М. Семенов и И.П. Калмыков, чья деятельность отличалась не только крайней жестокостью, но и полным произволом, что окончательно подрывало и без того шаткий авторитет режима. Согласно признанию самого А.В. Колчака, Г.М. Семенов применял реквизиционную систему, граничащую с грабежом, а И.П. Калмыков действовал совершенно независимо. Назначенный в Красноярск генерал С.Н. Розанов прославился беспрецедентной жестокостью в подавлении крестьянских выступлений, отдавая приказы о расстрелах каждого десятого в мятежных селениях, введении системы заложничества и массовых расстрелах заложников, а также о сожжении населенных пунктов. Факты массовых убийств, пыток и сожжения деревень, зафиксированные в меморандуме чехословацкого политического руководства, свидетельствовали о систематическом нарушении прав человека со стороны колчаковского режима [1, с. 79].

Колчаковская концепция разграничения военной и гражданской власти на деле обернулась фикцией, продемонстрировав свою полную нежизнеспособ-

ность. Несмотря на провозглашаемое разделение полномочий, гражданское управление фактически нивелировалось, уступая место военным карательным акциям. А.В. Колчак, пытаясь оправдать сожжение целых волостей военной необходимостью, цинично отрицал преступный характер подобных действий, тем самым легитимизируя насилие и произвол [1, с. 79].

В 1919 г., во время Гражданской войны на Юге России, главнокомандующий ВСЮР генерал А.И. Деникин оказался перед сложнейшим аграрным вопросом – одним из самых острых противоречий эпохи. Будучи, прежде всего, военным стратегом, А.И. Деникин, вероятно, считал аграрную реформу задачей, не относящейся к его непосредственным полномочиям, предпочитая сосредоточиться на ключевом фронте – противостоянии большевикам. Нестабильная политическая ситуация на Юге, по его оценке, не позволяла осуществить кардинальные аграрные перемены, что свидетельствовало о его приоритете в сохранении боеспособности армии над решением сложных социально-экономических проблем [7, с. 22].

Письмо А.И. Деникина от 23 марта 1919 г., обращённое к Особому совещанию, демонстрирует внутреннее противоречие его аграрной политики. С одной стороны, он декларировал необходимость защиты интересов крестьян, предлагая меры для перераспределения земли и стимулирования сельского хозяйства, в том числе за счёт государственных и частных земель. Эти принципы отражали идеологию Всероссийского Национального центра, подчёркивая влияние политических сил на формирование аграрной стратегии главнокомандующего. Однако явный разрыв между декларируемыми целями и фактическими действиями, скорее всего, свидетельствовал о сложности реализации подобных планов в условиях Гражданской войны [7, с. 22].

Одновременно с декларируемой заботой о крестьянах Деникин настаивал на сохранении прав прежних землевладельцев. Это создавало непримиримое противоречие. Предлагаемый им компромисс заключался в установлении региональных норм земельного владения для прежних собственников, с последующим переходом остатков земли в руки малоземельных крестьян. Примечательно, что А.И. Деникин предлагал исключительно выкуп земли, независимо от пути перехода собственности, гарантируя новым владельцам право частной собственности. Этот подход, хотя и пытался сбалансировать интересы, вероятно, не учитывал реальные возможности и настроения крестьянства в условиях революционного передела собственности [1, с. 81].

Исключение из аграрной реформы казачьих земель, лесных угодий и участков крупных сельхозпредприятий являлось существенным ограничением предполагаемого перераспределения. Вместе с тем А.И. Деникин подчеркивал важность поддержки сельского хозяйства через модернизацию (мелиорация), агрономическую помощь, кредитование и обеспечение необходимыми средствами производства и семенами. Этот подход хотя и обещал улучшение сельскохозяйственного производства, вероятно, не смог в полной мере учесть реальные потребности крестьянства в условиях радикальных перемен и острой нехватки ресурсов. Окончательное решение земельного вопроса генерал делегировал будущим законодательным органам, представляющим волю всего русского народа [8, с. 32].

Однако, как отмечал профессор права К.Н. Соколов, участник законотворческого процесса в правительстве А.И. Деникина, приоритетом в предписаниях генерала являлось сохранение прав собственности. Соколов подчеркивал, что «юридическое восстановление» прав помещиков служило обоснованием для их последующих притязаний на компенсацию за отчуждаемые земли. На практике

это приводило к насильственному восстановлению помещичьего землевладения, вызывавшему массовое недовольство крестьянства [9, с. 281].

В реальности на территориях, контролируемых белыми войсками, происходило восстановление старых порядков и прав собственности. Помещики, следовавшие за наступающими войсками, при поддержке военных восстанавливали свои права, сводили счеты с захватчиками и осуществляли акты мести. Подобная практика, как отмечал генерал А.Г. Шкуро, вызывала недоверие и антагонизм со стороны крестьянства [10, с. 235]. Генерал М.Г. Дроздовский в своих дневниках фиксировал «зверение» нравов, пропитанных «смертельной злобой и местью» в условиях Гражданской войны [11, с. 34].

Репрессивные меры А.И. Деникина против насилия и грабежей оказались малоэффективными. Значительная часть командного состава Белой армии состояла из бывших землевладельцев, что, по сути, подрывало его собственные попытки навести порядок. П.Н. Врангель прямо признал, что действия Добровольческой армии, включавшие в себя грабежи и насилие, подорвали её авторитет [7, с. 150].

Таким образом, аграрная политика генерала А.И. Деникина представляла собой попытку найти компромисс между интересами различных социальных групп, однако в силу внутренних противоречий, отсутствия четкой нормативно-правовой базы и неспособности контролировать действия своих войск, она оказалась неэффективной. Это, в свою очередь, способствовало усилению антиденикинских настроений среди крестьянства и ослаблению позиций белого движения.

Внутренняя документация пропагандистского аппарата деникинского правительства, в частности материалы Особого совещания, представляет собой ценный источниковедческий ресурс для изучения реального положения дел в аграрном секторе. Анализ данных сводок позволяет выявить глубину противоречий и стратегических просчетов, обусловивших эрозию поддержки белого движения со стороны крестьянского населения [9, с. 122–123].

Уже в августе 1919 г. отдел пропаганды фиксировал эскалацию напряженности в отношениях между крестьянами и землевладельцами, детерминированную неопределенностью в вопросах землепользования. Парадоксальная ситуация заключалась в том, что собственники обширных земельных угодий, зачастую отсутствуя в своих поместьях, оставляли значительные площади пахотных земель невозделанными. При возвращении бывшие помещики, не прибегая к немедленному выселению новых пользователей, устанавливали обременительные арендные ставки, распространяя их действие на периоды революции и Гражданской войны [7, с. 154].

Аграрная политика А.И. Деникина, несмотря на формальные декларации, фактически сохраняла и даже усиливала зависимость крестьян от бывших землевладельцев. Нормы, установленные Особым совещанием и утверждённые А.И. Деникиным, отдавали приоритет интересам прежних собственников, а не реальным производителям. В итоге крестьяне оставались заложниками системы, обречёнными на выплаты прежним собственникам значительной части собранного урожая, фактически превращаясь в зависимых арендаторов [7, с. 155–157].

Белое правительство, оправдывая аграрную политику, провозглашало цели повышения эффективности сельского хозяйства, сохранения частной собственности и снижения социальной напряженности. Однако указанные цели оказались взаимоисключающими. Местные административные структуры нередко интерпретировали законодательные нормы в пользу помещиков, что лишь усиливало недовольство крестьянского населения [7, с. 160].

Информационные сводки за август–сентябрь 1919 г. зафиксировали массовые проявления недовольства среди крестьянства. Приказы А.И. Деникина о взимании трети урожая, волатильность арендных ставок, отсутствие предельных цен и произвол белогвардейских формирований вызывали открытое возмущение. Аграрная политика белого правительства не была ориентирована на реальное удовлетворение потребностей крестьянства, что спровоцировало массовые крестьянские восстания в тыловых районах Добровольческой армии [7, с. 37].

Лишь в начале ноября 1919 г., в ответ на нарастающие аграрные проблемы, Деникин предложил проект положения о земле. Стремясь избежать радикальных решений, он предложил компромиссный вариант, предполагающий двухлетнюю отсрочку с последующим принудительным перераспределением земли. Предлагались и нормы частного землевладения (от 150 до 400 десятин), при этом землю могли приобретать только те, кто непосредственно занят в сельском хозяйстве. Этот подход, однако, не смог вовремя и эффективно решить назревающий аграрный кризис. К этому моменту ситуация на фронтах была крайне неблагоприятной, и обсуждение земельного вопроса утратило свою актуальность [7, с. 37].

В декабре 1919 г. Деникин, осознавая критичность положения, издал радикальный указ, провозглашавший принципы единой и неделимой России, военной диктатуры и подавления любой оппозиции [7, с. 174–175]. Однако и эта попытка стабилизации ситуации оказалась несостоятельной [12].

В январе 1920 г. под давлением казачьего руководства А.И. Деникин был вынужден смягчить свою позицию и признать лозунг «Земля – крестьянам и трудовому казачеству». Однако и эти запоздалые уступки не смогли переломить сложившуюся ситуацию [7, с. 206–208].

Аграрная политика белого движения на Северо-Западе России также продемонстрировала свою неэффективность и контрпродуктивность. Приказы генерала А.П. Родзянко фактически восстанавливали дореволюционный порядок, требуя реституции земли и имущества прежним владельцам. Это вызвало массовое недовольство населения, что окончательно отвернуло его от белой власти [13, с. 288–290].

Неспособность белых правительств разрешить аграрный вопрос, их ориентация на сохранение дореволюционных социально-экономических отношений и игнорирование интересов крестьянства стали одной из ключевых причин их поражения в Гражданской войне. Недооценка значимости аграрного вопроса, являвшегося центральным для крестьянства, стала фатальной ошибкой Белого движения, предопределив его крах [13, с. 314].

В период Гражданской войны аграрный вопрос, являвшийся ключевым фактором социальной стратификации и определявший политические настроения крестьянства, составлявшего подавляющую часть населения, занял центральное место в политической повестке белых правительств. Анализ их земельной политики демонстрирует эволюцию от первоначальных реставрационных тенденций к запоздалым и непоследовательным попыткам аграрных преобразований [13, с. 290].

На начальном этапе в Северо-Западной области нормативные акты, в частности приказы №12 и №13 генерала А.П. Родзянко, фактически реституировали дореволюционные отношения в сфере землевладения. Данные акты санкционировали возвращение частным собственникам не только инвентаря и усадеб, но и прав на аренду земельных участков, обрабатываемых крестьянами. Особое значение придавалось покосным угодьям, выступавшим в качестве источника удобрений и, следовательно, инструмента установления зависимости крестьян от помещиков. Более того, введенный запрет на передел земли консервировал дореволюционную систему

надельного землевладения, что детерминировало рост социальной напряженности. Приказ № 19, устанавливавший контроль военно-гражданского управления над лесными ресурсами и вводящий плату за их использование крестьянами, включая выпас скота и сбор недревесных лесных продуктов, способствовал эскалации негативного восприятия данной политики [13, с. 290].

Следствием данной реставрационной политики стало усиление социальной напряженности. Стремление бывших землевладельцев к немедленной реституции их владений, сопровождавшееся требованиями выселения крестьян и взимания арендной платы, в том числе за периоды фактического пользования землей без оплаты, свидетельствовало об игнорировании произошедших в обществе изменений и способствовало отчуждению крестьянства от Белого движения [13, с. 288–290].

Осознание деструктивности подобного подхода привело к отмене наиболее противоречивого приказа № 13 генералом Н.Н. Юденичем, назначенным командующим Северо-Западной армией. Разработка новой земельной политики была поручена министру земледелия П.А. Богданову, который критически оценил предшествующие приказы как «вредные». Северо-Западное правительство, следуя директивам Колчака, отложило решение земельного вопроса до созыва Учредительного собрания. Земля оставалась в распоряжении крестьян, а торговля землёй временно запрещалась. Проект П.А. Богданова (18 октября 1919 г.) закрепил этот принцип, запретив как самовольный захват земли, так и возвращение к прежним правовым отношениям, оставив инвентарь и скот у фактических владельцев. Таким образом, временно приостанавливались все споры и переделы, надеясь на решение проблемы в будущем. Леса, за исключением надельных, переходили в распоряжение министерства земледелия. Однако, как и в случае с армией А.И. Деникина, данные попытки реформ оказались безрезультатными ввиду поражения армии Н.Н. Юденича в ходе наступления на Петроград [13, с. 315].

Генерал П.Н. Врангель, последний главнокомандующий Белого движения, подверг резкой критике земельную политику своих предшественников, констатируя ее неспособность мобилизовать крестьянство на сторону белых. Он считал, что отсутствие четкого и справедливого земельного решения явилось одной из причин военных неудач. П.Н. Врангель полагал необходимым кардинальное изменение подхода, предполагая передачу земли в собственность крестьянам, рассматривая крестьянина-собственника как гаранта стабильности будущего России, а крупное землевладение – как анахронизм [14, с. 32].

Для реализации данной политики была сформирована комиссия под председательством Г.В. Глинки, которой поручили разработку земельного законодательства. В мае 1920 г. П.Н. Врангель обратился к народу с призывом («воззвание к русским людям»), акцентируя борьбу за право крестьянства на землю и за самоопределение. В тот же день он издал приказ, провозгласивший лозунг «Народу – земля и воля в устроении государства». Приказ также объявил о восстановлении земств и передаче земли тем, кто её обрабатывает. Этот шаг, однако, был воспринят с осторожностью, ибо его соответствие действиям П.Н. Врангеля вызывало сомнения. Однако аналогично предыдущим попыткам реформа П.Н. Врангеля была предпринята на заключительном этапе конфликта и не смогла оказать существенного влияния на ход Гражданской войны [14, с. 66].

Таким образом, земельная политика белых правительств претерпела эволюцию от попыток реставрации дореволюционных земельных отношений, вызывавших отторжение крестьянства, к осознанию необходимости аграрной реформы, направленной на наделение крестьян землей в собственность. Тем не менее непоследовательность и запоздалость предпринятых мер, наряду с другими

факторами, не позволили белым заручиться поддержкой крестьянства и, как следствие, одержать победу в Гражданской войне. Данный исторический прецедент наглядно продемонстрировал критическую значимость аграрного вопроса и его разрешения для любой политической силы, претендующей на легитимность и успех в России.

В мае 1920 г., в период эскалации Гражданской войны в России, правительство Юга России под руководством барона П.Н. Врангеля привлекло к разработке аграрной политики А.В. Кривошеина, видного государственного деятеля, ранее занимавшего должность главноуправляющего землеустройством и земледелием в правительстве П.А. Столыпина. Данный кадровый выбор представляется закономерным, учитывая опыт и компетенции Кривошеина в сфере земельных преобразований. В сотрудничестве с Г.В. Глинкой А.В. Кривошеин стал одним из ключевых разработчиков земельной реформы Врангеля, которая базировалась на принципах и опыте столыпинских аграрных преобразований. Основной целью реформы являлось формирование прослойки экономически самостоятельных крестьян, «крепких сельских хозяев», способных стать социальной опорой государственности [14, с. 95].

По словам В.А. Оболенского, участника комиссии по земельной реформе, А.В. Кривошеин отличался глубокой и искренней любовью к России. Он осознавал глубину социально-политических трансформаций в стране и невозможность реставрации дореволюционного порядка. Тем не менее его многолетний опыт работы в бюрократическом аппарате Российской империи обусловил наличие у него определенных консервативных установок и связей. Признавая необходимость оптимизации административного аппарата, расширения прав местного самоуправления и демократизации взаимоотношений власти и населения, А.В. Кривошеин испытывал затруднения при полном отказе от традиционных методов управления [15, с. 371].

П.Н. Врангель, в свою очередь, осознавал важность психологического воздействия на крестьянское население. Он стремился нейтрализовать пропагандистский потенциал большевиков, обвинявших белых в намерении восстановить помещичье землевладение и репрессировать крестьян за его нарушение. Врангелевская реформа, как и столыпинская, стремилась к преодолению остатков феодального уклада.

25 мая 1920 г. был обнародован Приказ о земле, объявивший о передаче земель (государственных, казенных, банковских и частных) обрабатывающим их крестьянам. Сопутствующие документы разъясняли детали и цели реформы. П.Н. Врангель, считавший земельный вопрос ключевым, приурочил публикацию Приказа к началу наступления, подчеркнув его мобилизующий и политический характер. Для придания видимости законности аграрной реформе «Приказ о земле», «Правила» и «Временное положение» были обнародованы указом Правительствующего Сената, органа, имевшего скорее символическое, нежели реальное влияние. Указ, несмотря на декларацию о вечной наследственной собственности, предусматривал выкуп земли. Такой подход, по мнению разработчиков, соответствовал правовым представлениям населения и исторической траектории развития земельного законодательства, а также должен был обеспечить стабильность и экономическую устойчивость крестьянского хозяйства. Реализация реформы предполагала участие крестьян и контроль со стороны правительства. Этот документ, таким образом, стремился к перераспределению земли, но с сохранением некоторых прежних владений, при условии соответствия государственным интересам. Коммуны, сформированные советской властью, подлежали ликвидации. Усадебные земли, передаваемые крестьянам, объявлялись неприкосновенными [14, с. 56–58].

Государство сохраняло контроль над казенными лесами, в то время как частные леса находились под управлением

соответствующих ведомств. Местные жители получили право на использование древесины частных лесов для топлива и строительства [14, с. 66].

Некоторые категории земель были неприкосновенны к перераспределению: наделы, приобретенные с помощью Крестьянского банка, участки для хуторов и отрубов, земли церквей, монастырей, научных и учебных учреждений, поселений ветеранов, усадьбы, огороды и промышленные территории. Это означало, что земли, незаконно захваченные крестьянами, должны были быть возвращены прежним владельцам [14, с. 72].

Земельная реформа, ставя во главу угла укрепление частной собственности на землю, одновременно подчеркивала приоритет интересов государства. Она была направлена на закрепление связи землевладельца с землей, предоставляя ему полные права владения, пользования и распоряжения участком.

Врангелевская аграрная реформа, несмотря на схожесть с реформами Столыпина, включала в себя важную новацию – обязательные выкупные платежи. Финансовые нужды государства, прежде всего, планировалось покрыть за счет экспорта зерна. Таким образом, реформа не только преследовала аграрные цели, но и являлась инструментом решения сложных финансовых проблем [14, с. 75].

Этот приказ о земле гарантировал крестьянам полную собственность на передаваемые земли, но с обязательным выкупом. Исключение составляли недра, право на которые сохранялось за государством до решения вопроса на общероссийском уровне [1, с. 93–95].

Отсутствие жестких ограничений на размеры крестьянских наделов предоставляло местным сообществам гибкость в решении этого вопроса. Земля предлагалась в личную, а не коллективную собственность, но с отложенным на более поздний этап окончательным землеустройством [14, с. 99].

Таким образом, аграрная реформа П.Н. Врангеля представляла собой попытку модернизации аграрного сектора в условиях дестабилизации, вызванной Гражданской войной. Она была направлена на формирование слоя экономически независимых крестьян, способных стать опорой новой власти. Однако ее реализация столкнулась с многочисленными трудностями, обусловленными нестабильной политической и экономической ситуацией. Реформа являет собой показательный пример того, как в условиях острой борьбы за власть и ограниченности ресурсов предпринимаются попытки трансформации общества, опираясь на исторический опыт, но с учетом текущих реалий.

В условиях динамичной военно-политической обстановки Гражданской войны, характеризующейся перманентной сменой контроля над территориями, генерал П.Н. Врангель предпринял попытку имплементации земельной реформы на подконтрольных ему территориях. Данная реформа, не имея целью фундаментальную трансформацию аграрных отношений, преследовала, прежде всего, прагматические задачи по консолидации политической власти и формированию лояльной социальной базы.

Реформа П.Н. Врангеля предполагала передачу ключевых полномочий по земельному перераспределению уездным земельным советам. Эти советы, формируемые из зажиточных крестьян-землевладельцев, должны были учитывать специфику региональных потребностей в земле, как это задумал П.Н. Врангель. «Приказ о земле» являлся руководством для советов, определяя критерии отбора кандидатов на право владения землей [14, с. 118].

Земельная реформа требовала от претендентов строгого соответствия квалификационным критериям: российское подданство, отсутствие судимости, личный опыт сельскохозяйственного труда, агротехнические знания, опыт аренды и постоянное проживание в регионе. Дезертиры и уклонившиеся от службы были лишены права на получение земли. Приоритет отдавали тем, кто уже владел или арендовал землю, местным жителям с

собственным хозяйством и ветеранам Белой армии с семьями. Пришлому населению земля предоставлялась только после удовлетворения потребностей этих категорий. Таким образом, реформа стремилась обеспечить эффективное и справедливое распределение земли, учитывая опыт и привязанность к региону.

Важным аспектом реформы являлось установление предельных размеров землевладения. При этом фактическое владение, превышающее установленные нормативы, не подлежало принудительному отчуждению, что свидетельствует о стремлении избежать конфронтации с более состоятельными слоями крестьянства.

Врангелевская реформа отвергала концепцию всеобщего наделения землей и бесплатного распределения земельных участков. Она не предусматривала никаких гарантий обеспечения землей малоимущих слоев населения и не ставила своей целью эгалитарное землепользование. Напротив, реформа носила локальный характер, ограничиваясь упорядочением земельных отношений в пределах конкретной волости, что контрастировало с более масштабной, но зачастую нереалистичной большевистской аграрной политикой.

П.Н. Врангель позиционировал свою программу как альтернативу «советскому землеустройству», акцентируя внимание на обязательности выкупа земельных наделов в пользу государства. Выкуп предполагал полную компенсацию стоимости каждой десятины земли, вне зависимости от ее типа, посредством сдачи зерна (ржи или пшеницы) в размере пятикратного среднего урожая за последние десять лет. Выкупные платежи подлежали внесению в течение 25 лет, однако допускалась возможность досрочной оплаты.

Данная схема выкупа обнаруживает сходство с механизмом земельной реформы 1861 г. и представляет собой своеобразный синтез столыпинской реформы и реформы Александра II.

До закрепления права собственности на землю крестьяне-земледельцы фактически находились в ситуации обременения выкупными сборами. Невыполнение обязательств грозило передачей земли другим лицам. Низкая рыночная стоимость земель в тот период создавала возможность для состоятельных крестьян приобрести участки по заниженным ценам, тем самым избегая выкупных платежей.

Реформа П.Н. Врангеля предусматривала введение разверстки по сбору зерна, однако первоначальные нормы были скорректированы в сторону уменьшения, с переходом от оплаты с круговой десятины к оплате с посевной площади и снижением размера сборов. При этом часть сборов предназначалась бывшим владельцам имений, а часть – поступала непосредственно в казну [14, с. 380–381].

Не располагая собственным аппаратом для реализации реформы, П.Н. Врангель возложил ответственность за сбор и хранение зерна на волостные сельские правления под контролем начальников уездов [14, с. 75].

Оформление права собственности проходило в два этапа: первоначально выдавались выписки из решений уездных земельных советов, а после полной выплаты – документы о праве собственности на землю.

В целом земельная реформа П.Н. Врангеля представляла собой прагматичную попытку формирования социальной опоры на зажиточное крестьянство, не затрагивая при этом фундаментальных основ аграрных отношений. Она не носила характера радикальных преобразований и преследовала цели укрепления власти в условиях Гражданской войны, а не построения социально справедливого общества.

Таким образом, реформа, рассчитанная на долгосрочное воздействие, оказалась обреченной на провал из-за несоответствия исторической ситуации. Концентрация власти в Белой России существенно тормозила аграрную реформу. Откладывание решения земельного во-

проса до Учредительного собрания фактически означало отказ от конкретной программы государственного развития в аграрной стране. Противоречие между революционным переделом земли и стремлением белых режимов вернуть прежние порядки, а также игнорирование региональных особенностей аграрного вопроса значительно усугубили ситуацию.

Выводы

Проведенное исследование позволило выявить и систематизировать ключевые дилеммы и противоречия в аграрной политике Белого движения в период Гражданской войны, а также оценить их влияние на взаимоотношения с крестьянством и общий исход конфликта. Работа продемонстрировала, что неспособность Белого движения предложить последовательное и эффективное решение аграрного вопроса, обусловленная как внутренними разногласиями и противоречивыми интересами различных политических сил в составе движения, так и неверной оценкой значимости этого вопроса для крестьянства, стала одной из важнейших причин потери поддержки со стороны крестьянского населения. Эволюция аграрной политики от реставрационных тенденций до запоздалых и непоследовательных попыток реформ в сочетании с жестокостью и произволом отдельных представителей белых сил лишь усугубили ситуацию и предопределили поражение Белого движения. Полученные результаты подчеркивают непреходящую актуальность учета аграрного вопроса для любой политической силы, стремящейся к успеху и стабильности в России.

Список литературы

1. Алешкин П.Ф. Крестьянские восстания в Советской России (1918–1922 гг.): в 2 т. Т. 2. М.: Издательские решения, 2016. 479 с.

2. Допрос Колчака / под ред. и с пред. К.А. Попова. Л.: ГИЗ, 1925. 230 с.

3. Борьба за народ в Гражданской войне: крестьянский вопрос в Белом движении // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2017. № 4. С. 55–65. https://doi.org/10.17805/trudy.2017.4.9.

4. Ломкин А.В. Земельная реформа генерала П. Н. Врангеля // Белое движение на Юге России: 1917–1920: Неизвестные страницы и новые оценки / гл. ред. А.С. Кручинин. М.: Военная быль, 1997. С. 27–35.

5. Трукан Г.А. Верховный правитель России // Отечественная история. 1999. № 6. С. 27-47.

6. Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920 / под ред. акад. А.Н. Яковлева. М.: Международный фонд «Демократия», 2003. 672 с.

7. Деникин А.И. Вооруженные силы Юга России (Очерки Русской Смуты) // Белое дело: Избранные произведения : в 16 кн. Кн. 6. Поход на Москву. М.: Голос, 1996. 368 с.

8. Цветков В.Ж. Белые армии Юга России. 1917-1920 гг. М.: Посев, 2000. 253 с.

9. Соколов К.Н. Правление генерала Деникина // Белое дело: Избранные произведения: в 16 кн. Кн. 8. Кубань и Добровольческая армия. М.: Голос, 1992. 352 с.

10. Шкуро А.Г. Записки белого партизана // Белое дело: Избранные произведения: в 16 кн. Кн. 7. Добровольцы и партизаны. М.: Голос, 1996. С. 75–246.

11. Дроздовский М.Г. Дневник // Белое дело: Избранные произведения: в 16 кн. Кн. 7. Добровольцы и партизаны. М.: Голос, 1996. 368 с.

12. Кулаков В.В., Каширина Е.И. Внешняя и внутренняя политика белого режима на Юге России (1918-1920 гг.) // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 2(31). С. 56–60.

13. Горн В. Гражданская война на северо-западе России. Берлин: Гамаюн, 1923. 416 с.

14. Врангель П.Н. Записки: (Ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.) // Белое дело. Т. I. М.: Хорвест, 2003. 480 с.

15. Оболенский В.А. Крым при Врангеле // Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев: в 6 т. Т. 5 / отв. ред. С.А. Алексеев. М.: Отечество, 1991. 456 с.

References

1. Aleshkin P.F. Peasant uprisings in Soviet Russia (1918-1922). Vol. 2. Moscow: Izdatel'skie resheniya, 2016. 479 p. (In Russ.)

2. Popov K.A. (ed.) Kolchak's interrogation. Leningrad: GIZ; 1925. 230 p. (In Russ.)

3. The Struggle for the people in the Civil War: the peasant question in the White movement. *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta = Scientific Papers of the Moscow University of the Humanities*. 2017;(4):55-65. (In Russ.) https://doi.org/10.17805/ trudy.2017.4.9.

4. Lomkin A.V. General P.N. Wrangel's land reform. In: Kruchinin A.S. (ed.) The White Movement in Southern Russia: 1917-1920: Unknown Pages and New Estimates. Moscow: Voennaya byl'; 1997. P. 27-35. (In Russ.)

5. Trukan G.A. The Supreme ruler of Russia. *Otechestvennaya istoriya = Russian history*. 1999;(6):27-47. (In Russ.)

6. Yakovlev A.N. (ed.) The trial of the Kolchak ministers. May 1920. Moscow: Mezhdunarodnyi fond “Demokratiya”; 2003. 672 p. (In Russ.)

7. Denikin A.I. The Armed forces of Southern Russia (Essays on the Russian Troubles). In: The White Matter: Selected works. Book 6. The March on Moscow. Moscow: Golos; 1996. 368 p. (In Russ.)

8. Tsvetkov V.Zh. The White armies of Southern Russia. 1917-1920. Moscow: Posev; 2000. 253 p. (In Russ.)

9. Sokolov K.N. The Reign of General Denikin. In: The White Affair: Selected Works. Book 8. Kuban and the Volunteer Army. Moscow: Golos; 1992. 352 p. (In Russ.)

10. Shkuro A.G. Notes of a white partisan. In: Beloe delo: Selected works. Book 7. Volunteers and partisans. Moscow: Golos; 1996. P. 75-246. (In Russ.)

11. Drozdovskii M.G. Diary. In: Beloe delo: Selected works. Book 7. Volunteers and partisans. Moscow: Golos; 1996. 368 p. (In Russ.)

12. Kulakov V.V., Kashirina E.I. The foreign and domestic policy of the White regime in Southern Russia (1918-1920). *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii = Cultural Life of Southern Russia*. 2009;2(31):56-60. (In Russ.)

13. Gorn V. The Civil War in northwestern Russia. Berlin: Gamayun; 1923. 416 p. (In Russ.)

14. Vrangel' P.N. Notes: (November 1916 – November 1920). Vol. I. In: The white Case. Moscow: Khorvest; 2003. 480 p. (In Russ.)

15. Obolenskii V.A. Crimea under Wrangel. In: Alekseev S.A. (ed.) In: Revolution and civil war in the descriptions of the White Guards. Vol. 5. Moscow: Otechestvo; 1991. 456 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Колупаев Андрей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: kolupaev79@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-9438-3430

Andrej A. Kolupaev, Candidate of Sciences (Historical), Associate Professor of the Department of History and Socio-Cultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: kolupaev79@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9438-3430

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(351.746.1)

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-284-295

CC BY 4.0

Реформирование органов полиции Таврической губернии в русле общероссийских тенденций (1830–1870-е годы)

Р.А. Шерстнёв[1]✉

[1]Курский государственный университет
ул. Радищева, д. 33, г. Курск 305000, Российская Федерация

✉e-mail: schrus00@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Важность научного осмысления исторического опыта деятельности досоветских полицейских органов актуальна на современном этапе, когда идет трансформация не только правоохранительных органов, но и государственных и общественных институтов в целом. В этой связи изучение деятельности досоветских органов полиции может быть своевременным и востребованным. В отношении полицейских органов Таврической губернии специальных научных исследований не предпринималось.*

Целью исследования *является изучение процесса реформирования полицейских органов Таврической губернии в соответствии с законодательством Российской империи.*

Задачи: *проанализировать состояние нормативно-правовой базы в исторической ретроспективе в отношении становления органов полиции; рассмотреть проблемы, связанные с историей формирования и деятельности отечественных полицейских учреждений Таврической губернии в 1830–1870-е годы.*

Методология *исследования обусловлена поставленной целью и включает в себя принципы историзма, объективности и системности, дополнением к которым стали проблемно-хронологический и историко-генетический методы.*

Результаты. *Изучение нормативных актов и архивных документов позволило выявить типичные черты реформирования полицейских органов и особенности их становления в Таврической губернии.*

Вывод. *Анализ конкретных указов, уставов и циркуляров дал основание утверждать, что Крым, являвшийся в XIX веке частью Таврической губернии, имел сложное административно-территориальное деление, определившее специфику полицейских органов полуострова. Это справедливо для Севастополя, главного военного черноморского порта страны. Несмотря на это в Таврической губернии, как и во всей стране, действовали типовые нормативно-правовые акты в отношении органов полиции, а их реформирование осуществлялось в русле общероссийских тенденций.*

Ключевые слова*: Российская империя; Таврическая губерния; Крымский полуостров; органы полиции; законодательство.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Шерстнёв Р.А. Реформирование органов полиции Таврической губернии в русле общероссийских тенденций (1830–1870-е годы) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 3. С. 284–295. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-284-295.

Поступила в редакцию 20.03.2025 Принята к публикации 07.05.2025 Опубликована 16.06.2025

© Шерстнёв Р.А., 2025

Reforming the Tauride provincial police in line with all-Russian trends (1830-1870)

Ruslan A. Sherstnev[1]✉

[1]Kursk State University
33 Radishcheva Str., Kursk 305000, Russian Federation

✉e-mail: elena_zazolina@mail.ru

Abstract

Relevance. *The importance of scientific understanding of the historical experience of the activities of pre-Soviet police bodies is relevant at the present stage, when there is a transformation not only of law enforcement agencies, but also of state and public institutions as a whole. In this regard, the study of the activities of the pre-Soviet police bodies may be timely and in demand. In relation to the police bodies of the Tauride province, no special scientific research was undertaken.*

The purpose of the study *is to study the process of reforming the police bodies of the Tauride province in accordance with the legislation of the Russian Empire.*

Objectives: *analyze the state of the regulatory framework in a historical retrospective regarding the organization of the police; consider the problems associated with the history of the formation and activities of domestic police institutions of the Tauride province throughout the 1830-1870s.*

Methodology. *The methodological basis of the study was the historical method and principles of determinism and comprehensiveness, which ensured the study of the studied phenomena in the context of specific historical conditions of their origin and development. Special methods of historical research were used, which together contributed to the achievement of this goal.*

Results. *The study of regulations and archival documents made it possible to identify typical features of the reform of police bodies and the peculiarities of their formation in the Tauride province.*

Conclusions. *An analysis of specific decrees, charters and circulars gave reason to assert that Crimea, which was part of the Tauride province in the 19th century, had a complex administrative-territorial division that determined the specifics of the peninsula's police bodies. This is true for Sevastopol, the country's main military Black Sea port. Despite this, in the Tauride province, as well as throughout the country, there were standard regulatory legal acts in relation to the police, and their reform was carried out in line with all-Russian trends.*

Keywords: *Russian Empire; Tauride province; Crimean peninsula; police authorities; legislation.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Sherstnev R.A. Reforming the Tauride provincial police in line with all-Russian trends (1830-1870). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(3):284–295. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-284-295.

Received 20.03.2025 Accepted 07.05.2025 Published 16.06.2025

***

Введение

Самоотверженное служение Родине, верность своему долгу, беззаветная преданность, героизм сотрудников российских органов полиции имеет давнюю историю, которая в настоящее время привлекает немало исследователей. Министерство внутренних дел Российской империи, ведавшее «внутренней безопасностью государства», было создано в 1802 г., хотя государственные нормативы, регулирующие правовые основы учреждения органов полиции, появились значительно раньше. Министерство внутренних дел Российской империи с момента своего учреждения было призвано решать широкий круг вопросов экономической, социальной, политической и духовной жиз-

ни подданных. Поэтому в общероссийском масштабе существует немало изданий, так или иначе затрагивающих становление и развитие отечественных полицейских органов в разные исторические эпохи. В частности, В.В. Коровин рассмотрел документную составляющую формирования полицейских органов Курской губернии [1]. Сотрудниками различных вузов МВД подготовлены монографии на подобную тематику: А.С. Масалимовым проведено историко-правовое исследование деятельности губернской полиции [2], Т.Л. Матиенко – сыскной полиции Российской империи [3]; Н.В. Румянцев подготовил историко-правовой анализ о российской полиции в исторической ретроспективе [4]. Опубликована хрестоматия по истории полиции Крыма [5].

Таврическая губерния на всем протяжении своего существования (1802–1917 гг.) территориально состояла из двух частей: трех «материковых» уездов в Северной Таврии (Бердянского, Днепровского, Мелитопольского) и Крымского полуострова, который в административном отношении был достаточно сложно устроен. С момента вхождения Крыма в состав России в 1783 г. здесь существовало большинство уездов Таврической области, с 1802 г. – пять из восьми уездов Таврической губернии. В 1805–1864 гг. здесь действовало Николаевское и Севастопольское военное губернаторство, а Севастополь являлся главным черноморским военным портом страны. В течение XIX – начала XX в. в Крыму в разное время были учреждены самостоятельные административные единицы – градоначальства, которые территориально входили в состав Таврической губернии, но имели независимые органы управления, подчинявшиеся напрямую министру МВД [6]. В изучаемый период, помимо губернских органов управления, в Крыму действовали органы управления градоначальств: Керчь-Еникальского (учрежденного в 1821 г.) и Севастопольского (учрежденного в 1873 г.). Такое сложное административное устройство накладывало свой отпечаток на формирование полицейских органов в Крыму по российскому образцу.

Несмотря на важность и актуальность темы специальных исследований по истории досоветских полицейских учреждений, существовавших на территории Крымского полуострова, не предпринималось. Можно отметить ряд статей и небольших публикаций, вышедших в последнее время, которые освещают отдельные аспекты изучаемой темы. Ю.В. Микитюк в своей статье исследовал начальный период создания полицейских органов в Крыму и их становление в середине XIX в. [7], И.А. Пасечников [8] и В.И. Королев [9] изучили историю политической полиции Крыма и Севастополя [10]. В.В. Прохоров рассмотрел проблемы организации крымской полицейской стражи [11], Н.Д. Борщик – отдельные аспекты дореволюционной историографии [12]. Состояние полиции России как предмет научных исследований стало темой статьи, затрагивающей методологию изучаемой темы [13]. Определенный вклад внес автор настоящей статьи, подробно рассмотрев источниковую базу [14] и организацию полицейского надзора за проституцией [15].

Методология

Методологическую основу работы составили принципы исторического познания: принцип историзма, объективности научного анализа и системности, которые позволили рассмотреть процесс реформирования полицейских органов Таврической губернии в развитии, отметить его уникальность и конкретно-историческую обусловленность. Проблемно-хронологический метод позволил отразить последовательность претворения законодательных актов в жизнь; историко-генетический метод дал возможность воссоздать административное устройство новоприобретенных терри-

рий и структуру органов местного управления Таврической губернии.

Аналитическую основу исследования составили опубликованные документы из Полного собрания законов Российской империи. В частности, «Устав благочиния или Полицейский» 1782 г., «Положение о земской полиции» и «Наказ чинам и служителям земской полиции» 1837 г., «Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых» 1862 г. и проект «Временного положения о полицейских урядниках в 46-ти губерниях, по общему учреждению управляемых» 1878 г. позволили проследить эволюционные изменения в организации полицейских органов.

Нормативные документы дополняют архивные источники. В Российском государственном историческом архиве (далее – РГИА) в фонде Департамента полиции исполнительной МВД (ф. 1286) имеются важные сведения об учреждении полицейских органов в Севастопольском градоначальстве.

В Государственном архиве Республики Крым (далее – ГАРК) сохранились фонды городских и уездных полицейских управлений Таврической губернии, где собран богатейший материал о функциях и деятельности системы полицейских органов, действовавших на территории Крымского полуострова: указы и постановления центральных и местных властей, формулярные списки полицейских чиновников и рядового состава, их рапорты, отчеты и донесения, иная документация.

К сожалению, самые ранние дела в этих фондах датированы 1830-ми гг., за первую четверть XIX в. сведения почти не сохранились. Важная информация о преобразовании губернской и уездной полиции сохранилась в фонде канцелярии Таврического губернатора (ф. 26). Там же собраны статистические сведения о нижних чинах уездной и сельской полиций. Документы содержат информацию о преступлениях и правонарушениях, совершенных на территориях станов; сведения о повседневной служебной деятельности становых приставов – рапорты и донесения о проделанной работе, отчеты и разнообразные статистические сведения, собираемые полицейскими чинами по бланкам из Министерства внутренних дел. Особо ценными для данной статьи являются сохранившиеся отчеты и предложения городничих и уездных исправников Таврической губернии о реформе полицейских органов в 1860-е гг.

Результаты и их обсуждение

В Манифесте Екатерины II «О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей кубанской стороны под Российскую державу» от 8 апреля 1783 г. кратко рассматривалось административное устройство новоприобретенных территорий и учреждение органов местного управления – «присутственных мест»[1]. Согласно этому документу, присутственные места делились на три основные группы: административно-полицейские, финансово-хозяйственные и судебные. К первой группе, напрямую относящейся к теме данного исследования, можно отнести губернское правление во главе с губернатором (в Таврической области – областное правление и правитель области), приказ общественного призрения и представительные органы в уезде – земский исправник (капитан), нижний земский суд и городничий. Другими словами, в утвержденных штатах Таврической области от 8 февраля 1784 г. речь шла конкретно об органах местной администрации, ответственных за сохранение и поддержание правопорядка на территории полуострова. Этот утвержденный еще в конце XVIII в. «порядок» стал основой

[1] О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей кубанской стороны под Российскую державу: манифест от 8 апр. 1783 г. // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 1. Т. XXI, № 15708. С. 897–898.

для формирования полицейских органов Таврической губернии в изучаемый период – 1830–1870-е гг.

Вводившиеся должности городничих предусматривали создание полицейских органов прежде всего в крупных городах. И это была общероссийская традиция тех времен: «Устав благочиния или Полицейский» 1782 г. – один из самых первых нормативных актов, регулирующих деятельность правоохранительных органов в стране, предусматривал создание полицейских органов в городах [11]. По утвержденному 8 апреля 1782 г. «Уставу благочиния или Полицейскому»[1] определялось устройство полицейского аппарата в городах империи, который на рубеже XVIII–XIX вв. был введен и в Таврической области. Возглавлял полицию каждой из российских губерний обер-полицмейстер (председатель управы благочиния), у которого в подчинении находились «полицейские части» (во главе с частным приставом), а им непосредственно подчинялись квартальный надзиратель и квартальный поручик. Не удивительно, что в Крыму после его вхождения в состав Российской империи создание полицейской системы тоже началось с городских населенных пунктов.

В указе Александра I от 8 октября 1802 г.[2], провозглашавшем создание Таврической губернии, созданию органов, обеспечивающих безопасность населения и общественный порядок, уделялось особое внимание. Губернские административные органы подразделялись на две части. К первой из них были отнесены учреждения, занимавшиеся вопросами губернского или государственного управления (они получили название Таврического губернского правления). В ведении второй группы учреждений были вопросы, подлежащие гражданскому и уголовному рассмотрению (соответственно они получили названия Палат гражданского и уголовного суда).

В документе сообщалось, что «для содержания в надлежащем порядке полиции в 4-х городах: губернском Симферополе (Акмечете) и уездных Перекопе, Евпатории (Козлове) и Феодосии (Кефе), а также в городах, уездов не имеющих: Севастополе, Бахчисарае, Карасубазаре, Керчи и Ениколе назначается быть городничим. И хотя в Перекопской крепости состоит комендант, но городничий почитается там нужным для находящегося близь крепости градского населения»[3].

В 1838 г. Ялта получила статус уездного города. Сохранились сведения, что в 1840 г. «в числе тогдашней городской аристократии фигурируют следующие лица: 1) городничий, коллежский асессор Константин Бактерев, 55 л., 2) чиновник земского суда, исправник, титулярный советник Михаил Деклеиз <…> В 1843 г. исправлял должность городничего Кононов» [16, с. 25, 27].

Ялтинская городская полиция, как и другие городские полицейские управления Таврической губернии, помимо охраны правопорядка, исполняла административно-хозяйственные функции по управлению городом. Здесь вели подсчет городских жителей, составляли сметы расходов и доходов городского бюджета, осуществляли надзор за торговлей и т. д.

Для развития системы полицейских органов важным был указ от 3 июня 1837 г. «Общий наказ гражданским губернаторам». Вместе с ним были утверждены «Положение о земской полиции»[4]

[1] Устав благочиния или Полицейский: указ от 8 апр. 1782 г. // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 1. Т. XXI, № 15379. С. 461–488.

[2] О разделении Новороссийской губернии на три губернии: на Николаевскую, Екатеринославскую и Таврическую, и обустройстве там судебных мест // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 1. Т. XXVII, № 20449. С. 288–291.

[3] Там же. С. 289.

[4] Положение о земской полиции: высочайше утвержденное 3 июня 1837 г. // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 2. Т. XII, № 10305. С. 465–484.

и «Наказ чинам и служителям земской полиции». В последнем документе в разделе «Обязанности земской полиции вообще» отмечалось, что «обязанности земской полиции, как и всякого полицейского управления, разделяются на две главные части: исполнительную, к которой относится как самое исполнение, так и наблюдение за точным исполнением законов и особых повелений правительства, и судебно-полицейскую, к которой принадлежат: принятие мер для прекращения возникающих беспорядков и предупреждение возобновления оных в будущем»[1].

Согласно вышеприведенным нормативам, уезды делились на особые участки – станы, где за «благочинием» следили становые приставы. Отмечено, что должность станового пристава часто была малопривлекательной – скромное жалованье и широкий круг обязанностей, которые он должен был выполнять самостоятельно, не имея помощников. Становой пристав должен был самостоятельно вести все делопроизводство.

В отечественной историографии утвердилось мнение, что «Общий наказ гражданским губернаторам» 1837 г. и одновременно с ним принятые нормативы вполне можно считать полноценной реформой всей российской административно-полицейской системы. Эти законоположения имели цель не только «ввести правильный и удобнейший порядок» в деятельности местных администраций, но и упорядочить «устройство земской полиции» [17].

Эта реформа земской полиции вызвала далеко не однозначную общественную реакцию. С мест поступали жалобы на недобросовестную работу становых приставов и их массовые злоупотребления. Обсуждались предложения по увеличению окладов становых приставов, созданию четких инструкций по их деятельности, а также определения им в помощники квалифицированных делопроизводителей, имеющих соответствующий опыт работы.

Кадровое обеспечение органов земской полиции было большой проблемой для Таврической губернии. В своем Всеподданнейшем отчете за 1842 г. Таврический губернатор В.Я. Рославец (исполнял должность с 19.01.1843 по 22.01.1846 г. – *Авт.*) писал: «…накопление нерешенных дел в земских полициях по Таврической губернии происходит от большого числа дезертиров и беглых, которые уходят из Севастополя и расположенных в губернии войск и укрываются здесь по простоте татар и удобности горных мест. От этого члены земской полиции, занимаясь преследованием их, бывают отвлекаемы от дел, находящихся в рассмотрении судов» [18, л. 4-5 об.]. Немаловажной причиной чрезвычайно медленного делопроизводства был большой объем поступавших в производство дел. Например, в Днепровском уезде было заведено 771 дело, из которых было решено 677, т. е. «другая же причина недостаточно способных канцелярских чиновников» [18, л. 4–5 об.].

Справедливости ради следует отметить, что деятельность становых приставов в некоторых уездах вызывала нарекания и местных жителей, и региональных властей. В частности, во Всеподданнейшем отчете Таврического губернатора за 1844 г. есть сведения о том, что «самое большое накопление дел относительно других мест было в Днепровском земском суде. Ревизия этого суда и входящих в изыскание причин накопления дел… губернатор убедился, что оно произошло наиболее от обширности, многолюдности и разноплеменности жителей уезда, части же от недостатка деятельности и от нерадения двух становых приставов, которые как неблагонадежные уволены от службы»; подобная участь постигла и чиновников Феодосийского

[1] Наказ чинам и служителям земской полиции: высочайше утвержденный 3 июня 1837 г. // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 2. Т. XII, № 10306. С. 484–522.

уезда: «…в Феодосийском земском суде дела умножились по причине беспечности и нерадивости земского исправника и одного из становых приставов. Оба они уволены по этому случаю в отставку, а поступившим на их места вменено с строгую обязанность стараться об окончании дел, в чем они подают надежду» [19, л. 3–4].

Губернатор В.Я. Рославец и в своем Всеподданнейшем отчете за 1844 г. отмечал, что кадровый вопрос в Таврической губернии стоит достаточно остро, градская и земская полиции «ощущают особый недостаток в способных чиновниках, ибо Таврическая губерния в сравнении с другими необыкновенно бедна своими», а соседство с Кавказом и Грузией, «где чиновники получают значительнейшие оклады, отнимают у них и последних желающих поступить на службу». Поэтому органы правопорядка, как и остальные присутственные места Таврической губернии «наполняются обыкновенно приезжими из Малороссии бедными дворянами и разночинцами, которые так сказать на перепутье и пребывают тут недолго и приобревши некоторый навык к делам, отправляются на Кавказ, в Грузию или в другие губернии, где выгоды в несколько раз больше» [20, л. 10].

Следующий этап законодательного оформления полицейских органов начался в 1860-е гг. в русле реформ Александра II. Деятельность комиссии о губернских и уездных учреждениях с конца 1850-х гг. вызвала целую череду реформирования местных органов власти и управления, в том числе и полицейских [21]. В 1862 г. были утверждены «Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых», которые, несмотря на наличие в названии дефиниции «временные», длительное время регулировали структуру и деятельность органов полиции. Согласно тексту этого документа, предполагалось «городскую и земскую полицию соединить в один состав»[1]. На практике это означало объединение всех полицейских органов уездного уровня в уездные полицейские управления, которые возглавляли назначаемые губернатором уездные исправники.

Несмотря на Восточную (Крымскую) войну 1853–1856 гг., военные действия которой развернулись в Крыму, и иностранную оккупацию отдельных территорий полуострова в 1854–1855 гг., трансформация полицейских органов шла в русле общероссийских тенденций. Например, из истории Ялты этого периода известно следующее: «Вместе со старыми временами уходят и старые учреждения, падает городничество, упраздняется земский суд и пр. <…> последним ялтинским городничим был капитан-лейтенант Викгорст, получающий жалования в месяц (за вычетом $^1/_3$ части) 15 рублей $^1/_2$ коп., а последним земским исправником И.И. Зафиропуло, он же председатель земского суда, одним из финальных дел которого было дело об индюке между двумя домовладельцами-соседями. 5 мая 1863 г. было упразднено городничество, Викгорст был уволен от должности, а Зафиропуло из земского переименован в уездные исправники» [16, с. 32–33].

В целом «полицейская реформа» 1862 г. запустила череду преобразований в Министерстве внутренних дел Российской империи, которые так и не были завершены до 1917 г. [22] После проведения судебных реформ начала 1860-х гг. известны жалобы с мест, в том числе и из Таврической губернии, многих полицейских чинов на «сложившийся порядок» и «невозможность работы» полицейских органов [23]. В частности, должностные лица Таврической губернии в Департамент исполнительной полиции МВД сла-

[1] Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губернии, по общему учреждению управляемых: высочайше утвержденнные 25 дек. 1862 г. // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 2. Т. XXXVII, ч. 2, № 39087. С. 588–593.

ли многостраничные рапорты в рамках «отзывов местных начальств о неудобстве и недостатках как настоящего полицейского устройства вообще, так и в особенности состава низших исполнительных чинов уездной и сельской полиции» [24, л. 2].

Например, карасубазарский полицмейстер писал: «Полиция, со введением судебной реформы 1864 г. лишилась своей самостоятельности в круге своих действий». Он упоминал, что в полиции «отчетность и ответственность ее определяется общими правилами»; это обстоятельство, по его мнению, «поставило полицию в большую зависимость от разных правительственных и общественных учреждений и отняло возможность выполнять прямое свое назначение» по охране «общественного порядка, общественных интересов, безопасности и спокойствия» [24, л. 41–49]. По мнению уездного исправника Днепровского уезда Меликовского, жалованье полицейских чинов «очень скромное» – 300 руб. в год у уездного исправника по сравнению с жалованием мирового судьи 2500 руб. в год, а между тем «весь труд по исполнению прямых и главнейших полицейских обязанностей падает всею своей тяжестью на одних лишь исполнительных чиновников полиции и исправника» [24, л. 37, 39].

Эти и подобные им черновики рапортов полицмейстеров и уездных исправников сейчас хранятся в ГАРК в фонде канцелярии Таврического губернатора. Именно они являются ценным источником по истории реформирования полицейских органов Таврической губернии и сопредельных территорий в пореформенное время [25]. Несмотря на отправленные в Санкт-Петербург мнения полицейских чинов Таврической губернии, радикального изменения ситуации ждать не приходилось.

Нормативы от 9 июня 1878 г. (проект «Временного положения о полицейских урядниках в 46-ти губерниях, по общему учреждению управляемых»[1]) и от 6 августа 1880 г. («О закрытии Временной распорядительной комиссии, упразднении III Отделения Собственной его императорского величества канцелярии и об учреждении почт и телеграфов»[2]) ситуацию только усугубили. Если штат полицейских урядников был призван усилить состав уездных полицейских управлений, оказывать помощь становым приставам, то подчинение отдельного корпуса жандармов Министерству внутренних дел (т. е. попытка объединить полицию и жандармерию в одном ведомстве) с благой целью «для объединения действий всех властей» на местах, в том числе и в Таврической губернии, нередко приводила к конфликтам органов полиции и жандармерии [7].

Совершенно особым образом складывалась организация полицейских органов в Севастополе. Известно, что положения нормативных актов о земской полиции[3] были не актуальны для города военных моряков, входившего в Николаевское и Севастопольское военное губернаторство с 1805 по 1864 г. Увеличившаяся в конце 1830-х гг. численность гарнизона и городского населения в условиях почти полного отсутствия полицейского контроля создавала массу проблем не только для севастопольских властей, но и для всей Таврической губернии. Поэтому

[1] Проект Временного положения о полицейских урядниках в 46-ти губерниях, по общему учреждению управляемых: высочайше утвержденный 9 июня 1878 г. // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 2. Т. LIII, № 58610. С. 398–400.

[2] О закрытии Временной распорядительной комиссии, упразднении III Отделения Собственной его императорского величества канцелярии и об учреждении почт и телеграфов: именной указ от 6 авг. 1880 г. // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 2. Т. LV, № 61279. С. 529–530.

[3] Положение о земской полиции: высочайше утвержденное 3 июня 1837 // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 2. Т. XII, № 10305. С. 465–484.

«устройство полицейской части» в Севастополе вызывало озабоченность и центральных властей. Итогом стал штат Севастопольской городской полиции, утвержденный 29 мая 1840 г. [26, л. 4], существовавший до Восточной (Крымской) войны 1853–1856 гг.

По условиям Парижского мирного договора 1856 г. в условиях демилитаризации было упразднено Николаевское и Севастопольское военное губернаторство, Севастополь лишился статуса главного военного черноморского порта. Из архивных источников известно, что полицейская реформа 1862 г., проводившаяся в Империи [22; 23], мало затронула севастопольскую полицию. Только в 1868 г. «команда полицейских и пожарных служителей, состоявшая из воинских чинов, заменена 28 человеками вольнонаемных, с содержанием из городских доходов по 150 руб. каждому» [26, л. 64]. В дальнейшем, с отменой положений Парижского мирного договора и учреждением Севастопольского градоначальства в 1873 г., здесь было создано полицейское управление, реформирование которого продолжалось до конца 1870-х гг. [27]

Выводы

Анализ конкретных указов, касающихся становления полицейских органов Российской империи, позволил прийти к ряду выводов.

Исследование организационно-правовых основ деятельности органов полиции Таврической губернии дало возможность определить ключевые даты в истории отечественных органов внутренних дел, выявить качественные изменения в структуре полицейских учреждений, определить их штатный состав и функции. В Крыму, бывшем частью Таврической губернии, становление полицейских органов и их последовательное реформирование шло в русле общероссийского законодательства. Можно отметить, что с момента включения полуострова в состав Российской империи и на протяжении исследуемого периода, который охватывает 1830–1870-е гг., центральные власти уделяли этому региону особое внимание, связанное с наличием здесь российского военного флота. Показано, что для Севастополя некоторые значимые для российской полиции нормативы («Положение о земской полиции» 1837 г., «Временные правила об устройстве полиции…» 1862 г.) были неактуальны в связи с особым статусом города и последующим послевоенным восстановлением.

Несмотря на определенную специфику: сложность административно-территориального устройства, наличие губернских управленческих структур и органов управления градоначальств – органы полиции Таврической губернии прошли через те же эволюционные этапы, что и в других регионах Российской империи.

Список литературы

1. Коровин В.В. Региональные архивные фонды о становлении полицейской службы в Курской губернии // Вестник архивиста. 2018. № 1. С. 109–122. https://doi.org/10.28995/2073-0101-2018-1-109-122.

2. Масалимов А.С. Губернская полиция в дореволюционной России (историко-правовое исследование). Уфа: УЮИ, 2016. 102 с.

3. Матиенко Т.Л. Сыскная полиция Российской империи (1866–1917). М.: МосУ МВД РФ, 2007. 123 с.

4. Румянцев Н.В. Российская полиция: историко-правовой анализ // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 1. С. 126–129.

5. История полиции Крыма / под общ. ред. С.А. Буткевича. Краснодар: Краснодар. ун-т МВД России, 2018. 414 с.

6. Борщик Н.Д. Всеподданнейшие отчеты губернаторов и градоначальников в фондах Государственного архива Республики Крым // Библиография. Археография. Источниковедение: сборник статей и материалов. Вып. 5 / ред.-сост. А.И. Раздорский, Д.Н. Шилов. М.: Старая Басманная, 2021. С. 130–139.

7. Микитюк Ю.В. Органы полиции Таврической области (губернии) в конце XVIII – начале XIX века // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. 2019. Т. 5 (71), № 1. С. 83–92.

8. Пасечников И.А. Органы политической полиции Таврической губернии в конце 50-х – первой половине 60-х годов XIX века // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: Исторические науки. 2014. Т. 27 (66), № 1. С. 56–66.

9. Королев В.И. Действовать энергично и по закону: история политической полиции Крыма. Симферополь: АНТИКВА, 2007. 195 с.

10. Пасечников И.А. Становление и развитие органов политической полиции Севастополя в XIX веке // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: Исторические науки. 2013. Т. 26 (65), № 2. С. 125–142.

11. Прохоров В.В. Профессиональная подготовка чинов полицейской стражи Таврической губернии в начале XX в. // Научный вестник Крыма. 2019. № 1 (19). URL: https://www.nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/418/623 (дата обращения: 25.02.2025).

12. Борщик Н.Д. Изучение деятельности органов полиции Российской империи в досоветской историографии // Научный вестник Крыма. 2024. № 1. URL: https://www.nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/1085/1390 (дата обращения: 25.02.2024)

13. Лясович Т.Г., Нижник Н.С., Силкин Н.Н. Становление, эволюция и современное состояние полиции России как предмет научных исследований // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 12. С. 141–163.

14. Шерстнёв Р.А. Деятельность полиции Таврической губернии в документах Государственного архива Республики Крым // Научный вестник Крыма. 2024. № 2 (47). URL: https://www.nvk-journal.ru/index.php/NVK/issue/view/50/showToc (дата обращения: 10.01.2025).

15. Шерстнёв Р.А. Организация полицейского надзора за проституцией в Таврической губернии (начало XX века) // Via in tempore. История. Политология. 2024. № 51 (4). С. 993–1002.

16. Пятидесятилетие Ялты. 1837–1887. Исторический конспект и памятная книжка, с приложением трех последовательных фотографий. Ялта: Тип. Н.Р. Петров, 1887. 74 с.

17. Плех О.А. Административно-полицейская реформа 1837 г. в зеркале общественного мнения // Левые идеологии, движения и организации в истории. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени: сборник избранных статей участников IX Международной конференции молодых ученых и специалистов. М.: Полит. энцикл., 2019. С. 137–144.

18. ГАРК (Государственный архив Республики Крым). Ф. 26. Оп. 1. Т. 11. Д. 13167.

19. ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Т. 12. Д. 13890.

20. ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Т. 15, ч. 3. Д. 25379.

21. Тот Ю.В. Реорганизация полиции в проекте административно-полицейской реформы 1870 г. // Управленческое консультирование. 2013. № 12 (60). С. 114–120.

22. Коротенко Д.В. Реформа полиции 1862 г.: реалии Екатеринославской губернии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 2 (28), ч. 1. С. 86–91.

23. Мочалова А.А. Полицейская реформа 1862 года: проекты и способы реализации // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2017. № 2. С. 94–103.

24. ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Т. 15, ч. 3. Д. 25379.

25. Данчевская А.В. История полиции губерний Новороссии второй половины XIX – начала XX в. по материалам Полного собрания законов Российской империи // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20, № 2. С. 125–140.

26. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1286. Оп. 53. Д. 237.

27. Шерстнёв Р.А. Учреждение органов полиции в Севастопольском градоначальстве (1840–1875 гг.) // Манускрипт. 2025. Т. 18, вып. 1. URL: https://manuscript-journal.ru/article/mns20250041/fulltext (дата обращения: 20.03.2025). https://doi.org/10.30853/mns20250041.

References

1. Korovin V.V. Regional archival fonds on the establishment of police service in the Kursk gubernia. *Vestnik arhivista = Herald of an Archivist*. 2018;(1):109-122. (In Russ.) https://doi.org/10.28995/2073-0101-2018-1-109-122.

2. Masalimov A.S. Provincial police in pre-revolutionary Russia (historical and legal research). Ufa: UYuI; 2016. 102 p. (In Russ.)

3. Matienko T.L. Detective police of the Russian Empire (1866-1917). Moscow: MosU MVD RF; 2007. 123 p. (In Russ.)

4. Rumyancev N.V. Russian police: Historical and legal analysis. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2012;(1):126-129. (In Russ.)

5. Butkevich S.A. (ed.) The history of the Crimean police. Krasnodar: Krasnodar. un-t MVD Rossii; 2018. 414 p. (In Russ.)

6. Borshchik N.D. Comprehensive reports of governors and mayors in the funds of the State Archives of the Republic of Crimea. In: Razdorskij A.I., Shilov D.N. (eds.) *Bibliografiya. Arheografiya. Istochnikovedenie: sbornik statej i materialov = Bibliography. Archeography. Source studies: a collection of articles and materials.* Is. 5. Moscow: Staraya Basmannaya; 2021. P. 130-139. (In Russ.)

7. Mikityuk Yu.V. The police of the Taurida region (province) in the late XVIII – early XIX century. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki = Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical science*. 2019;5(1):83-92. (In Russ.)

8. Pasechnikov I.A. Political police bodies of the Tauride province in the late 50s - the first half of the 60s of the XIX century. *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya: Istoricheskie nauki = Scientific Notes of the Tauride National University named after V.I. Vernadsky. Historical Sciences Series*. 2014;27(1):56-66. (In Russ.)

9. Korolev V.I. Act energetically and according to the law: the history of the political police of Crimea. Simferopol': ANTIKVA; 2007; 195 p. (In Russ.)

10. Pasechnikov I.A. The formation and development of the political police of Sevastopol in the XIX century. *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya: Istoricheskie nauki = Scientific Notes of the Tauride National University named after V.I. Vernadsky. Historical Sciences Series*. 2013;26(2):125-142. (In Russ.)

11. Prohorov V.V. Professional training of the ranks of the police guard of the Tauride province at the beginning of the twentieth century. *Nauchnyj vestnik Kryma = Scientific Bulletin of Crimea.* 2019;1(19). (In Russ.) Available at: https://www.nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/418/623 (accessed 25.02.2025).

12. Borshchik N.D. The study of the activities of the police of the Russian Empire in pre-Soviet historiography. *Nauchnyj vestnik Kryma = Scientific Bulletin of Crimea*. 2024;(1). (In Russ.) Available at: https://www.nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/1085/1390 (accessed 25.02.2025).

13. Lyasovich T.G., Nizhnik N.S., Silkin N.N. The formation, evolution and current state of the Russian police as a subject of scientific research. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' = Legal science: history and modernity*. 2018;(12):141-163. (In Russ.)

14. Sherstnyov R.A. The activities of the police of the Tauride province in the documents of the State Archive of the Republic of Crimea. *Nauchnyj vestnik Kryma = Scientific Bulletin of Crimea*. 2024;2(47). (In Russ.) Available at: https://www.nvk-journal.ru/index.php/NVK/issue/view/50/showToc (accessed 10.01.2025).

15. Sherstnyov R.A. The organization of police supervision of prostitution in the Taurida province in the early 20th century. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya = Via in tempore. History and political science*. 2024;51(4):993-1002. (In Russ.).

16. Fiftieth anniversary of Yalta. 1837–1887. Historical summary and commemorative book, with three consecutive photos attached. Yalta: Tip. N.R. Petrov; 1887. 74 p. (In Russ.).

17. Plekh O.A. Administrative and police reform of 1837 in the mirror of public opinion. In: *Levye ideologii, dvizheniya i organizacii v istorii. Istoricheskie dokumenty i aktual'nye problemy arheografii, istochnikovedeniya, rossijskoj i vseobshchej istorii novogo i novejshego vremeni: sbornik izbrannykh statei uchastnikov IX Mezhdunarodnoi konferentsii molodykh uchenykh i spetsialistov = Leftist ideologies, movements and organizations in history. Historical documents and current problems of archeography, source studies, Russian and universal history of modern and contemporary times: a collection of selected articles by participants of the IX International conference of young scientists and specialists*. Moscow: Polit. entsikl.; 2019. P. 137-144. (In Russ.).

18. GARK (The State Archive of the Republic of Crimea). F. 26. Op. 1. T. 11. D. 13167. (In Russ.)

19. GARK. F. 26. Op. 1. T. 12. D. 13890. (In Russ.)

20. GARK. F. 26. Op. 1. T. 15. Ch. 3. D. 25379. (In Russ.)

21. Tot Yu.V. Police reorganization in the 1870 administrative-police reform project. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Management consulting*. 2013;12(60):114-120. (In Russ.)

22. Korotenko D.V. Police reform of 1862: realities of the Yekaterinoslav province. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Theory and Practice*. 2013;(2-1):86-91. (In Russ.)

23. Mochalova A.A. Police reform of 1862: projects and ways of implementation. *Istoriko-pravovye problemy: novyj rakurs = Historical and legal problems: a new angle*. 2017;(2):94–103. (In Russ.)

24. GARK. F. 26. Op. 1. T. 15, ch. 3. D. 25379. L. 2. (In Russ.)

25. Danchevskaya A.V. The history of the police of the provinces of Novorossiya in the second half of the XIX - early XX century based on the materials of the Complete Collection of Laws of the Russian Empire. *Izvestiya Laboratorii drevnih tekhnologij = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2024;20(2):125-140. (In Russ.)

26. RGIA (Russian State Historical Archive). F. 1286. Op. 53. D. 237. (In Russ.)

27. Sherstnyov R.A. Establishment of police bodies in the Sevastopol city government (1840-1875). *Manuscript = The manuscript.* 2025;18(1). (In Russ.) Available at: https://manuscript-journal.ru/article/mns20250041/fulltext (accessed 20.03.2025) https://doi.org/10.30853/mns20250041.

Информация об авторе / Information about the Author

Шерстнёв Руслан Алексеевич, соискатель кафедры истории России, Курский государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: schrus00@mail.ru,
ORCID: 0009-0008-2991-7054

Ruslan A. Sherstnev, Applicant for the Department of Russian History, Kursk State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: schrus00@mail.ru,
ORCID: 0009-0008-2991-7054

К сведению авторов

1. К публикации в журнале «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2. Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

- статью, оформленную в соответствии с правилами оформления статей, представляемых для публикации в журнале;
- сведения об авторах (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail);
- лицензионный договор.

3. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами.

4. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

5. **Публикация бесплатная.**

6. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MS WORD шрифтом «Times New Roman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху и снизу – 2,5 см, с правой стороны – 2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

7. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), название (полужирный), фамилия и инициалы автора(ов), места работы (полностью), почтового адреса места работы, электронного адреса, аннотация и ключевые слова, текст с рисунками и таблицами, список литературы. Авторы, название, аннотация и ключевые слова, список литературы приводятся на русском и английском языках.

Перед основным текстом печатается аннотация (200-250 слов), отражающая краткое содержание статьи. Аннотация должна быть рубрицирована (актуальность, цель, задачи, методология, результаты, выводы). Текст статьи должен иметь следующую структуру: введение, методология, результаты и их обсуждение, выводы (рекомендации).

Например:

УДК 004.9:519.8

Построение модели прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия

А.Л. Иванов[1] ✉

[1]Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: ivanov@gmail.com

Актуальность. В статье рассматривается агентная модель прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия, основанная на структуризации поведения агента и определения влияния его внутреннего представления об окружающем мире на его деятельность. ...

Ключевые слова: агентное моделирование; градообразующее предприятие; событие.

В конце статьи приводятся сведения об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество полностью, ученое звание, ученая степень, должность, организация, город, страна, e-mail.

8. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменения в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

12. **Список литературы к статье обязателен** и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы (от 15 до 25 источников). Пристатейные списки литературы оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

13. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять на официальный сайт журнала **https://hisplus.elpub.ru/jour**

Тел.(4712) 22-25-26, тел/факс (4712) 50-48-00.
E-mail: rio_kursk@mail.ru